

1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
МАКСА ЖОРДАУ

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ I.

Изданіе Б. К. ФУКСА.
КІЕВЪ.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 30-го Октября 1901 года.

КІЄВЪ.
Типографія М. М. Фиха, Б.-Васильковская. № 10.
1902.

Mit Vordan!

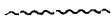
Парадоксы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Очеркъ жизни и дѣятельности Макса Нордау
будетъ данъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ вы-
пусковъ.

Оптимизмъ или пессимизмъ?

Пирамиды, висячіе сады Семирамиды, Колоссы Родосскій считаются мировыми чудесами. Я знаю большее чудо, можетъ быть, самое высокое и наиболѣе достойное удивленія изъ всѣхъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ создать человѣчeskій духъ;—это пессимизмъ. Я разумью истинный, основательный, разившійся въ міросозерцаніе пессимизмъ, который смотритъ на природу, человѣчество и жизнь, какъ будто-бы въ состояніи похмѣлья послѣ выпитыхъ двадцати четырехъ полуштофовъ.

Мы должны различать два рода честнаго пессимизма: научный и практический. Научный пессимизмъ даетъ уничтожающую критику всей совокупности явленій. Космосъ, учить онъ съ полнымъ убѣжденіемъ, есть жалкое произведеніе вродѣ неудачной первой пробы ничтожнаго кропателя. Имѣеть ли вообще его существованіе какую-нибудь цѣль? Стоишь, качая головой, передъ неуклюжей, запутанной машинной и напрасно ищешь смысла и разума въ нелѣпомъ сооруженіи. Но если уже мировое цѣлое есть неразумный хаосъ, лишенный всякаго плана, то, можетъ быть, хоть въ его отдѣльных частяхъ есть законъ и логика? Также нѣтъ. Грубый случай царствуетъ въ природѣ и въ томъ, что насъ въ ней наиболѣе интересуеетъ въ человѣческой жизни! Нравственность совсѣмъ не управляетъ ходомъ великихъ и мелкихъ событій; зло чаще торжествуетъ, чѣмъ добро; Ариманъ сбрасываетъ съ лѣстницы Ормузда и нагло смѣется, если тотъ ломаетъ себѣ при этомъ ногу. Почему-же существуетъ, почему-же продолжаетъ свое существованіе такой міръ, и развѣ не было-бы лучше и нравственнѣе, если-бы онъ былъ возвращенъ къ первоначальному небытію, изъ котораго онъ вышелъ,—что впрочемъ слѣдовало-бы еще доказать?

Какое наивное самообожаніе и тщеславіе лежатъ въ основѣ подобнаго образа мыслей! Онъ исходитъ изъ предположенія, что человѣческое сознание самый высокій продуктъ природы, что оно можетъ охватить все существующее, что такимъ образомъ ничто не можетъ существовать внѣ его, и что его законы должны быть также и законами вселенной.

Только съ этой точки зрѣнія понятна критика міра: Во всякомъ случаѣ, если природа управляется сознаніемъ, подобнымъ человѣческому, то она глупа и достойна порицанія, потому что

она не позволяет узнавать своихъ намѣреній, дѣлаетъ глупости, бываетъ то расточительна, то скупа, и вообще хозяйничаетъ, такъ мало заботясь о будущемъ, такъ легкомысленно поступая въ настоящемъ, что ее слѣдовало-бы какъ можно скорѣе отдать въ опеку какому-нибудь профессору философіи.

Такъ-же точно дѣло обстоитъ и съ возмутительною безправственностью хода вещей. Если-бы міровой порядокъ былъ установленъ тонко образованнымъ, благороднымъ джентельменомъ, девятнадцатаго вѣка, имѣющимъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ властей своей родины, то онъ былъ-бы навѣрно инымъ. Тогда насъ не огорчали-бы примѣры добродѣтели, преслѣдуемой судьбой, и не возмущали-бы пороки своимъ наглымъ торжествомъ. Вѣдь всегда, когда подобному джентельмену приходится строить міръ по своему усмотрѣнію, сообразно своимъ намѣреніямъ, т. е. создать какой-нибудь романъ или драматическое произведеніе, то торжествуетъ самая прекрасная добродѣтель. а когда на послѣдней страницѣ или въ пятомъ актѣ добродѣтели получаетъ орденъ, а пороки присуждается къ пятилѣтней каторгѣ, то милая публика аплодируетъ до боли въ рукахъ и думаетъ: „Вотъ какъ должно быть! Только въ жизни это не удается такъ хорошо, какъ нашему благородному поэту“. Конечно, и между писателями попадаются чудачки, которые стараются изображать дѣйствительность безъ разбора и безъ исправленія; въ произведеніяхъ этихъ людей, лишениыхъ фантазіи, все идетъ дѣйствительно такъ-же скверно, какъ и въ самой жизни; Гансъ не получаетъ Грету, хотя любитъ ее вѣрно и честно; она отдаетъ предпочтеніе негодяю, который дѣлаетъ ее несчастной; талантъ гибнетъ, не находя благопріятныхъ условій для своего развитія, а господинъ президентъ остается президентомъ, хотя во всемъ городѣ много говорятъ о томъ, какъ онъ достигъ своего положенія. Дѣла морали тамъ такъ плохи, что въ концѣ концовъ ее постигаетъ полное банкротство, а публика въ негодованіи отворачивается отъ такого безнадежно безправственного произведенія.

Итакъ, совершенно очевидно: въ природѣ нѣтъ ни логики, ни морали и она должна или уллучшиться, или постараться исчезнуть.

Но кто сказалъ тебѣ, жалкій простофиля, упражняющійся въ подобной критикѣ, что твоя логика есть нѣчто большее, чѣмъ законъ, который устанавливаетъ сосуществованіе и послѣдовательность органическихъ явленій лишь въ нашемъ собственномъ мыслительному аппаратѣ? Откуда берешь ты право примѣнять ее къ порядку вещей въ міровомъ цѣломъ? Развѣ не возможно и даже не вѣроятно въ высшей степени, что наша человѣческая логика такъ-же можетъ опредѣлять міровыя явленія, какъ маленькій ключикъ отъ нашихъ карманныхъ часовъ можетъ отпереть замокъ несгораемаго денежлага шкафа? Силы, которыя управляютъ какъ нашимъ организмомъ, такъ и міровымъ цѣлымъ, могутъ быть все-таки однимъ и тѣмъ-же; подобно тому какъ замокъ и карманные часы построены на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ механики. Дѣло здѣсь лишь въ разницѣ между малымъ и безконечно большимъ, между сравнительно простымъ и въ выс-

шей степени сложнымъ. Ничто не доказываетъ намъ, что въ природѣ нѣтъ всеобщаго сознанія, объемъ котораго не можетъ охватить наше узкое сознаніе. Можно представлять себѣ при этомъ, епизоновскій пантеизмъ или шопенгауеровскую волю; дѣло не въ названіи. Достоверно одно: мы видимъ, что матерія, когда она сгруппирована въ форму человѣческаго мозга, и сила, когда она дѣйствуетъ, какъ первіная дѣятельность, даютъ сознаніе. Тѣ-же самые элементы, которые образуютъ тѣло и мозгъ человѣка и среди которыхъ важнѣйшими, кромѣ кислорода, воды, азота и углерода, являются желѣзо, фосфоръ, сѣра, кальцій, натрій, калий и хлоръ, находятся въ громадномъ количествѣ также и внѣ человѣческаго организма; силы, которыя производятъ жизненные процессы, какъ то химическія и механическія дѣйствія, электричество и другія формы силы, которыя намъ неизвѣстны, дѣйствуютъ также и внѣ человѣческаго организма. Кто-же можетъ дерзко утверждать, что эти элементы и силы только въ формѣ нервной системы, только въ формѣ человѣческаго мозга могутъ порождать сознаніе? Не мыслимо-ли и даже не вѣроятно-ли, что форма нервной системы лишь случайна, а существенны лишь образующіе ее элементы и дѣйствующія въ ней силы и что они могутъ служить подкладкой для сознанія также и тогда, когда они дѣйствуютъ другъ на друга способомъ совершенно отличнымъ отъ того, который господствуетъ въ организмахъ, доступныхъ нашему наблюденію.

Но я иду еще дальше и говорю: намъ не нужно даже предполагать мірового сознанія, чтобы видѣть, что мы не имѣемъ никакого права измѣрять міровыя событія короткимъ аршиномъ человѣческой логики. Чтобы называть порядокъ міра неразумнымъ, нужно прежде всего принять, что онъ къ чему-нибудь стремится, что онъ направляется къ какой-нибудь цѣли,—потому что о путешествующемъ, о которомъ мы не знаемъ, хочеть-ли онъ вообще куда-нибудь дойти, или просто идетъ ради моціона, мы не можемъ сказать, что онъ выбираетъ плохія улицы, дѣлаетъ кругъ, и идетъ слишкомъ медленно! Но это предположеніе цѣли совершенно произвольно. Вѣдь волюнѣ мыслимо, что цѣлесообразность совершенно такъ-же, какъ и причинность, есть явленіе, связанное исключительно съ органическими процессами, и внѣ организма просто не существуетъ. Опытъ научилъ насъ, что въ нашемъ мозгу не возникаетъ ни одного акта мышленія или воли безъ того, чтобы онъ не былъ вызванъ предшествующимъ ему измѣненіемъ въ нервной системѣ, какимъ-нибудь внѣшнимъ впечатлѣніемъ; поэтому мы привыкли при каждомъ нашемъ дѣйствіи, при каждомъ происшествіи въ нашемъ организмѣ предполагать причину, даже тогда, когда она не доходитъ до нашего сознанія, и мы обобщаемъ эту привычку и вносимъ ее даже въ тѣ явленія, которыя происходятъ внѣ насъ. Однако изъ того, что наши органы нуждаются во внѣшнемъ возбужденіи, для того чтобы притти въ дѣятельное состояніе, изъ того, что они не работаютъ безъ раздраженія, изъ того, что въ нихъ каждое измѣненіе дѣйствительно имѣетъ причину и что они, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ подчинены закону причинности, все-таки не слѣдуетъ, что

этотъ законъ имѣеть значеніе для матеріи также и тогда, когда она находится въ условіяхъ совершенно отличныхъ отъ ея устройства въ нашемъ организмѣ! Представимъ себѣ, что кофейная мельница была-бы существомъ, одареннымъ сознаниемъ: развѣ она не должна была-бы думать, что женская рука есть обязательная предпосылка каждаго движенія, и что оно мыслимо только въ томъ случаѣ, если оно производится женской рукой, вращающей рукоятку? Если-бы бѣдная кофейная мельница увидѣла вдругъ электродинамическую машину, которая приводится въ движеніе безъ воздѣйствія человѣческой руки, то это явленіе показалось-бы ей совершенно невѣроятнымъ и немыслимымъ и она напрасно искала-бы причинности, которая приняла для нея исключительную форму женской руки. Кофейная мельница съ своей точки зрѣнія, конечно, и не можетъ допустить, что безъ женской руки мыслимо какое-нибудь движеніе; ея опытъ долженъ былъ привести ее къ этому убѣжденію, и по отношенію ко всѣмъ кофейнымъ мельницамъ она совершенно права; но мы знаемъ, что она ошибается, что ея законъ не допускаетъ обобщеній, что есть также движенія, которыя не вызываются женской рукой, хотя и въ которыя пустыя головы довольно близки къ тому, чтобы въ этомъ пунктѣ раздѣлять убѣжденіе кофейной мельницы. Я вовсе не упускаю изъ виду того, что движеніе электродинамической машины совершенно такъ-же имѣеть причину, какъ и движеніе кофейной мельницы; мой примѣръ долженъ лишь показать, что опытъ, извлеченный изъ опредѣленнаго ряда явленій, совершенно не годится для того, чтобы быть обобщеннымъ въ законъ, который можно было-бы примѣнять къ явленіямъ другого рода. То-же самое, что у моей мельницы случилось съ причинностью, случилось-бы съ цѣлесообразностью у локомотива, одареннаго сознаниемъ. Опытъ съ цѣлесообразностью у локомотива, одареннаго сознаниемъ, означалъ-бы, что его паръ имѣеть цѣлью вращать колеса посредствомъ поршня. Если-бы онъ былъ одаренъ юмористическимъ направлениемъ ума или былъ любителемъ точныхъ формулъ, то онъ навѣрное сказалъ-бы съ самодовольствомъ: „Нѣтъ пара безъ вращенія колесъ!“ Какъ удивился-бы этотъ локомотивъ, если-бы онъ вдругъ очутился передъ клокочущимъ гейзеромъ и увидѣлъ-бы тамъ огромное развитіе пара, который не вращаетъ ни малѣйшаго колеса! Это показалось-бы ему бессмысленнымъ, всѣ его представленія о цѣли и дѣйствіи пара были-бы перевернуты вверхъ дномъ, и я не удивился-бы, если-бы онъ помѣшался на этомъ страшномъ, не подчиняющемся ни одному изъ извѣстныхъ ему законовъ, явленіи. Итакъ, возможно, что причина измѣненій матеріи, которая происходитъ внѣ организма, лежитъ въ самой матеріи, и что они сами служатъ для себя цѣлью, такъ что мы такимъ образомъ напрасно ищемъ для нихъ внѣшней причины и посторонней цѣли, которая предполагаетъ отношеніе къ нѣкоторой другой группѣ матеріи. Въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы болѣе основанія называть природу глупой, наша критика ея цѣлей или ея безцѣльности была-бы бессодержательной и для того, чтобы ее понять и судить о ней, для того, чтобы узнать причины или цѣль ея явленій, мы должны были-бы стоять въ томъ центральномъ пунктѣ, изъ котораго эти явленія развиваются.

Жалобы на безнравственность мірового порядка еще болѣе въ духѣ кофейной мельницы, чѣмъ жалобы на его безцѣльность. Конечно, съ точки зрѣнія нашей морали онѣ кажутся основательными: но кто-же далъ намъ право становиться на это точку зрѣнія, когда мы хотимъ разсматривать природу и жизнь? Наша мораль есть нѣчто, ограниченное мѣстомъ и временемъ; она есть платья и фасоны платья. Это мораль, принадлежащая бѣлому христіанскому человѣчеству девятнадцатаго столѣтія, и только ему. Даже внутри тѣхъ узкихъ круговъ, гдѣ она пользуется по крайней мѣрѣ теоретическимъ признаніемъ, она должна идти на многія уступки и мириться со многими противорѣчіями. Она порицаетъ убійство, какъ преступленіе, когда его совершаетъ отдѣльное лицо, и хвалитъ его, какъ нѣчто благородное и добродѣтельное, когда его въ огромномъ количествѣ совершаетъ вооруженный народъ въ борьбѣ съ другимъ народомъ; она называетъ порокомъ ложь и обманъ и однако допускаетъ его въ дипломатіи; великій, высокообразованный народъ, какъ, напримѣръ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, строго наказываютъ грабежь и убійство, когда ихъ совершаютъ отдѣльные индивидуумы, но находятъ вполне возможнымъ эти пороки, когда въ нихъ оказываются виновными общины, города или штаты, объявляющіе ложныя банкротства и разоряющіе своихъ довѣрителей. Наша мораль совершенно не такова, какой она была въ извѣстныя намъ прошлыя времена, и не будетъ, неразумнымъ предполагать, что въ будущемъ она будетъ опять иной. Вообще она есть ничто иное, какъ вылитыя въ форму законовъ и нравственныхъ правилъ, опредѣленія тѣхъ условій, которыя временно признаются полезными для сохраненія нашего вида. Съ развитіемъ человѣчества измѣняются нѣкоторыя изъ условій его благосостоянія, а съ ними также и взгляды на то, что нравственно и что безнравственно. И этотъ невѣрный масштабъ нашей морали хотѣтъ прилагать къ міровому порядку? Нѣчто такое, что не было дѣйствительнымъ для нашихъ прадедовъ и что, быть можетъ, не будетъ болѣе казаться истиннымъ для нашихъ правнуковъ, должно быть неизмѣннымъ закономъ вѣчной природы? Глупая кокетка, которая жаловалась-бы на то, что небо постоянно одинаковаго голубого цвѣта, и требовала-бы, чтобы оно измѣняло свой цвѣтъ подобно ея туалетамъ, чтобы всегда хорошо гармонировать съ ними, была-бы какъ разъ настолько же мудра и скромна, какъ тотъ критикъ міра, который безпокоится по поводу безнравственности и жестокости мірового теченія.

Геоцентрическая точка зрѣнія Аристотеля въ космологіи оставлена со времени Коперника. Теперь уже больше не вѣрятъ и не учатъ тому, что наша земля есть центральный пунктъ міровой системы, и что человѣкъ—конечная цѣль природы; что мѣсяцъ имѣетъ своимъ назначеніемъ освѣщать наши ночи, а хоръ звѣздъ служить для метафоръ нашихъ лирическихъ поэтовъ. Но въ философіи твердо держатся этого дѣтскаго воззрѣнія и называютъ космосъ неразумнымъ, потому что запасъ угля на землѣ постепенно уничтожается, а островъ Бракатоа погибъ со многими

тысячами жизнерадостныхъ людей; его называютъ и безнравственнымъ, потому что Орлеанская дѣва была сожжена, Густавъ Адольфъ палъ при Лютценѣ, а многія любящія матери умирають при родахъ.

Если гнилостныя бактеріи способны къ философскому мышленію, то какимъ мрачнымъ должно быть ихъ міросозерцаніе! Все устройство міра, разсматриваемое съ ихъ точки зрѣнія, жестоко и отвратительно безнравственно и съ каждымъ днемъ становится все хуже. Метла и тряпка, убійственный кислородъ и злостная горячая вода составили заговоръ противъ ихъ существованія; все то, что могло-бы служить имъ пищей, устраняется, разрушается и дѣлается недоступнымъ какими-то невидимыми силами. Въ ихъ пріятную жизнь часто врывается убійственная карболовая кислота и превращаетъ ихъ веселую суету въ предсмертный танецъ, въ которомъ добродѣтельные бактеріи такъ-же содрогаются, какъ и порочныя. Но то, что должно подавать имъ поводъ къ исполнѣнн справедливому пессимизму, мы записываемъ въ толстыхъ книгахъ, какъ успѣхи гигіены, и празднуемъ, какъ нѣчто въ высшей степени радостное.

Я представляю себѣ муху, которая была-бы одарена художественнымъ вкусомъ и находила-бы, напимѣръ, очень красивой маленькую пчелу, нарисованную на французской двадцатифранковой монетѣ извѣстнаго періода; мое предположеніе не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго, потому что пристрастіе этого животнаго ко всѣмъ картинамъ и статуямъ очень извѣстно всѣмъ чистоплотнымъ хозяйкамъ. Предположимъ теперь, что наша муха летитъ мимо мюнхенской статуи Баваріи: какой безсмысленной, нелогичной и безформенной должна ей показаться эта масса металла—безъ начала, безъ конца, то непонятно гладкая, то странно шероховатая, здѣсь безпричинный выступъ, тамъ странное углубленіе; и если-бы эстетической мухѣ пришлось проводить жизнь во внутренности этой большой статуи, то она могла-бы написать полную горькихъ эпиграммъ книгу о томъ, какимъ ей казался-бы міръ. Въ ней была-бы краспорѣчиво изображена безцѣльность и неразумность этого міра, и она была-бы очень убѣдительною для всѣхъ ея сожительницъ во внутренности Баваріи. Но все-таки она не давала-бы познанія истины, что ей могъ-бы легко доказать всякій посредственный мюнхенскій проводникъ.

Да, да: пессимистическая философія не выдерживаетъ никакой серьезной критики. Поскольку она честна, она представляетъ изъ себя, повидимому, ничто иное, какъ форму глубокаго недовольства ограниченностью нашего разсудка. Человѣкъ хочетъ понять міровой механизмъ и не можетъ; это сердитъ его и онъ бранитъ этотъ механизмъ, какъ наивный дикарь, который, надувъ губы, бросаетъ на землю музыкальный ящикъ, послѣ того какъ онъ напрасно пытался понять его устройство. Человѣкъ воображаетъ себя царемъ творенія—и долженъ на каждомъ шагу убѣждаться, что его господство не такъ-то ужъ велико. Это разстраиываетъ его; онъ возводитъ въ систему свое скверное расположеніе духа и называетъ ее пессимизмомъ. Дитя, кото-

рое протягиваетъ руки къ мѣсяцу и начинаетъ плакать, когда ему не удастся его достать, также пессимистъ въ своемъ родѣ, только безсознательный. Разница только въ томъ, что его пессимизмъ легко излечить горстью ячменнаго сахару.

Впрочемъ, можно съ удовольствіемъ установить, что систематики пессимизма бываютъ обыкновенно цѣнителями вкуснаго обѣда и хорошаго вина, что они послѣ чувствительнаго ухаживания въ опредѣленныхъ формахъ благополучно женятся и имѣютъ развитой вкусъ ко всему приятному въ жизни. Ихъ философія служитъ только параднымъ мундиромъ для торжественныхъ случаевъ и является достаточно внушительной для благоговѣйной толпы зрителей; но мы знаемъ, что подъ торжественной черной мантией со скрещенными человѣческими костями скрывается ежедневное широкое платье, невидимый, но удобный фляпелевый набрюшникъ.

Рядомъ съ убѣжденнымъ научнымъ пессимизмомъ, вовсе не исключаящимъ величайшей веселости въ дѣйствительной жизни, существуетъ еще практическій пессимизмъ, который въ обществѣ называется брюзжаніемъ. Этотъ пессимизмъ не разсуждаетъ и не аргументируетъ. У него нѣтъ ни системы, ни классификаціи. Онъ совсѣмъ не старается объяснить, почему ему не нравятся природа и жизнь; онъ искренно и инстинктивно относится ко всему, что существуетъ, какъ къ чему-то невыносимому и внушающему разрушительныя мысли. Подобный пессимизмъ нельзя опровергать, его можно лишь анализировать. Это есть явленіе, всегда сопровождающее мозговое заболѣваніе, которое или уже совершенно развилось, или находится еще въ зародышѣ. Прежде чѣмъ подобный несчастный кандидатъ на сумасшествіе сдѣлается явно помѣшаннымъ, онъ цѣлыми годами страдаетъ тоской, бываетъ угрюмъ и недружелюбенъ. Несовершенно развитой или подвергающийся какому-нибудь разрушительному процессу органовъ мышленія имѣетъ несчастную способность воспринимать свое собственное разрушеніе, наблюдать его успѣхи, чувствовать себя какъ-бы разлагающимся. Такимъ образомъ сознаніе смотритъ постоянно на свое собственное распаденіе, и это ужасное зрѣлище такъ всецѣло поглощаетъ его, что для остальныхъ явленій оно сохраняетъ лишь слабую и разсѣянную восприимчивость. Естественно, что въ подобномъ мозгу міръ долженъ отражаться такъ же, какъ въ глазу съ бѣльмомъ, т. е. въ видѣ трагической ночи хаоса. Всѣ великіе поэты пессимизма обладали разстроенными организмами. Ленау умеръ въ безуміи, Леопарди страдалъ нѣкоторыми половыми извращеніями, которые очень хорошо извѣстны психіатрамъ, Гейне сталъ печаленъ и мраченъ только тогда, когда его болѣзнь спиннаго хребта стала оказывать свое неотвратимое дѣйствіе на его мозгъ, а лордъ Байронъ обладалъ эксцентричностью характера, которую несвѣдущіе люди называютъ гениальностью, тогда какъ психіатръ называетъ ее психозомъ. Пессимизмъ, который при видѣ влюбленной пары ломаетъ руки, а въ ясное майское утро раздражается рыданіями, безъ причины, безъ утѣшенія, безъ конца, есть болѣзнь, и ни одинъ здоровый человѣкъ и не подумаетъ о томъ, чтобы съ нимъ согласиться.

Таковы формы честнаго пессимизма, которыя одиѣ только и нуждаются въ критикѣ. Кромѣ ихъ есть, конечно, и лицемѣрная мрачность, излюбленная глупцами, которые воображаютъ, что она къ нимъ идетъ. Это изящный дилеттантизмъ, духовная утонченность, которая отличаетъ отъ обыкновенной толпы. Блѣдности мыслии считается у людей съ испорченными вкусомъ такой-же интересной, какъ и блѣдность щекъ. Они принимаютъ скорбный видъ, чтобы возбудить подозрѣнія, что они пережили много замѣчательнаго, что были героями необычайныхъ приключеній. Они вздыхаютъ и охаютъ, чтобы думали, что они члены той маленькой высокоаристократической общины, которая посвящена въ элевзинскія таинства страданія. Не стоитъ долго возиться надъ анализомъ подобныхъ пессимистовъ. Ихъ просто по французскому обычаю похлопываютъ по животу и говорятъ: „Ахъ, ты плути!“

Я назвалъ пессимизмъ безпримѣрнымъ мировымъ чудомъ; этимъ я хотѣлъ сказать, что онъ представляетъ собою триумфъ, силы воображенія надъ дѣйствительностью и доказательство способности человека втискивать природу, не смотря на ея живое сопротивление, въ костюмы, скроенные его собственнымъ расположеніемъ духа. Точно такъ-же, какъ онъ заставляетъ листовую кожу рону деревьевъ принимать глупыя формы животныхъ или порою строекъ, какъ съ помощью насоса онъ заставляетъ воду течь на горы вопреки ея основній склонности, такъ-же и изъ событій, нагроможденныхъ на самыя свѣтлыя мысли, онъ выводитъ мрачныя міросозерцанія и вноситъ свой пессимизмъ въ природу, которая возвѣщаетъ и провозглашаетъ оптимизмъ всѣми чашечками цвѣтовъ, всѣми горлышками птицъ.

Да, природа дѣйствительно провозглашаетъ его и, чтобы слышать это, не пужно даже особенно внимательно прислушиваться, потому что этотъ звукъ проникаетъ въ уши даже тогда, когда они заткнуты схоластической и софистической ватой. Основной инстинктъ, лежащій въ основѣ всѣхъ человѣческихъ мыслей и поступковъ, и управляющій всею его жизнью, есть оптимизмъ. Всякая попытка искоренить его совершенно напрасна, потому что это истинный фундаментъ нашего существованія и только съ нимъ самимъ можетъ быть разрушенъ.

Когда хорошенько разсмотримъ главныя жалобы пессимизма, то увидимъ, что онъ порождается высокомеріемъ развитого самосознанія, и что ихъ можно сравнить съ тѣми заботами, которыя доставляютъ миллионеру его богатства. Люди недовольны безцѣльностью міроваго цѣлаго или точнѣе неспособностью людей понять его цѣли? Но развѣ само это недовольство не будетъ доказательствомъ того, какого высокаго развитія достигъ человѣческій духъ, и развѣ у насъ нѣтъ основанія радоваться тому, что достигнуто? Какое предполагается здоровье и сила мышленія, чтобы ставить себѣ вопросъ о конечной цѣли природы! Какая нужна широта кругозора, чтобы только воспринимать такую проблему! На какія прекрасныя вершины долженъ былъ взойти человѣкъ, сколько духовныхъ удовлетвореній и радостей долженъ былъ онъ испытать по дорогѣ, пока онъ достигъ того высокаго пункта, на которомъ онъ серьезно считаетъ себя уполномочен-

нымъ и способнымъ пригласить къ себѣ мировое цѣлое и сказать ему съ авторитетомъ главнаго инспектора: „Ты долженъ быть построить по извѣстному плану; я хочу разсмотрѣть этотъ планъ и подвергнуть его критикѣ!“ Ни у одного животнаго нѣтъ мировой скорби, и нашь предокъ, современникъ пещернаго медвѣдя, навѣрное, былъ совершенно свободенъ отъ всякой заботы о назначеніи челоуѣка. Стогло только этому прогнатическому реалисту хорошенько паѣться, и онъ безъ всякихъ сомнѣній находить, что его жизнь имѣетъ достаточное содержаніе, и если у него оставалось все-таки еще какое-нибудь желаніе, то навѣрное можно сказать, что это было желаніе выспаться безъ помѣхи. Мы-же, люди съ развитымъ лицевымъ угломъ, стали болѣе аристократическими, и у насъ появились шые идеалы, чѣмъ жирный окорокъ зубра. Но, какъ это и естественно, наша страсть къ умственнымъ приобрѣтеніямъ становится тѣмъ болѣе горячей, чѣмъ большіе капиталы мы накопили, и такъ какъ мы взлетѣли такъ высоко, то намъ уже не нравится, когда нашему полету ставится какія-бы то ни было границы.

Такъ-же обстоитъ дѣло и съ другой жалобой пессимизма, съ жалобой на существованіе страданія въ мѣрѣ. Какая близорукость, я могъ-бы даже сказать: какая неблагодарность! Но, милые пессимисты, если-бы страданія не существовало, то его пришлось-бы изобрѣсти! Это одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ и полезныхъ учрежденій природы. Прежде всего страданіе предполагаетъ здоровую, высокоразвитую нервную систему, являющуюся также и необходимымъ условіемъ всѣхъ пріятныхъ ощущеній, существованіе которыхъ въ жизни пельзя-же все-таки отрицать. Низшія существа неспособны къ сильнымъ страданіямъ, но мы должны также принять, что ихъ ощущенія удовольствія несравненно слабѣе и блѣднѣе нашихъ. Вѣдь было-бы чрезвычайно удивительно, если-бы мы, имѣя достаточно тонкія чувства, чтобы восхищаться запахомъ розы, симфоніей Бетховена и картиной Тициана, оставались-бы совершенно нечувствительными къ запаху гніенія, скрившійю напильника по зубцамъ пилы и къ виду раковой язвы! Спросите когда-нибудь пестричную больную, которая страдаетъ анестезіей одной или обѣихъ половиць тѣла, радуется-ли се ихъ полная нечувствительность къ болѣзненнымъ состояніямъ! Высшій мѣръ не можетъ причинять ей боль; но онъ не можетъ также доставлять ей никакихъ пріятныхъ впечатлѣній, и послѣ короткаго опыта она настойчиво требуетъ, чтобы ей была опять возвращена способность испытывать страданія. Я много разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ такая больная радостно вскрикивала, когда ей уколъ булавки въ первый разъ причинялъ боль! Страданіе играетъ ту роль, которую слѣпая вѣра приписываетъ ангелу-хранителю; оно предостерегаетъ насъ, указываетъ намъ на опасности и заставляетъ насъ бороться съ ними и избѣгать ихъ. Такимъ образомъ это нашъ лучшій другъ, поддерживающій нашу жизнь и являющійся источникомъ нашихъ самыхъ интенсивныхъ ощущеній удовольствія. Боль побуждаетъ насъ къ усилямъ, направленнымъ на то, чтобы противодѣйствовать ея причинѣ: эти усилія связаны съ наивысшимъ напряженіемъ нашихъ способностей

и доставляют то несравненное удовлетвореніе, которое связано съ активнымъ чувствомъ нашей индивидуальности. Безъ страданія наша жизнь не могла-бы продлиться и одной минуты, потому что мы не могли-бы узнавать того, что намъ вредитъ и не могли-бы остерегаться этого. Исправитель міра высшего полета скажетъ, можетъ быть, что мыслимо, чтобы ощущенія страданія были замѣнены предусмотрительностью; вовсе не необходимо, чтобы страданіе предостерегало насъ и вооружало насъ противъ угрожающихъ намъ влiяній; что безболѣзненное инстинктивное сознаніе того, что намъ вредно, оказало-бы намъ ту-же услугу. На это слѣдуетъ отвѣтить: это сознаніе было-бы или недостаточно могущественнымъ, чтобы прищипывать насъ и побуждать къ усиліямъ; тогда мы не всегда и не въ достаточной степени повиновались-бы его требованіямъ, и насъ легко побѣждали-бы враги нашего существованія; или его предостереженія были-бы такъ сильны и настойчивы, что мы безусловно должны были-бы отвѣчать на нихъ крайнимъ напряженіемъ нашихъ силъ, и въ такомъ случаѣ мы воспринимали-бы его совершенно такъ-же, какъ страданія, такъ-же, какъ теперь мы воспринимаемъ предостерегающіе процессы въ нашихъ чувствительныхъ нервахъ.

Ту-же роль, которую страданіе играетъ въ тѣлесной жизни, недовольство играетъ въ духовной. Когда оно выступаетъ достаточно сильно для того, чтобы мы воспринимали его, какъ страданіе, то оно обращается въ усилія, сопровождающіяся напряженіемъ всѣхъ силъ и направленныя на то, чтобы измѣнить или улучшить условія, вызвавшія это недовольство. Счастливому человѣку никогда не придетъ въ голову смотрѣть съ разрушительными намѣреніями на то, что его окружаетъ; даже Геркулесъ безъ принужденія не выполнилъ-бы своихъ двѣнадцати подвиговъ, хотя они и не были для него особенно трудны; и для того, чтобы перебить свою постель, нужно, чтобы было неудобно лежать. Итакъ, недовольство есть причина всякаго прогресса, и кто считаетъ зломъ его присутствіе въ нашей духовной жизни, тотъ долженъ имѣть мужество признать своимъ идеаломъ осужденіе человѣчества въ теченіе всей его жизни на китайскій застой.

Впрочемъ, на недовольство тѣми дѣйствительными условіями, въ которыхъ принужденъ жить отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ, совсѣмъ нельзя смотрѣть, какъ на аргументъ въ пользу пессимизма; наоборотъ, оно является еще однимъ доказательствомъ того, что неразрушимый оптимизмъ составляетъ основу нашего бытія. Всякая критика есть слѣдствіе произведеннаго въ умѣ сравненія между дѣйствительными и идеальными условіями, которыя люди создали себѣ въ своемъ воображеніи и которыя они признали совершенными. Но въ основѣ того явленія, что подобная критика формулируется болѣе или менѣе ясно, лежитъ невысказываемая мысль, что условія, которыя мы признаемъ скверными и невыносимыми, способны измѣняться къ лучшему, а такая мысль, конечно, должна быть названа оптимистическою! И даже больше: въ то время, какъ человѣкъ негодуетъ на что-нибудь существующее, въ то время, какъ онъ ясно пред-

ставляетъ или неявно чувствуетъ, что и какимъ образомъ могло бы улучшиться, онъ уже потенциально произвелъ улучшение, превращеніе уже вполне совершено въ представленіи недовольнаго индивидуума и имѣетъ, по крайней мѣрѣ для этого послѣдняго, ту степень дѣйствительности, которая вообще присуща всѣмъ процессамъ въ нашемъ сознаниі: тѣмъ, которые представляютъ изъ себя пріобрѣтенное посредствомъ чувствительныхъ нервовъ познаніе вѣшняго міра, она присуща не въ большей степени, чѣмъ построениямъ лучшаго идеальнаго міра, основывающимся на комбинирующей дѣятельности мозговыхъ клѣточекъ. Такимъ образомъ каждый недовольный—есть реформаторъ въ умѣ, творецъ новаго міра, который существуетъ въ его головѣ и заключаетъ въ себѣ всѣ условія человѣческаго счастья; и, если этотъ человѣкъ умѣетъ анализировать собственныя чувства, то ему не трудно будетъ признать, что его недовольство вещами ведетъ его къ величайшему довольству самимъ собою и что радость, которую ему доставляетъ созданный имъ самимъ идеальный міръ, по крайней мѣрѣ уравниваетъ то неудовольствіе, которое ему причиняетъ реальный міръ. Здѣсь, придавая личный характеръ моему аргументу, я спрошу честнаго пессимистическаго философа, не бываетъ-ли онъ очень доволенъ собою, когда ему удается очень убѣдительно изобразить несовершенство и неразумность міра? Вѣроятно, онъ вскакиваетъ изъ-за письменнаго стола и бѣжитъ въ восторгѣ обнять свою жену, когда ему удастся особенно блестяще написать одну изъ мрачныхъ страницъ своего разсужденія; а когда онъ оканчиваетъ свою книгу и читаетъ главу изъ нея въ тѣсномъ кругу своихъ друзей, то одно лишь его внутреннее удовлетвореніе могло-бы придать прелесть жизни.

Такимъ образомъ печаль по поводу непознаваемости мірового механизма и міровой цѣли есть доказательство высокаго развитія нашего мышленія, которое доставляетъ намъ постоянныя удовольствія и наслажденія; тѣлесная боль есть признакъ здоровья и работоспособности нашей нервной системы, которой мы обязаны всѣми приятными ощущеніями нашего существованія, а недовольство есть поводъ къ творческой дѣятельности нашей фантазій, которая является источникомъ интенсивныхъ удовольствій. Гдѣ здѣсь мѣсто для пессимизма, я не могу понять.

Надѣюсь, никто не пойметъ такъ скверно моего разсужденія, чтобы счесть меня ученикомъ мудраго Пампелосса. Я совсѣмъ не признаю ученія этого довольнаго философа и не утверждаю, что этотъ міръ есть лучший изъ міровъ. Я говорю нѣчто совсѣмъ другое. Я говорю: пусть этотъ міръ будетъ лучшимъ или худшимъ изъ всѣхъ міровъ, пусть онъ будетъ посредственнымъ, все равно, человѣчество вѣчно считаетъ его хорошимъ. Человѣкъ имѣетъ счастливый даръ не только принимать съ мрачнымъ терпѣніемъ тѣ естественныя условія, которыхъ онъ абсолютно не можетъ измѣнить, но даже радоваться имъ, находить ихъ самою разумнѣйшимъ и приятнымъ и до того сживаться съ ними, что у него нѣтъ никакого желанія промѣнить ихъ на другія; даже если онъ и можетъ вообразить себѣ гораздо лучшія. Но это возможно только потому, что основной фонъ его существа, на

которомъ опытъ вышиваетъ всякія меланхолическія картины, стоитъ изъ одного оптимизма.

Нужны-ли примѣры для того, чтобы освѣтить это утверждение? Они подъ рукою. Даже профессиональный пессимистъ признаетъ красоту природы и радуется лѣтнему дню, когда солнце сіяетъ въ безоблачной лазури, или теплой юньской ночи, когда полный мѣсяцъ свѣтитъ среди миллионовъ блестящихъ звѣздъ. Но какой-нибудь обитатель Венеры, который былъ-бы внезапно переселенъ на нашу землю, вѣроятно, почувствовалъ-бы себя въ безнадежной пустынѣ, полной мрака и холода. Привыкнувъ къ ослѣпительному свѣту и огненному жару своей планеты, онъ мерзъ-бы у насъ подъ тропиками и находилъ-бы блѣдными и сѣрыми наши лучшія краски и слабымъ, и мрачнымъ панчъ самый яркій свѣтъ. А какимъ скучнымъ и мертвымъ показался-бы видъ нашего неба съ его единственнымъ мѣсяцемъ жителю Сатурна, который привыкъ къ невѣроятно богатой смѣнѣ восьми мѣсяцевъ и двухъ, а, можетъ быть, и больше колецъ, которыя своими восходами и заходами, своими вѣчно измѣняющимися положеніями по отношенію другъ къ другу придаютъ его горизонту такое богатство и разнообразіе, о которомъ мы не можемъ имѣть никакого нагляднаго представленія! Но мы совѣмъ не тоскуемъ по ягучему солнцу Венеры и по запутанной пляскѣ мѣсяцевъ на Сатурнѣ и такъ прекрасно довольствуемся нашими жалкими астрономическими условіями, какъ будто-бы мы и въ самомъ дѣлѣ сидѣли у ногъ Панглосса! Но намъ даже совѣмъ не нужно возноситься въ міровыя пространства, чтобы доказать человѣческой оптимизмъ. Намъ нужно только посмотреть на полярныя страны. Тамъ живутъ люди, веселость которыхъ поражала всѣхъ путешественниковъ. Они не могутъ себя представить ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ ихъ обледѣлыя жилища и ихъ вѣчная ночь, и если-бы у нихъ были поэты, то они, навѣрное, съ такимъ-же убѣжденіемъ воспѣвали-бы ужасныя сибирскія пустыни, какъ наши поэты воспѣваютъ рейнскіе ландшафты съ холмами, поросшими виноградомъ, съ волнующимися полями и темными лѣсами на заднемъ планѣ. Замѣтимъ кстати, что это дастъ намъ утѣшительныя перспективы насчетъ грядущаго царства льда, къ которому приближается земля, поскольку вѣрна теорія охлажденія. Когда мы представляемъ себя это будущее, то мы воображаемъ обыкновенно послѣднихъ людей закутанными въ оленьи шкуры, столпившимися надъ жалкимъ огнемъ изъ послѣдняго угля, протягивающими дрожащія руки надъ скуднымъ пламенемъ и бесконечно печальными, какъ больной чахоткой орангутангъ въ берлинскомъ зоологическомъ саду. Эта картина совершенно невѣрна. Заключая по эскимосамъ о нашихъ потомкахъ времени царства льда, я убѣжденъ, что они будутъ самымъ веселымъ обществомъ на льду, согрѣвать свои члены неутомимыми танцами, сопровождая свои обѣды, состоящіе изъ рыбьяго жира, веселыми застольными пѣснями, и будутъ считать свою жизнь превосходной. Когда-же, наконецъ, послѣднему человѣку придется замерзнуть, то и тогда у него будетъ широкая улыбка на

губахъ, а въ рукахъ—послѣдній номеръ юмористическаго журнала его эпохи.

Поэтъ говорить, что если даже жизнь и не есть высшее изъ благъ, то все-таки мы воспринимаемъ ее и представляемъ ее себѣ таковыми. Намъ ужасна мысль о прекращеніи нашего сознанія, объ уничтоженіи нашего я; смерть, даже не собственная, но смерть нашихъ родителей, дѣтей, тѣхъ, кого мы любимъ, причиняетъ намъ самыя горькія страданія, какія только мы способны испытывать, и самое драгоценное благо, которое мы можемъ пожелать себѣ и своимъ друзьямъ, это долгая жизнь. Но что такое долгая жизнь? Сто, сто-двадцать лѣтъ, это самыя большія числа: большаго не хочетъ никто. Столѣтній человѣкъ чувствуетъ, что онъ достоинъ зависти, и, наоборотъ, всѣ оплакивають судьбу юности, которому пришлось умереть въ двадцать, двадцать-пять лѣтъ. Но вѣдь всѣ эти многочисленныя явленія, противъ которыхъ мы не возстаемъ и которыхъ мы не критикуемъ, происходятъ изъ нашего неисчерпаемаго оптимизма. Мы довольствуемся сотней лѣтъ и даже меньшимъ числомъ ихъ, потому что мы почти не видѣли примѣровъ, чтобы кто-нибудь превысилъ этотъ возрастъ. Если-бы продолжительность человѣческой жизни равнялась двумстамъ или тремстамъ лѣтъ, какъ продолжительность жизни вороновъ, карповъ и слоновъ, то люди хотѣли-бы достигнуть двухсотлѣтняго или трехсотлѣтняго возраста и опечалились-бы, если-бы имъ было объявлено, что они должны умереть въ 150 лѣтъ, хотя теперь они совсѣмъ не желаютъ прожить больше ста. Наоборотъ, если-бы человѣкъ былъ приспособленъ для тридцати или тридцатипятилѣтней жизни, какъ, напримѣръ, лошадь, то ни одинъ человѣкъ не желалъ-бы жить дольше этого срока, и того, кто умеръ-бы въ такомъ возрастѣ, считали-бы настолько-же счастливымъ, насколько теперь жалѣютъ. Даже больше: если-бы быть извѣстенъ хоть одинъ, единственный примѣръ того, что человѣкъ избѣжалъ неумолимаго закона смерти, то никто не хотѣлъ-бы умирать, каждый надѣялся-бы, мечталъ и желалъ, чтобы это единственный разъ видѣнное событіе повторилось съ нимъ, и большинство людей думало-бы о смерти такъ, какъ теперь думаютъ о китайской казни черезъ распливаніе между двумя досками, т. е. какъ объ ужасной исключительной судьбѣ, которая иногда постигаетъ отдѣльныхъ личностей, но которой стремятся избѣгать всѣми силами. Но такъ какъ никто еще никогда не слышалъ, чтобы человѣкъ избѣжалъ смерти, то каждый безъ особенной трудности и даже безъ особеннаго страданія свыкается съ мыслью о ней и надѣется только, что она настанетъ очень поздно. Могъ-ли бы человѣкъ жить нѣсколько сотъ, нѣсколько тысячъ лѣтъ? Мы не знаемъ никакой разумной причины, почему-бы этого не могло быть. Но мы не хотимъ этого именно потому, что этого не бываетъ. Должна-ли вообще смерть завершать индивидуальное существованіе? Эта необходимость непонятна, хотя Вейсманъ и Гете пытались доказать въ послѣдніе годы, что это явленіе полезно въ интересахъ вида. И однако мы миримся съ ужаснымъ фактомъ смерти единственно потому, что знаемъ его неизбежность. Мы такъ счастливо устроены, что хладнокровно принимаемъ все дѣй-

ствительно, абсолютно неизбежное и не предаемое печальнымъ размышленіямъ по поводу него. Это объясняетъ, между прочимъ, возможность юмора висельника, веселое расположеніе духа бѣднаго преступника, котораго ведутъ на смертную казнь. Существованіе этого юмора лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія; это наблюдалось многочисленными свидѣтелями. Кандидатъ на смерть самъ раздѣляется съ веревкой, если только онъ проникнутъ убѣжденіемъ, что она неотвратима.

Но если, напротивъ, остается хоть самая малая, самая отдаленная возможность того, что обстоятельства могутъ измѣниться, что зло возможно отвратить или что можетъ наступить какое-нибудь благоприятное событіе,—какъ побѣдоносно и неудержимо прорывается тогда опять первоначальный оптимизмъ! Одного шанса, который такъ малъ, что ни одинъ человѣкъ въ здоровомъ разсудкѣ не держалъ-бы за него пари, такъ малъ, что почти недоступенъ для исчисленія по теоріи вѣроятностей, достаточно ему для того, чтобы на этомъ фундаментѣ построить величественныя воздушныя замки и перейти въ состояніе ожиданія, близкое къ счастью. Вотъ примѣръ этой склонности человѣка къ оптимизму. Во Франкфуртѣ была устроена лотерея, главный выигрышъ которой состоялъ изъ 500,000 франковъ. Было выпущено 14 милліоновъ билетовъ, изъ которыхъ только одинъ могъ выиграть. Каждый покупатель одного билета пріобрѣталъ такимъ образомъ четырнадцати-милліонную долю вѣроятности, что большой выигрышъ придется на его долю. Чтобы сдѣлать наглядной стоимость этой дроби, я приведу одну аналогию. Въ Европѣ есть приблизительно 100,000 милліонеровъ и, вѣроятно, болѣе 500,000 лицъ, у которыхъ есть полъ-милліона. Но оставимъ полъ-милліона и возьмемъ 100,000 за основу нашего вычисленія. Мы можемъ принять, что изъ десяти милліонеровъ одинъ будетъ бездѣтенъ, не будетъ имѣть близкаго родства или будетъ во враждѣ съ своей семьей и будетъ расположенъ назначить своимъ наслѣдникомъ человѣка, съ которымъ онъ случайно познакомится и который ему понравится. Въ Европѣ считается въ настоящее время около 320 милліоновъ жителей. Такимъ образомъ на 32,000 европейцевъ приходится одинъ милліонеръ, который только ждет случая, чтобы одному изъ 32,000 оставить свой милліонъ или милліоны. Въ дѣйствительности для нѣмца или англичанина условія гораздо болѣе благоприятны, потому что въ Германіи и Англій милліонеры болѣе многочисленны, чѣмъ, на примѣръ, въ Россіи и Италіи. Вѣроятность того, что каждый изъ насъ, не покупая билета, станетъ наслѣдникомъ милліонера, равняется, слѣдовательно, одной тридцатидвухтысячной доли и будетъ такимъ образомъ въ 437 разъ больше, чѣмъ та, что обладатель билета „Loterie des Arts“ выиграетъ главный выигрышъ въ 500,000 франковъ, а если мы захотимъ ограничить наши желанія полъ-милліономъ, то вѣроятность того, что онъ будетъ когда-нибудь подаренъ намъ въ качествѣ наслѣдства совершенно неизвѣстнымъ и не приходящимся намъ даже дядюшкой изъ Америки доброжелателемъ, даже въ 2,500 разъ больше, чѣмъ шансы на выигрышъ у такого покупателя билетовъ. Однако никто изъ насъ не ста-

нетъ надѣяться или рассчитывать на такой миллионъ или полъ-милліона. И, однако, нашлось 12 миллионъвъ человѣкъ въ одной, единственной странѣ, которые заплатили одинъ франкъ за четырнадцатимилліонную долю шанса на выигрышъ и строили на этомъ серьезныя надежды, хотя они имѣли на это въ 437 или 2,500 разъ менѣе основанія, чѣмъ каждый изъ насъ, причемъ мы по крайней мѣрѣ ничего не платимъ за наши шансы на наслѣдство. Въмѣсто того, чтобы опровергать профессиональныхъ пессимистовъ различными доводами. по моему мнѣнію, слѣдовало-бы послать имъ на домъ билетъ Loterie des Arts въ качествѣ окончательнаго убійственнаго аргумента.

Теперь возьмемъ обратное отношеніе. Каждый изъ насъ дѣлаетъ вещи, которыя подвергаютъ его смертельной опасности съ вѣроятностью; значительно превосходящей $1/14.000.000$. Напримеръ, на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ ежегодно погибаетъ болѣе одного изъ 14 миллионъвъ. Но есть-ли хоть одинъ достаточно пессимистическій человѣкъ, чтобы отказаться поэтому отъ пользованія желѣзными дорогами? Очевидно, возможность въ одну четырнадцатимилліонную недостаточна, чтобы испугать насъ; но она достаточна, чтобы возбудить въ насъ надежды. Нашъ умъ нечувствителенъ къ такому слабому дѣйствію неприятныхъ представленій; но онъ доступенъ не болѣе сильному дѣйствію приятныхъ представленій. Почему? Потому, что онъ по своей природѣ настроенъ не пессимистично, а оптимистично.

Это мы наблюдаемъ какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Кто изъ насъ могъ-бы избрать себѣ профессію, если-бы онъ не былъ упорнымъ оптимистомъ? На каждомъ жизненномъ пути тѣ, которые доходятъ до первыхъ мѣстъ, являются рѣдкими исключеніями. Изъ пятидесяти офицеровъ одинъ дѣлается генераломъ; изъ 100 врачейъ одинъ профессоромъ университета; все остальное пребываетъ въ безславной темнотѣ, часто въ бѣдности, и до конца жизни борется со всякими тягостями своей профессіи, не зная ни одной изъ его радостныхъ и вознаграждающихъ сторонъ. Но когда мы приступаемъ къ выбору профессіи, мы видимъ только одного изъ 50 или изъ 100, а не 49 или 99, и имѣемъ твердую увѣренность въ томъ, что мы будемъ этимъ однимъ, хотя это въ высшей степени невѣроятно для всякаго, трезво мыслящаго человѣка. Дѣло обстоитъ совершенно такъ-же съ каждымъ предпріятіемъ, которое мы начинаемъ. Неудача обыкновенно такъ-же возможна, какъ и удача, можетъ быть, даже возможнѣе. Однако мы, не колеблясь, вступаемъ въ предпріятіе и дѣлаемъ это, конечно, только потому, что надѣемся на успѣхъ. То, что имѣетъ рѣшающее значеніе, что перевѣшиваетъ цифры теоріи вѣроятностей и задерживаетъ заправѣсь на окнахъ, изъ которыхъ видны возможные дурные результаты, и вѣшаетъ на стѣну картину гораздо менѣе вѣроятнаго успѣха,—есть оптимизмъ.

Замѣтимъ хорошенько: все это касается только насъ самихъ и нашихъ собственныхъ дѣлъ. Когда-же мы, наоборотъ, даемъ совѣты другому въ выборѣ профессіи, или обсуждаемъ исходъ предпріятія другого лица, то мы вполне вѣрно воспринимаемъ всѣ препятствія и вѣроятности неудачи и склонны почти всегда

къ пессимистическимъ предсказаніямъ. Почему? Потому, что тогда чисто субъективный элементъ оптимизма не искажаетъ нашего хладнокровнаго вычисления и не вліяетъ на нашу ошибку. Мы хорошо видимъ трудности, но не видимъ тѣхъ силъ, которыя имѣютъ намѣреніе, а, слѣдовательно, и надежду, преодолѣть ихъ. Эти силы чувствуетъ только ихъ обладатель, который принимается за какое-нибудь дѣйствіе, и поэтому онъ судитъ о его исходѣ совершенно иначе, чѣмъ зритель, который видитъ вещи со стороны и не воспринимаетъ, каково его самочувствіе и сознаніе собственныхъ жизненныхъ силъ.

Очень забавно то, что самые злые скептики обладаютъ этимъ субъективнымъ оптимизмомъ и проявляютъ его при всякомъ случаѣ, часто сами того не сознавая.

Люди, которые считаютъ себя безнадежными пессимистами, испытываютъ почтеніе къ старикамъ и умиляются надъ дѣтьми. Старикъ возбуждаетъ въ нихъ представленіе мудрости и опытности, а младенецъ представленіе многообѣщающаго развитія.

Но вѣдь пока ребенокъ есть ничто иное, какъ безсознательное маленькое животное, которое пачкается, кричитъ и мучитъ окружающихъ, а старикъ для непредубѣжденнаго взгляда представляетъ изъ себя въ тѣлесномъ отношеніи непріятную картину разрушенія, въ сердечномъ—слѣпой, неутолимый эгоизмъ, который совсѣмъ не способенъ заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ самого себя, а въ умственномъ—ослабѣвшее, ограниченное мышленіе, главное содержаніе котораго старья заблужденія и предразсудки и который совсѣмъ недоступенъ для новыхъ представленій. Почему-же однако мы смотримъ съ почтеніемъ и съ благоговѣніемъ на старика и съ нѣжностью на ребенка? Потому что мы счастливы, когда можемъ создать себѣ иллюзіи; потому что конецъ и начало жизни, послѣднія и первая глава, даютъ намъ поводъ собственными средствами создать весь остальной романъ насколько возможно прекраснымъ и поучительнымъ. Мы приписываемъ старику прошлое, а ребенку будущее идеальнаго человѣка, хотя можно побиться объ закладъ, что почтенный старикъ въ юности и зрѣломъ возрастѣ былъ обыкновеннымъ простофилей, дюжиннымъ человѣкомъ, съ достоинствами и недостатками, незаслуживающими ни малѣйшаго вниманія, и что трогательное дитя будетъ несноснымъ повѣсой и прижимистымъ лавочникомъ, который будетъ лгать, раболѣпствовать, клеветать на своихъ ближнихъ, какъ девять десятыхъ людей, кишащихъ вокругъ насъ и не внушающихъ намъ ни почтенія, ни нѣжности. Мы допускаемъ отвратительныя событія только тогда, когда прямо наталкиваемся на нихъ, да и то не всегда; но тамъ, гдѣ вслѣдствіе недостатка точныхъ свѣдѣній о прошломъ и будущемъ, какъ тогда, когда дѣло идетъ о старикѣ и ребенкѣ, намъ предоставленъ выборъ представить себѣ то или другое прекраснымъ или отвратительнымъ, мы не колеблемся ни одной минуты и создаемъ себѣ изъ старика и ребенка свѣтлыя фигуры полубоговъ, которыя суть ни что иное, какъ постоянныя иллюстраціи нашего глубочайшаго оптимизма.

Преданія и сказки, воплощающія міросозерцаніе массъ, постоянно свидѣтельствуютъ о непреоборимомъ, элементарномъ оптимизмѣ народа. Я показавъ выше, какъ хладнокровно каждый индивидуумъ принимаетъ ужасный фактъ смерти. Народъ идетъ еще дальше: онъ превращаетъ эту необходимость въ благо и придумываетъ исторію, въ которой выражается мысль, что смерть есть благодѣяніе, а вѣчная жизнь—ужасное несчастье. Именно такова мораль легенды о вѣчномъ жидѣ, который въ отчаяніи жаждетъ смерти, какъ избавленія, и однако не можетъ найти ее. Не похожъ-ли народъ, который изобрѣлъ эту легенду, на плещу въ баснѣ, которая съ полнымъ убѣжденіемъ называетъ кнѣзьямъ недоступный для нея виноградъ? Безсмертіе недоступно; следовательно, оно трагическое несчастье,—и этимъ мы утѣшены и готовы пуститься въ плясъ. Или прекрасная сказочка о бѣдномъ челоуѣкѣ, котораго слишкомъ давить его крестъ и который умолялъ, чтобы ему дали другой! Его ангель-хранитель повелъ его въ такое мѣсто, гдѣ лежало много крестовъ, большихъ и маленькихъ, тяжелыхъ и легкихъ, остроугольныхъ и округленныхъ; онъ попробовалъ ихъ всѣ подрядъ, но ни одинъ не подходилъ ему. Наконецъ, онъ нашелъ одинъ, который былъ самымъ удобнымъ для него. Но что-же? Это былъ его собственный, который онъ только что хотѣлъ перемѣнить! А веселая исторія о трехъ желаніяхъ, гдѣ малокровная, старая супружеская чета, которой духъ обѣщавъ исполненіе трехъ любыхъ желаній, и которая по удивительно счастливому стеченію обстоятельствъ не можетъ ничего потребовать, кромѣ sospeso! Въ различныхъ формахъ и видахъ здѣсь постоянно выражается тотъ взглядъ, что каждый челоуѣкъ отлично чувствуетъ себя въ своихъ собственныхъ условіяхъ, что онъ неправъ, желая чего-то другого, и что въ сущности горбъ совершенно такъ-же составляетъ счастье горбатаго, какъ высокій ростъ счастье гвардейца.

Истина здѣсь въ томъ, что оптимизмъ, безграничный, нескоренный оптимизмъ составляетъ основное міросозерцаніе людей, инстинктивное чувство, которое присуще имъ во всѣхъ положеніяхъ. То, что мы называемъ оптимизмомъ, есть просто форма, въ которой до нашего сознанія доходятъ собственныя жизненныя силы, жизненный процессъ въ нашемъ организмѣ. Такимъ образомъ оптимизмъ только другое обозначеніе жизненности, подтвержденіе факта бытія. Мы чувствуемъ жизненную дѣятельность въ каждой клѣточкѣ нашего я, ту плодотворную дѣятельность, которая готовится и даетъ намъ предчувствовать наши дѣйствія; такимъ образомъ мы вѣримъ въ будущее, потому что чувствуемъ его въ глубинѣ нашего существа; мы надѣемся, потому что мы убѣждены, что мы будемъ еще жить. Только тогда, когда это сознаніе исчезаетъ вмѣстѣ съ жизненными силами, погасаетъ и исчезаетъ и надежда и закрывается свѣтлая дверь будущаго, но тогда закрываются также и глаза и не могутъ видѣть непріятной перемѣны.

Способность организма приспособляться къ обстоятельствамъ, способность, безъ которой онъ даже не могъ-бы выжить, и живущій внутри его планъ развитія, который побуждаетъ его прохо-

доть опредѣленный кругъ состояній—такова живая подкладка оптимизма, который мы описали, какъ довольство даннымъ и полный надеждъ взглядъ на будущее. Мужественное стремленіе къ цѣлямъ развитія, побѣдоносная борьба съ враждебными вліяніями, движеніе, прогрессъ, надежда, жизнь—все это лишь синонимы оптимизма.

Древній латинянинъ, который избрѣлъ пословицу: „*dum spiro spero*“, „пока я дышу, я надѣюсь“, выразилъ въ краткихъ словахъ всю философію жизненнаго процесса и придалъ основной біологической истинѣ форму классическаго каламбура.

Большинство и меньшинство.

Для каждой благородной души филистеръ есть темная личность. Кто только чувствуетъ въ себѣ самую ничтожную гениальность, едва достаточную для того, чтобы оправдать ношеніе длинныхъ волосъ и презрѣніе къ цилиндру, тотъ упражняетъ мускулы своихъ рукъ на кожѣ филистера—конечно, только въ переносномъ смыслѣ, потому что у филистера бываетъ обыкновенно лакей, если только онъ самъ не носитъ этого званія. Эта вражда—возмутительная неблагодарность. Филистеръ полезенъ и обладаетъ даже относительной красотой, которая присуща совершенной цѣлесообразности. Онъ составляетъ задній планъ картины цивилизации, и безъ его художественнаго ничтожества фигуры передняго плана не произвели бы такого художественнаго впечатлѣнія. Такова его эстетическая роль, но она далеко не самая важная изъ тѣхъ, которыя онъ разыгрываетъ съ такимъ апломбомъ. Развѣ, восхищаясь пирамидами (я не знаю, почему мнѣ опять пришли въ голову пирамиды, можетъ быть, только потому, что они благодаря своей величинѣ особенно пригодны для контрастовъ)—не сознаются, что обязаны ими филистеру, къ которому такъ несправедливо относятся? Конечно, ихъ, вѣроятно, избрѣлъ какой-нибудь талантливый первоклассный государственный инженеръ древняго Египта, но привели ихъ въ исполненіе дѣти Израиля, хотя они, должно быть, были очень обыкновенными натурами, если можно судить объ ихъ народномъ характерѣ по ихъ общепзвѣстному пристрастію къ чесноку. Что намъ за польза отъ концепцій генія? Они живутъ только въ его собственной головѣ и для него самого, но для насъ не существуютъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ неинтересный филистеръ въ бумажномъ колпакѣ и не осуществитъ ихъ; вѣдь филистеръ не разсѣпываетъ своего готоваго къ услугамъ вниманія собственной избрѣтательностью, но, пребывая въ благопріятномъ состояніи полнаго отсутствія мыслей, ждетъ побужденій, наставленій и приказаній отъ избранныхъ. Тотъ, кто самъ можетъ создавать, обыкновенно воплиѣ справедливо считаетъ занятіе переводами ниже своего достоинства. Дѣло избранныхъ умовъ думать и хотѣть; дѣло посредственнаго большинства воплощать мысли и желанія въ форму явленій. Въ чемъ же еще упрекаютъ филистера? Что онъ не легко поддается толчку генія? Это превосходно! За это его слѣ-

дуетъ особенно благословлять. Эта неповоротливость, это устойчивое равновѣсіе, которое не легко нарушить, дѣлаютъ его гимнастическимъ приборомъ вродѣ пращи или гири, на которомъ избранныя натуры могутъ пробовать и развивать свою силу. Конечно, очень трудно привести въ движеніе его дѣйствующую массу. Тѣ усилія, которыя дѣлаетъ геній, пока ему это удастся, составляютъ для него благотворную гимнастику. Когда какая-нибудь новая мысль не въ состояніи овладѣть филистеромъ, то это ясно доказываетъ, что она не достаточно сильна, что она или совѣтъ не годится, или еще не созрѣла; если же, наоборотъ, какая-нибудь концепція дѣйствуетъ на филистера, то она выдерживаетъ первую и самую важную пробу.

Конечно, онъ не способенъ своимъ умомъ изслѣдовать и обсуждать идеи избраннаго; но благодаря своей инерціи онъ превращается въ аппаратъ, который безсознательно, но тѣмъ болѣе вѣрно отличаетъ развитыя и жизнеспособныя идеи отъ незрѣлыхъ и не имѣющихъ цѣны. Было бы понятно, если бы сами филистеры издѣвались другъ надъ другомъ, если бы одинъ филистеръ бросалъ въ лицо другому это презрительное бранное слово, какъ одинъ черный въ гнѣвъ называетъ другого негромъ; потому что въ самомъ дѣлѣ одинъ филистеръ ничего не можетъ предпринять съ другимъ: онъ не можетъ ждать отъ него ни возбужденія, ни развлечения; одинъ видитъ въ неодухотворенномъ лицѣ другого отраженіе собственной ограниченности; одинъ поетъ другому арію скуки; когда двое изъ нихъ очутятся вмѣстѣ, то ихъ обонхъ пугаетъ неприятное безмолвіе ихъ умовъ, у нихъ является подавляющее и обезкураживающее сознание безпомощности, которое испытываютъ люди, привыкшіе имѣть поводыря, когда тотъ вдругъ покидаетъ ихъ. Но одаренный человѣкъ долженъ-бы былъ цѣнить филистера. Вѣдь онъ его богатство, поле, которое его кормитъ! Нужно много работать, чтобы сдѣлать его плодотворнымъ; нужно съ утра до вечера пахать, бороздить, ворочать, перепахивать, сгребать, сѣять, поливать, косить, нужно выносить холодъ и жаръ, по урожай несомнѣненъ, если сѣмена были хороши. Конечно, тому, кто посѣялъ испорченное зерно или камешки, нечего рассчитывать на прибыль, равно какъ и тому, кто посѣялъ финиковыя зерна на берегахъ Куришъ-Гафа. Но если поле при такомъ хозяйствѣ остается непродуцательнымъ, то это не вина поля, а вина того мечтателя, который надъ нимъ работаетъ. Разсудокъ постоянно долженъ стоять на сторожѣ у генія, чтобы указывать ему надлежащее мѣсто и время для выраженія своихъ мыслей. Если только онъ умѣетъ разумно выбирать время и мѣсто, то онъ всегда найдетъ толпу филистеровъ готовой отвѣтить жатвой на его сѣмена. И такъ геній на своемъ банкетѣ должны были-бы по справедливости провозглашать первый задравный тостъ въ честь филистера. Въ чемъ-же состоитъ главное преступленіе филистера? Въ томъ, что не нужно долго искать, чтобы его найти; что онъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ; что онъ есть правило, а не исключеніе. Но если-бы хоть разъ попробовали не обращать вниманія на его количество и посмотрѣли-бы на него са-

мого, то по справедливости должны были-бы признать, что онъ молодецъ хоть куда. Онъ по большей части красивѣе, чѣмъ самая прекрасная обезьяна, хотя, конечно, онъ не такъ красивъ, какъ Аполлонъ Вельведерскій, который вѣдь также сталъ-бы банальнымъ, если-бы представлять собою заурядный типъ челоуѣчества; онъ гораздо ловче, чѣмъ самый дрессированный пудель, хотя онъ не могъ-бы подражать клоуну изъ цирка, котораго также считали-бы неуклюжимъ, если-бы каждый крестьянскій мальчишка умѣлъ стоять на головѣ и дѣлать сальтомортаle такъ-же хорошо, какъ теперь онъ выступаетъ на двухъ ногахъ, и если-бы онъ прокалывалъ рапирой муху на стѣнѣ такъ-же ловко, какъ теперь подбрасываетъ вилами сѣно. Филистеръ часто значительно умѣе устрицы и даже умѣе мудраго слона, хотя онъ и не такъ глубокомысленъ и остроуменъ, какъ Дарвинъ, проникательность котораго философы будущаго будутъ однако цѣнить, вѣроятно, выше, чѣмъ мы цѣнимъ физиологическія теоріи Парменіда или Аристотеля. Кто говоритъ: филистеръ, тотъ просто говоритъ: большинство, а кто презираетъ большинство, тотъ вооружается противъ теоретической основы закона, регулирующаго весь государственный строй.

Конечно, многимъ этотъ проступокъ не только не внушаетъ страха; напротивъ, они имѣютъ къ нему притворное или искреннее пристрастіе. „Я ненавижу низкую толпу и держусь отъ нея особнякомъ“, говорятъ они вмѣстѣ съ Горациемъ; они открыто высказываютъ, что принадлежать къ меньшинству, и гордятся этимъ: они утверждаютъ, что они иначе чувствуютъ, иначе думаютъ, иначе судятъ, чѣмъ чернь, т. е., выражаясь менѣе презрительно, чѣмъ большинство; ничто не показалось-бы имъ общице, чѣмъ названіе банальнѣйшій, которое тоже значитъ лишь похожіи на большинство. Мы сейчасъ займемся вопросомъ о томъ, откуда происходитъ это отвращеніе къ большинству и справедливо-ли оно; но сначала мы посмотримъ, послѣдовательно-ли думаютъ и поступаютъ тѣ выдающіеся люди, которые стараются, чтобы ихъ не причисляли къ массѣ. Если-бы они были логичны, они должны были-бы во всѣхъ проявленіяхъ жизни показывать свое отличіе отъ толпы и выставлять оригинальность своего характера, чтобы ихъ не смѣшали съ большинствомъ, они должны были-бы демонстративно носить одежду другаго фасона, имѣть другія привычки, обычаи, нравственные понятія и постоянно возставать противъ рѣшенія большинства. Дѣлаютъ-ли они это? Нѣтъ, они поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Они находятъ болѣе изящнымъ не бросаться въ глаза, т. е. не выдѣляться изъ презрѣнной толпы; они склоняются передъ общественнымъ мнѣніемъ и имъ очень непріятно быть въ противорѣчій съ нимъ; они представляютъ изъ себя самыхъ сильныхъ столповъ закона, который есть ничто иное, какъ выраженіе взглядовъ народа, т. е. большинства, въ формѣ приказаній; они защищаютъ парламентаризмъ, который покоится на признаніи права большинства навязывать свою волю меньшинству, и во многихъ случаяхъ они мечтаютъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, которое есть апофеозъ ординарности. Я не упускаю изъ виду того, что часто плывутъ

по теченію, не потому чтобы дѣйствительно имѣли намѣреніе двигаться въ этомъ направленіи, но лишь по недостатку силы бороться съ нимъ. Тотъ, кто изобрѣлъ пословицу: „съ волками жить, по-волчьи выть“, выразилъ этимъ суровую необходимость, а не особенное уваженіе къ волкамъ. Но другая пословица называетъ голосъ народа голосомъ Божиимъ и возводитъ филистера прямо на Олимпъ. Остается тотъ фактъ, что даже у людей, презирающихъ толпу, молчаливой предпосылкой важнѣйшихъ дѣйствій и поступковъ является признаніе того, что въ основныхъ чертахъ взгляды толпы вѣрны и достойны уваженія.

Впрочемъ очень немногочисленные люди, которыхъ такъ немного, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ одной руки, имѣли мужество быть логичными. Трейчке провозглашаетъ просвѣщенный деспотизмъ, ту сокращенную систему правленія, которая считаетъ большинство ничтожествомъ и отдаетъ меньшинству, выраженному въ одномъ лицѣ, право думать и рѣшать за весь народъ. Карлейль прославляетъ заслуги героевъ и требуетъ безусловнаго подчиненія массѣ отдѣльнымъ сильнымъ индивидуумамъ. Монтескье говоритъ въ шутку, что судъ присяжныхъ можно принять только съ однимъ условіемъ, а именно, если будутъ считать истиннымъ рѣшеніе не большинства, а меньшинства, такъ какъ среди двѣнадцати присяжныхъ, навѣрное, больше дураковъ, чѣмъ мудрецовъ и, слѣдовательно, рѣшеніе меньшинства будетъ, по всей вѣроятности, рѣшеніемъ мудрецовъ, а рѣшеніе большинства рѣшеніемъ дураковъ. Это лишь ловкая фраза, выражающая ту мысль, что проницательностью обладаетъ меньшинство, въ то время какъ большинство глупо и ограничено. Монтескье выпускаетъ однако изъ виду, что меньшинство, которое заключаетъ въ себѣ все, что не заурядно, содержитъ въ себѣ не только то, что превосходитъ обыкновенную мѣрку, но и то, что не доходитъ до нея, а слѣдовательно, рядомъ съ гениемъ также и слабоуміе и рядомъ съ здоровой оригинальностью болѣзненное извращеніе. Члены академіи составляютъ ничтожное меньшинство въ націи подобно тому, какъ и постоянные жители сумасшедшихъ домовъ; Монтескье поэтому грозитъ опасность пожелать победы одному ученому и двумъ идиотамъ надъ девятью посредственными Шульцами и Мюллерами, что было-бы нелѣпо, какъ сказалъ Эвклидъ. Но я подозреваю, что Карлейль и Трейчке не такъ презираютъ большинство, какъ они показываютъ или, быть можетъ, какъ сами это думаютъ. Просвѣщенный деспотизмъ! Заслуги героевъ! Гм!.. Посмотримъ-ка хорошенько: не значить-ли просвѣщенный деспотизмъ того, что правящій геній доводитъ массу до такого состоянія, что она соглашается съ его взглядами и намѣреніями, принимаетъ его мнѣнія, держится одного съ нимъ направленія, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, восстанавливаетъ согласіе между гениемъ и толпой? А заслуги героевъ, развѣ это не желаніе, чтобы куманекъ Гинць и Куницъ почитали, прославляли и признавали героя, т. е. исключительное явленіе? Мнѣ кажется, что это постоянное поглядыванье на толпу не вяжется съ мнимымъ презрѣніемъ къ ней. Зачѣмъ человѣку, презирающему филистера, дорожить его мнѣніемъ? Зачѣмъ ему его согла-

сіе и поклоненіе? Изъ теоріи Трейчке послѣдовательно вытекаетъ то, что какой-нибудь Фридрихъ Великій или Іосифъ Второй должны были-бы въ сущности отречься отъ престола и передать его какому-нибудь дюжинному человѣку изъ своихъ родственниковъ, потому что сами они слишкомъ высоко стояли, чтобы заниматься всякимъ сбродомъ; они не могли находить никакого интереса въ томъ, чтобы убѣждать дураковъ въ своихъ просвѣщенныхъ мысляхъ, и ихъ перлы созданы не для того, чтобы ихъ метать передъ свиньями. По теоріи Карлейля будетъ оскорбленіемъ собственнаго достоинства, когда какой-нибудь Микель Анжелло выставяетъ Моисея передъ тупымъ зѣвакой съ улицы или Гете печатаетъ Фауста для употребленія въ женскихъ школахъ. Одобреніе людского стада, вмѣсто того, чтобы быть желательнымъ для нихъ, должно было бы внушать имъ подозрѣніе; и они собственно должны были-бы воскликнуть, какъ тотъ послѣдовательный ораторъ: „аплодируютъ—развѣ я сказать какую-нибудь глупость?“ Такимъ образомъ пусть Фридрихъ Великій уединится въ паркѣ замка и не имѣетъ дѣла съ низкимъ народомъ, а Гете отправится на пустынный островъ и декламируетъ тамъ стихи для своихъ собственныхъ ушей, и да здравствуетъ логика!

Здѣсь есть противорѣчіе, котораго нельзя отрицать. Съ одной стороны, утверждаютъ, что презираютъ большинство, съ другой, дѣлаютъ все, имѣя его въ виду: толпѣ отказываютъ въ способности судить о произведеніяхъ генія, но лучшая мечта этого генія есть слава и безсмертіе, т. е. поклоненіе толпы. Отрицаютъ умъ и парламентаризмъ, судъ присяжныхъ, общественное мнѣніе, учрежденія, окруженные глубочайшимъ почтеніемъ, основываются на предположеніи, что большинство обладаетъ не только надежной мудростью, но что оно непогрѣшимо. Считаютъ униженіемъ быть причисленнымъ къ толпѣ, но при всякихъ великихъ событіяхъ гордятся тѣмъ, что чувствуютъ и думаютъ точно такъ-же, какъ толпа. Въ состояніи высочайшаго экстаза древній римлянинъ не находилъ болѣе прекрасной фразы, какъ: „я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“, и онъ былъ-бы, вѣроятно, удивленъ, если-бы какой-нибудь циническій діалектикъ изъ числа его современниковъ возразилъ ему: „ты говоришь, что ты человѣкъ, похожій на другихъ людей; значитъ ты хвалишься тѣмъ, что ты баналенъ?“.

Кажется, я могу разъяснить это противорѣчіе. Мнѣ представляется съ убѣдительною ясностью, что оно покоится на біологическомъ снованіи. Незвѣстная сила, которая организуетъ матерію въ тѣла, производитъ сначала не виды, а индивидуумы. Я не буду излагать здѣсь различныя теоріи происхожденія жизни и оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, образовалась-ли протоплазма въ извѣстное время изъ безжизненной матеріи по распространенному у насъ мнѣнію, или, какъ думаетъ Прейеръ, жизнь во все времена составляла атрибутъ матеріи такъ-же, какъ и движеніе и притяженіе. Достаточно сказать, что причина образованія живыхъ существъ, которая теперь порождаетъ матерію, лежитъ въ другихъ живыхъ существахъ, которая жила раньше ихъ и отъ которыхъ они происходятъ. Жизнь въ послѣднемъ анализѣ есть

образование и разложение бѣлковыхъ азотистыхъ соединеній подѣ дѣйствіемъ кислорода; этотъ процессъ можетъ совершаться въ многочисленныхъ формахъ, и какъ только природа намѣревается (я выражаюсь такъ неточно и такъ антропоморфично только ради удобства) образовать живое существо, она можетъ выбрать для него одну изъ билліона или триллиона мыслимыхъ и возможныхъ формъ. Точно также, если бы она создавала живыя существа заново изъ первоначальной матеріи, то, по всей вѣроятности, каждое изъ нихъ отличалось-бы отъ другихъ, и они имѣли-бы между собою только то слабое сходство, которое было-бы слѣдствіемъ того обстоятельства, что все они въ концѣ концовъ были-бы выраженія, формы проявленія идентичнаго химическаго закона, орудія одной и той же функціи. Но теперь живыя существа, по крайней мѣрѣ насколько это намъ извѣстно, не возникаютъ болѣе изъ первоначальной матеріи путемъ самозарожденія, но образуются изъ нея черезъ посредство родительскихъ организмовъ. Матерія, изъ которой образовалось новое живое существо, прошла черезъ существующій уже организмъ, находилась подѣ его вѣдѣнствіемъ и носитъ на себѣ слѣды его вліянія. Одно изъ необъясненныхъ, но почти несомнѣнныхъ свойствъ матеріи, или точнѣе ея соединеній, есть свойство сохранять полученныя впечатлѣнія, строеніе и форму. На этомъ основывается у единичнаго существа память, у вида наследственность. Новое живое существо, надѣ строительнымъ матеріаломъ котораго дѣйствовало другое живое существо, сохраняетъ полученныя отъ послѣдняго впечатлѣнія и будетъ на него похоже. Въ немъ, слѣдовательно, дѣйствуютъ два различныя закона: первоначальный жизненный законъ, который стремится построить самостоятельные, отличные отъ другихъ, независимые организмы, приспособленные только къ тому, чтобы образовывать и разлагать бѣлковыя азотистыя соединенія (но эта работа можетъ происходить въ любой изъ многочисленныхъ возможныхъ формъ и не нуждается въ томъ, чтобы она была непременно похожа на данную форму), и законъ наследственности, который стремится сдѣлать новый организмъ похожимъ на его родителей, отъ которыхъ онъ произойдетъ.

Сообразно съ этимъ каждый организмъ есть результатъ борьбы обѣихъ тенденцій: примитивнаго жизненнаго закона и наследственности. Первый стремится создавать новыя формы, годныя для отправления жизненнаго процесса, вторая—повторять уже готовыя схемы родителей. Я не могу достаточно сильно подчеркнуть тотъ фактъ, что, по моему мнѣнію, неограниченная свобода выбора между всеми возможными формами первоначальна, а ограничивающее эту свободу сходство съ родительскими формами присоединилось позднѣе. Только при такомъ допущеніи дѣлается понятной вся дарвиновская теорія, которая безъ него была бы не объясненіемъ, а только констатированіемъ воспринятыхъ фактовъ.

Дѣйствительно: если-бы, какъ думаетъ Дарвинъ, и съ нимъ цѣлая толпа его учениковъ и толкователей, наследственность была первоначальнымъ и важнѣйшимъ закономъ, который опредѣляетъ развитіе индивидуума, то какимъ образомъ было-бы мы-

слимо отклоненіе отъ него и его упраздненіе? Порождаемое должно было-бы во всѣхъ своихъ свойствахъ походить на родителя, и если-бы вышнія условія дѣлали это для него невозможнымъ, оно должно было-бы просто погибнуть. Великое явленіе приспособленія къ даннымъ жизненнымъ условіямъ, которое по Дарвину является одной изъ главныхъ причинъ возникновенія видовъ, оставалось-бы совершенно неразрѣшимой задачей. Живое существо, говорю я, не болѣе связано съ одной формой, чѣмъ съ другой: ему необходимо только имѣть такую форму, которая давала-бы ему возможность воспринимать кислородъ и выдѣлять бѣлковыя вещества: именно эта первоначальная безусловная свобода позволяетъ ему принимать ту форму, которая налагается на него вышними обстоятельствами подобно тому, какъ находящееся въ покоѣ свободное тѣло изъ всѣхъ возможныхъ направленій выбираетъ то, въ которое его подвигнетъ самый легкій толчекъ. Дастъ-ли ему родительскій организмъ собственную форму? Хорошо: молодой организмъ приметъ родительскую форму. Вышнія условія, въ которыхъ онъ долженъ жить, стараются придать ему другой видъ, сдѣлать его непохожимъ на своихъ родителей. Хорошо: тогда онъ оставитъ унаследованную форму и, слѣдуя новымъ импульсамъ, приметъ ту, которую стремится придать ему вышнія жизненныя условія. Такимъ образомъ объясняется приспособленіе, которое по этой гипотезѣ является уже не потивоположностью, но аналогіей наследственности.

Біологія, наука о жизни, знаетъ только индивидуума, а не видъ. Только первый есть нѣчто дѣйствительно существующее, самостоятельное, строго ограниченное, второй-же гораздо неопредѣленнѣе, и часто бываетъ невозможно съ точностью опредѣлить его. Два индивидуума никогда не переходятъ одинъ въ другой, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не сливаются. О видахъ этого нельзя сказать: они находятся, наоборотъ, въ постоянномъ, хотя и медленномъ, преобразованіи: ихъ границы смутны и измѣнчивы до неузнаваемости, они развиваются въ новыя формы и въ одну геологическую эпоху являются совершенно другими, чѣмъ были въ предыдущую и, по всей вѣроятности, чѣмъ будутъ въ позднѣйшую. То, что несмотря на это прикрѣпляетъ индивидуумъ къ виду, есть законъ наследственности, т. е. первоначальная способность матеріи оставаться въ томъ расположеніи, которое она приняла однажды, и измѣнять его только подъ давленіемъ новыхъ причинъ, которыя сильнѣе, чѣмъ эта склонность. Современная экономія природы знаетъ, повидимому, только возникновеніе жизни изъ жизни. Теоретически было-бы исполнѣе мыслимо, чтобы жизнь постоянно возникала заново изъ неживой матеріи. Причина того, что этого не происходитъ, лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что жизнь можетъ порождаться съ меньшимъ напряженіемъ дѣятельности родительскаго организма, чѣмъ соединеніемъ первоначальной матеріи, а извѣстенъ основной законъ, проходящій черезъ всю экономію природы и состоящій въ томъ, что она стремится выполнять каждую цѣль съ наименьшею возможною затратой силъ, какую можно только себѣ вообразить. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь логиче-

скую цѣпь жизненныхъ явленій: истинное поле дѣятельности этихъ послѣднихъ, форма, въ которой они осуществляются, есть индивидуумъ, а не видъ. Тотъ-же фактъ, что индивидуумы все-таки похожи другъ на друга и что видъ, повидимому, существуетъ, является слѣдствіемъ двухъ причинъ: во-первыхъ, той, что въ настоящее время, насколько намъ извѣстно, жизнь протекаетъ только изъ другой жизни, во-вторыхъ, той, что существуетъ только-что объясненный законъ наследственности. Происхожденіе отъ родительскаго организма обуславливаетъ сходство и извѣстную связь индивидуумовъ, а первоначальный жизненный законъ обуславливаетъ ихъ дифференціацію и самостоятельность. Въ дѣйствительности не существуетъ двухъ индивидуумовъ, которые были-бы совершенно похожи другъ на друга, и вѣроятно даже, что одинъ индивидуумъ по внутреннимъ и тайнымъ химическимъ и механическимъ процессамъ, происходящимъ въ его основныхъ составныхъ частяхъ, больше отличается отъ другого, чѣмъ одинъ видъ отличается отъ другого вида. Это объясняетъ также и возможность эгоизма, который былъ-бы немислимъ и необъяснимъ, если-бы приходилось разсматривать видъ, какъ нечто дѣйствительно существующее, а не какъ абстракцію человѣческаго ума. Индивидуумъ первоначально сознаетъ только собственное бытіе и значеніе, и только болѣе высокое развитіе мышленія даетъ ему познаніе того, что между нимъ и подобными ему организмами существуютъ обязательныя отношенія и что онъ, примѣняясъ къ нимъ, повышаетъ собственное благосостояніе. Такимъ образомъ, общественное чувство совѣтъ не первоначальное побужденіе, какъ чувство обособленности и эгоизмъ, но есть пріобрѣтенный взглядъ; альтруизмъ не противоположность, но углубленіе и расширеніе эгоизма, и человѣкъ достигаетъ идеальнаго понятія о солидарности такъ же, какъ онъ достигаетъ учрежденія полиціи и бюджета, благодаря сознанію ихъ полезности.

Здѣсь наше биологическое разсужденіе, которое, можетъ быть, до сихъ поръ казалось читателю отступленіемъ, входитъ въ колею нашего настоящаго изслѣдованія. Законъ наследственности обуславливаетъ банальность, первоначальный жизненный законъ— оригинальность. Самыя низкія отправления, которыя въ то-же время наиболѣе необходимы, а потому и наиболѣе часты, и которыя, конечно, выполняли и отецъ и дѣдъ, подчиняются закону наследственности; болѣе высокія и самыя высокія отправления, которыя, наоборотъ, рѣдко бываютъ нужны и которыя предокъ исполнять рѣдко или, быть можетъ, никогда, такъ что они не оставили достаточно глубокихъ слѣдовъ въ его организмѣ, для того, чтобы быть унаслѣдованными, выполняются самостоятельно и своеобразно. Съ положеніемъ, въ которомъ организмъ находится часто и которое одинаково для многихъ или для всѣхъ, организмъ справляется банальнымъ образомъ: въ положеніи-же, которое представляется ему первый разъ, онъ будетъ оригинальнымъ, если не сможетъ его избѣжать. Величайшій гений такъ-же, какъ и самый скромный водоносъ, ѣдятъ ртомъ и слышатъ ушами; французскій поэтъ очень мѣтко говорить: „всегда подражаютъ кому-нибудь, когда садятъ капусту“. Эти отправления одинаковы для всѣхъ и

выполняются всѣми людьми одинаково. Наоборотъ, разница сей-часъ-же проявится, если двухъ людей поставятъ во главѣ общества, подобнаго обществу „Отцевъ пилигримовъ“, которые плыли на „Майфлюверъ“ въ Америку, чтобы основать новое общество,—и если имъ поставятъ задачу завоевать неизвѣстный свѣтъ и устроить новую государственную жизнь.

Организмъ, который надѣленъ лишь обыденнымъ количествомъ жизненной силы, обыкновенно никогда не доходитъ до того, чтобы выполнять болѣе высокія или самыя высокія отправления: онъ совсѣмъ не ищетъ такихъ положеній, которыя не были уже обычны для его предшественниковъ; когда онъ противъ своей воли бываетъ поставленъ въ новое положеніе, то онъ прежде всего старается отдѣлаться отъ него; если это не удастся, то онъ стремится поступить въ немъ по привычнымъ аналогіямъ, т. е. дѣйствовать въ немъ такъ, какъ онъ дѣйствовалъ обыкновенно въ другихъ, часто встрѣчавшихся положеніяхъ, приблизительно похожихъ на новое; но если и это послѣднее жалкое средство не помогаетъ ему справиться съ требованіями новаго положенія, то онъ предоставляетъ дѣло собственному теченію и погибаетъ. Такимъ образомъ онъ постоянно остается въ кругу ответственности: онъ пугается малѣйшаго отступленія отъ сродства съ предками и современниками и ограничиваетъ свою жизнь такъ же, какъ онъ ее началъ: какъ стереотипъ тѣхъ формъ, которыя явились до него и живутъ рядомъ съ нимъ. Но организмъ, жизненные силы котораго выше обыденныхъ, или самъ чувствуетъ стремленіе къ новымъ положеніямъ, или, если онъ бываетъ поставленъ въ нихъ, поднимаетъ ихъ себѣ или приспособляется къ нимъ, не держась данныхъ примѣровъ и не руководясь привычками отцовъ. Такой организмъ побѣдоносно выходитъ изъ границъ ответственности, которая годится только до извѣстной высоты: достигнувъ такой высоты, до которой болѣе слабыя индивидуальности никогда не поднимаются, онъ свободно развивается въ свойственныхъ ему одному и не похожихъ на всѣ другія формахъ.

Итакъ, я свелъ оригинальность и обыденность въ послѣднемъ счетѣ на количество жизненныхъ силъ. Если ихъ имѣется такое количество, котораго какъ разъ достаточно для организма извѣстнаго типа, то онъ остается въ формахъ, доставшихся ему по наслѣдству, и помогаетъ виду удерживать обычную физиономию; если-же, напротивъ, жизненные силы находятся въ избыткѣ, то онѣ преодолеваютъ ту инертность, которая гонитъ матерію въ унаслѣдованныя формы, онѣ вполне свободно, по собственному влеченію создаютъ свой планъ развитія и, можно даже сказать, что онѣ даютъ начало новой разновидности въ видѣ. Жизнь есть самая возвыщенная функція матеріи; обладаніе ею внушаетъ всѣмъ существамъ инстинктивное почтеніе, приблизительно такое, какъ богатство низкимъ натурамъ: такъ какъ только оригинальность покоится на большомъ богатствѣ жизнью, то ее признаютъ выше посредственности, которая получила лишь маленькую ренту жизненной силы. Поэтому презираютъ банальность и стараются быть или, если это невозможно, то по крайней мѣрѣ казаться органи-

нальными. Не желать принадлежать къ толпѣ, значить выдавать себя за миллионера жизниности. Презрѣніе къ филистеру есть форма, въ которой жизни платятъ дань поклоненія. Гораздо больше гордятся ролью родоначальника, чѣмъ ролью потомка, ролью набора, чѣмъ ролью оттиска, и каждому больше хочется фигурировать въ качествѣ заглавнаго листа, чѣмъ въ качествѣ вишней и вскользь занумерованной страницы. Но такъ какъ и самый плодовитый отецъ есть все-таки въ то-же время сынъ, и каждый основатель новой линии имѣетъ предковъ вплоть до асцидии и голыи протоплазмы, то самый своеобразный индивидуумъ все-таки связанъ съ видомъ, и самая могущественная жизниныя силы въ своихъ племенныхъ отправленияхъ подчинены банальности: такъ разрѣшается противорѣчіе между обособленіемъ возвышенныхъ натуръ и ихъ случайнымъ сліяніемъ съ массой. Филистеръ можетъ гордиться хоть тѣмъ, что даже Гете и Наполеонъ, не смотря на всю ихъ оригинальность, не шаче смѣются и плачутъ, спать и бреются, чѣмъ онъ.

У живыхъ существъ, которыя дифференцированы по поламъ, самки, повидимому, обладаютъ меньшимъ количествомъ жизниныхъ силъ и меньшимъ стремленіемъ къ другимъ формамъ, чѣмъ самцы. Почему это такъ, я не могу объяснить, но это несомнѣнный фактъ. Дарвинъ на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ („Происхожденіе человека“) собралъ отдѣльныя наблюденія, изъ которыхъ вытекаетъ, что у большинства родовъ животныхъ самка сохраняетъ типъ вида, въ то время, какъ самецъ часто очень значительно по индивидуально отклоняется отъ него. Въ самцѣ, такимъ образомъ, царствуетъ законъ наследственности, въ самцѣ законъ оригинальности, который я считаю первоначальнымъ жизнинымъ закономъ. Это отношеніе существуетъ также и въ человѣческомъ родѣ. Женщина по большей части типична, мужчина своеобразенъ; у нея обыденная, у него особенная физіономія. Это идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ взглядомъ, но послѣдній совершенно ложенъ. Онъ возникъ оттого, что обыкновенно почерпаютъ свое представленіе о женщинахъ изъ стиховъ и разсказовъ. Поэты руководствовались въ своихъ описаніяхъ женщинъ не честнымъ наблюденіемъ, но безсознательнымъ половымъ возбужденіемъ. Въ беллетристически-научныхъ произведеніяхъ женщина не является трезвымъ, естественно-историческимъ образомъ, но идеальнымъ созданиемъ пылко возбужденной мужской фантазіи: поэтъ не хочетъ изображать, онъ хочетъ ухаживать; когда онъ говоритъ о женщинѣ, то онъ уже не безпристрастный наблюдатель, но истинный искатель любви. Это совершенно искажаетъ наблюденіе, и можно сказать, что женщина является въ поэзіи всѣхъ временъ и народовъ не такой, какъ она есть въ дѣйствительности, но такой, какой она представляется влюбленному мечтателю. Это естественное слѣдствіе того, что вся поэзія первоначально создавалась мужчинами. Если-бы женщины изобрѣли лирику и эпосъ, то изображеніе женщины въ литературѣ было-бы, вѣроятно, болѣе безпристрастнымъ и поэтому очень холоднымъ. Теперь, когда писаніе романовъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, стало почти исключительно работой жен-

скихъ рукъ. женщина-писательница повторяетъ вошедшее въ обыкновеніе и изобрѣтенное мужчиной идеальное изображеніе женщины просто потому, что она неспособна пойти дальше обычныхъ взглядовъ и думать своеобразно. „Женщина, какъ волна, измѣнчива и разнообразна“, учить глубокомысленный философъ; „кто можетъ похвалиться, что знаетъ женщину!“ восклицаетъ вдохновенный лирикъ, облизываясь отъ пріятныхъ представлений; „каждая женщина—тайна и загадка, и ни одинъ изъ этихъ сфинксовъ не похожъ на другую“, увѣряетъ одинъ рассказчикъ и, чтобы разъяснить намъ свою мысль, сплетаетъ цѣлый рядъ невѣроятныхъ исторій. Но все это пустыя фразы, надъ которыми самыя умныя женщины смѣются по большей части и которые нравятся только дурочкамъ, потому что онѣ принимаютъ ихъ за личный комплиментъ. Женщины гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ мужчины. Кто знаетъ одну, тотъ знаетъ всѣхъ за малыми исключеніями. Ихъ мышленіе, ихъ чувства и даже ихъ ви́шній видъ типичны, и Гретхенъ, Юлія и Офелія такъ похожи другъ на друга, что ихъ можно было-бы посчитать за сестеръ съ нѣсколькими различными темпераментами и воспитаніемъ. Отсюда объясняется то, что женщины справляются такъ легко со всякимъ общественнымъ положеніемъ. Конюхъ, который по милости фортуны возводится въ достоинство герцога курляндскаго, все-таки всю жизнь пахнетъ конюшней. Дочь тамбурмажора, которая становится графиней и властительницей королевскаго сердца, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и черезъ нѣсколько недѣль, ничѣмъ не отличается отъ дамы, которая рождена для „Готскаго альманаха“. Не существуетъ женщинъ-выскочекъ. Какъ только женщина усвоила формы своего новаго положенія,—а при ихъ склонности ко всему ви́шнему и мелочному онѣ изучаютъ ихъ съ удивительной легкостью,—то она уже вполне досрочно до этого положенія. Между принцессой и прачкой существуетъ лишь незначительное ви́шнее различіе, сущность-же обѣихъ есть женственность, т. е. независимое повтореніе физиономіи вида. Мыслие объединяетъ всю философію женщины въ одномъ словѣ; онѣ говорятъ: „женщина есть личность“. Это одно изъ самыхъ большихъ заблужденій этого страстнаго и одареннаго пылкой фантазіей, но поверхностнаго писателя. Истинно противоположное утвержденіе: женщина не личность, а видъ.

Конечно, встрѣчаются также такъ называемыя оригинальныя женщины. Но осмѣлюсь-ли дать тебѣ одинъ совѣтъ, читатель? Вотъ онъ: остерегайся оригинальныхъ женщинъ. Отклоненіе отъ типа у женщинъ бываетъ въ восьмидесяти случаяхъ изъ ста болѣзненнымъ. Своеобразная женщина отличается отъ обыкновенной, какъ чахоточный отъ здороваго. А въ остальныхъ двадцати случаяхъ, которые я не могу назвать болѣзною, оригинальность есть умственный обмѣнъ половъ. Что слѣдуетъ понимать подъ этимъ, по всей вѣроятности, извѣстно всѣмъ. Человѣкъ имѣетъ тѣло женщины, по характеръ, взгляды и склонности мужчины или наоборотъ. Народное сужденіе находится на вѣрномъ пути, когда оно называетъ оригинальную женщину мужчиной въ юбкѣ. Въ этомъ выраженіи заключается объясненіе явленія. Какъ только

женщина выдѣляется изъ однообразія; она теряетъ главный изъ своихъ психологическихъ половыхъ признаковъ. Въ доказательство основательности этого взгляда я могу привести то, что оригинальныя женщины нравятся обыкновенно безличнымъ мужчинамъ, въ то время какъ мужественныя индивидуальности съ сильнымъ отпечаткомъ личности имѣютъ пристрастіе къ дюжиннымъ женщинамъ. Это такое частое явленіе, что будетъ излишнимъ приводить въ примѣръ Гете, Гейне, Карлейля, Байрона, Виктора Гюго и т. д. Значитъ, мужчина, въ которомъ жизненные силы недостаточно могущественны, чтобы создать новыя формы, старается путемъ соединенія съ болѣе одаренной женщиной удовлетворить основному стремленію организма къ своеобразнымъ формамъ и развитію; мужчина, болѣе одаренный отъ природы, не нуждается въ этомъ; онъ довольствуется своею собственной оригинальностью.

Съ типичнымъ характеромъ женщинъ связана безнадежная банальность ихъ вкусовъ. Конечно, всякій необыкновенный мужчина, будь его необыкновенность тѣлесной или умственной, какъ все необычайное, возбуждаетъ фантазію женщины и имѣетъ для нея могущественную притягательную силу. Но что же это доказываетъ? Ничто иное, какъ то, что новое возбуждаетъ и очаровываетъ женщину, какъ и всякое высшее животное. Но ихъ первоначальное влеченіе непобѣдимо тянетъ ихъ къ обыкновенному, и совершенно дюжинный человѣкъ, который не отстываетъ отъ нормы ни поразительной глупостью, ни особеннымъ умомъ, который въ своихъ комплиментахъ держится хорошихъ принятыхъ образцовъ, блистаетъ въ разговорѣ о погодѣ, мечтаетъ объ идеалахъ, введенныхъ въ народныя школы, обнаруживаетъ солидарность съ духомъ времени и раздѣляетъ мнѣнія и убѣжденія благороднаго образцоваго гражданина, да притомъ въ цвѣтѣ и формѣ галстука придерживается послѣдней моды,—такое образцовое произведеніе Рафаэля, рисующаго по трафарету, вскружитъ голову 99 женщинамъ изъ ста и рядомъ съ нимъ не устоитъ ни одинъ нарисованный отъ руки экземпляръ высшаго порядка.

Разъ въ столѣтія рождается женщина, одаренная честолюбіемъ. Я прошу не смѣшивать этого высокаго чувства съ низкимъ тщеславіемъ, котораго достаточно у каждой изъ нихъ. Желаніи власти интригантки, комедіантки, кокетки, салонныя Пифіи, которыя хотятъ блистать, конечно, иногда воображаютъ, что онѣ честолюбивы; но въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей доли истины. Имъ нужно непосредственное обаяніе ихъ личности; онѣ хотятъ доставить удовлетвореніе своему низкому самолюбію, тѣмъ, что всѣ будутъ признавать ихъ прекрасными, богато одѣтыми, умными; онѣ хотятъ, чтобы многія женщины имъ завидовали, чтобы многіе мужчины были у ихъ ногъ, чтобы на улицѣ на нихъ оборачивались, а въ театрѣ направляли бинокли; имъ нужны лишь вѣщныя пустыя спутники публичной извѣстности. Честолюбіе есть нѣчто совершенно иное; это есть могущественное стремленіе воплотить свое я въ какомъ-нибудь произведеніи, въ какомъ-нибудь дѣлѣ, которое обезпечило-бы ему существованіе, далеко превосходящее продолжительность тѣлесной жизни индивидуума; это

страстная борьба противъ общаго закона брэнности, благородное желаніе удержать особенную форму своего я, которое считается полноправнымъ, сильнымъ и необходимымъ, и саму природу заставить щадить его. То, что называютъ честолюбіемъ, также вытекаетъ изъ первоначальнаго жизненнаго закона и есть самое крайнее его проявленіе: законъ жизни стремится не только къ самостоятельнымъ органическимъ образованіямъ, которыя не были-бы похожи ни на какія другія, но также пытается сохранить эти образованія, обезпечить ихъ продолжительность и, если возможно, расширить ихъ въ новый видъ. Честолюбіе основывается на избиліи жизненныхъ силъ, которыя женщина врядъ-ли когда-нибудь имѣетъ. Поэтому она мечтаетъ, пожалуй, о завоеваніяхъ, но никогда не мечтаетъ о такъ называемомъ безсмертіи. Ее занимаетъ только то общество, которое ей сейчасъ-же можетъ горячо воскликнуть: „Сударыня, я васъ люблю“; ея кокетство совѣтъ не интересуется перодившимися поколѣніями далекаго будущаго, такъ какъ его поклоненіе и букеты не могутъ достигъ до нея. У ней нѣтъ желанія отклониться отъ вида и основать новую разновидность, для которой она была-бы прообразомъ.

Преобладаніемъ закона наслѣдственности въ женскомъ организмѣ объясняются также всѣ прочія особенности женскаго характера. Она почти всегда врагъ прогресса и самая прочная опора реакціи во всѣхъ формахъ и во всѣхъ областяхъ. Она страстно держится за все старое и вошедшее въ обычаи и смотритъ на все новое, поскольку это не мода, отъ которой она ждетъ увеличенія своей тѣлесной красоты, какъ на личное оскорбленіе. Рабски повторяя все то, что было сдѣлано до нея, она въ своемъ умственномъ мірѣ обращаетъ религію въ суевѣріе, разумныя учрежденія во вышнія формы, дѣйствія, полныя смысла, въ пустыя церемоніи, а постановленія общественной жизни, созданныя первоначально для удобства сношеній, въ тиранническіи и глупыи этикетъ. Она всегда, за рѣдкими исключеніями, которыя я уже допустилъ, является умственнымъ автоматомъ, который долженъ двигаться такъ, какъ его завели, и который, по своему побужденію, не можетъ измѣнить своего движенія. /Теперь, послѣ того, какъ я выяснилъ мое біологическое обоснованіе банальности, мои взгляды на границы оригинальности вытекаютъ сами собой. Субъективно ея права неограничены, но объективно они имѣютъ границы. Когда я одинъ, я могу быть оригинальнымъ; но когда я вхожу въ толпу, то моя первая гражданская обязанность быть обыкновеннымъ. Мысли и дѣйствія, которыя касаются исключительно себя самого, у каждаго свободны отъ опеки обычая; дѣйствія-же, которыя входятъ въ жизненный кругъ другихъ, должны мириться съ тѣмъ, что надъ ними властвуютъ общія правила общезитія. Хотя въ силу первоначальнаго жизненнаго закона я независимый, самостоятельный индивидуумъ, какъ-бы особый видъ, не похожій вполне ни на какое другое существо и развивающійся лишь по своимъ органическимъ законамъ, но въ силу закона наслѣдственности я въ извѣстныхъ точкахъ связанъ съ общимъ видомъ, съ существами, которыя влѣдствіе одинаковаго происхожденія подобны мнѣ, и эта часть моей личности лежитъ

въ сферы моего свободного самоопредѣленія. Здѣсь съ каждымъ изъ насъ случается то-же, что съ близнецами. Думать каждая голова можетъ сама по себѣ, по желанію весело или печально, по возможности умно или глупо; но ходить или сидѣть должны оба близнеца вмѣстѣ. Эти положенія имѣютъ дальнѣйшее примѣненіе. Они обосновываютъ всеобщее голосованіе. Они поддерживаютъ господство большинства въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Мой умственный кругозоръ принадлежитъ мнѣ одному, тамъ я не долженъ выносить того, что мнѣ мѣшаетъ или что мнѣ не нравится, и могу концомъ банника выбросить за черту моего горизонта бумажный колпакъ сесѣда, кисточка котораго нагло торчитъ передо мною, какъ поросшая дѣсомъ горная вершина; но улица, городъ, страна принадлежатъ намъ всѣмъ вмѣстѣ; здѣсь ты.—мой братъ, почтенный филлистеръ; тутъ я долженъ по глазамъ читать твои желанія; тутъ я не смѣю дѣлать ничего такого, что тебѣ не нравится, и если я хочу, чтобы ты оказалъ мнѣ какое-нибудь удовольствіе, то мой проклятый долгъ и обязанность сказать это тебѣ на такомъ языкѣ, который-бы былъ понятенъ, и представить тебѣ такія основанія, которыя были-бы для тебя вразумительны.

Поэтому не можетъ быть оригинальнаго политика, законодателя, государственнаго человѣка. Чѣмъ банальнѣе каждый изъ насъ, тѣмъ лучше для него, тѣмъ лучше для его народа. Кто призванъ создавать учрежденія, въ которыхъ должна жить толпа, тотъ долженъ руководствоваться толпой, а не немногими. Полковой портной работаетъ по общей мѣркѣ, а не на какого-нибудь прекраснаго сложеннаго стрѣлка изъ своихъ знакомыхъ; что выходитъ изъ того, когда лисица приглашаетъ въ гости журавля и угощаетъ его изъ своей фамильной посуды, можно прочесть въ поучительной народной баснѣ. Естественная игра едятъ, впрочемъ, сама собой пренебрегаетъ всякой оригинальности въ дѣлахъ человѣчества или народа. Не пужно быть ни особенно глубокимысленнымъ, ни особенно наблюдательнымъ, чтобы замѣтить, что каждое большое собраніе безнадежно посредственно. Пусть соберутъ четыреста Гете, Кантовъ, Гельмгольцевъ, Шекспировъ, Ньютоновъ и т. д. и заставятъ ихъ говорить и подавать голоса о конкретныхъ вопросахъ. Быть можетъ, ихъ рѣчи и будутъ отличаться отъ рѣчей обыкновеннаго собранія, но ихъ рѣшенія будутъ совершенно такими-же. Почему? Потому, что каждый изъ нихъ рядомъ съ личными особенностями, которыя дѣлаютъ его выдающейся индивидуальностью, имѣетъ унаслѣдованныя родовыя особенности, которыя общи у нея не только съ сосѣдями въ собраніи, но со всѣми безымянными прохожими на улицѣ. Можно выразить это слѣдующимъ образомъ: всѣ нормальные люди имѣютъ нѣчто общее одинаковой стоимости, которое мы назовемъ а, а выдающіеся люди имѣютъ еще нѣчто особенное, что въ каждомъ различно и что мы у каждого обозначимъ различно, а именно b, c, d и т. д. Если-же 400 человѣкъ соберутся вмѣстѣ, будь даже они всѣ гении, то у насъ получится 400 а противъ одного b, одного c, d и т. д. Такимъ образомъ непременно случится то, что 400 а одержатъ побѣду надъ единичными: b, c, d и т. д., т. е. общечеловѣческій

элементъ обратить въ бѣгство элементъ индивидуальный, и почной бумажный колапсъ закроетъ докторскіи беретъ. Разнороднаго складывать нельзя. объ этомъ мы узнаемъ уже въ начальной школѣ. Можно представить себѣ партію тупоголовыхъ людей, но совершенно немыслима партія гениевъ. Большинствомъ голосовъ можно рѣшить вопросъ относительно вкуса кислой капусты, но нельзя добиться оцѣнки различныхъ міросозерцаній. Если-бы мы пожелали устроитъ голосованіе по этому вопросу, то за каждое міросозерцаніе бытъ-бы поданъ только одинъ голосъ,—голосъ его творца.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности филистеръ есть хозяинъ въ странѣ, и самый упрямый чудакъ долженъ танцовать въ тактъ, когда играютъ всеобщій галопъ. Содержание всѣхъ общественныхъ учреждений и всю политику создаетъ не умственная работа какого-нибудь Джона Стюарта Милля или Герберта Спенсера, но стереотипная мысль достойнаго Кунца, который только съ помощью указательнаго пальца можетъ прочесть свою газету. Самый своеобразный гений теряетъ свою физиономію и безслѣдно исчезаетъ въ толпѣ, которая стремится къ урнѣ въ дни выборовъ.

Но долженъ-ли поэтому гений отказаться отъ того, чтобы возвыщать мысли, не похожія на всѣ извѣстныя до сихъ поръ, стремиться къ ихъ осуществленію, и стараться внушить ихъ филистеру? Нисколько. Онъ не только не долженъ, но и совсѣмъ не можетъ сдѣлать этого. Мы вѣдь видѣли, что каждая оригинальная частности имѣетъ непреодолимое стремленіе навязать себя цѣлому и передѣлать его по своему образцу. Но во всякомъ случаѣ гений долженъ отказаться отъ того, чтобы провозглашать свои взгляды въ формѣ приказаній и не ждать, что войско филистеровъ будетъ повиноваться имъ, какъ хорошо дисциплинированный полкъ. Онъ долженъ проповѣдывать, а не командовать. Это громадная разница: разница между миссіонеромъ и полководцемъ. Выше я сказалъ, что филистеръ поле для гения. Этотъ образъ кажется мнѣ такимъ вѣрнымъ, что я возвращаюсь къ нему. Оригинальному мыслителю приходится заниматься труднымъ хозяйствомъ, также какъ воспитателю дѣтей сложнымъ садоводствомъ. Послѣдній прививаетъ къ дичку готовые отпрыски, которые выросли на другихъ благородныхъ, старыхъ деревьяхъ, а первый полною горстью разбрасываетъ зерно и, старательно удобривъ и взборонивъ почву, ждетъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тихаго роста показалась жатва. Здѣсь все вопросъ времени. Дюжинный человѣкъ хочетъ паслѣдовать свои мысли, а не самостоятельно выработать ихъ. Поэтому, если хотятъ, чтобы что-нибудь сдѣлалось общимъ достояніемъ слѣдующаго поколѣнія, то нужно сообщить его предыдущему. Тѣ представленія и соединенія мыслей, которые были уже въ головѣ отца и дѣда и часто повторялись въ теченіе долгой человѣческой жизни, становятся составной частью организма, и сами организуются; мыслить ихъ для индивидуума не трудноѣе, чѣмъ ходить, ѣсть, спать, т. е. вообще выполнять какое-нибудь ставшее органическимъ отправленіе. Наоборотъ, новыя представленія и соединенія мыслей, которыя въ первый разъ появляются передъ индивидуумомъ, нарушаютъ весь ходъ мысли-

тельного аппарата, нуждаются въ новыхъ приспособленіяхъ для своего воспринятія, требуютъ вниманія и вмѣшательства воли и сознанія. Происходитъ то-же, что при механическомъ тканьи. Когда ткется старыи узоръ, на который направлена машина и къ которому приспособился работникъ, то все идетъ гладко, какъ во снѣ; работникъ можетъ мечтать, не думая о своей работѣ, въ то время, какъ ткань растетъ метръ за метромъ. Но если нужно установить новыйи узоръ, то необходимо особеннымъ образомъ поставить станокъ и дать другойи ходъ челноку; надсмотрщикъ самъ долженъ приложить къ этому руку, работникъ долженъ выйти изъ своей сладкой дремоты и стать внимательнымъ, словомъ, работа не идетъ больше сама собой, но должна направляться руками и головой. Дюжинные люди устроены для организовавшойи умственной работы и не могутъ исполнять никакойи другойи. Они недостаточно сильны и ловки, чтобы приспособить свойи станокъ къ другому узору. Задача-же высшихъ натуръ состоитъ не только въ томъ, чтобы изобрѣтать новые узоры, но и въ томъ, чтобы на большой фабрикѣ, называемойи человекомъ, такъ измѣнять станки, чтобы они такъ-же легко могли ткать новые образцы, какъ ткали старыи. Толпа противится новымъ мыслямъ не потому, что она ихъ не хочетъ мыслить, но потому, что она не можетъ ихъ мыслить. Это требуетъ напряженія, напряженіе-же болѣзненно, а всякійи старается отвратить отъ себя страданіе.

Это, повидимому, противорѣчитъ тому наблюденію, что толпа, наоборотъ, любитъ все новое, и что новое имѣетъ у ней успѣхъ. Но достаточно будетъ самаго короткаго разсужденія, чтобы показать, что это противорѣчіе только кажущееся.

Мы ощущаемъ и сознаемъ только измѣненія въ нашей нервной системѣ. Если въ ней ничего не происходитъ, то и наше чувствующее и мыслящее я не получаетъ ничего. Способъ получения извѣстій въ нашемъ организмѣ устроенъ не такъ, какъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ въ центральномъ пунктѣ сидитъ бдительныйи главный надзиратель, который каждую секунду посылаетъ гонцовъ въ переднюю и во дворъ, чтобы разспросить, не происходитъ-ли чего-нибудь новаго; напротивъ, этотъ главный надзиратель сидитъ неподвижно у стола въ своемъ центральномъ кабинетѣ, куда стекаются всѣ вѣсти извнѣ. Если не поступаетъ никакихъ сообщеній, то онъ сидитъ тихо, даже дремлетъ и во всякомъ случаѣ не подаетъ никакихъ признаковъ жизни. Но если извнѣ поступаетъ извѣстіе: „стучать въ правую дверь!“, или „въ окно перваго этажа бросили камень!“, или „стража передняго двора принимаетъ доставленные жизненные припасы!“, или что-нибудь подобное, тогда главный надзиратель пробуждается и моментально даетъ по меньшей мѣрѣи удостовѣреніе въ томъ, что вѣсть дошла и принята къ свѣдѣнію, или отвѣчаетъ приказаніемъ насчетъ того, что должно произойти по поводу сообщеннаго событія. Если-бы было мыслимо, чтобы міръ вдругъ оцѣпенѣлъ въ полной неподвижности, то и наши нервы остались-бы въ томъ состояніи, въ какомъ они были; ничто не дѣйствовало-бы на нихъ, ничто-бы ихъ не возбуждало, ничто не вызывало-бы въ нихъ перемѣнъ, которыя могли-бы дойти до свѣдѣнія созна-

ния. Наши глаза не видѣли-бы, уши не слышали-бы. Форпосты были-бы разставлены на вѣдшей границѣ нашей личности, но имъ нечего было-бы наблюдать и сообщать. Мы перестали-бы думать, и наше сознание было-бы погружено въ сонъ безъ сновидѣній. Такимъ образомъ ощущать значитъ воспринимать, что въ какой-нибудь области нервовъ настоящее состояніе переходитъ въ другое. Почти неизмѣримо короткій промежутокъ времени отъ прекращенія одного и начала другого состоянія и есть собственно все содержаніе міра нашихъ воспріятій. Изъ этого слѣдуетъ, что человекъ, чтобы мыслить, чтобы сознавать свое я, долженъ получать возбужденія; возбужденіе-же производится только переменной, т. е. чѣмъ-нибудь новымъ. А такъ какъ сознание собственнаго я есть необходимое условіе всѣхъ пріятныхъ ощущеній, и даже само по себѣ есть наслажденіе и, можетъ быть, самое сильное изъ всѣхъ, то все новое, всякая переменна, которая, возбуждая нервы, дѣлается источникомъ самосознанія и воспринимается, какъ нѣчто пріятное и весьма желательное. Но для того, чтобы переменна воспринималась, какъ нѣчто пріятное, она не должна быть внезапной и сильной. Новое, которое возбуждаетъ нервы, должно очень слабо, только по степени, по отбѣнку отличаться отъ стараго, которое ему предшествовало. Оно должно быть сосѣдомъ стараго и выступать, какъ его продолженіе. Я поясню это весьма извѣстнымъ примѣромъ: новый фасонъ фрака легко войдетъ въ моду, если онъ не измѣняетъ главныхъ линій и общаго характера этого легкомысленнаго и однако столь почтеннаго костюма и отстунаетъ отъ пріятаго раньше фасона только въ несущественныхъ подробностяхъ, т. е. если у него будутъ болѣе короткія или болѣе округленныя полы, болѣе узкіе или болѣе широкіе грудные отвороты, если они будутъ гладки или выложены шелкомъ; наоборотъ, какому-нибудь остроумному и лишенному предразсудковъ портному было-бы очень трудно распространить парадный костюмъ, который-бы совершенно отличался отъ господствовавшей до сихъ поръ моды, нѣчто вродѣ римской тоги или что-нибудь еще болѣе неизвѣстное. Нѣчто совершенно отличающееся отъ существовавшаго до сихъ поръ возбуждаетъ непріятное чувство, которое можетъ возрасти до сильнаго отвращенія и ужаса. Ломброзо, великій итальянскій психологъ, нашелъ для этого удачное слово: онъ называетъ это отвращеніе, этотъ ужасъ „мизонемомъ“, враждой къ новому, и показываетъ ея проявленія у необразованныхъ людей, у дѣтей и даже у животныхъ. Возвращаясь къ моему сравненію съ ткацкимъ станкомъ, я скажу такъ: ни для машины, ни для работника не составитъ затрудненія, если нитки будутъ другого цвѣта, пока узоръ остается тотъ-же самый. Переменна цвѣта пряжи не требуетъ ни перестановки основы, ни большаго вниманія отъ работника. Только тогда, когда мѣняется узоръ, возникаютъ только-что описанныя затрудненія. Такимъ образомъ объясняется, что хотя новинка и можетъ нравиться толпѣ, но противъ всего дѣйствительно новаго, того, что существенно отличается отъ ея обычныхъ представленій, она борется съ нетишной яростью и часто съ безнадежными усиліями.

Я очень склоненъ думать, что дикіе народы потому печезаютъ передъ врывающеюся цивилизаціей, что страшная перемѣна всѣхъ отношеній требуетъ отъ нихъ ума слишкомъ много новыхъ представленій и индивидуальныхъ усилій. Отдѣльный дикарь долженъ самъ по себѣ, безъ всякой помощи со стороны участвовавшихъ мыслительныхъ процессовъ воспринять, переработать и связать новыя впечатлѣнія, создать изъ нихъ мысли и представленія и отвѣтить на нихъ индивидуальными рѣшеніями и дѣйствіями, которыя воплѣтъ чужды его организму и на которыя совѣтъ не направлены его мозгъ и нервы. Это такая работа, о которой культурный человѣкъ врядъ-ли можетъ имѣть вѣрное представленіе. Вѣдь даже самому оригинальному, самому отличающемуся отъ своихъ соплеменниковъ культурному человѣку сравнительно очень рѣдко приходится воспринимать совершенно новыя впечатлѣнія и создавать совершенно новыя комбинаціи взглядовъ и рѣшеній. А дикарю приходится совершать эту высшую дѣятельность человѣческаго организма внезапно и сразу въ большомъ количествѣ. Ничего имѣть удивительнаго, что она вконецъ совершенно истощаетъ его, и что онъ погибаетъ, подавленный ею. Если-бы была какая-нибудь цивилизація, которая такъ-же безконечно отличалась-бы отъ нашей, какъ наша отличается отъ цивилизаціи новогвинейскихъ папуасовъ, и если-бы она безъ подготовки вторглась къ намъ, то величайшіе философы и государственные люди блага человѣчества нашего времени такъ-же хирѣли и исчезали-бы передъ нею, какъ исчезаютъ дикари передъ нашей цивилизаціей.

Изъ вышесказаннаго вытекаеть мое пониманіе отношеній гения къ филистеру, которое противоположно пониманію Карлейля. Вдохновенный ораторъ заставляеть своего героя появляться подобно капитану Куку передъ толпой дюжинныхъ людей и, указывая имъ на хорошія ружья и пушки, требовать отъ нихъ подчиненія, признанія своего превосходства и преклоненія передъ своимъ высшимъ искусствомъ и наукой. Я не смотрю на жизненный путь избраннаго человѣка, какъ на путешествіе въ южныя моря и какъ на высадку у голыхъ людей. Я не могу приписывать имъ право требовать отъ типичной толпы, которая участвовала свои мысли въ готовомъ видѣ, той-же своеобразной и независимой отъ органическихъ привычекъ дѣятельности ума, которую ему, нетипическому индивидууму, легко выполнить вслѣдствіе большаго органическаго избытка силъ. Если одинокое величіе не удовлетворяеть его стремленію дѣйствовать на другихъ, если онъ не похожъ на извѣстнаго царственного чудака, который хочетъ всю жизнь сидѣть, единственнымъ зрителемъ въ театрѣ и смотрѣть, какъ его мысли даютъ представленіе передъ нимъ однимъ, если онъ имѣеть неразрывное съ большими жизненными силами желаніе обезпечить продолжительное существованіе своимъ формамъ и навязать ихъ другимъ организациямъ, то онъ долженъ взять для своей оригинальности компаньонку, которая называется терпѣніемъ. Онъ долженъ постепенно преподавать толпѣ новыя мысли, какъ чужой языкъ или трудное тѣлесное упражненіе, путемъ примѣровъ, систематическаго изложе-

нія и частаго повторенія. Однимъ словомъ, дѣло здѣсь въ томъ, чтобы подчинить дюжиннаго человѣка игу новой привычки, которую онъ могъ-бы посить такъ-же безъ труда и размышленія, такъ-же автоматически и въ полуснѣ пережевывая ее, какъ и старую; но это совершенно исключаетъ возможность быстрого воздѣйствія.

Читатель замѣчаетъ, что я здѣсь постоянно противопоставляю новыя и старыя мысли, а не лучшія и худшія, болѣе высокія и болѣе низкія. словомъ, что я избѣгаю употреблять опредѣленія, которыя заключали-бы въ себѣ похвалу или порицаніе и свидѣтельствовали-бы о пристрастіи къ однимъ и отвращеніи къ другимъ. Въ тихой или шумной борьбѣ оригинальнаго меньшинства съ типическимъ большинствомъ дѣло идетъ въ дѣйствительности лишь о томъ, чтобы на мѣсто старыхъ, унаслѣдованныхъ понятій поставить новыя; эти новыя совсѣмъ не должны быть лучшими; ихъ существенный признакъ состоитъ лишь въ томъ, что они новы, что они не похожи на общепринятыя. Толпу обыкновенно называютъ глупой. Это несправедливо. Разматриваемая сама по себѣ она вовсе не глупа, она только не такъ умна, какъ самыя умныя индивидуумы даншаго времени. Она просто представляетъ изъ себя ту умственную ступень развитія, на которой вчера стояли лучшіе. Сегодняшніе лучшіе, конечно, ушли дальше, но завтра толпа догонитъ ихъ, и чтобы имѣть право называть ее отсталой и задирать передъ нею носъ, гении завтрашняго дня должны на столько-же превосходить гениевъ сегодняшняго, на сколько эти послѣдніе превосходятъ толпу. Такимъ образомъ, оригинальность и посредственность имѣютъ не абсолютное, а лишь относительное значеніе. Исключеніе стремится стать правиломъ, оригинальность типомъ. Самыя могущественныя природы имѣютъ цѣнность свободно изобрѣтенныхъ моделей, которыя будутъ вѣрно воспроизведены дюжинными людьми. Форма шляпы, которая вчера была придумана смѣлымъ, изобрѣтательнымъ талантомъ и на которую обратили вниманіе на гуляньи въ столицѣ, завтра блистаетъ на головѣ всѣхъ крестьянокъ во время деревенской церковной службы и не привлекаетъ вниманія даже разряженнаго батрака. Чѣмъ-же это объяснить? Развѣ форма стала другой? Нѣтъ. Она только перестала быть рѣдкой. Банальность есть изношенная оригинальность, оригинальность—первое представление, или какъ говорятъ французы, *première banalité*. Мы теперь пожинаемъ плечами, когда застигаемъ какого-нибудь лирическаго поэта на томъ, что онъ сравниваетъ глаза своей возлюбленной со звѣздами, и восхищаемся Ленау, когда онъ, употребляя смѣлый образъ, говоритъ: „по пестрымъ ступенямъ своихъ пѣсень жаворонокъ блаженно поднимается, чтобы утонуть въ небесахъ“. И однако первое сравненіе прекрасно, гораздо прекраснѣе второго. Если влюбленный сравниваетъ глаза любимой женщины со звѣздами, то онъ прежде всего даетъ вполне наглядное описаніе; затѣмъ къ изображенію этихъ глазъ онъ примѣняетъ методъ преувеличенія, который долженъ льстить самолюбію воспѣваемой и давать хорошее представленіе о его собственной экзальтаціи; и, наконецъ, онъ соединяетъ представленіе возлюбленной съ прекраснѣйшими феноменами міроваго цѣлага и въ то-же

время возносить ее изъ нашей бѣдной индивидуальной брешности къ безконечности самой природы. Развѣ можетъ конкурировать съ нимъ сравненіе Ленау, вызывающее въ лучшемъ случаѣ представление о пестро раскрашенной лѣстницѣ, по которой карабкается жаворонокъ, подобно дрессированной лягушкѣ въ аквариумѣ?

Зрѣлище это забавно, и его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать ни красивымъ, ни возвышеннымъ. Сравненіе со звездами, навѣрное, произвело на современниковъ глубокое впечатлѣніе. Когда его въ первый разъ, въ темныя, давно прошедшія времена, нашелъ поэтическій гениі! Оно стало банальнымъ. Почему? Потому, что оно превосходно. Сложный образъ Ленау не будетъ имѣть этой судьбы. Онъ не достаточно глубокомысленъ для этого. Къ этому я и хотѣлъ притти: сегодняшняя банальность не только была вчера оригинальностью, но даже составляла цвѣтъ этой оригинальности, все лучшее и самое цѣнное въ ней, все то изъ нея, что заслуживаетъ долгой жизни, потому что было не только ново, но ново, истинно и хорошо. Шляпу долой передъ банальностью! Она есть собраніе всего самаго лучшаго, что создано до настоящаго времени человѣческой духъ.

То, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, т. е. взгляды толпы, не можетъ быть опредѣляющимъ для лучшихъ умовъ даннаго времени. Но оно заслуживаетъ вниманія лучшихъ людей по столько, по сколько эти взгляды являются плодомъ всего прошлаго развитія человѣчества. Нелѣпый крикъ народнаго собранія состоитъ изъ голосовъ великихъ мыслителей, которые изъ своихъ чашто тысячелѣтнихъ гробовъ говорятъ охрипшими отъ шива глотками политическихъ сапожниковъ; кто дастъ себѣ трудъ разложить шумъ на его отдѣльные элементы, тотъ сможетъ каждый сдѣлавшійся безмысленнымъ лозунгъ, каждую пустую фразу возвести къ ея первоначальному значительному родоначальнику. Общее мѣсто въ рѣчи филистера начало своей жгучей инстинктивная склонность и отвращеніе, каждый предразсудокъ, каждое бессознательное дѣйствіе дюжиннаго человѣка было первоначально результатомъ трудной и серьезной работы мысли исключительнаго человѣка. Большинство въ послѣднемъ счетѣ имѣетъ значеніе прошлаго, меньшинство же можетъ обозначать будущее, если его настоящее окажется дѣйствительнымъ. Аристотель, отецъ нашей теперешней науки въ большей части областей знанія, ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы теперь выдержать экзамена на аттестатъ зрѣлости даже по греческому языку, котораго онъ не могъ изучать такъ основательно, какъ филологъ новаго времени; объясненіе кровообращенія Гарвея, которое казалось современникамъ неслыханно смѣлой ересью, идущей въ разрѣзъ со всѣми признанными истинами, теперь безъ всякаго удивленія преподается въ народныхъ школахъ. Если-бы гениі, который сегодня выдѣляется изъ толпы и гордится тѣмъ, что у него нѣтъ съ ней ничего общаго, что онъ иначе думаетъ и чувствуетъ, чѣмъ она, и что она не можетъ его понять, если-бы этотъ гениі могъ возвратиться на землю черезъ тысячу лѣтъ, то онъ былъ-бы, можетъ

быть, очень удивленъ, услышавъ, какъ маленькіе мальчики высказываютъ его самыя оригинальныя и изумительныя мысли съ той же бѣглостью и увѣренностью, съ какою повторяютъ таблицу умноженія.

При подобныхъ обстоятельствахъ я не могу понять лишь одного: почему консерваторы и реакціонеры, защитники существующаго и борцы противъ нововведеній, бываютъ врагами демократіи. Если-бы они хорошо понимали свои истинныя интересы, то всѣ они были-бы ярыми демократами, совѣтовали-бы султану введеніе всеобщаго голосованія въ Турціи, поставили-бы швейцарскій референдумъ на мѣсто парламента и придавали-бы несравненно большій вѣсъ народному собранію, чѣмъ совѣту министровъ. Толпа всегда консервативна, потому что она руководится въ своихъ поступкахъ унаслѣдованными видовыми влеченіями, а не индивидуальными процессами мысли, и поэтому она умѣетъ справляться только съ унаслѣдованными, а не съ новыми отношеніями. Она можетъ послѣдовать за какой-нибудь могущественной единичной волей, которая можетъ столкнуть ее съ пути привычки, но по собственному побужденію, изъ одного стремленія къ свободному движенію, она никогда не оставитъ колею, испытанную прошлыми поколѣніями. Перевороты всегда дѣло меньшинства. оригинальность котораго не можетъ довольствоваться условіями, не рассчитанными на него и не приспособленными къ нему. Большинство долго сопротивляется тому, чтобы существующія условія признавались отжившими и не нужными: даже тогда, когда оно постепенно подготавливается къ этому въ теченіе долгихъ столѣтій. Единственными дѣйствительными новаторами, которыхъ знаетъ исторія, были просвѣщенные деспоты, о которыхъ мечтаютъ консервативные историки. Наоборотъ революціи, которая исходитъ отъ массъ, неудержимо возвращалась къ общимъ мѣстамъ. На обложкѣ реакціонной исторической книги нужно было-бы помѣщать не портреты Фридриха Великаго и Иосифа Второго, а портретъ одного изъ демократовъ 1848 года въ характерной шляпѣ той эпохи: реакціонеры, если-бы они были справедливы и честны, должны были-бы признать, что баррикады есть основа государственнаго и общественнаго зданія.

Впрочемъ, если я произношу слово „общее мѣсто“ въ связи съ политикою, то это слово въ моихъ устахъ есть выраженіе уваженія. Цѣль политики создать по возможности наиболѣе благоприятныя условія существованія для большинства; поэтому она должна руководствоваться потребностями толпы. Толпа думаетъ и чувствуетъ автоматически по унаслѣдованнымъ формуламъ и организованнымъ привычкамъ: поэтому она съ полнымъ правомъ требуетъ, чтобы ее не заставляли совершать новую индивидуальную духовную работу, которая почти всегда выше ее силъ. Такимъ образомъ, подъ словомъ политика подразумѣвается господство большинства, общее мѣсто, обычай. Раздражительный субъектъ, для котораго эти слова слишкомъ безпристрастны, можетъ на мѣсто ихъ поставить слова тиранніи посредственности, медленность и рутина. Для могучей индивидуальности со своеоб-

разнымъ развитіемъ неприятно приспособляться къ стереотипнымъ условіямъ, которыя какъ разъ хороши для толпы. Но тѣмъ хуже для нея. Она все-таки не имѣетъ права надѣваться на короткія ноги обыденныхъ людей своихъ длинныхъ панталонъ. Всякое учрежденіе, которое правится большинству, хорошо; конечно, оно хорошо не само по себѣ, но для данныхъ условій. Это и не можетъ быть иначе. Предположимъ, что толпа ошибается, она требуетъ безсмыслицы и создаетъ безмысленные законы. Ради Бога, спѣшите исполнить ея требованіе и ввести ошибочные законы! Толпа сейчасъ-же найдетъ, что ей при этомъ стало хуже, чѣмъ прежде, болѣе сильные и дальновидные умы покажутъ ей причину ея страданій, и она быстро потребуетъ необходимыхъ перемѣнъ. Если-же толпѣ противъ ожиданія будетъ хорошо и она будетъ счастлива при безмысленныхъ законахъ, то она имѣетъ полное право по древнему обычаю посредствомъ ostracismus изгнать изъ храма или менѣе элегантно современнымъ способомъ указать полиціи, какъ оскорбителя величества или бунтовщика, того мудреца, который изъ всѣхъ силъ старается убѣдить ее, что это неразумно съ ея стороны. Если толпа глупа, то нужно прежде всего предоставить ей быть глупой. Со стороны болѣе умныхъ прекрасно и благородно, если они хотятъ посвятить себя тяжелому труду съ цѣлю постепенно сдѣлать ее болѣе умной; но толпа прежде всего имѣетъ потребность въ такихъ учрежденіяхъ и законахъ, которые рассчитаны для рогатаго скота, а не для хитрыхъ крючкотворовъ и биржевыхъ спекулянтовъ. Меньшинству-же умныхъ, которымъ приходится жить подъ властью тѣхъ-же законовъ и учреждений, я могу лишь высказать мое искреннее сочувствіе. Представимъ только себѣ на минуту городъ, который населенъ почти исключительно одними слѣпыми. Вѣдь теоретически это мыслимо. Какой-нибудь зрячій сталъ-бы вдругъ требовать, чтобы ввели освѣщеніе улицъ. Его предложеніе, конечно, было-бы прекрасно само по себѣ. Онъ могъ-бы легко привести самыя убѣдительныя основанія необходимости газовыхъ рожковъ и осветить съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ великолѣпное освѣщеніемъ электричествомъ ночи. И однако слѣпое населеніе единогласно отвергло-бы предложеніе, и я хотѣлъ-бы посмотреть на умника, который нашелъ-бы ихъ неправыми, а защитника свѣта правымъ! Абдеръ нужно законодательное собраніе изъ абдеритовъ, а гостямъ изъ платоновскаго „Пиршества“ тамъ нѣтъ мѣста. Но если послѣдніе все-таки живутъ въ городѣ и не хотятъ уѣхать изъ него, то они во всякомъ случаѣ могутъ безприсяженно основывать клубъ и поддѣлываться другъ съ другомъ надъ своими согражданами.

Я думаю, что филлистеръ можетъ быть доволенъ тѣмъ мѣстомъ, которое я ему опредѣляю въ мірѣ. Я считаю его монументальнымъ явленіемъ, памятникомъ прошлаго, который, конечно, часто очень плохо содержится: съ изуродованнымъ носомъ, съ безобразными улучшениями, плохо реставрированный жалкимъ штукатуромъ. Его физіономія есть хромолитаграфія съ картинны, которая имѣетъ высокую художественную цѣнность. Онъ наследникъ гения, который постоянно оставляетъ ему свое драгоцѣнное иму-

щество. Мысленно я всегда вижу надъ его ночнымъ колпакомъ, зеленый тюрбанъ, который означаетъ въ немъ потомка пророковъ. Конечно, гений не позволить ему войти въ его внутренній міръ. Этотъ міръ принадлежитъ ему одному. Тамъ большинство не имѣетъ значенія. Какъ онъ думаетъ и чувствуетъ, это касается только его одного. Но какъ только онъ выходитъ изъ предѣловъ своего внутренняго міра, какъ только онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы вліять только своимъ примѣромъ и дѣйствовать только для себя, онъ долженъ снять свою оригинальную одежду и надѣть мундиръ банальности. Тогда онъ будетъ только почтеннымъ филистеромъ среди филистеровъ. Въ Англіи принцъ или лордъ, который хочетъ играть роль въ городскомъ управленіи, долженъ быть принятъ въ какой-нибудь цехъ. Онъ долженъ по имени стать портнымъ, или суконщикомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Это есть вѣрная иллюстрація моеи мысли.

Ретроспективный взгляд на историю.

На одномъ званомъ вечерѣ я сидѣлъ въ углу и разсматривалъ картину, бывшую у меня передъ глазами. Хозяинъ дома изображалъ на своемъ жесткомъ, неприступномъ лицѣ застывшую улыбку или скорѣе гримасу танцовщицы, по которой было слишкомъ ясно видно, что эта маска взята на прокатъ для этого случая. Хозяйка дома придавала своимъ накрашеннымъ губамъ любезно сладкое выраженіе и по временамъ бросала взгляды, полное ядовитой зависти, на нѣкоторыхъ гостей—женщинъ красивѣе и моложе ея самой. Молодые дѣвушки играли частью искусно, частью такъ неискусно, что ихъ можно было осмѣять и забросать гнилыми яблоками, роль смущенной и робкой невинности. Тамъ были роткии, открытые въ мимомъ смущеніи, глаза, обращенные къ небу въ безконечномъ восхищеніи, тамъ были совершенно безсмысленныя ахи и охи, взрывы идиотскаго хихиканья, которое могли-бы издавать устрицы, если-бы ихъ пощекотать какой-нибудь шаловливый палецъ, слышались остроумныя маленькія отвѣты, при которыхъ хотѣлось протянуть руки къ небу и жалобно вскрикнуть. И при всѣхъ этихъ милыхъ кривляньяхъ удивительное самообладаніе воиша, посѣдѣвшаго въ битвахъ; по временамъ жесткій, неумолимый взглядъ на соперницу, жестоко ели полное ненависти осужденіе ея паружности и туалета, мелко-торгашеское обсужденіе цѣны послѣдняго, научно точное наблюденіе надъ продолжительностью ея разговора съ различными господами и точное установленіе числа ея кавалеровъ и ухаживателей; а среди этого хладнокровнаго расчета каждую секунду въ головѣ мечтательное колѣнопреклоненіе передъ самой собой и повторяющаяся, какъ молитва, пылкая формула самообожанія: „Ты самая прекрасная, самая умная, самая граціозная изъ всѣхъ аминь“. Молодые и желающіе быть молодыми господа были достойными партнерами этого „восхитительнаго дамскаго цѣтничка“, какъ обыкновенно говорятъ. Они поражали всѣхъ бѣлизной и гладкостью своихъ пластроновъ, блескомъ своихъ острыхъ туфель, покроемъ своего фрака. Они умѣли подражать искусству хамелеона, и однимъ глазомъ влюбленно смотрѣли на дѣвицу, другимъ еще гораздо влюбленнѣе въ зеркало. Пустота ихъ умовъ была наполнена однимъ образомъ: образомъ собственной неотразимости. Въ разговорѣ съ дамой каждый изъ

нихъ сѣднлть съ величайшимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ душевныхъ способностей за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производитъ на нее, и старался какъ можно болѣе усилить его всякими ухищреніями въ жестахъ, голосѣ, глазахъ и словахъ. Въ то-же время и дама только о томъ и думала, чтобы произвести на него какъ можно болѣе глубокое впечатлѣніе, и столкновеніе этихъ двухъ безграничныхъ тщеславіи. этого двойного безпощаднаго эгоизма, повидимому, оставляло послѣ себя и въ дамѣ, и въ кавалерѣ чувство пріятнаго самодовольства, которое организмъ всегда пенываетъ послѣ крупной и цѣлесообразной затраты силъ. Рядомъ со страстно влюбленными въ себя дураками и дурами, рядомъ съ безчестными охотниками за скальпами обоихъ половъ, которые въ салонѣ такъ-же, какъ въ дѣвственномъ лѣсу, ищутъ жертвъ, чтобы украсить свой поясъ трофеями, были здѣсь и другія фигуры. интересныя для наблюдателя. Практическіе карьеристы осаждали маменекъ и тетусекъ богатыхъ наслѣдницъ. Отвратительныя пошляки толпились вокругъ какой-нибудь глупой и наглой кокетки, о которой ходили всякіе грязные слухи, и ихъ глаза съ выраженіемъ фавновъ и улыбки сатировъ выдавали тѣ нескромныя представленія, которыя пріятно щекотали ихъ распущенные нервы. Многіе тѣснились около надутаго молодого чловѣка, вліятельнаго частнаго секретаря министра, и не стыдились выслушивать съ подобострастной улыбкой невозможныя пошлости, изрекаемыя этимъ господиномъ. Двѣ молодящіяся дамы съ большими претензіями коймали въ углу знаменитаго поэта и заставляли его повторять глупыя общія мѣста о поэзіи. Одинъ глубокомысленный философъ попалъ неосторожно въ маленькій кружокъ, образовавшійся вокругъ надутаго художника, но былъ настолько добродушенъ, что принялъ участіе въ разговорѣ. Художникъ говоритъ только о самомъ себѣ, о своихъ соперникахъ, своихъ картинахъ, своихъ успѣхахъ, и мыслителю въ теченіе получаса удалось вставить лишь нѣсколько незначительныхъ, даже не умныхъ замѣчаній, при воспомнаніи о которыхъ онъ, навѣрное, самъ краснѣлъ въпослѣдствіи. Какой-то актеръ разсказывалъ безвкусыые театральные анекдоты, съ такимъ вѣсомъ и съ такой торжественностью, какъ будто-бы онъ стоялъ на Синаѣ и возвѣщалъ божественное откровеніе, а изъ глазъ его слушательницъ пылалъ такой огонь обожанія, что чуть не прожигалъ жилеть священнодѣйствующаго комедіанта. Одинъ миллионеръ осматривалъ пеструю толпу и размышлялъ, пренеполненный самодовольствомъ, насколько онъ выше и значительнѣе этихъ поэтовъ и философовъ, актеровъ и художниковъ,—всѣхъ этихъ людишекъ, которые благодаря модѣ и предразсудкамъ общества пользовались извѣстнымъ уваженіемъ, но которые все вмѣстѣ не стоили и сотой доли его подпиеи. И вся эта смѣсь безсмысленнаго невѣжества, глупаго жеманства, ограниченности и низости, безмѣрнаго эгоизма и глупости битыхъ пять или шесть часовъ кружилась то въ танцахъ, то въ разговорѣ подъ гармоническій аккомпаниментъ музыки или стука тарелокъ и чашекъ, пока наконецъ все не развѣхалось съ вытянутыми лицами и черными кругами подъ глазами.

Вернувшись домой, я по своей дурной привычкѣ обдумывалъ впечатлѣнія вечера. Зачѣмъ я утомлялъ себя этой нездоровой бессонной ночью? Зачѣмъ я лишалъ себя удобной постели. ради того, чтобы въ жарѣ и тѣнотѣ дышать воздухомъ, кислородъ котораго уже былъ поглощенъ грубыми, глухими, скверными или безразличными людьми? Какую пользу для тѣла, ума или души извлекъ я изъ этого похождения? Получилъ-ли я хоть одно пріятное впечатлѣніе, услышалъ-ли хоть одно умное или остроумное слово, хотѣлось-ли мнѣ самому сказать что-нибудь разумное? Оглядываясь на только-что пережитые часы, я не увидѣлъ ничего; то была пустыня, на которой виднѣлось лишь нѣсколько верблюжьихъ костей, да вдали слышался вой шакаловъ; темнота, въ которой изрѣдка мелькали отвратительные болотные огоньки, — мрачный пробѣлъ въ жизни; я стыдился трусости, заставившей меня принять приглашеніе только потому, что нельзя было обидѣть отказомъ важнаго и вліятельнаго хозяина. Я почувствовалъ униженіе при воспоминаніи о той безнравственной терпимости, съ которой я выслушивалъ безстыдно надменные или плоско глупыя замѣчанія, вѣжливо улыбаясь на нихъ; о той непонятной слабости, съ которой я самъ принималъ участіе въ болтовнѣ людей и вступалъ въ грязь ихъ взглядовъ. Теперь это казалось мнѣ преступнымъ соучастіемъ, достойнымъ наказанія и не имѣющимъ смягчающихъ обстоятельствъ. Я испытывалъ настоящее похмелье. тѣмъ болѣе мучительное, что я не испыталъ передъ тѣмъ удовольствія опьяненія. И какъ это обыкновенно бываетъ, я срывалъ свое неудовольствіе не на себѣ, единственномъ въ сущности виновникѣ, а на другихъ. Вѣдь людямъ такъ свойственно дѣлать другихъ отвѣтственными за тѣ неудобства, которыя они причиняли себѣ сами. Я старался поэтому облегчить свое горькое настроеніе, произнося общій обвинительный приговоръ всему чловѣчеству. Все это одинъ шуты, ослы или негодяи! Жвачныя животныя, кровожадные звѣри или обыкновенныя дворняжки, щенковъ которыхъ томятъ и раздають. Они или отвратительны, или ужасны! Плутомъ или дуракомъ долженъ быть тотъ, кто безъ крайней нужды отправляется къ этимъ скотамъ и добровольно воетъ съ волками, реветъ съ быками, съ коршуномъ восторгается вкусомъ падали и ухакивается за индюшкой, восторгаясь ея умомъ.

Въ то время, какъ подобныя мысли смѣняли другъ друга въ моемъ умѣ, мой взглядъ случайно упалъ на микроскопъ, который остался на письменномъ столѣ послѣ утреннихъ занятій. Этотъ инструментъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, котораго я никогда не испытывалъ раньше. Пусть мое сравненіе покажется страннымъ, но мнѣ представилось, что онъ предсталъ передо мной, какъ обнаженъй Фрипа передъ аѳинскими судьями, и сказалъ: „посмотри на меня и тогда осуди, если можешь“. Во мнѣ поднялся какой-то голосъ, который серьезно и настойчиво назвалъ меня несправедливымъ и восторженно хвалилъ то чловѣчество, которое я только-что проклиналъ. Какъ могъ я называть глупыми и поверхностными тѣхъ-же самыхъ людей, которые изобрѣли микроскопъ? На какую глубокую, непрерывную, сильную умственную работу указывалъ этотъ инструментъ! Возможно,

что первоначально просто случаи показать, какое дѣйствіе производить на лучъ свѣта выпуклое и вогнутое стекло или соединеніе ихъ. Но человѣческой умъ долженъ былъ переработать этотъ случай, чтобы извлечь изъ него все его послѣдствія. Нужно было простѣдить и точно установить ту дорогу, которую прокладывали себѣ лучи свѣта черезъ различные стекла, то расходясь, то идя параллельно, то соединяясь. Нужно было найти геометрическую теорію этого явленія. Нужно было приготовить снаряды изумительной тонкости, чтобы провести на стеклянной пластинкѣ черточки, которыя дѣлать миллиметръ на сотыя доли. И ради чего прилагали они столько труда и остроумія? Чтобы отодвинуть границы познанія на крошечное, едва измѣримое протяженіе. Вѣдь только совершенно несвѣдущіе люди могутъ заблуждаться насчетъ дѣйствительныхъ услугъ, которыя оказываетъ микроскопъ. То, что мы различаемъ въ микроскопѣ, не только по объему, но и по важности незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ невооруженнымъ взглядомъ. Собака замѣчательнѣе инфузорицъ, а дубъ замѣчательнѣе бактерій. Артерія гораздо удивительнѣе вольного сосуда, сложное движеніе руки поразительнѣе, чѣмъ сократительное движеніе комочка протоплазмы или Брауновское мерцаніе крошечныхъ неорганическихъ частицъ матеріи: а человѣческая грудь со всемъ, что въ ней содержится, во много разъ интереснѣе клѣточки со всемъ ея содержимымъ. Тѣ свѣдѣнія относительно вселенной и нашего я, которыя даетъ намъ одинъ взглядъ на видимый міръ, не могутъ даже сравниться съ тѣми, которыя даетъ намъ самое прилежное изученіе микроскопическихъ препаратовъ.

О томъ, что мы собственно хотѣли-бы знать: каково внутреннее строеніе тѣлъ, изъ какихъ послѣднихъ, простыхъ составныхъ частей они состоятъ, какъ дѣйствуютъ химическія и жизненные силы,—обо всемъ этомъ микроскопъ не говоритъ намъ ничего. Послѣдняя форма, которую намъ открываютъ лучшіе изъ этихъ инструментовъ, есть клѣточка, въ которой мы различаемъ ядро. Пожалуй, мы видимъ, что это ядро состоитъ изъ оболочки съ явнымъ, но всея вѣроятности, содержаніемъ и центральнымъ тѣльцемъ. Но дальше мы ничего не видимъ и не различаемъ. Судя по его дѣятельности, мы должны предположить, что ядро клѣточки также чрезвычайно сложный механизмъ, и чтобы проникнуть въ тайну жизни, мы должны были-бы знать его строеніе и дѣятельность. Между ядромъ клѣточки, еще доступнымъ для нашего наблюденія, и его послѣдними составными частями лежитъ такое громадное разстояніе, что кусочекъ дороги между тканью, видимой простымъ глазомъ, и клѣточкой, которую мы открываемъ съ помощью микроскопа, можно совѣмъ не принимать во вниманіе. Вѣдь это все равно, какъ если-бы я хотѣлъ, сидя въ комнатѣ, въ Берлинѣ, увидѣть Нью-Йоркъ и открыть-бы дверь для этого; такъ что мое поле зрѣнія расширилось-бы на цѣлую ширину передней. И ради такого незначительнаго расширения поля зрѣнія люди потратили столько труда, приложили столько успѣдливой работы, ума и искусства!

Отъ моего микроскопа мой взглядъ переноситъ на книжнѣйшій шкафъ, гдѣ я прежде всего увидѣлъ сочиненія Томсона и Гельмгольца. Я сталъ размышлять о томъ, что мы знаемъ теперь о такъ неточно называемыхъ тайнахъ природы. У природы нѣтъ никакихъ тайнъ. Она дѣлаетъ все съ добродушной откровенностью. Ея отправления происходятъ среди бѣлаго дня, производятъ свѣтъ и шумъ и сопровождаются явлениями, привлекающими вниманіе. И если мы не понимаемъ того, что происходитъ въ насъ и вокругъ насъ, то это уже наша вина или скорѣе слабость. Какъ беззаботные родители говорятъ обо всемъ въ присутствіи маленькихъ дѣтей въ полной увѣренности, что еще слишкомъ мало развитой умъ маленькихъ незамѣчаемыхъ слушателей не въ состояніи охватить содержаніе разговора и запомнить что-нибудь, кромѣ отдѣльныхъ словъ, такъ и природа въ нашемъ присутствіи производитъ всю свою работу, а мы, какъ глухія дѣти, смотримъ и не понимаемъ, замѣчая лишь по временамъ какой-нибудь ея пріемъ, какое-нибудь часто повторяемое движеніе или слово и не подозрѣвая, что обозначаетъ все ея цѣлое и къ какой цѣли оно идетъ. Какъ видитъ читатель, я не преувеличиваю размѣровъ нашихъ знаній о природѣ. Но на какія высокія качества людей указываетъ даже то немногое, что мы успѣли подсмотреть у великой матери-природы! Чтобы дойти до современнаго состоянія науки, нужно въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій наблюдать, изощрять остроуміе, память, способность комбинировать, силу воображенія, до крайности напрягать терпѣніе и вниманіе, избѣгать самыхъ тонкихъ ловушекъ, побѣждать упорныя привычки мышленія. Любимый образъ моей фантазіи—Инеагоръ, который въ качествѣ знаменитаго иностраннаго ученаго, подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ, осматриваетъ физическія и химическія лабораторіи одного изъ большихъ современныхъ университетовъ. Я представляю себѣ его уметвленное состояніе и смѣсну удивленія, благоговѣнія и восхищенія на его лицѣ, когда ему показываютъ и объясняютъ аппараты, которые, разлагая лучи солнца и даже лучи туманныхъ массъ, опредѣляютъ химическую природу ихъ источниковъ, аппараты, которые вычисляютъ число колебаній какого-нибудь звука въ секунду, число и амплитуду свѣтовыхъ лучей, быстроту электрическаго тока, проходящаго черезъ мѣдную или серебряную проволоку, опредѣляютъ количество теплоты, которая выдѣляется и поглощается при химическомъ соединеніи и разложеніи двухъ газовъ. Какой кругозоръ внезапно открылся-бы передъ нимъ! Какое божественное расширеніе предѣловъ ума почувствовать-бы онъ въ себѣ! А вѣдь этотъ старій, великій грекъ уже и самъ знаетъ такъ много, и у него была уже идея, что въ явленіяхъ природы нужно искать точныхъ, простыхъ численныхъ отношеній. Сколько пытливости понадобилось для того, чтобы только панасть на предположеніе, что воздухъ, которымъ мы дышимъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тѣлъ, что простая, обыкновенная, столь знакомая и потому, навѣрное, въ теченіе тысячелѣтій не обращающая на себя вниманія вода состоитъ изъ двухъ газовъ, что звукъ есть въ дѣйствительности колебаніе вознѣ, а цвѣтъ ничто иное, какъ продуктъ сотенъ ты-

сятъ или милліоновъ колебаній! Анализируя свои чувства, я нахожу, что меня меньше удивляютъ тѣ факты, которые мы знаемъ, чѣмъ стремленіе, заставляющее насъ искать ихъ. Тѣ люди, которые посвятили простой водѣ годы изслѣдованія и наблюденія, которые исходи изъ того наблюденія, что подъ вліяніемъ теплоты она переходитъ въ газообразное состояніе, задали себѣ вопросъ, не состоитъ-ли и паръ, въ свою очередь, изъ болѣе простыхъ паровъ или газовъ,—эти люди не были глупы и поверхностны. Они не довольствовались поверхностнымъ знаніемъ, они стремились проникнуть въ глубь вещей. Или люди, которые остановились на такой обычной вещи, какъ зрительныя и слуховыя впечатлѣнія, и показали, что эти, повидимому, простые и недѣлимыя впечатлѣнія состоятъ изъ многихъ составныхъ частей. Развѣ можно назвать ихъ поверхностными и беззаботными эпикурейцами? Нѣтъ, эти люди были нравственны; это были глубокіе и великіе характеры. Они не искали удовлетворенія грубыхъ страстей, но наслаждались самымъ высокимъ изъ доступныхъ намъ стремленій—стремленіемъ къ истинѣ и познанію. Конечно, найти новую истину это также удовольствіе и, быть можетъ, болѣе сильное, чѣмъ то, которое намъ можетъ доставить всякое физическое удовлетвореніе. Архимедовскій крикъ „Эврика!“ болѣе радостно звучитъ въ исторіи человѣчества, чѣмъ всѣ восторженныя восклицанія влюбленныхъ, соединившихся въ первомъ объятіи, а безмолвный ужасъ Ньютона, когда его кошка, перевернувъ лампу, сожгла листки съ его самыми важными вычисленіями, былъ, вѣроятно, столь-же мучительнымъ, какъ ощущенія Наполеона при Ватерлоо. Но это удовольствіе совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, которое можетъ доставить хорошій ужинъ или даже пѣльи, простирajícíся до самой смерти, рядъ хорошихъ ужиновъ, превосходные костюмы, льстивыя рѣчи сосѣдей за столомъ, такъ называемыя побѣды и свѣтскіе успѣхи; и, однако, есть люди, передъ которыми можно преклониться, люди, которымъ не нужно ничего въ жизни, кромѣ надежды найти истину, и для которыхъ найти новое познаніе составляетъ все ихъ счастье и радость.

Рядомъ съ физиками, астрономами, естествоиспытателями я увидѣлъ философовъ. Фехперъ, Лапге, Вундтъ, Целлеръ, Лацарусъ, Спенсеръ, Бенъ, Милль, Рибо, вотъ имена, которыя я прочелъ на корешкахъ дорогихъ мнѣ книгъ. Это было какое-то макбетовское видѣніе: головы, украшенныя гербами, фигуры въ коронахъ появились передо мной; длинный рядъ королей показался изъ темноты и торжественно проходилъ мимо меня, привѣтствуя меня легкимъ наклоненіемъ своихъ могучихъ головъ и одобрительнымъ взглядомъ. Въ противоположность Макбету я испыталъ при этомъ видѣніи не ужасъ, а невыразимый подъемъ духа. Вѣдь эти цари, эти завоеватели новыхъ умственныхъ областей, эти побѣдоносные полководцы въ борьбѣ съ могущественными заблужденіями не были врагами; они были мои собственные гордыми предками, и сознаніе хотя самаго далекаго родства съ ними, хотя самаго отдаленнаго происхожденія отъ нихъ, есть несравненное наслажденіе. А этого происхожденія

и этого родства нельзя оспаривать. Все мы, причастные къ прогрессу нашего времени, принадлежимъ къ семьѣ этихъ уметвенныхъ королей, хотя, быть можетъ, иногда въ качествѣ младшихъ сыновей и безъ надежды занять когда-нибудь болѣе высокое положеніе.

У насъ есть фампльное сходство съ ихъ величавыми обликами: мы обладаемъ фампльными драгоценностями мыслей и взглядовъ, которые мы отъ нихъ унаслѣдовали. Они, какъ великаны, творили для насъ, и мы живемъ, не задумываясь объ этомъ, среди знаний, приобрѣтеніе которыхъ стоило большаго труда, чѣмъ все геркулесовскіе подвиги, взятые вмѣстѣ.

Я повторилъ то, что и до меня уже повторяли столько разъ, что это сдѣлалось общимъ мѣстомъ: подъ вліяніемъ труда Леббога о „Допсторическихъ временахъ“, я обозрѣлъ въ умѣ все развитіе человѣческаго рода отъ его перваго появленія на землѣ и до настоящаго времени. Какой подъемъ! Какой рядъ славныхъ и возвышенныхъ картинъ! Люди, которые оставили отбросы своей пищи въ датскихъ болотахъ и свои черепа въ долинахъ Неандра въ Кро-Маньонѣ и Салиотрѣ, стояли немного выше болѣе одаренныхъ животныхъ и, можетъ быть, не такъ высоко, какъ тотъ образованный пудель, котораго сэръ Джонъ Леббокъ учитъ теперь читать; во всякомъ случаѣ они стояли ниже, чѣмъ жители Огненной земли, бушмены или какія-бы то ни было живущія теперь племена. Они были хуже защищены отъ холода и сырости, чѣмъ голые дождевые черви, которые могутъ по крайней мѣрѣ быстро и легко зарыться въ землю. Они были слабѣе большихъ плотоядныхъ, медленнѣе копытныхъ животныхъ и беззащитнѣе рога-тыхъ травоядныхъ. Тамъ, гдѣ они не могли найти никакихъ плодовъ, эти жалкія существа сидѣли на берегу моря и ждали отлива, чтобы на обнаженномъ морскомъ днѣ найти какихъ-нибудь червей для пищи. Но въ этихъ несчастныхъ созданныхъ живото-вѣ что такое, что дѣлало ихъ гордостью земли. Это были единственныя изъ всего ряда извѣстныхъ намъ существъ, которые не покорились своей судьбѣ и подняли войну противъ жизненныхъ условій, созданныхъ для нихъ природой. Они были голы! Но они изобрѣли одежды, начиная отъ мнѣчскаго фигового листка, до шелковыхъ и бархатныхъ платьевъ, вышедшихъ изъ рукъ извѣстнаго всему міру портного и признаваемыхъ вполне серьезными людьми за произведенія искусства. Дождь беспокоилъ ихъ! Они построили себѣ убѣжища, начиная отъ гнѣзда изъ сплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, до купола св. Петра работы Микель Анжело и въ промежуткахъ нашли время для такихъ шутокъ, какъ зонтикъ, и шляпа панама. Они недостаточно скоро бѣгали! Но сначала они осѣдлали лошадь, а въ концѣ концовъ дошли до повѣзда-молнии, развѣгааясь по дорогѣ изобрѣтеніемъ дрожекъ, велосипеда. Они были слабѣе большихъ животныхъ! Но Крупъ и Вейпледъ свидѣтельствуютъ о томъ, что намъ нечего больше особенно бояться нашихъ враговъ. Не останавливаясь ни на одну минуту, постоянно двигаясь впередъ, они шли все дальше и все выше, поднимаясь отъ плетенія лыка до механическаго ткацкаго станка, отъ каменнаго топора до электрическаго аккумулятора.

Каждое поколѣніе принимало участіе въ этой работѣ, каждое безъ исключенія. Приходится иногда читать и слышать, что люди забыли нѣкоторыя важныя изобрѣтенія: что древнимъ египтянамъ, индусамъ и евреямъ были извѣстны нѣкоторыя искусства и силы природы, или безвозвратно утеряныя нами, или такія, которыя мы должны были вновь открывать послѣ ихъ тысячелѣтняго исчезновенія. Это совершенно невѣроятно. Подобное мнѣніе есть порожденіе той-же самой мистики, которая внушила людямъ столь распространенную легенду о „добромъ старомъ времени“, о лежащемъ въ прошломъ „золотомъ вѣкѣ“. Совершенно неосновательно мнѣніе, что въ исторіи человѣчества были эпохи реакціи или даже застоя. Противоположное утвержденіе основано на неточномъ наблюденіи или на односторонности. На Юкатанѣ среди дѣвственнаго лѣса нашли развалины большихъ храмовъ, которые свидѣтельствуютъ о высокоразвитомъ строительномъ искусствѣ, въ то время какъ теперешніе обитатели этой страны живутъ въ хижинахъ изъ древесныхъ вѣтокъ. Въ средней Азіи кочуютъ пастушескія племена, убѣжищемъ которыхъ служатъ войлочные юрты: они топчутъ ногами развалины обшранныхъ городовъ, каменныхъ дворцовъ, водопроводовъ, кирпичныхъ галлерей и надписей. Въ Египтѣ пирамиды и башни смотрятъ на глиняныя лачуги феллаховъ. Начало среднихъ вѣковъ является какъ-бы паденіемъ древней греко-римской культуры. Я не выпускаю изъ вида всего этого. Но что мы замѣчаемъ въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ? Лишь то, что люди временно переставали имѣть и удовлетворять потребность въ роскоши. Забыто могло быть лишь прекрасное, не существенное, но необходимое никогда. Люди могли потерять умѣніе вышивать свои платья, но они никогда не могли потерять умѣнія одѣваться, разъ они научились этому. Люди могли перестать золотить свои крыши, но никогда не переставали строить самыя крыши. Существенныя знанія, т. е. предназначенныя для того, чтобы вооружить человѣческую врожденную безпомощность противъ враждебной природы и такимъ образомъ облегчить ему самосохраненіе, человѣкъ никогда не забываетъ, но наоборотъ всегда поддерживалъ и распространялъ. Случалось, что варварскіе народы нападали на государства, одряхлѣвшія и услабленныя высокою цивилизаціей, и разрушали ихъ. Въ такихъ случаяхъ кричатъ о регрессѣ и отчаяніи, но это несправедливо. Побѣдоносные варвары въ этихъ случаяхъ никогда не останавливались на одной точкѣ. Они развивались дальше или сами по себѣ, или учась у побѣжденныхъ. Побѣжденные также не регрессировали, но не потому, чтобы имъ не было свойственно идти по прежнему пути, но потому, что ихъ новые господа мѣшали имъ жить по прежнимъ привычкамъ. Я повѣрилъ-бы въ возможность человѣческаго регресса, если-бы мнѣ на протяженіи цѣлой міровой исторіи указали хоть одинъ случай, когда какой-нибудь народъ, безъ всякаго виѣшняго непреодолимаго принужденія, и оставаясь въ прежнихъ обычныхъ условіяхъ, быстро или постепенно спустился съ достигнутой ступени цивилизаціи на болѣе низкую. Я типетно ищу такого случая.

Убѣжденные люди, презирающіе родъ людской, не чувствуютъ никакого уваженія къ матеріальному прогрессу. Что изъ того, что мы можемъ теперь сообщаться по телефону и телеграфу, или что мы стрѣляемъ уже не изъ луковъ, а изъ многоствольныхъ орудій, говорятъ они. Какъ-бы ни были прекрасны и полезны эти изобрѣтенія, они вовсе не указываютъ ни на добрыя чувства, ни даже на особенный умъ людей. Ихъ происхожденіе можно почти всегда приписать просто случаю, а ихъ усовершенствованіе бываетъ обыкновенно дѣломъ низкихъ стремленій. Изобрѣтатель паровой машины думать не о томъ, чтобы облегчить трудъ бѣднымъ носильщикамъ или бурлакамъ, а о томъ, чтобы обогатиться и приобрести славу. Ни одинъ изобрѣтатель не удовольствовался однимъ сознаніемъ того, что онъ оказалъ услугу человѣчеству; всѣ они пламенно добивались патента, налагавшаго на любезное человѣчество часто очень тяжелую подать за пользованіе новымъ удобствомъ, и громко кричали, если человѣчество недостаточно почтило и вознаградило ихъ. Такимъ образомъ желѣзныя дороги и машины вовсе не опровергаютъ мифы о ничтожествѣ людей.

Я не стану опровергать этихъ доводовъ каждаго въ отдельности; скажу только: какъ велики рядомъ съ матеріальными также нравственные и умственные успѣхи человѣчества! Какую сумму благородства, вѣрности убѣжденіямъ и возвышеннаго образа мыслей заключаетъ въ себѣ исторія! Конечно, если угодно, то можно смотрѣть на нее, какъ на рядъ дикихъ войнъ, свотевныхъ разрушеній, интригъ, лжи, несправедливостей и насилій. Но люди не виновны въ томъ, что историки съ особеннымъ пристрастіемъ останавливались на дурныхъ и преступныхъ сторонахъ событій. Событія имѣютъ также и прекрасную сторону, только ее нужно умѣть найти. Среди ужасной рѣзни сраженій проявляются прекрасныя качества самоотреченія, безкорыстія и любви къ ближнему. Во время Внѣлеемскаго избіенія младенцевъ, навѣрное, многія матери имѣли случай обнаружить всѣ сокровища любящихъ до самозабвенія сердце, и я не сомнѣваюсь, что въ Варфоломеевскую ночь не было недостатка въ подвигахъ трогательной вѣрности и удивительнаго геройства. На каждой страницѣ міровой исторіи сіяютъ имена мучениковъ, борющихся и страдавшихъ за то, что они считали истиной. За каждое познаніе, за каждый шагъ впередъ лилась благородная, великодушная кровь,—и часто лилась ручьями. И какой-же награды ожидали тѣ, которые такъ безстрашно и безъ колебаній жертвовали собою? Ясно, что не матеріальной, потому что что-же значать всѣ милліоны англійскаго банка, если перерѣзанъ пищеводъ и нарушена связь рта съ желудкомъ? Часто они не ждали даже духовной награды, по смертной славы, вѣчной жизни въ памяти человѣчества, потому что многія великія дѣла совершались во тьмѣ, не видимыя болтливыми зрителями; ихъ видѣли лишь глаза героя, которые закрылись навѣки, какъ только жертва была принесена. Не ради грубой выгоды дѣйствовали борцы за идеи, но ради того высокаго блага, которое могутъ оцѣнить только благородныя души: ради права дышать воздухомъ правды, согласовать поступки съ

убѣжденіями, высказывать вслухъ сокровеннѣйшія мысли и дѣлится со всѣми людьми найденными познаніями.

Мнѣ нѣтъ никакой надобности приводить трагическіе примѣры мучениковъ. Красота человѣчества проявляется не только среди пламени костровъ и на подмосткахъ эшафота; въ болѣе скромной, но столь-же очевидной формѣ она видна во всѣ времена повсюду и среди насъ самихъ: наша ежедневная жизнь окружена и наполнена ею. Наша культура носитъ на себѣ ея отпечатокъ, какъ въ большемъ, такъ и въ маломъ. Представьте себѣ только, изъ какихъ побужденій вытекаетъ рѣшеніе построить больницу для бѣдныхъ, гдѣ они найдутъ уходъ во время болѣзни! Или основать ссудную кассу, гдѣ нуждающіеся могутъ получить ссуду за ничтожные проценты! Люди, которые изобрѣли эти учрежденія, были болѣею частью богаты, жили и умерли въ довольствѣ и не испытали на собственномъ опытѣ нужды и заброшенности. Мы даже не имѣли-бы права упрекнуть ихъ, если-бы ихъ умъ былъ наполненъ исключительно знакомыми имъ картинами роскошнаго существованія и если-бы представленія нищеты, которой они никогда не испытали, совсѣмъ не нашли мѣста въ ихъ головахъ. Они вышли однако изъ предѣловъ собственной жизни и обратились къ лежащему далеко отъ нихъ. Они дали себѣ трудъ подумать о чужихъ страданіяхъ. Сидя за столомъ, какъ богачъ, они спросили себя, каково теперь бѣдному Лазарю, лежащему у дверей и, играя золотой монетой, они представили себѣ, каково было-бы не имѣть ни одной копейки, чтобы кушать хлѣба дѣтямъ. Развѣ это не хорошо, развѣ это не безкорыстно? Здѣсь могло, впрочемъ, играть роль чувство солидарности. Первый, кто позаботился о большихъ и о бѣдныхъ, могъ безсознательно находиться подъ вліяніемъ слѣдующаго представленія: „я также могу когда-нибудь впасть въ бѣдность и болѣзнь, и тогда больница и касса будутъ и для меня благодѣяніемъ“. Но ужъ врядъ-ли кто-нибудь думаетъ у насъ въ Европѣ, гдѣ очень мало вѣрятъ въ переселеніе душъ, что онъ будетъ когда-нибудь дворняжкой или лоншадью, и однако люди устроили общества покровительства жиншадью и приюты для бездомныхъ собакъ; они набросили королевскую мантию человѣческаго состраданія также и на этихъ неразумныхъ тварей. Ту-же гуманность, которая обнимаетъ своей заботливостью даже страданія животныхъ, я замѣчаю и въ движеніи противъ висекцій. Принадлежащіе къ нему люди въ умственномъ смыслѣ, конечно, безнадежныя тупицы, которыя проявляютъ такую полную неспособность къ пониманію и мысленію, что у нихъ слѣдовало-бы безусловно отнять право голоса въ государствѣ и обществѣ и право распоряжаться своимъ имуществомъ. Но въ смыслѣ сердца они безупречны. Они сочувствуютъ страданію, которое они видятъ или представляютъ себѣ. Они дѣйствуютъ по внушенію безкорыстной, хотя и цѣлостной симпатіи.

Такимъ образомъ, мы со всѣхъ сторонъ окружены возвышенными и трогательными проявленіями человѣческихъ добродѣтелей. Все говоритъ намъ о великихъ и благородныхъ качествахъ человѣка: каждое изобрѣтеніе говоритъ о его умѣ и ловкости, каждая наука о его способности къ терпѣливому наблюденію и

его искреннемъ стремленіи къ истинѣ; каждый нравственный поступокъ о его безкорыстной добротѣ и любвеобильномъ вниманіи ко всѣмъ тварямъ. Непечальными высокіе умы и глубокія души, которые жили до насъ и живутъ съ нами, и все содержаніе нашей жизни, міръ нашихъ мыслей и чувствъ, такъ-же какъ и всѣ наши жизненные удобства, являются плодомъ ихъ работы.

Но защитникъ дьявола никогда не теряетъ своихъ правъ. Такъ и здѣсь онъ пресѣкъ полетъ моего воодушевленія и, оказавъ зубы, вставилъ вскользь слѣдующее замѣчаніе: совершенно вѣрно, всегда были и будутъ высокіе умы; но развѣ они не представляютъ собою рѣдкихъ исключеній? Развѣ не остается, чѣмъ не менѣе, обыкновенное большинство жалкимъ и низкимъ? И развѣ высокіе умы не терпятъ отъ него преслѣдованій и гоненій? Іоаннъ Гусъ и Арнольдъ изъ Бренніи были единицами, а чернь, которая стояла вокругъ ихъ костровъ и съ умиленіемъ смотрѣла, какъ ихъ жгли, состояла изъ тысячъ. Галилей былъ одинъ, а кардиналовъ, которые подъ страхомъ пытки принуждали его къ отреченію, были дюжины; ходъ развитія человѣчества представляется тебѣ непрерывнымъ маршемъ большихъ полчищъ. Такова одна картина. Я вижу другую: мнѣ представляется рядъ укротителей животныхъ, которые хотятъ привить добрые нравы трусливымъ и кровожаднымъ звѣрямъ; злые скоты только и думаютъ о томъ, чтобы растерзать своихъ укротителей, и ихъ удерживаютъ отъ этого только хлысть и пистолеть, да ихъ собственная глупость и низость. Я думаю, что совершенно излишне прибавлять, что звѣри это человѣчество, и укротители—великіе умы.

Этотъ внутренний голосъ на одну минуту пробудилъ во мнѣ всѣ тѣ непріятныя впечатлѣнія, которыя я вынесъ съ званого вечера. Я уже почти согласился съ защитникомъ дьявола. Но микроскопъ попрежнему стоялъ передо мною, попрежнему на корешкахъ книгъ блестяли славныя имена. Нѣтъ, онъ все-таки не правъ. Это дѣленіе человѣчества на стадо и пастуховъ просто диалектическая уловка. Тотъ взглядъ, что избранные умы—единственная двигательная сила, а массы—вѣчное препятствіе прогрессу, совершенно невѣрно. Сознаться, что я долго раздѣлялъ это заблужденіе. Я думалъ, что вся бѣлая раса могла-бы опуститься до средневѣковаго или еще болѣе низкаго уровня, если-бы отрубили головы десяти тысячамъ умѣло избранныхъ современниковъ, единственнымъ истиннымъ носителямъ нашей культуры. Я больше не вѣрю въ это. Возвышенныя качества человѣчества не представляютъ собою исключительнаго достоянія немногихъ, составляющихъ исключеніе личностей; они равномерно распределены среди всего человѣческаго рода, какъ органы и ткани, какъ кровь, мозгъ и кости. Конечно, у нѣкоторыхъ ихъ больше, у нѣкоторыхъ меньше. Какъ жаль, что нельзя произвести опыта въ этомъ отношеніи! Но теоретически я могу его себѣ представить: возьмемъ нѣкоторое количество обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей, безъ особеннаго образованія, безъ специальныхъ знаній, людей, которые ни о чемъ не мыслятъ болѣе глубокихъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя почерпаются изъ бѣлаго просматриванья газетъ и изъ разговоровъ въ пивной; пусть эти люди послѣ ко-

раблекрушения будутъ выброшены на пустынный островъ и надолго предоставлены сами себѣ: какъ сложится жизнь этихъ Робинзоновъ? Сначала имъ будетъ хуже, чѣмъ южно-океанійскимъ дикарямъ, потому что они не научились пользоваться своими врожденными способностями. Они не знаютъ, что можно ѣсть, обходясь безъ услугъ лакея, что жизненные припасы бываютъ не только на базарѣ и что необходимыя мелочи можно достать не только въ мелочной лавочкѣ. Но такъ будетъ продолжаться не долго. Они скоро начнутъ устраниваться. Сначала они сдѣлаютъ открытія въ самимъ себѣ, а затѣмъ и другія важныя изобрѣтенія. Окажется, что въ одномъ скрывался большой технической, въ другомъ философскій, въ третьемъ организаторскій талантъ. Въ теченіе одного или двухъ поколѣній они повторяютъ всю исторію развитія человѣчества. Всѣ они видѣли паровую машину, но ни одинъ изъ нихъ не знаетъ точно, какъ она устроена; но они все-таки путемъ собственнаго размышленія дойдутъ до того, что построить ее. Всѣ слышали о порохѣ, но никто не знаетъ точно, въ какой пропорціи смѣшаны его составныя части; тѣмъ не менѣе, они вскорѣ приготовятъ годный къ употребленію порохъ. То-же самое будетъ съ различными снарядами, знаніями и ремеслами. Тѣ самые люди, которые у себя дома были самыми обыкновенными, окажутся сплосъ Ньютонами, Уаттами, Гельмгольцами и Веліями. Живя среди нашей культуры, они не имѣли случая развиваться, пустынный островъ далъ имъ этотъ случай. Цивилизованный міръ требовалъ отъ нихъ сплетенъ, глупости и немного наличныхъ денегъ. На деньги они покупали все, что имъ было нужно, но чего нельзя было взять въ долгъ, а сплетенъ и глупости они доставляли въ достаточномъ количествѣ. Обстоятельства потребовали отъ нихъ серьезности, глубины и изобрѣтательности, и тогда у нихъ вышло все это въ такомъ количествѣ, что хватило-бы для созданія европейскаго великаго человѣка. Народная мудрость давно уже замѣтила, что человѣкъ лучше всего узнается на войнѣ и въ путешествіи. Почему? Потому, что тогда онъ выходитъ изъ обычной колеи и, чтобы справиться съ обстоятельствами, онъ долженъ проявлять все то остроуміе, какимъ онъ обладаетъ, потому что обыкновенно подъ давленіемъ необходимости у него обнаруживаются такія способности, которыхъ раньше никто не подозрѣвалъ. Я почти увѣренъ, что въ каждомъ, нормально развитомъ, человѣкѣ скрываются задатки великаго пионера культуры. Нужно только заставить его сдѣлаться таковымъ. Каждая верхняя дерева можетъ превратиться въ корни, если дерево посадить верхушкой въ землю и такимъ образомъ заставить вѣтви добывать себѣ пищу изъ почвы.

Теперь я совершенно въ другомъ свѣтѣ представилъ себѣ весь званый вечеръ. Я не видѣлъ больше дурь и фатовъ, эгоистовъ и глупцовъ, не видѣлъ низости и тщеславія; я видѣлъ лишь неузнанные таланты Врутовъ, которые притворялись дураками, великихъ людей, способныхъ возстановить нашу настоящую и будущую цивилизацію, если-бы она погибла по какой-либо причинѣ. Глубокая любовь и почтеніе ко всему человѣчеству наполнили мое сердце, и это настроеніе длилось до тѣхъ поръ, пока я опять не очутился среди людей.

Успѣхъ въ жизни.

Какова послѣдняя цѣль школы, всякаго преподаванія и воспитанія? Очевидно, та, чтобы сдѣлать жизнь болѣе пріятной, углубляя, обогащая и украшая ее. Объ этомъ можетъ быть только одно мнѣніе. Педагоги, которые, повидимому, находятъ другія задачи школы, просто останавливаются на полпути и не доходятъ до ея конечныхъ цѣлей. Говорятъ, напримѣръ, что задача школы образовывать характеръ. Что значитъ эта фраза, если ее разобрать какъ слѣдуетъ? Вѣдь характеръ образуютъ не ради его собственной красоты и не для глазъ какого-нибудь знатока, подобно тому, какъ отливаютъ бронзовые бюсты, но имѣя въ виду пользу! Сильный характеръ, т. е. твердость намѣреній, стойкость въ дѣйствіяхъ, непоколебимость въ убѣжденіяхъ, вѣрность въ чувствахъ и безстрашіе въ неизбежныхъ столкновеніяхъ, считается хорошимъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе; предполагается, что все это облегчаетъ побѣду надъ соперниками и противниками, или если уже богамъ угодно, чтобы зло торжествовало, а добро утѣшалось въ своемъ пораженіи мыслью объ одобреніи Катона, то сильный характеръ доставляетъ побѣжденному удовлетвореніе самимъ собою и возможность гордиться тѣми качествами, которыя привели его къ этому пораженію. Иногда говорятъ также, что призваніе школы заключается въ развитіи ума, укрѣпленіи воли, увеличеніи воспримчивости къ добру и красотѣ. Но къ чему все это? Умъ развиваютъ для того, чтобы онъ понималъ явленія природы и общества, для того, чтобы онъ имѣлъ удовлетвореніе постигать по крайней мѣрѣ до извѣстныхъ предѣловъ сущность и причину многихъ вещей, для того, чтобы онъ умѣлъ избѣгать опасностей и пользоваться обстоятельствами; волю укрѣпляютъ для того, чтобы она устраняла отъ индивидуума все вредное; воспримчивость къ добру и красотѣ развиваютъ для того, чтобы доставить сознанію какъ можно больше пріятныхъ впечатлѣній. Къ чему-же направлено все это? Только къ тому, чтобы сдѣлать пріятнымъ существованіе индивидуума.

Выполняетъ-ли эту задачу школа съ ея современными порядками и методомъ? Я отрицаю это. Почти всѣ люди стремятся къ единственной цѣли—къ вышнему успѣху въ свѣтѣ. Вѣкъ успѣха жизни не имѣетъ для нихъ никакой привлекательности.

Если кто-нибудь берется сдѣлать для нихъ жизнь болѣе пріятной, то они понимаютъ подъ этимъ только то, что имъ облегчать и обезпечать успѣхъ въ свѣтѣ. Если ихъ ожиданія не осуществились, то они считаютъ себя обманутыми. Такова точка зрѣнія 999 изъ тысячи. Возможно даже, что въ дѣйствительности число людей, требующихъ отъ жизни не успѣха, а чего-то другого, гораздо меньше, чѣмъ я здѣсь допускаю. Но школа готовитъ къ чему угодно, только не къ успѣху въ жизни, этому единственному источнику счастья и довольства огромнаго большинства. Идеалы школы не только отличаются отъ идеаловъ жизни, но находятся съ ними въ прямомъ противорѣчій. Весь учебный и воспитательный планъ созданъ какъ будто-бы съ спеціальной цѣлью образовывать такихъ людей, которымъ круговоротъ дѣйствительной жизни внушитъ презрѣніе къ свѣту и людямъ и которые съ отвращеніемъ къ борьбѣ изъ-за общественныхъ и государственныхъ кусковъ спасутся въ мирную область самоуглубленія и созерцанія величественныхъ образовъ фантазій, словомъ, безъ борьбы уступятъ другимъ, болѣе низменнымъ, свое мѣсто на жизненномъ иру. Такова суть дѣла. Можно было-бы подумать, что школа изобрѣтена хитрыми людьми, которые хотятъ обезпечить себѣ и себѣ подобнымъ лучшимъ кусочекъ и напередъ основательно испорить аппетитъ молодыми, здоровымъ желудкамъ, голодь которыхъ можетъ стать опаснымъ въ будущемъ; какъ будто-бы учителя видятъ въ ученикахъ подростяющихъ соперниковъ и стараются заранѣе сдѣлать ихъ безвредными, подрѣзывая имъ ногти, притупляя зѣбы и надѣвая синія очки на зоркіе глаза. Школа настолько-же приготовляетъ людей для борьбы за существованіе, какъ приготовляетъ солдатъ къ войнѣ регламентъ, внушающій имъ, что оружія не слѣдуетъ брать съ собою, что на выстрѣлы непріятеля нельзя отвѣчать выстрѣлами, что нужно уступать противнику выгодныя позиціи и что вообще гораздо доблестнѣе быть побитымъ, чѣмъ побѣдитъ. Многіе люди найдутъ такой регламентъ безсмысленнымъ; но непріятели, конечно, будутъ чрезвычайно довольны имъ.

Успѣхъ, о которомъ я здѣсь говорю, можно охарактеризовать немногими словами. Имѣть успѣхъ—значитъ пользоваться уваженіемъ большинства. Къ этой цѣли, конечно, можно притти многими путями. Уваженія большинства можно достигнть, имѣя много денегъ или выдавая себя за богача, вставляя свое имя въ благородную' оправу разныхъ титуловъ, украшая свою грудь орденами и лентами, пользуясь вліяніемъ и силой, стараясь приобрѣсти въ городѣ или въ странѣ репутацію великаго, мудраго, ученаго или добродѣтельнаго челоуѣка. Плоды этого уваженія также весьма различны. Они бывають матерьяльными или духовными или тѣми и другими вмѣстѣ, съ преобладаніемъ того или другого элемента. Толпа имѣетъ хорошую привычку выражать свою оцѣнку въ формѣ наличныхъ денегъ. Уважаемый врачъ имѣетъ много пациентовъ и получаетъ большіе гонорары. Уважаемый писатель выпускаетъ свои книги въ многочисленныхъ изданіяхъ. Кто имѣетъ успѣхъ, тотъ по большей части получаетъ много денегъ и можетъ доставить себѣ все удовольствія, которыя можно имѣть въ нашей

юдоли печали. Одинъ думаетъ при этомъ о трюфляхъ и фазанахъ, другой о винахъ и ликерахъ, третій о батеринахъ, какой-нибудь чудакъ, можетъ быть, даже о помощи убогимъ и бѣднымъ. Намъ нѣтъ надобности перечислять все индивидуальныя склонности. Нематерьяльныя выгоды успѣха носятъ иной характеръ, и хотя на нихъ, по пословицѣ, шубы не сошьешь, но тѣмъ не менѣе большинство людей цѣнятъ ихъ очень высоко. Удивительное противорѣчье человѣческой природы! Лавочникъ, не дасть за это преимущество ни одной щепотки перцу, даже подмѣшаннаго оливоковыми косточками, и однако ради него онъ жертвуетъ временемъ, терпѣніемъ, усиліями и даже деньгами, священными, драгоценными деньгами. Эти преимущества состоятъ въ томъ, что на улицѣ вамъ кланяются, что газеты упоминаютъ ваше имя и даже иногда въ сопровожденіи лестныхъ эпитетовъ. Они принимаютъ различныя формы, смотря по общественнымъ классамъ и сферамъ: приглашеніе на придворный балъ, фотографія, выставленная въ витринѣ, обязательныя визиты путешествующихъ иностранцевъ, выраженіе почтенія со стороны доврчивыхъ пезнакомцевъ, званіе почетнаго гражданина, уваженіе лакеевъ въ первомъ ресторанѣ; предложенія содѣйствовать сооруженію памятника знаменитому мыловару; лестныя приглашенія на обѣды и ужины въ знатные дома—вотъ примѣры не матерьяльныхъ, но пламенно желаемыхъ благъ, составляющихъ проценты съ капитала, именуемаго успѣхомъ. Я не по ошибкѣ, но вполне обдуманно причислилъ приглашенія на обѣды и ужины къ нематерьяльнымъ преимуществамъ успѣха. Въдѣ главную роль въ нихъ играютъ не тѣ блюда, которыя подаются, но оказанная честь. Блюда есть лишь матерьяльное выраженіе ея и кромѣ того за нихъ приходится платить равноцѣнными рождественскими подарками: честь-же напротивъ есть чистая прибыль и лишь шаженья природы цѣнятъ ее меньше, чѣмъ меню.

Посмотримъ-же теперь, вооружаетъ-ли школа юношество для борьбы за успѣхъ въ жизни и даетъ-ли она ему хоть элементарныя правила искусства добиваться перечисленныхъ матерьяльныхъ и идеальныхъ благъ. Народная школа почти не заслуживаетъ упрековъ. Въ томъ возрастѣ, въ какомъ ее посѣщаютъ дѣти, съ ними еще нельзя предпринимать чего-нибудь серьезнаго, потому что способы, посредствомъ которыхъ человекъ прокладываетъ себѣ дорогу въ жизни, предполагаютъ извѣстное умственное развитіе и зрѣлость. Народная школа учитъ дѣтей читать, писать и считать, а это можетъ быть только полезно, особенно послѣднее. Умѣть считать особенно полезно, когда приходится давать, и нѣсколько менѣе полезно, когда пужно брать. Умѣть читать и писать также большею частью выгодно, если умѣть себя сдерживать и не злоупотреблять этимъ. Съ университетомъ также можно частью примириться, потому что кружки и союзы представляютъ случаи пріобрѣтать и развивать нѣкоторые важныя таланты, напримѣръ, талантъ привлекать вниманіе равныхъ и высшихъ лицъ громкими рѣчами и дѣловитостью, угадывать господствующія теченія и присоединяться къ нимъ, ухаживать за вліятельными людьми; внимательное наблюденіе взаимныхъ отношеній, суще-

ствующиѣ между ассистентами, доцентами и профессорами, также можетъ дать одаренному человѣку извѣстныя знанія, весьма цѣбныя для жизни. Къ сожалѣнію, высшія школы не обращаютъ главнаго вниманія на корпораціи и не ограничиваютъ своего воспитательнаго вліянія примѣрами академическихъ карьеръ,— или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ академическихъ карьеръ: онѣ отягощаютъ юношество лекціями и занятіями, аудиторіями и лабораторіями и, лишь кажется, все это имѣетъ очень сомнительную пользу для будущности студентовъ. Все-же гимназій, наконецъ, нигде не годятся. Онѣ ни въ какомъ отношеніи не приносятъ пользы вѣрваемымъ имъ будущимъ гражданамъ. Наоборотъ онѣ дѣлаютъ ихъ скорѣе менѣе ловкими въ борьбѣ за успѣхъ. Такимъ образомъ это прискорбная и бесполезная трата драгоценныхъ юношескихъ годовъ. Спрашивается, какую пользу принесетъ юношѣ чтеніе Гомера и Горация? Облегчитъ-ли оно ему впоследствии пониманіе бульварной литературы? Или какую выгоду извлечетъ онъ изъ того, что будетъ восторгаться Ифигеніей? Поможетъ-ли ему это впоследствии остроумно болтать о „Ницшегъ студентѣ“? Ему стараются внушить въ качествѣ послѣдняго вывода исторіи правило Pro patria mori. Можетъ-ли послужить эта громкая фраза руководствомъ для составленія почтительнаго адреса рейхсканцлеру? Словомъ, мальчикъ въ этомъ учебномъ заведеніи не учитъ ничего того, что ему впоследствии понадобится, и ему совсѣмъ не пригодится все то, что онъ тамъ учитъ.

Здѣсь въ нашей системѣ образованія замѣчается прискорбный пробѣлъ, который не можетъ долго оставаться незаполненнымъ. Я мечтаю о школѣ, которая откровенно подготовляла-бы только для успѣха не лицемѣри, что она руководствуется Богомъ и вѣсть какими возвышенными идеалами. Конечно, въ настоящее время есть люди, которые достигаютъ успѣха и безъ подобныхъ заведеній. Но это еще не доказываетъ невѣрности моей мысли. Вѣдь были-же въ мрачныя времена варварства въ странахъ, совсѣмъ не имѣвшихъ школы, отдѣльные ученые, представлявшіе изъ себя исключеніе; они пріобрѣли свои знанія безъ руководства и чужой помощи, исключительно благодаря своему прилежанію. Но какъ трудно это самостоятельное ученіе! Сколько времени теряется здѣсь бесполезно и безъ необходимости! Сколько заблужденій можно подвергнуться! Какой односторонній и несовершенный результатъ получится даже при благоприятныхъ условіяхъ! Учитель сглаживаетъ неровности: школьное преподаваніе спасаетъ отъ заблужденій. Люди, которые самостоятельно добились успѣха, достигнувъ цѣли и окидывая взглядомъ пройденную дорогу, съ горечью увидятъ, отъ сколькихъ обходовъ, крутыхъ обрывовъ, трудныхъ песчаныхъ и болотистыхъ мѣстъ могли бы избавить ихъ опытный путеводитель или нѣкоторое знаніе мѣстности.

Одно я долженъ объявить съ самаго начала: въ моей школѣ успѣха женскаго отдѣленія не будетъ. Женщина находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, что ей не нужно никакого преподаванія для усвоенія этой науки. Она отъ природы одарена всѣми знаніями, нужными ей для достиженія успѣха въ жизни, а

тѣ маленькія искусства, которыя ей не врождены, она поздѣе изучаетъ самостоятельно. Въ современномъ міровомъ порядкѣ большинство женщинъ мечтаетъ лишь объ одной формѣ успѣха: онѣ хотятъ нравиться мужчинамъ. Для этой цѣли имъ нужно только быть красивыми или казаться эффектными. Люди съ извращенными понятіями напали на несчастную мысль открыть гимназіи для дѣвицъ. Тамъ несчастныя созданья учатся рисовать, брѣчь на фортепіано, говорить на иностранныхъ языкахъ съ смѣшнымъ акцентомъ и перепутывать историческія даты, словомъ, какъ разъ тому, что дѣлаетъ ихъ предметомъ ужаса для мужчинъ. Планъ этихъ школъ могъ притти въ голову только озлобленнымъ старымъ дѣвамъ или мстительнымъ мужьямъ, которыхъ были жены. Этотъ планъ обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе женскаго назначенія. Восточные народы съ своею вѣковой мудростью несравненно умнѣе смотрятъ на дѣло. У нихъ женщину учатъ только пѣть, танцовать, играть на лютнѣ, рассказывать сказки, красить себѣ ногти геммою, а вѣки углемъ, словомъ, всему тому, что дѣлаетъ ихъ привлекательными для мужчинъ, что даетъ имъ возможность показывать свои прелести въ благоприятномъ освѣщеніи, восхищаетъ ихъ жизненныхъ спутниковъ и прочно привязываетъ ихъ къ женщинамъ. Нашимъ бѣднымъ западнымъ влеченіямъ, которыя лучше сумѣли-бы руководить ими, чѣмъ всѣ учителя гимназіи. Только тогда, когда онѣ преодолеваютъ всѣ школьныя затрудненія, онѣ могутъ свободно отдаться своимъ внутреннимъ стремленіямъ и развиваться цѣлесообразно. Тогда онѣ самостоятельно приобретаютъ искусство румяниться и нудриться, носить вызывающіе туалеты, такъ ходить, стоять и сидѣть, чтобы все непристойное въ покроѣ ихъ платья особенно бросалось въ глаза; онѣ сами научаются играть вѣеромъ, дѣлать глазки, строить гримаски и сладкія мины, придавать голосу очаровательное выраженіе дѣтской невинности, юношеской шаловливости и шикарной наивности. Вооруженныя этими средствами, онѣ могутъ рассчитывать на толпу поклонниковъ, кавалеровъ, вздыхателей, найдутъ себѣ мужа, словомъ, все, что дѣлаетъ жизнь пріятной и прекрасной. Конечно, женщины будутъ морщиться, глядя на нихъ, а также на нѣкоторыхъ болѣе возвышенныхъ и благородныхъ мужчинъ онѣ произведутъ не привлекательное, а отталкивающее впечатлѣніе; эти мужчины найдутъ, что мазни, румяна, бѣлила и всякія косметики такъ-же неумѣстны на женскомъ лицѣ, какъ на бархатномъ платьѣ; что поднятыя плечи и тюрнюры дѣлаютъ женщину горбатой, чахоточной или похожей на готтентотку и что стремленіе нравиться и кокетство могутъ сдѣлать невыносимымъ самое прелестное существо; но что за дѣло женщинамъ до этихъ сужденій? Одобренія представительницъ своего пола онѣ вовсе не ищутъ; оно имъ совершенно не нужно. Что-же касается до мужчинъ, то имъ въ вышней степени безразлично, если какой-нибудь кабинетный ученый съ неодобреніемъ отвернется отъ нихъ; лишь-бы юноши изъ жокей-клуба благосклонно устремляли на нихъ свой монокль. Она совсѣмъ не можетъ приспособить свою вѣщность и манеры къ понятіямъ человѣка съ истиннымъ вку-

сомнѣ. Вѣдь онъ—фениксъ. Многія женщины живутъ и умираютъ, ни разу не встрѣтивъ его. Спящей красавицѣ хорошо только въ сказкѣ: тамъ рыцарь приходитъ и освобождаетъ ее. Въ дѣйствительности-же нельзя рассчитывать на этого героя, и кто скрывается за колючую ограду, тотъ имѣетъ все шансы, что его тамъ забудутъ. Поэтому женщина выказываетъ большой умъ, желая нравиться толпѣ, а не рѣдкому фениксу.

Но если женщина вообще и можетъ обойтись безъ теоретическаго руководства для достиженія успѣха, то съ мужчинами дѣло обстоитъ обыкновенно не такъ хорошо. Для того, чтобы проложить себѣ дорогу въ свѣтъ, ему нужно нравиться представителямъ своего пола, а это не такъ просто, какъ производить хорошее впечатлѣніе на лицъ другого пола. Конечно, на нѣкоторыхъ поприщахъ мужчина имѣетъ тѣ-же преимущества, что и женщина: онъ можетъ производить впечатлѣніе собственной личностью и долженъ только нравиться женщинамъ: таковы первые любовники, тенора и продавцы въ модныхъ магазинахъ. Людямъ этого класса не нужна школа успѣха. Если природа по отношенію къ нимъ не была скупа, то они съ быстротой локомотива могутъ двигаться впередъ, безъ всякой теоріи. Самое лучшее преподаваніе не можетъ, къ сожалѣнію, дать красиво выющихся усовъ, и хотя некая прическа дѣлаетъ чудеса, но все-же парикмахеръ долженъ найти достаточное обиліе волосъ, чтобы съ успѣхомъ примѣнить свое искусство. Олицетворенному Аполлону Бельведерскому или воину съ королевскаго моста въ Берлинѣ не приходится особенно заботиться о своемъ преуспѣяніи въ свѣтъ. Если онъ вѣстовой, то изъ кухни онъ скоро перейдетъ въ господскія комнаты; если онъ лакей или кучеръ, то вездѣ будетъ нравиться; если онъ кельнеръ, то онъ составитъ и счастье своего ресторана, и свое собственное; если-же онъ хористъ или статистъ, то онъ можетъ выбраться любую среди дочерей, а, можетъ быть, и среди матерей страны; чтобы избѣжать неприятныхъ разочарованій, ему не слѣдуетъ въ настоящее время стремиться къ маршальскому жезлу или герцогскому титулу, потому что въ наши дни на почетныхъ тропахъ Европы не возсѣдаютъ Мессалины; но въ удовлетвореніи умѣреннаго и солиднаго честолюбія онъ можетъ быть вполне увѣренъ при такихъ обстоятельствахъ. Такой любимецъ женщины только повредилъ-бы себѣ, если-бы къ его тѣлеснымъ преимуществамъ присоединялись-бы также и духовныя. Было-бы жалъ, если-бы онъ чтеніемъ портилъ блескъ своихъ глазъ. Образованіемъ и остроуміемъ онъ могъ-бы запугать своихъ поклонницъ и затруднить имъ свободное выраженіе своихъ чувствъ. Будь красивъ, какъ греческій богъ, и глупъ, какъ рыба,—и ты приобрѣтешь рай Магомета на землѣ съ гурьями и веѣмъ тѣмъ, что, по мнѣнію правовѣрныхъ, довершаетъ его совершенство. Люди, одаренные этими свойствами, такъ-же не нуждаются въ школѣ, какъ и гении.

Но вѣдь гений есть рѣдкое исключеніе, а человѣческія учрежденія рассчитаны на ординарныхъ людей. Бетховенъ и безъ консерваторіи сдѣлался-бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, но обыкновенному сыну кантора нужно долго посидѣть надъ контрапунктами, чтобы

получить со временемъ мѣсто капельмейстера и право на пенсію. Поэтому оставимъ въ сторонѣ всякія исключительныя явленія: Аполлоновъ, высшихъ аристократовъ съ солиднымъ годовымъ доходомъ, сыновей милліонеровъ. Имъ незачѣмъ гнаться за успѣхомъ; успѣхъ самъ гонится за ними. Моя школа успѣха предназначена лишь для несчастной массы, которая родилась безъ рента и титуловъ, но мечтаетъ тѣмъ не менѣе попасть въ высшіе пріимались-бы за борьбу за существованіе съ гораздо большими шансами на успѣхъ, если-бы они систематически подготавливались справляться съ затрудненіями дѣйствительной жизни.

Если-бы существовали школы успѣха, то руководители ихъ должны были-бы прежде всего обратиться къ каждому отцу ввѣряемаго имъ мальчика съ слѣдующей, вполне откровенной рѣчью: „Милостивый государь, отдайте себѣ отчетъ въ томъ, чего вы собственно хотите. Если вашему сыну предстоитъ проводить жизнь въ мірѣ идеаловъ, гдѣ только заслуги увѣличиваются лаврами, гдѣ скромная добродѣтель, скрывающаяся въ тѣмномъ углу, отыскивается и награждается, гдѣ неизвѣстны глупость, тщеславіе и злость, и царствуютъ лишь добро и красота, или если вы думаете, что вашъ сынъ будетъ всегда ставить самоуваженіе выше одобренія толпы, будетъ довольствоваться исполненіемъ своей обязанности и одобреніемъ внутренняго голоса,—тогда ему нечего дѣлать у насъ. Въ такомъ случаѣ вы сдѣлаете лучше, если пошлете его въ какую-нибудь другую школу и воспитаєте его рутиннымъ способомъ. Пусть онъ читаетъ старыхъ и новыхъ авторовъ, забавляется наукой и клянется *in verba magistri*. Но если вы хотите, чтобы вашъ сынъ сталъ человѣкомъ, которому будутъ кланяться на улицѣ, который будетъ ѣздить въ вагонѣ перваго класса и останавливаться въ первоклассной гостиницѣ, если вы хотите, чтобы онъ имѣлъ власть и деньги и могъ-бы презирать голодныхъ бѣдняковъ, то оставьте его у насъ. Я не ручаюсь вамъ, что онъ попадетъ когда-нибудь въ жизнеописаніе великихъ людей, но ручаюсь, что его имя будетъ занимать видное мѣсто въ адресъ-календарѣ“.

Школа успѣха, какъ школа отвлеченныхъ наукъ, должна, конечно, имѣть различныя отдѣленія, высшія и низшія. Подобно тому, какъ не каждый ученикъ гимназій стремится къ университетскому образованію и профессурѣ, точно такъ-же не каждый честолюбецъ хочетъ стать министромъ или милліонеромъ. Многіе довольствуются скромными цѣлями и нуждаются поэтому лишь въ элементарномъ образованіи. Поэтому было-бы вполне правильно и необходимо раздѣленіе на низшую, среднюю и высшую школу. Низшая школа была-бы предназначена для тѣхъ, кто хочетъ посвятить себя болѣе простымъ занятіямъ, ремеслу, торговлѣ и проч. Имъ нужно было-бы привить своимъ питомцамъ только одно основное правило, которое давно уже установлено народной мудростью, а именно, что „честность есть лучшая политика“. Это звучитъ не особенно по-маккиавеллевски, но съ этимъ ничего не подѣлаешь: въ низшихъ занятіяхъ только и можно зарекомен-

довать себя честностью и аккуратностью. Сапожникъ, который шьетъ хорошіе и недорогіе сапоги, и лавочникъ, который не продаетъ песку подъ видомъ сахара, проложить себѣ маленькую и скромную дорогу въ міръ и будетъ счастливъ, если онъ не заносится высоко и довольствуется благосклонностью своихъ покупателей и единственнымъ сытнымъ обѣдомъ. Та-же самая народная мудрость гласитъ, впрочемъ, что реклама необходима для ремесла, но, поразмысливъ хорошенько, слѣдуетъ отказаться отъ этого взгляда. Въ ремеслѣ отношенія слишкомъ просты, чтобы шарлатанство могло рекомендоваться. Здѣсь даже дуракамъ слишкомъ замѣтны ложь, увертки и хвастовство и они сейчасъ-же становятся на-сторожѣ противъ нихъ. На этихъ поприщахъ успѣхъ есть дѣйствительно награда за достоинства, потому что каждый можетъ прекрасно судить о нихъ. Всякій видитъ, широко или узко съюртукъ; самый тупой человекъ замѣтитъ, что кровать разваливается, и только въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ Саксоніи подмѣниванье пикорія въ кофе переносится хладнокровно.

Иначе обстоитъ дѣло въ высшихъ профессіяхъ. Тому, кто ихъ избираетъ, необходима болѣе тщательная и долгая подготовка къ успѣху, которую онъ найдетъ въ средней и высшей школѣ. Здѣсь ученику прививаются нѣкоторыя основныя принципы, совершенно противоположныя тѣмъ, которые внушаетъ ему обыкновенный методъ воспитанія. Слѣдуетъ внимательно изучать изреченія народной мудрости, потому что они часто содержатъ въ себѣ значительное зерно истины. Вотъ, напримѣръ, одна мудрая, хотя и безграмотная поговорка: „Скромность есть украшеніе, но безъ нея пойдешь дальше“ *). Это золотое ученіе, которое выше всякихъ похвалъ. Дѣйствительно, нѣтъ болѣе опаснаго препятствія для успѣха въ свѣтѣ чѣмъ скромность. Имѣй самую большію заслугу, будь въ высшей степени талантливъ, совершай самыя трудныя и полезныя подвиги,—но если ты будешь скромень, то никогда не увидишь награды за свои труды. Можетъ быть, когда-нибудь на твоей могилѣ поставятъ памятникъ, но даже и это не навѣрно: при жизни-же ты не увидишь ни денегъ, ни почестей. Быть скромнымъ значитъ стоять у дверей и уступать другимъ лучшія мѣста, нерѣшительно подходить къ столу, когда другіе уже наѣлись, ожидать, пока тебѣ предложатъ кусокъ, вмѣсто того, чтобы его просить, требовать, вырывать силой. Тотъ, кто становится въ такое глупое положеніе, долженъ разсчитывать на то, что его такъ и оставить у дверей, что за столомъ ему ничего не останется и что никто не предложитъ ему куска. Тщательно избѣгай говорить о самомъ себѣ; это безтактно. Какой вздоръ! Вѣрно какъ разъ обратное: говори всегда, исключительно, систематически о самомъ себѣ. Не обращай вниманія на то, что это не интересно для другихъ. Прежде всего это интересуетъ тебя самого; затѣмъ, пока ты говоришь, ты не даешь возможности заговорить о комъ-нибудь другомъ, можетъ быть, о твоёмъ соперникѣ:

*) Bescheidenheit ist eine Zier, doch kommt man weiter ohne ihr.

и, наконецъ, что-нибудь изъ твоихъ словъ всегда останется даже въ самой непокорной памяти. Разумѣется, ты самъ понимаешь ту простую истину, что нужно говорить о себѣ только хорошее. Въ этомъ отношеніи не налагай на себя никакихъ стѣпеній и ограниченій; хвали, прославляй и превозноси себя, будь краснорѣчивъ; одушевленъ, неистощимъ. Давай себѣ самыя прекрасныя эпитеты, превозноси то, что ты дѣлаешь, или то, что ты сдѣлалъ, освѣщай это со всѣхъ сторонъ, приписывай этому всякія преимущества; объявляй твою дѣятельность самымъ важнымъ событіемъ вѣка, увѣрай, что ею восторгаются всѣ, ежеминутно повторяй о ней лестные отзывы, которые ты слышалъ или которые ты просто придумалъ. Ты увидишь, какъ далеко ты пойдешь съ этой системой. Мудрецы будутъ смѣяться надъ тобой или возмущаться тобой. Но что тебѣ за дѣло до нихъ? Мудрецы составляютъ ничтожное меньшинство и не ими раздаются жизненные блага. Тебя будутъ порицать также твои соперники. Тѣмъ лучше! Ты предупредишь ихъ и объявишь, что ихъ замѣчанія вызваны просто завистью; они явятся лишь новымъ доказательствомъ твоего величія. Но огромное большинство, именно та толпа, которая создаетъ успѣхъ, повѣритъ себѣ, повторитъ твое собственное сужденіе о самомъ себѣ, и очиститъ тебѣ то мѣсто, которое ты себѣ намѣтилъ. Этотъ результатъ обезпечитъ тебѣ трусость и умышленная лѣность толпы. Благодаря своей трусости, она не осмѣлится противорѣчить тебѣ и, какъ говорится, поставитъ тебя на свое мѣсто. Тебя примутъ такимъ, какъ ты есть; твое нахальство сочтутъ оригинальностью, можетъ быть, и замѣтятъ его мимоходомъ, но не станутъ особенно думать о немъ. Когда тебя куда-нибудь пригласятъ, то хозяйка дома скажетъ: „Это необыкновенно требовательный человѣкъ. Какъ ни старайся, онъ найдетъ, что его не приняли и не почтили, какъ слѣдуетъ. Что дѣлать? Я должна посадить его около себя, а то онъ въ состояніи обидѣться и уйти“. Если при этомъ здѣсь находится скромный человѣкъ, который дѣйствительно имѣетъ право на это мѣсто, то ему скажутъ спокойно: „Не правда-ли, вы ничего не имѣете противъ того, что я ему оказала это преимущество? Вы вѣдь выше подобныхъ мелочей?“ и такимъ образомъ ты завоюешь первое мѣсто, ты приучишь людей сторониться передъ тобой, и черезъ нѣкоторое время никому и въ голову не придетъ, что можетъ быть иначе. Умышленная лѣность людей есть второе ручательство за успѣхъ твоего самохвальства. Весьма не много такихъ людей, которые въ состояніи думать, которые могутъ и имѣютъ привычку выводить сужденія изъ сырого матерьяла фактовъ, т. е. воспринимать впечатлѣнія, точно наблюдать опыты, сравнивать, объяснять, умышленно перерабатывать ихъ и приходиться къ собственнымъ, прочно обоснованнымъ взглядамъ; и наоборотъ, всѣ могутъ повторять сказанныя раньше ихъ слова. Поэтому толпа съ радостью и убѣжденіемъ принимаетъ готовыя сужденія другихъ. Ничего, что сужденія эти будутъ совершенно ложными, что они будутъ находиться въ полномъ противорѣчій съ фактами. Чтобы замѣтить это, толпѣ нужно было-бы самой проверить факты и подвергнуть ихъ логической оцѣнкѣ, а на это она совершенно неспособна. Недавно я

переживать поразительный примѣръ этого. Въ качествѣ врача я долженъ былъ прописать медовое питье одному маленькому ребенку, и велѣть ему принимать его по чайной ложкѣ черезъ извѣстные промежутки. Черезъ полчаса послѣ моего визита къ маленькому пациенту его мать, какъ бомба, влетѣла въ мою комнату и закричала, задыхаясь: „Ахъ, докторъ, ребенокъ умираетъ! Едва онъ проглотилъ нѣсколько капель адекаго лекарства, какъ весь почернѣлъ, началъ кашлять и чуть не задохся. Ахъ, что за лекарство дали вы несчастному ребенку?“ Мнѣ сейчасъ-же стало ясно, что ребенокъ поперхнулся, но я возразилъ съ мрачнымъ видомъ: „Это меня нисколько не удивляетъ. Когда приходится принимать такое героическое средство, какъ медъ, то подобныя результаты встрѣчаются часто“. Дамы стала ломать руки и вскрикнула: „Какъ-же можно давать такія героическія средства?“... „Знаете-ли вы изъ чего состоитъ медовое питье?“ „Нѣтъ“. „Это смѣсь меда и воды“. Лицо ея выразило такой ужасъ, какъ будто-бы я сказалъ: „Изъ стѣнной клеветы и мышьяку“. „Вы понимаете,—продолжать я,—что когда даешь такія сильно дѣйствующія вещества, какъ вода и медъ“...

„Это правда“, вздохнула она и ея лицо выражало страданіе и горькіе упреки. Толпа, подобно этой матери, принимаетъ все буквально и доверчиво повторяетъ, не отличая лжи отъ истины, серьезныхъ словъ отъ насмѣшки. Цѣлыя націи обязаны этому своей славою и своимъ мѣстомъ въ мірѣ. Въ дѣйствительности онѣ имѣютъ все скверныя и низкія качества, но увѣряютъ, что обладаютъ самыми прекрасными и благородными. Онѣ завистливы, а называютъ себя великодушными; онѣ эгоистичны, но выдаютъ себя за безкорыстныхъ; онѣ ненавидятъ и презираютъ все другія націи и хвалятся своей всемірной, братскою любовью къ человечеству; онѣ возстаютъ противъ всякаго прогресса и утверждаютъ, что онѣ служатъ очагомъ, гдѣ зарождаются все новыя мысли; онѣ отстаютъ во всѣхъ областяхъ мысли, но постоянно повторяютъ, что стоятъ во главѣ всѣхъ передовыхъ движеній; на дѣлѣ онѣ поработщаютъ и подавляютъ слабѣйшіе народы, отнимаютъ у нихъ свободу, нарушаютъ договоры, на словахъ проповѣдуютъ самые прекрасные принципы справедливости. А міръ не старается приемотрѣться къ самымъ фактамъ; онѣ слушаетъ лишь слова и доверчиво повторяетъ ихъ. Онѣ не замѣчаютъ противорѣчія между словами и дѣйствіями и убѣждены, что эти націи именно таковы, какими онѣ себя выдаютъ.

И такъ, юноша, брось скромность, если хочешь играть роль въ свѣтѣ. Унижай себя—и другія тебя унижатъ. Пропускай другого впередъ, и зрители будутъ увѣрены, что онѣ заслуживаетъ этого. Называй себя недостойнымъ, свою работу незначительной, свои заслуги преувеличенными, и твои слушатели поспѣшатъ распространить твои сужденія о себѣ, не указывая однако ихъ источника. Я не говорю, разумѣется, того, что скромность нужно отбросить во всѣхъ случаяхъ. Бываютъ такіе моменты, когда она не только не вредна, но даже можетъ принести пользу. Это бываетъ тогда, когда цѣль вполне достигнута. Если ты достигъ признаннаго, несомнѣннаго высокаго положенія, если твое мѣсто

такъ прочно обезпечено, что никто не усумнится въ твоёмъ правѣ на него, то ты можешь притворяться скромнымъ. Тогда оставайся у дверей—тебя съ триумфомъ возведутъ на подмостки. Смѣло отклоняй комплименты,—ихъ возобновлять съ увлеченіемъ и пыломъ. Беззаботно говори о своей незначительности—твоя орденъ и твой вышитый мундиръ краснорѣчиво скажутъ обратное. Ты не повредишь себѣ, но напротивъ ты приобретешь ту выгоду, что люди будутъ тронуты и восхищены твоей добродѣтелью.

Теперь ты понять, что казаться гораздо важнѣе, чѣмъ быть. Цей вина, сколько тебѣ будетъ угодно, но проповѣдуй трезвость. Это назидательно даже въ томъ случаѣ, если твой носъ пылаетъ, какъ блуждающій огонь, а ноги отказываются служить тебѣ. И если даже въ то время, когда ты будешь декламировать оду Пиндара въ честь воды, губы твои будутъ дрожать отъ выпитаго тобою чистаго спирта, не бойся ничего: твои слушатели примутъ это за умленіе и проникнутся двойнымъ благоговѣніемъ къ тебѣ.

Другой основной принципъ таковъ: берегись быть доброжелательнымъ. Этимъ ты ничего не добьешься. Твои соперники будутъ презирать тебя, враги смѣяться надъ тобой, а покровители находятъ тебя скучнымъ. Никто не станетъ обращать на тебя вниманія, потому что про тебя скажутъ: „Ахъ, этотъ Д., онъ такъ добродушенъ, если ему наступить на ногу, то онъ съ улыбкой извинится“. Близорукіе глупые совѣтники скажутъ тебѣ, можетъ быть, что самая хитрая политика—это хорошо говорить обо всѣхъ, такъ какъ этимъ обезоруживаешь могущественныхъ противниковъ. Не воображай себѣ этого. Вѣрно обратное. Если люди не будутъ съ опасеніемъ ожидать отъ тебя отвѣтныхъ выстрѣловъ, то они сами будутъ охотно стрѣлять въ тебя. Ты долженъ быть золь, какъ вѣдьма, и имѣть змѣнное жало. Твое слово должно, какъ сѣрная кислота, прожигать безобразныя дыры на всемъ, къ чему оно касается. Пусть всякое имя, вышедшее изъ твоихъ устъ, имѣетъ такой видъ, какъ будто оно недѣлю пролежало въ банкѣ съ купоросомъ. Пусть тебя боятся, и не безпокойся о томъ, что тебя будутъ ненавидѣть въ то-же время. Какъ тебѣ было уже разъяснено, трусы, составляющіе огромное большинство, будутъ обращаться съ тобой такъ, какъ дикіе народы съ враждебными божевами: они будутъ льстить тебѣ и приносить тебѣ жертвы, чтобы умилостивить тебя, возможно впрочемъ, что другіе захотятъ заплатить тебѣ той-же монетой; но подумай, какъ будетъ тебѣ выгодно, пожимая плечами, отвѣтить на враждебныя замѣчанія очерпеннаго тобою человѣка: „Бѣдняга старается отомстить мнѣ, вы вѣдь знаете, что я всегда думалъ и говорилъ о немъ!“ Всякое несочувственное мнѣніе о тебѣ потеряетъ значеніе въ глазахъ толпы, если ты будешь настолько уменъ, что предварительно будешь дурно отзываться о своемъ критикѣ, потому что въ этомъ случаѣ ты сможешь приписать его поступокъ желанію отомстить тебѣ.

Весьма распространенъ предразсудокъ, очевидно, обязанный своимъ происхожденіемъ непрактичнымъ идеалистамъ, что нужно особенно стараться заслужить хорошее мнѣніе и уваженіе себѣ подобныхъ. Берегись вѣрить въ правильность этого положенія.

Твои сотоварищи—твои соперники. Большая часть ихъ, подобно тебѣ, жаждетъ успѣха и только успѣха, и мѣсто, занимаемое тобой, уменьшаетъ мѣсто, оставшееся для нихъ. Не жди отъ нихъ ни справедливости, ни доброжелательства. Они будутъ разглашать и преувеличивать твои ошибки и благоразумно умалчивать о твоихъ достоинствахъ. Ты долженъ заботиться лишь о двухъ категорiяхъ людей: о толпѣ, которая стоитъ ниже тебя, и о тѣхъ немногихъ влиятельныхъ особахъ, въ рукахъ которыхъ находятся почести, мѣста, словомъ, твое повышение. Ты долженъ приспособиться къ закону двойной оптики и научиться такъ держать себя, чтобы снизу ты казался очень большимъ, а сверху очень маленькимъ. Это не советъ легко, но путемъ упражненiя и при некоторомъ природномъ дарованiи можно достигъ такой сноровки. Толпа должна думать, что ты гений, имѣющiй необыкновенное значенiе, а начальники и верховные жрецы твоей профессiи должны считать тебя за прилежную, услужливую посредственность, которая клинется именемъ учителя, усердно распространяетъ его славу и готова скорѣе умереть, чѣмъ затемнить его критикой или собственными заслугами. Если ты сумѣешь всегда удерживать такъ, чтобы люди, стоящие выше и ниже тебя, видѣли тебя всегда въ надвигающемъ фокусѣ, то можешь не обращать никакого вниманiя на мнѣнiе твоихъ сотоварищей. Ты будешь идти впередъ, а это для тебя главное. А какъ только ты оставишь за собой своихъ сотоварищей, какъ только ты будешь въ такомъ положенiи, которое позволитъ тебѣ приносить имъ пользу или вредъ имъ, ты будешь имѣть удовольствiе видѣть, съ какой быстротой и совершенствомъ дурная молва превратится въ восторженную похвалу, холодная сдержанность въ горячую дружбу, пренебреженiе въ почтительное преклоненiе.

Но, разумѣется, изъ-за философскихъ принциповъ, которыми ты долженъ руководиться въ твоихъ поступкахъ, не слѣдуетъ пренебрегать вѣжливостью. Только очень богатый человекъ, въ милiонахъ котораго никто не можетъ сомнѣваться, имѣетъ право скромно вести свое хозяйство. Но такимъ людямъ вовсе не нужна и наша школа успѣха. Чѣмъ ты будешь бѣднѣе, тѣмъ необходимѣе для тебя казаться богатымъ. Одѣвайся богато, живи блестяще, живи такъ, какъ будто-бы у тебя былъ майоратъ въ Голкондѣ. Но вѣдь это стоитъ денегъ. Конечно, даже очень большихъ. А если ихъ нѣтъ? Тогда нужно дѣлать долги. Долги? Конечно, мои милыя, долги. Весьма немного такихъ лѣстницъ, по которымъ можно такъ быстро и вѣрно дойти до высшихъ стѣпей, какъ при помощи долговъ. Просто возмутительно, какъ оклеветали ихъ, какое пренебреженiе навлекли на нихъ педанты. Къ нимъ относились очень несправедливо. Гениальному Гейне простится и его высокомерiе и его смѣлыя выходки, но никогда не простится его стихъ: „Человѣкъ, плати свои долги!“ Какое легкомыслие, какая безправственность! Если ты послѣдуешь этому совету, ты погибъ. Подумай только объ одномъ: кто будетъ обращать на тебя вниманiе, если ты будешь съ мелочной и узкой честностью платить за все на твоей дорогѣ? Никто даже не оглянется на тебя. Ходи въ потертой одеждѣ, живи подъ крышей,

ѣшь сухой хлѣбъ и не дѣлай долговъ; ты увидишь, что изъ этого выйдетъ; собаки будутъ на тебя лаять, городовые недовѣрчиво оглядывать тебя, а приличные люди запираютъ передъ тобой дверь двойнымъ замкомъ. Лавочникъ, у котораго ты покунаешь, потеряетъ къ тебѣ всякій интересъ съ того момента, какъ ты уплотишь ему наличными деньгами за взятый товаръ. Упавши передъ его порогомъ, и онъ будетъ думать лишь о томъ, какъ-бы устранить препятствіе, лежащее въ его дверяхъ. Наоборотъ, бери все въ долгъ, выманивай все, гдѣ только можешь,—и твое положеніе измѣнится какъ по мановенію волшебнаго жезла. Во-первыхъ, тебѣ будутъ доступны всѣ наслажденія, отъ которыхъ бѣднякъ долженъ отказаться; во-вторыхъ, твоя особа будетъ вездѣ возбуждать благопріятныя толки: и наконецъ, ты приобрѣтешь цѣлую свиту усердныхъ, фанатическихъ сотрудниковъ твоему усилію, потому что каждый кредиторъ—это другъ, доброжелатель, покровитель. Онъ предохранитъ тебя отъ всего, онъ пойдетъ за тебя въ огонь и въ воду. Ни одинъ отецъ не будетъ такъ хлопотать о тебѣ, какъ кредиторъ. Чѣмъ больше ты ему долженъ, тѣмъ больше онъ заинтересованъ въ твоёмъ преуспѣяніи. Онъ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ твоей головы, потому что твоя жизнь—есть его капиталъ. Онъ дрожитъ, когда тебѣ угрожаетъ опасность, потому что твоя гибель—могла для его правъ. Имѣй много кредиторовъ, юноша, и твоя участь обезпечена. Они доставятъ тебѣ богатую жену, высокое положеніе и добрую славу. Самая лучшая финансовая операція это та, когда деньги другихъ превращаются въ орнаменты на монументѣ нашего собственнаго существованія.

Таковы приблизительно были-бы тѣ руководящіе принципы, на основаніи которыхъ нужно было-бы воспитывать характеръ учениковъ школы успѣха, и то направленіе, въ которомъ слѣдовало-бы имъ упражняться. Старшихъ учениковъ можно было-бы также посвятить въ тотъ основной принципъ, на которомъ покоится все преподаваніе въ школѣ успѣха. Его можно коротко формулировать. Дорогу въ жизни можно проложить двумя способами: или благодаря собственнымъ преимуществамъ, или благодаря чужимъ ошибкамъ. Первый способъ гораздо болѣе труденъ и менѣе вѣренъ, потому что, во-первыхъ, онъ предполагаетъ преимущества, которыя есть не у всякаго, а во-вторыхъ, онъ связанъ съ тѣмъ условіемъ, что эти преимущества будутъ своевременно замѣчены и достаточно оцѣнены, чего, судя по опыту, почти никогда не случается. Наоборотъ, спекуляціи на чужихъ ошибкахъ всегда удаются. А потому учитель съ полнымъ правомъ могъ-бы сказать ученику: не старайся особенно о томъ, чтобы заслуги твои были необыкновенны, чтобы работа твоя говорила сама за себя; ея голосъ слабъ и завистливый крикъ посредственности заглушитъ его; она говоритъ на чужомъ языкѣ, котораго не пойметъ невѣжественная толпа; только благородные и безкорыстные люди замѣтятъ и оцѣнятъ твои заслуги, но и тѣ врядъ-ли что-нибудь сдѣлаютъ для тебя, если ты не будешь лѣзть имъ въ глаза. И такъ, вмѣсто того, чтобы терять время на честное и серьезное творчество, употребляй его на то, чтобы изучать заблу-

жденія толпы и извлекать изъ нихъ выгоду для себя. У толпы нѣтъ никакого собственнаго мнѣнія—навязывай ей свое. Толпа мелка, она не умѣетъ думать—берегись-же быть глубокимъ и задавать ей умственную работу. Толпа имѣетъ тупыя чувства—выступай поэтому съ такимъ шумомъ, чтобы самыя тугія уши тебя услышали, самыя слѣпыя глаза увидѣли. Толпа не понимаетъ irony, она понимаетъ все буквально—поэтому прямо и въ доступной формѣ говори дурное о своихъ соперникахъ и хорошее о себѣ. У толпы нѣтъ памяти—поэтому спокойно пользуйся всякой дорогой, которая тебя поведетъ къ цѣли; разъ цѣль достигнута, никто не вспомнитъ, какъ ты дошелъ до нея. Съ этими принципами ты будешь богатъ и великъ и хорошо будетъ тебѣ на землѣ.

Но если-бы ученику, посвящаемому мною въ тайны успѣха, припала въ голову дерзкая мысль спросить: „Вы такъ хорошо знаете, какъ все это надо дѣлать; вѣроятно, вы сами не разъ пользовались этими правилами?“, то я былъ-бы въ большомъ затрудненіи. Я могъ-бы только возразить: „Я видѣлъ, какъ другіе добивались успѣха, и этого съ меня достаточно. Когда стоишь въ кухнѣ и видишь, какъ готовится пища, то теряешь аппетитъ; но это не мѣшаетъ желать его другимъ“.

Психо-физиологія генія и таланта.

Прежде чѣмъ приступить къ тѣмъ изслѣдованіямъ, которымъ посвящена эта глава, я долженъ дать по возможности наиболѣе точное ограниченіе тѣхъ понятій, вокругъ которыхъ эти изслѣдованія будутъ вращаться. Что такое талантъ? Что такое геній? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ обыкновенно неопредѣленный наборъ словъ, въ которомъ подлежащее выражаетъ удивленіе, а сказуемое—восхваленіе. Намъ это не можетъ удовлетворить. Намъ нужны не комплименты, а трезвое объясненіе. Мнѣ кажется, что мы будемъ очень близки къ истинѣ, если скажемъ, что талантъ—это существо, которое совершаетъ дѣятельность, постоянно или часто выполняемую другими, лучше, чѣмъ большинство тѣхъ существъ, которыя стремятся приобрести ту-же способность. Геній-же—это человѣкъ, который изобрѣтаетъ новую, еще не совершавшуюся до него дѣятельность, или-же совершенно оригинальнымъ, лично ему принадлежащимъ методомъ пользуется уже приобретенными до него навыками. Я умышленно называю талантъ существомъ, а генія человѣкомъ. Талантъ по-моему не есть исключительно человѣческое свойство. Онъ безъ сомнѣнія встрѣчается также и въ царствѣ животныхъ. Пудель, котораго можно научить болѣе сложнымъ штукамъ, чѣмъ другихъ собакъ— есть талантъ. То-же можно сказать и о соловьѣ и канарейкѣ, поющихъ лучше своихъ родичей; и даже, пожалуй, о шукѣ, которая успѣшнѣе охотится, или о свѣтлякѣ, который ярче свѣтитъ, чѣмъ другіе. Геніальность есть, напротивъ, исключительно человѣческое свойство, поскольку она проявляется у отдѣльнаго лица. Она состоитъ въ томъ, что индивидуумъ, выражаясь обычнымъ языкомъ, прокладываетъ новые пути, по которымъ до него никто не ходилъ. У отдѣльныхъ животныхъ мы не наблюдаемъ ничего подобнаго: на это способны только цѣлыя виды животныхъ. Они сообща могутъ быть одарены геніальностью. Геніальность, конечно, присуща всѣмъ живымъ существамъ, взятымъ вмѣстѣ. Это доказываетъ развитіе организма отъ одноклѣточного существа до человѣка. Такимъ образомъ можно сказать, что органическій міръ во всей своей совокупности есть геній, эволюція и геніальность синонимы, и теорія происхожденія видовъ есть ничто иное, какъ признаніе и провозглашеніе господства генія въ органическомъ мірѣ. Конечно, извѣстная свобода развитія, стремленіе къ

отклоненію отъ унаслѣдованнаго общаго типа существуетъ также и у отдѣльныхъ животныхъ, потому что тѣ измѣненія, которыя мы наблюдаемъ въ строеніи и жизни видовъ, по истеченіи большихъ промежутковъ, должны были совершиться въ отдѣльныхъ особяхъ. Но у отдѣльныхъ животныхъ отклоненіе отъ стараго и стремленіе къ новому вообще такъ ничтожно, что мы можемъ пренебречь имъ, потому что мы не въ состояніи даже подмѣтить его. Пчела, которая строила-бы вмѣсто шестиугольной восьми или четырехугольную ячейку, ласточка, которая нашла-бы новую форму для своего гнѣзда, быкъ, который согласился-бы лучше умереть, чѣмъ надѣть ярмо.—были-бы гениями. Но ничего подобнаго мнѣ не видѣть, въ то время какъ среди людей онъ наблюдать много подобныхъ уклоненій отъ унаслѣдованной дѣятельности.

Такимъ образомъ между гениемъ и талантомъ существуетъ не количественное, а качественное различіе. Я не упускаю изъ виду того, что въ послѣднемъ счетѣ каждое различіе сводится на различіе въ количествѣ, если изслѣдованіе проникнетъ глубоко въ сущность вещей. Въ подтвержденіе этого приведу лишь одинъ примѣръ. Чтобы сдѣлаться профессоромъ исторіи, нужно имѣть известную степень памяти, силы воли и разсудка. Всѣ эти качества, вмѣстѣ взятая, даютъ лишь преуспѣвающую посредственность или въ лучшемъ случаѣ почтенный талантъ. Но если они проявляются съ необычайной силой, то обладатель ихъ можетъ сдѣлаться великимъ государственнымъ человѣкомъ, властителемъ людей; онъ дастъ, можетъ быть, міровой исторіи новое направленіе, и тогда его слѣдуетъ признавать гениемъ. Правда, различіе основывается здѣсь только на разной величинѣ тѣхъ-же самыхъ качествъ, но оно такъ значительно, что эти два явленія, лишь количественно отличающіяся другъ отъ друга, кажутся различными по существу и не имѣющими никакого родства между собою. Въдѣ и между Монбланомъ и песчинкой кварца различіе лишь количественное. Въ сущности они одно и то-же. Песчинкѣ кварца только стоитъ достаточно увеличиться, чтобы стать Монбланомъ; а Монблану нужно лишь сократиться до незначительныхъ размѣровъ и онъ станетъ песчинкой кварца. Однако мы находимъ, что достаточно различія въ величинѣ, чтобы изъ двухъ вещей тождественныхъ по существу сдѣлать столь различныя явленія, какъ Монбланъ и песчинка.

Въ главѣ о большинствѣ и меньшинствѣ я уже старался показать, что не каждый организмъ обладаетъ способностью отвѣчать на приходящія извнѣ впечатлѣнія собственными, новыми, не унаслѣдованными реакціями нервной и мускульной системы, т. е. новыми мыслями и дѣйствіями. Это можетъ дѣлать лишь организмъ особенно устроенный, особенно богатый жизненной энергіей. Такимъ образомъ гений, существеннымъ свойствомъ котораго я считаю способность оригинально перерабатывать воспріятія внѣшняго міра, долженъ обладать высшимъ органическимъ развитіемъ. Клавиатура его ума имѣетъ какъ-бы одной октавой больше. Этого большаго объема не могутъ дать ни прилежаніе, ни упражненіе. Онъ обусловливается строеніемъ музыкальнаго инструмента. Гете говоритъ легко и съ самой невѣрной миной: „Выпикните только

въ человѣческую жизнь во всей ея полнотѣ!— „Веселая особа“, въ уста которой онъ вкладываетъ этотъ стихъ, весьма коварна. Это изреченіе звучитъ какъ наивность, а въ дѣйствительности это хвастовство высокаго самосознанія. „Вникните только въ человѣческую жизнь во всей ея полнотѣ“... Дѣйствительно! Рецензентъ вѣрный, но только гениіи можетъ слѣдовать ему. Обыкновенный и даже одаренный человѣкъ совсѣмъ не знаетъ, какъ взяться за это дѣло, и если даже онъ пытается приступить къ нему, то отступаетъ безъ всякихъ результатовъ. Поэтому дюжинный человѣкъ—сюда я причисляю также и талантъ—совсѣмъ не видитъ міра, онъ видитъ лишь его отраженіе въ глазахъ гения. Онъ видитъ „всю полноту человѣческой жизни“ не въ ея живой дѣйствительности, не въ рельефѣ, но лишь ея отраженіе на стѣнѣ, отбрасываемое волшебнымъ фонаремъ гения. Онъ можетъ стараться схватить эту пеструю, подвижную тѣнь, но у него ничего не останется въ рукахъ. Явленія міра представляютъ изъ себя сырой матеріалъ, съ которымъ дюжинный человѣкъ ничего не можетъ подѣлать, изъ котораго лишь гениіи можетъ создать нѣчто такое, что сможетъ понять и первый. Средній человѣкъ видитъ вещи и явленія распределенными въ различныя группы потому, что гениіи установилъ эти группы. Міръ и жизнь представляются ему въ формѣ наглядныхъ образовъ потому, что гениіи соединилъ ихъ и вставилъ въ извѣстныя рамки. Онъ чувствуетъ, судитъ и дѣйствуетъ такъ, какъ до него въ первый разъ чувствовалъ, судилъ и дѣйствовалъ гениіи. Мимо тѣхъ явленій, которыя гениіи не переработалъ органически, онъ проходитъ, не замѣчая ихъ, ничего не чувствуя по ихъ поводу и не разсуждая о нихъ.

Лучше всего я могу пояснить это явленіе сравненіемъ, взятымъ изъ области органическаго міра. Вещества, въ которыхъ нуждается каждое живое существо для своего питанія, а именно углеродъ и азотъ, имѣются повсюду на землѣ въ огромномъ количествѣ, но животныя ничего не могутъ подѣлать съ ними: въ той формѣ, въ которой природа первоначально предлагаетъ ихъ, они не могутъ ихъ переварить. Въ атмосферѣ, насыщенной углекислотой, на почвѣ, изобилующей азотнокислыми солями, животное должно было-бы погибнуть.

Превращать эти сырые матеріалы въ питаніе могутъ только растенія и среди нихъ лишь растенія, содержащія хлорофилъ. Только тогда, когда растеніе въ собственномъ организмѣ переработало углеродъ и азотъ, эти послѣдніе становятся годными въ пищу животнымъ. То-же самое происходитъ съ гениями и не-гениями, включая сюда и таланты. Не-гениіи не можетъ переварить, ассимилировать природу; не можетъ превратить ее въ составныя части своего сознанія. Онъ видитъ явленія; но они не превращаются у него въ образъ; онъ слышитъ, но не понимаетъ и не истолковываетъ ихъ. Гениіи, наоборотъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное, похожее на хлорофилъ, благодаря чему онъ способенъ создавать изъ явленій готовые представленія, которыя потомъ и обыкновенный человѣческій умъ можетъ воспринять своимъ сознаніемъ. Дарвинъ даетъ намъ въ первой главѣ своего „Путешествія естествоиспытателя вокругъ свѣта“ поразительную кар-

тину жизни на совершенно голой скалѣ св. Павла среди Атлантическаго океана. Тамъ водится два вида птицъ: глупышъ и разновидность приморской ласточки, бѣлоголовая крачка. На птицахъ-же живутъ паразитами муха, клещъ и моль: испражнениями птицъ питается навозный жукъ и древесная вошь: муху и моль преслѣдуетъ множество видовъ пауковъ, и можно прибавить, хотя Дарвинъ этого и не говоритъ, что вокругъ этихъ высшихъ животныхъ, навѣрное, роится цѣлый міръ микроскопическихъ существъ: инфузорій, микробовъ и бактерій. Такимъ образомъ стоило только одной птицѣ поселиться на скалѣ св. Павла, чтобы голый утесъ тотчасъ превратился въ кормильца длиннаго ряда существъ, которыя безъ нея не могли-бы прожить здѣсь и одного дня. Такъ же точно бываетъ, напр., съ возникновеніемъ литературы у какаго-нибудь народа. Геній свойственными только ему одному духовными органами пищеваренія перерабатываетъ чувственныя впечатлѣнія въ художественныя произведенія, доступныя человѣку. Тотчасъ-же возникаетъ цѣлая толпа паразитовъ. Прежде всего являюся подражатели и болѣе или менѣе удачно передѣлываютъ это художественное произведеніе. Это мухи и клещи, которые питаются кровью птицъ. Затѣмъ появляются критическія и эстетическія школы: имъ нѣтъ дѣла до голой природы, онѣ занимаются лишь результатами перевариванья природы въ желудкахъ генія и его подражателей. Это пауки, преслѣдующіе мухъ, и навозные жуки, питающіеся испражненіями. Наконецъ, появляются историки литературы, которые съ большою важною разсказываютъ, какъ все это произошло. Я не нахожу въ данную минуту соответствующихъ имъ существъ на островѣ св. Павла, потому что я не смѣю сравнить ихъ съ микробами. Итакъ, у насъ уже образовалась цѣлая національная литература, съ беллетристическими второстепенными произведеніями, съ эстетическими системами, съ остроумными критическими работами, съ исторіей литературы и монографіями объ отдѣльныхъ ея отдѣлахъ, съ учеными комментаріями ко всѣмъ этимъ книгамъ и съ цѣлымъ цехомъ профессоровъ, которые только тѣмъ и живутъ, что изъ года въ годъ говорятъ глубокомысленныя рѣчи объ этой литературѣ; и всѣ эти книги со всѣмъ своимъ живымъ дополненіемъ въ видѣ профессоровъ и ученыхъ почерпнули свое начало и право на существованіе только изъ творенія какаго-нибудь наивнаго генія, который не былъ ни ученымъ, ни профессоромъ и создавалъ свое произведеніе такъ, какъ яблоня производитъ яблоко, лишь потому, что это лежало въ его организмѣ. А всѣ другіе людишки, которые появились послѣ него, не могли-бы произнести ни звука, будучи сопоставлены съ голой природой: они даже не появились-бы подобно тому, какъ мелкій животный міръ не появился-бы на скалѣ св. Павла безъ птицы, сдѣлавшей возможнымъ его существованіе.

Итакъ, геній обуславливается первоначальнымъ высшимъ органическимъ развитіемъ, талантъ-же—полнымъ развитіемъ путемъ прилежанія и упражненія природныхъ дарованій, которыми обладаетъ большинство здоровыхъ и нормальныхъ индивидуумовъ даннаго племени. Но если я утверждаю, что геній имѣетъ физіо-

логическую, структурную подкладку, то вы въ правѣ спросить меня, что это за ткань, болѣе богатое развитіе которой создастъ гения. Вопросъ этотъ кажется довольно устрашающимъ, однако на него, можетъ быть, было-бы не такъ трудно отвѣтить, если-бы гении или таланты были простыми явленіями. Тогда можно было-бы очень простымъ способомъ разрѣшить это затрудненіе. Въ одномъ случаѣ поразительно обширная память, въ другомъ необыкновенная воля; очевидно, что въ обоихъ случаяхъ особенно развиты мозговые центры, завѣдующіе памятью и волей. Въ настоящее время еще не знаютъ, какіе это именно центры, но со временемъ ихъ найдутъ: уже теперь попали на стѣдь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, анализъ и объясненіе исключительныхъ духовныхъ явленій были-бы дѣтскою игрой. Да, но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ просто. Гений и таланты—это въ высшей степени сложныя явленія; только въ рѣдкихъ случаяхъ они объясняются преобладаніемъ одной основной духовной способности, хотя по большей части какая-нибудь одна способность преобладаетъ и можетъ быть констатирована точнымъ изслѣдованіемъ; въ сознаніи гения или таланта почти всегда участвуетъ нѣсколько способностей, хотя и не въ одинаковой степени: ихъ различныя сочетанія даютъ столь разнообразныя результаты, что часто бываетъ въ высшей степени трудно добратъя по нимъ до ихъ органическихъ причинъ. Такимъ образомъ все искусство психологическаго анализа гения и таланта состоитъ въ томъ, чтобы все, кажущееся однороднымъ цѣлымъ, разложить на его составныя части и изслѣдовать эти составныя части вплоть до ихъ источниковъ въ организмѣ.

Въ настоящее время каждый образованный человѣкъ знаетъ, что наша центральная нервная система, т. е. большой мозгъ, мозжечекъ, продолговатый и спинной мозгъ, чувствительныя и двигательныя нервы, не представляютъ собою единичнаго органа съ простыми отправленіями, подобно сердцу и печени, но являются совокупностью безчисленныхъ органовъ, которые хотя и родственны по своему строенію, но завѣдуютъ совершенно различными отправленіями. Здѣсь происходитъ то-же, что съ пищеварительной системой. Вся система внутренностей отъ воспринимающаго до выдѣляющаго отверстія со всѣми своими придатками образуетъ одинъ аппаратъ, части котораго совместно работаютъ для одной цѣли: для того, чтобы путемъ механическихъ или химическихъ измѣненій сдѣлать введенныя пищевыя вещества пригодными для обновленія и поддержанія организма. Но какъ различны отдѣльныя составныя части этого большого аппарата! Слюнныя железы полости рта не имѣютъ ничего общаго съ желудочной железой и печенью; строеніе желудка совѣмъ не таково, какъ строеніе тонкихъ кишекъ; железы, выдѣляющія пепсинъ, совершенно отличны отъ кишечныхъ ворсинокъ. Здѣсь выдѣляется сокъ, который превращаетъ крахмалъ въ сахаръ, тамъ же сокъ, растворяющій нерастворимый бѣлокъ. Одна ткань занимается лишь передвиженіемъ пищевой массы, другая, наоборотъ, имѣетъ назначеніемъ временно преграждать ей дорогу и останавливать ее на одномъ мѣстѣ; функція третьей состоитъ исклю-

чительно во всасываніи. Точно также центральная нервная система въ своемъ цѣломъ выполняетъ большую, сложную задачу: она служитъ посредницей между я и не я, или, выражаясь метафизически, между вѣншимъ міромъ и индивидуумомъ, превращаетъ впечатлѣнія въ сознательныя представленія и побуждаетъ сознание реагировать на вѣншіи міръ; но эта работа распадается на безчисленное множество очень различныхъ, отдѣльныхъ процессовъ, выполняемыхъ различными частями головного и спинного мозга. Поясню это однимъ примѣромъ. Возьмемъ зрѣніе. Человѣку несвѣдущему покажется очень простой вещь взять газету и читать то, что въ ней написано. Онъ также ясно понимаетъ, что слѣной этого не можетъ сдѣлать. Но онъ будетъ, вѣроятно, очень удивленъ, если ему скажутъ, что для того, чтобы выполнить процессъ чтенія, не достаточно однихъ зрячихъ глазъ; что для этого необходимо содѣйствіе цѣлаго ряда другихъ органовъ, которые находятся въ мозгу, и что чтеніе невозможно, если хоть одинъ изъ этихъ органовъ не работаетъ, какъ слѣдуетъ. Глазное яблоко по своему устройству представляетъ нѣчто вродѣ камеръ-обскуры, на заднюю стѣнку которой падаетъ уменьшенное и весьма отчетливое изображеніе вѣншняго міра. Эта задняя стѣнка состоитъ изъ развѣтвленной глазного нерва, который передаетъ въ мозгъ полученное впечатлѣніе, т. е. образъ, запечатлѣнный на задней стѣнкѣ глаза. Впечатлѣніе воспринимается по всей вѣроятности въ той области мозга, которая лежитъ въ задней части такъ называемой внутренней капсулы. Истолкованіе впечатлѣнія получается въ другомъ мѣстѣ, которое по изслѣдованіямъ Кусемауля, Вестфалиа и др. съ большой вѣроятностью можно отнести къ лѣвой нижней боковой долѣ мозга. Слѣдовательно, глазъ отражаетъ вѣншіи міръ; отраженіе по зрительному нерву передается въ внутреннюю капсулу мозга; внутренняя капсула превращаетъ отраженіе въ чувственное впечатлѣніе, передаваемое дальше сърому корковому веществу мозга, которое уже и перерабатываетъ его въ сознательное представленіе. Если глазъ не способенъ къ работѣ, то вѣншіи міръ не отражается въ надлежащемъ пунктѣ, и связь между я и не я путемъ зрѣнія совершенно прекращается. Если боленъ зрительный нервъ, то хотя міръ и отражается въ надлежащемъ пунктѣ, но отраженіе не достигаетъ туда, гдѣ оно превращается въ ощущеніе. Если не въ порядкѣ задняя часть внутренней капсулы, то хотя образъ и попадаетъ въ мозгъ, но тамъ нѣтъ того органа, который могъ-бы его воспринять; подобно тому, какъ если-бы существовали телеграфныя проводы, но на телеграфной станціи не было-бы приѣмнаго аппарата. Образъ въ такомъ случаѣ не ощущался-бы. И наконецъ, если поражено корковое вещество въ нижней лѣвой долѣ, то образъ хотя и воспринимается, но остается непонятнымъ, не истолкованнымъ. Человѣкъ видитъ, но не понимаетъ того, что онъ видитъ. Здѣсь происходитъ явленіе, подобное тому, какъ если-бы аппаратъ для принятія телеграммъ существовалъ, депеши принимались-бы, но не было-бы возможности доставить ихъ по адресу. Такимъ образомъ каждый отдѣльный духовный процессъ, каждый волевой актъ, каждое чувство, каждое предста-

вление, какъ-бы ни казались они просты и единичны, въ дѣйствительности представляютъ изъ себя нѣчто въ высшей степени сложное; въ ихъ образованіи принимаютъ участіе многія существенно различныя части, т. е. органы нервной системы.

Эти единичныя органы внутри спинного и головного мозга называются центральными и подраздѣляются въ іерархическомъ отношеніи. Говорятъ о низшихъ и высшихъ центрахъ. Различныя степени ихъ важности опредѣляются, конечно, тѣми отправленіями, которыми они завѣдуютъ. Впрочемъ, при оцѣнкѣ этихъ отправленій психологи не изъ ихъ важности для сохраненія жизни, но изъ ихъ большаго или меньшаго участія въ созданіи спеціально человѣческой индивидуальности. Существуютъ способности, которыми обладаетъ только человѣкъ, напр., способность къ абстракціи, или рѣчь; но есть и такія, которыя общи ему съ животными, напр., память и воля; и наконецъ такія, которыя присущи ему наравнѣ со всѣми живыми существами, напр., питаніе и воспроизведеніе. (Слѣдуетъ замѣтить, что самыя характерныя для человѣка способности, какъ абстрактное мышленіе и языкъ, являются исключительно человѣческими не въ томъ смыслѣ, что онѣ у человѣка сразу выступаютъ вполне развитыми, тогда какъ у стоящихъ ниже его животныхъ ихъ нѣтъ даже въ зародкѣ: изъ работъ Romanes'a, англійскаго зоолога-психолога, несомнѣнно вытекаетъ, что человѣческая умственная жизнь есть лишь болѣе высокое развитіе животной умственной жизни, и что природа и здѣсь, какъ вездѣ, не знаетъ перерывовъ въ развитіи, скачковъ и пробѣловъ. Но дальнѣйшее развитіе этого вопроса сюда не относится). Итакъ, достоинство отправленій, а слѣдовательно, и соответствующихъ имъ центровъ, находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ распространенности въ органическомъ мірѣ и къ ихъ важности для сохраненія жизни. Безъ грубыхъ и тонкихъ процессовъ питанія, т. е. пищеваренія, дыханія и кровообращенія, организмъ не могъ-бы прожить ни одной минуты; и однако пищеварительныя центры, помѣщающіеся въ гангліяхъ такъ называемой симпатической системы, и центры, завѣдующіе грудными мускулами и дѣятельностью сердца, лежащіе въ продолговатомъ мозгу, считаются самыми низшими; движенія конечностей и правильная комбинація этихъ движеній, которая дѣлаетъ возможнымъ ходъбу, схватыванье и т. д., также, конечно, очень важны для индивидуума, но безъ нихъ можно жить; однако центры мускульныхъ движеній и ихъ правильной связи (координація есть профессионально техническое выраженіе), находящіеся въ спинномъ мозгу и, вѣроятно, въ боковыхъ доляхъ большого мозга, а, можетъ быть, и въ мозжечкѣ, считаются болѣе высокими. Память, разсудокъ и воображеніе наконецъ совсѣмъ не составляютъ существенной необходимости для организма, а лишь пріятную роскошь; индивидуумъ могъ-бы отлично жить безъ нихъ годы и цѣлыя десятки лѣтъ; но ихъ центры, локализованныя въ сбромъ корковомъ веществѣ большого мозга, считаются самыми высокими. Эта іерархія совсѣмъ не произвольна, она напротивъ вполне обоснована. Чѣмъ общѣе и необходимѣе отправленіе, тѣмъ проще и грубѣе служащее орудіе ему; чѣмъ оригинальнѣе и чѣмъ болѣе дифференци-

ровано отправление. тѣмъ и его орудіе должно быть тоньше, сложнѣе и потому хрупче. Плугъ гораздо необходимѣе и употребляется бѣльшимъ количествомъ людей, чѣмъ карманные часы, часы въ свою очередь необходимѣе и распространеннѣе инструментовъ для точнаго измѣренія и сравненія находящагося въ употребленіи метра съ образцовымъ метромъ. Но плугъ гораздо грубѣе и проще карманныхъ часовъ, а часы проще и грубѣе инструментовъ для точнаго измѣренія метра. Разломать плугъ не легко: съ карманными часами нужно обращаться уже осторожнѣе, хотя все-таки они не такъ ужь хрупки; а инструментъ для точнаго измѣренія метра приходится въ разстройствѣ даже при легкомъ сотрясеніи поля отъ пробѣжавшаго вдали экипажа. То-же происходитъ съ первыми центрами. Чѣмъ болѣе своеобразную, особенную и исключительную работу выполняютъ нервы, тѣмъ болѣе они сложны и тонки, а потому и болѣе хрупки. Питаніе есть сравнительно грубая дѣятельность. Строго говоря, оно могло-бы обійтись даже безъ особеннаго органа, такъ-же какъ можно было-бы и безъ плуга провести борозду просто палкой, камнемъ или даже рукой, только не такъ легко и удобно. Каждый самый простой комокъ протоплазмы имѣетъ способность питаться въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, воспринимая въ себя твердыя, жидкія и газообразныя вещества, т. е. онъ имѣетъ способность къ пищеваренію и дыханію. Если намъ для этихъ отпращиваній нужны въ высшей степени сложные инструменты, какъ кровообращеніе, дыхательныя и пищеварительныя системы, то это потому, что нашему организму приходится выполнять болѣе сложную работу, чѣмъ комочку протоплазмы, а поэтому онъ и прибѣгаетъ къ раздѣленію труда. Такъ-же точно, напр., министръ не имѣетъ времени самъ варить себѣ обѣдъ и шить себѣ платье, въ то время какъ неополитанскій лаццорони прекрасно найдетъ время для всего этого. Въ нашемъ сложномъ организмѣ широко пользующемся раздѣленіемъ труда, питаніе есть низшая и болѣе простая работа, и центры, управляющіе ею, такъ грубы, что дольше всего могутъ противостоять разрушительнымъ вліяніямъ, и дѣйствительно умираютъ послѣдними. Центры движенія также довольно низки, а потому способны къ достаточному сопротивленію. Отъ этихъ центровъ, находящихся въ спинномъ мозгу, требуется весьма немного. Когда чувствительные нервы доводятъ до нихъ свѣдѣнія, что на какую-нибудь часть тѣла вліяетъ посторонняя сила, проявится-ли это въ формѣ простого прикосновенія или болѣзненнаго ощущенія, они должны вызвать сокращеніе известной группы мускуловъ или удержать отъ него другіе мускулы и такимъ образомъ произвести цѣлесообразное движеніе, которое удалитъ тѣло отъ вліянія чужой силы. Это называется рефлексивнымъ движеніемъ. Оно происходитъ безъ приказанія и даже безъ вѣдома сознанія. Его можетъ совершить лягушка съ вырѣзаннымъ головнымъ мозгомъ. Центры движенія очень ограничены, чтобы не сказать глупы. Они не въ состояніи познавать причинъ, вызвавшихъ дошедшія до нихъ воспріятія. На высшія раздраженія они могутъ отвѣчать лишь простыми мѣропріятіями. Когда тѣло можетъ подвергаться вліянію чужой силы безъ опасности для себя, то одинъ

изъ высшихъ центровъ долженъ приказать имъ оставаться въ покоѣ. Если-же наоборотъ простого отдергиванія не достаточно, когда тѣлу необходимо побѣжать или прыгнуть, чтобы уклониться отъ вѣшняго вліянія, то опять высшій центръ долженъ приказать имъ привести въ движеніе пужныя группы мускуловъ, сокращеніе которыхъ производитъ бѣгъ или прыганье. Наконецъ тѣ мозговые центры, которые порождаютъ волю и сознаніе со всѣмъ его содержаніемъ, суть наивысшіе, потому что ихъ дѣятельность самая разнообразная и сложная; она свойственна исключительно человѣку, и требуетъ для своего правильного отправления такого точнаго взаимодействія столь многихъ составныхъ частей, что самыя ничтожныя вліянія могутъ разстроить чувствительный аппаратъ, такъ-же какъ самыя маленькія воздѣйствія могутъ привести его въ дѣйствіе. Чѣмъ выше центръ, тѣмъ позднее онъ достигаетъ зрѣлости, тѣмъ больше работаетъ организмъ надъ его развитіемъ, тѣмъ скорѣе онъ разрушается. Такимъ образомъ іерархія центровъ не произвольна: она основана не на индивидуальныхъ взглядахъ на большую или меньшую важность ихъ отправления, но на самой природѣ. Какой-нибудь гастрономъ напрасно говорилъ-бы: „У всякаго свое мѣсто, я ставлю центръ пищева-ренія выше центровъ памяти и мышленія“. Ему слѣдовало-бы возразить на это, что его индивидуальная склонность вводитъ его въ заблужденіе, что центръ пищева-ренія не можетъ быть высшимъ, потому что онъ простирается на все животное царство, появляется съ перваго момента индивидуальной жизни, продолжается до крайняго упадка организма и совершаетъ всегда однообразную, никогда не подвергающуюся индивидуальнымъ измѣненіямъ, работу, въ то время какъ центры памяти и мышленія выступаютъ лишь у высшихъ животныхъ, въ индивидуальной жизни появляются лишь на извѣстной ступени развитія, обыкновенно притупляются и становятся негодными еще до наступленія естественной смерти организма, и производятъ работу, которая можетъ примѣняться ко всѣмъ измѣненіямъ вѣшнихъ условий.

Новая, дарвинистская біологія смотритъ даже на высшій животный организмъ, а именно на человѣка, какъ на колонію простыхъ существъ съ широкимъ раздѣленіемъ труда, и обусловленнымъ имъ измѣненіемъ отдельныхъ членовъ этой колоніи. Первоначально всякая клѣточка, входящая въ составъ нашего организма, была самостоятельнымъ существомъ, которое могло совершать все, что необходимо для существованія организма; клѣточка могла питаться, размножаться посредствомъ простѣйшаго способа почкованія и двигаться посредствомъ сокращенія своей протоплазмы. Но когда безчисленные милліоны такихъ клѣточекъ скопляются для образованія животнаго или человѣческаго организма, онѣ распределяютъ между собой эти различныя занятія, каждая можетъ выполнять только одну опредѣленную работу, отучается отъ остальныхъ и должна была-бы погибнуть, если-бы другія клѣточки не дѣлали для нея того, что она сама не можетъ сдѣлать. Красный кровяной шарикъ можетъ воспринимать кислородъ и разносить его по всѣмъ тканямъ, но онъ уже не можетъ двигаться и размножаться. Мышечное волокно можетъ

двигаться и приводить въ движеніе прочія образованія тѣла, но они не могутъ принимать извнѣ непрерываботанныя пищевыя вещества, размножаться и т. п.

Несмотря на первоначальное равенство всѣхъ составныхъ частей, или, какъ я раньше выразился, всѣхъ членовъ колоніи, въ ней выработалась весьма строгая іерархія. Организмъ это весьма сложное общество съ пролетаріями, буржуа и правящими классами. Онъ заключаетъ въ себѣ элементы, являющіеся представителями различныхъ ступеней животной жизни. Кровяные шарики и лимфатическія кѣточки стоятъ не выше бактеріи, съ которыми имъ часто приходится бороться и иногда даже быть побѣжденными, хотя по большей части кровяные шарики оказываются болѣе сильными. Спинной мозгъ стоитъ не выше спинного мозга лягушки: чувственные центры не выше соответствующихъ центровъ у обезьяны, центры рѣчи не выше, чѣмъ такіе-же центры человека низшей расы, напр., бушмена, и лишь высшіе центры мышленія и сужденія поднимаютъ организмъ надъ всѣми другими живыми существами и дѣлаютъ его не существомъ вообще, не позвоночнымъ, не человѣкомъ вообще, а однимъ опредѣленнымъ человекомъ, индивидуумомъ, который отличается отъ всѣхъ другихъ и возвышается надъ всѣми другими, въ случаѣ особеннаго развитія этихъ центровъ.

Впрочемъ іерархія внутри организма не исключаетъ извѣстной самостоятельности отдѣльныхъ классовъ. Можно сказать, что между ними царствуетъ постоянная борьба демократическихъ и аристократическихъ началъ. Низшіе центры неохотно подчиняются высшимъ, а высшіе тщетно стараются сбросить съ себя тиранію низшихъ. Мозговые центры не могутъ помѣшать центрамъ питанія выполнять свою работу, они не могутъ заставить ихъ выполнять эту работу скорѣе или медленнѣе: отправленія кровяныхъ шариковъ, лимфатическихъ железъ и т. п. совсѣмъ не подлежатъ дѣйствію сознанія и воли; мозговые центры только косвенно могутъ доказать, что они все-таки сильнѣе ихъ; они могутъ отнять у низшихъ центровъ тѣ условія, которыя совершенно необходимы для ихъ дѣятельности, напр., воспротивиться введенію пищи въ желудокъ, воздуха въ легкія и такимъ образомъ сдѣлать невозможной работу желудочныхъ железъ и кровяныхъ шариковъ. Низшіе центры въ свою очередь держатъ высшіе въ строгомъ подчиненіи, потому что лучшіе продукты дѣятельности послѣднихъ только тогда могутъ появляться, когда первые правильно и исправно выполняютъ свою обязанность.

Демократическія тенденціи царствуютъ не только въ низшихъ классахъ колоніи, составляющей организмъ; весь ея государственный строй носитъ демократическій или, по крайней мѣрѣ, не монархическій характеръ. Мы не имѣемъ единого центра, который-бы полноправно, какъ абсолютный король, управляетъ всѣми центрами организма; въ дѣятельности ихъ нѣсколько, они совершенно равноправны и имѣютъ одинаковое положеніе въ органической колоніи. По крайней мѣрѣ три изъ этихъ центровъ могутъ претендовать на роль триумвирата, который выполняетъ въ организмѣ обязанности правительства: это центры соз-

нанія, памяти и воли. (Въ сущности это только предположеніе съ моей стороны, что эти три дѣятельности имѣють опредѣленные центры; это до сихъ поръ еще не доказано и возможно, что результатомъ болѣе глубокаго изслѣдованія явится тотъ выводъ, что сознание, память и воля не просты, а сложны и что ихъ можно свести къ послѣднимъ составнымъ частямъ). Они вліяють другъ на друга, но другъ отъ друга независимы. Для того, чтобы ихъ дѣятельность была полезна для организма, между ними должно быть согласіе; эта гармонія иногда нарушается въ случаяхъ мозговыхъ болѣзней и даже иногда при кажущемся полномъ умственномъ здоровьѣ. Иногда теряють память, сохраняя сознание, также, сохраняя сознание, можно лишиться воли. Съ другой стороны воля и память остаются иногда при отсутствіи сознанія, напр., при дунатизмѣ и нѣкоторыхъ формахъ гипнотизма. И даже когда всѣ три центра нормально работаютъ, каждый изъ нихъ идетъ своей дорогой: при этомъ они могутъ идти съ одинаковой скоростью, что однако не всегда бываетъ. Мы знаемъ, что память совершенно независима отъ воли. Она вызываетъ въ насъ требованія, и упорно отказываетъ въ такихъ, которыя мы стараемся вспомнить съ величайшимъ трудомъ. Совершенно также и воля независима отъ сознанія со всѣмъ его содержаніемъ. Мы можемъ сколько угодно убѣждать себя всѣми силами своего разума совершить извѣстное дѣйствіе и тѣмъ не менѣе не совершить его. Сознание исполнѣ убѣждено, но воля не смотритъ на это. Иногда же мы доказываемъ себѣ самыми безспорными аргументами, что мы должны воздержаться отъ извѣстнаго дѣйствія. Воля слушаетъ, даетъ намъ высказаться и въ концѣ концовъ дѣлаетъ то, противъ чего возставало сознание. Такимъ образомъ высшіе центры независимы другъ отъ друга; иногда они дѣйствуютъ согласнo. иногда враждуютъ и въ сущности въ теченіе всей жизни борются за преобладающее вліяніе въ организмѣ.

Раньше, въ главѣ о „большинствѣ и меньшинствѣ“, мы уже видѣли, что высшіе центры только при очень богатомъ и совершенномъ развитіи могутъ создавать новыя комбинаціи, т. е. отвѣчать на внѣшнія впечатлѣнія такими мыслями и дѣйствіями, которыя не встрѣчались до этого времени и для которыхъ нѣтъ готоваго образца. При менѣе высокомъ развитіи эти центры работаютъ обычнымъ, унаслѣдованнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ они дѣйствовали раньше при такихъ же поводахъ и какъ дѣйствовали до нихъ ихъ родители. Каждое часто повторяемое дѣйствіе организуется, т. е. то отношеніе, въ которое должны стать первныя клѣтки и пити, чтобы произвести эту дѣятельность, становится прочнымъ и неразрывнымъ и дѣйствіе производится совершенно автоматически. Несмотря на всѣ нападки Герберта Спенсера на употребленіе примѣровъ и образовъ для объясненія психологическихъ процессовъ, нельзя не признать ихъ хорошимъ средствомъ для разъясненія несвѣдущимъ людямъ этихъ трудныхъ вопросовъ. Поэтому я не колеблясь приведу грубый и потому наглядный примѣръ, чтобы объяснить то, что слѣдуетъ понимать подъ организованной и неорганизованной мозговой дѣятельностью. Органи-

зованная дѣятельность относится къ неорганизованной, какъ игра музыкальнаго ящика къ игрѣ артиста. Если завести музыкальный ящикъ, то онъ вѣрно играетъ ту пьесу, для которой онъ устроенъ; но, разумѣется, онъ не можетъ играть никакой другой пьесы. Артистъ наоборотъ сыграетъ каждую пьесу по нотамъ, а при болѣе высокой степени даровитости онъ не будетъ играть только по чуужимъ нотамъ, а будетъ создавать новыя пьесы. У среднихъ людей мозговые центры похожи на механической музыкальный ящикъ, они играютъ только тѣ пьесы, которыя въ нихъ вложены, которыя организовались въ нихъ. Кто-же былъ механикомъ, приспособившимъ ихъ инструментъ къ опредѣленнымъ пьесамъ? Это былъ рядъ предковъ, которые долго и всегда одинаковымъ образомъ играли эту пьесу, такъ что инструментъ, приводимый сначала въ движеніе свободно играющей рукой, превратился въ автоматъ. У исключительныхъ людей напротивъ мозговые центры подобны артисту, ихъ репертуаръ не состоитъ изъ немногихъ, вѣчно повторяемыхъ пьесъ; онъ постоянно мѣняется и не ограниченъ въ числѣ; они могутъ исполнять вещи, до нихъ никогда не слышанныя. Остается еще одинъ вопросъ: почему организуется часто повторяемая дѣятельность? Или, возвращаясь къ нашему примѣру, почему пьеса, которую много разъ играли, въ концѣ концовъ играется механически? Мой отвѣтъ будетъ лишь гипотезой, согласной однако со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о законахъ природы: это объясняется дѣйствіемъ того общаго закона, что въ природѣ все совершается съ возможно меньшей затратой силъ. Когда воля или сознание создаютъ новыя комбинаціи, то это бываетъ сопряжено съ большою затратой первичной силы. Такая работа требуетъ распорядка и наблюденія. Но эта затрата силъ сберегается, если удастся часто повторяемую дѣятельность совершать механически. Для того, чтобы привести этотъ механизмъ въ движеніе, достаточно бываетъ одного импульса, исходящаго изъ простого чувствительнаго впечатлѣнія или изъ приказанія воли или сознанія, и тогда работа совершается отъ начала до конца, безъ напряженія вниманія, безъ вмѣшательства со стороны сознанія, не требуя отъ него отдѣльныхъ приказаній. Въ этомъ и заключается, вѣроятно, причина того, что часто повторяемая дѣятельность не совершается болѣе свободно высшими центрами, но идетъ автоматически, т. е. становится организованной. Эта тенденція сберегать работу и силу возможно большимъ превращеніемъ свободной дѣятельности въ автоматическую такъ сильна, что она постоянно стремится проявиться не только въ родѣ, но и въ индивидуумѣ. Для того, чтобы организовать отправленіе въ исполняющихъ его центрахъ, не нужно длиннаго ряда поколѣній; это совершается въ короткое время, гораздо скорѣе, чѣмъ въ теченіе единичной человеческой жизни. Даже у самыхъ сильныхъ, слѣдовательно, по моимъ прежнимъ объясненіямъ, у самыхъ оригинальныхъ организмовъ ихъ оригинальность становится автоматической, и если они все-таки остаются оригинальными для другихъ, то для себя самихъ они теряютъ оригинальность. Они становятся музыкальными ящиками, механически играющими свои собственныя произведенія. Такимъ образомъ объясняется, что и самый оригиналь-

нальный гений становится работою привычки, и тотъ сапожникъ, который, разсматривая прекрасную картину, замѣтитъ, что для такого дѣла требуется, вѣроятно, большой навыкъ, не будетъ особенно неправъ.

Автоматическія отправленія высшихъ центровъ доходятъ до нашего сознанія не въ формѣ мыслей, а въ формѣ эмоцій. Только та дѣятельность, которая отъ начала до конца протекаетъ въ области сознанія, т. е. начинается чувственнымъ впечатліемъ, превращается въ воспріятіе, получаетъ объясненіе своей причины, отлагается въ памяти и ведетъ къ сужденію, выполнение котораго препоручается волѣ,—только такая дѣятельность воспринимается нашимъ я въ формѣ ясныхъ, опредѣленныхъ мыслей. Наоборотъ, та дѣятельность, которая совершается безъ прямого вмѣшательства сознанія, и которая состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что какой-нибудь центръ машинально отвѣчаетъ на раздраженіе цѣлымъ цикломъ организованныхъ дѣйствій, подобно тому, какъ музыкальный ящикъ играетъ свою пьесу—эта дѣятельность воспринимается въ видѣ неясныхъ, смутныхъ душевныхъ движеній, или употребляя чуждое нашему языку, но точное научное выраженіе, въ видѣ эмоцій. Нужно точно помнить это различіе. Оно составляетъ предпосылку всего того, что я скажу въ этой главѣ, и въ слѣдующихъ главахъ этой книги мнѣ придется дѣлать изъ него нѣкоторые выводы. Не слѣдуетъ забывать, что то, что мы называемъ сознаніемъ, не обнимаетъ всего организма, но лишь одинъ его органъ, а именно одинъ изъ его мозговыхъ центровъ; однимъ словомъ, что это не сознаніе вообще, а лишь одно опредѣленное сознаніе. Каждый центръ имѣетъ свое собственное сознаніе, о которомъ высшій центръ, тотъ, который составляетъ основу нашего мыслящаго я, нашей духовной личности, имѣетъ лишь скудныя свѣдѣнія или даже и совѣтъ не получать ихъ. Наше я, т. е. нашъ высшій мозговой центръ, не знаетъ ничего или знаетъ нѣчто очень неопредѣленное о процессахъ въ центрахъ спинного мозга или симпатической системы. Но однако несомнѣнно, что эти центры также имѣютъ свое сознаніе, хотя и узкое и подчиненное, что они знаютъ во всякомъ случаѣ, какой дѣятельностью и какимъ приказаніемъ подчиненнымъ имъ тканямъ они должны отвѣчать на возбужденіе. Сознаніе слѣдуетъ представлять себѣ, какъ внутренній глазъ, который наблюдаетъ за дѣятельностью центровъ черезъ особаго рода микроскопъ. Поле зрѣнія этого микроскопа относительно не велико; того-же, что лежитъ внѣ его, наблюдающій глазъ, разумѣется, не видитъ такъ-же точно, какъ онъ не видитъ начала и конца образовъ, проходящихъ по узкому полю зрѣнія. Сознаніе воспринимаетъ послѣдніе результаты дѣятельности другихъ центровъ, но не воспринимаетъ ихъ начала и ихъ развитія. Когда память вызываетъ какое-нибудь представленіе въ поле дѣятельности сознанія, то оно видитъ его; но откуда явилось это представленіе и куда оно исчезло, сознаніе не знаетъ. То-же самое происходитъ и съ волей. Сознаніе видитъ результаты дѣятельности волевого центра, а именно какое-нибудь цѣлесообразное, сложное мускульное движеніе или рядъ такихъ движеній. Но какъ образуется первый

токъ, т. е. та сила, которая посредствомъ нервныхъ путей приводитъ къ сокращенію мускулы,—этого сознание не знаетъ. Сознание ощущаешь совершенно различными способами собственную дѣятельность и дѣятельность другихъ центровъ, поскольку она является въ его узкомъ полѣ зрѣнія. Собственныя дѣйствія, которыя оно само начинаеть и кончаетъ, всѣ части которыхъ оно само производитъ, не оставляють въ немъ никакой неувѣренности, никакой неудовлетворенности. Это будутъ, какъ сказано выше, ясныя мысли; напротивъ, не выполнѣ воспринятыя дѣйствія другихъ центровъ, на которыя сознание не имѣеть прямого вліянія, отдѣльныя части которыхъ оно не ясно различаетъ, начало и конецъ которыхъ ускользають отъ него, вызываютъ въ сознаниі нѣкоторое непріятное чувство, напряженіе, похоже на напряженіе зрѣнія, на то чувство, которое испытываетъ глазъ, когда онъ хотеть ясно разсмотрѣть нѣчто отдаленное, маленькое и слабо освѣщенное; это сознание собственной ограниченности, сознание слабости и несовершенства, любопытство, безпокойство и стремленіе къ расширенію знанія. Это ощущение именно и есть эмоція, которая доходитъ до насъ въ видѣ стремленія, влеченія, неопредѣленнаго возбужденія и неяснаго желанія. Опредѣленная-же и ясная работа мысли, эта дѣятельность высшаго центра сознанія, которую я ради краткости буду называть разсудочной дѣятельностью въ противоположность эмоціональной, производится болѣе совершенно одаренными индивидуумами, которые обладаютъ способностью создавать новыя комбинаціи. Толпа-же, центры которой работаютъ автоматически, т. е. производятъ лишь организованныя комбинаціи, обречена на одиѣ эмоціи. Большинство людей въ теченіе цѣлой жизни не имѣють ни одной, ясной выполнѣ освѣщенной мысли въ сознаниі; ихъ сознанию достаются лишь полутемныя, смутныя образы; они неспособны въ каждый данный моментъ ясно высказать, что дѣлается въ ихъ душѣ; каждая попытка въ этомъ направленіи вызвала-бы неопредѣленную болтовню и ничего незначащія, безцвѣтныя общія мѣста; они живутъ исключительно эмоціями. Такимъ образомъ эмоціональная дѣятельность унаслѣдована, а разсудочная приобрѣтена. Эмоція есть дѣятельность видовая, разсудокъ индивидуальная.

Эмоціональная дѣятельность, не смотря на свою неясность, не смотря на то, что она безпокоитъ и не удовлетворяетъ сознанія, пріятнѣе разсудочной и именно по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, она легче, т. е. происходитъ съ меньшей затратой нервной силы, потому что автоматическая работа центровъ удобнѣе, чѣмъ сознательная и свободная; удобство-же ощущается какъ удовольствіе, а усиліе какъ тяжесть и страданіе. Во-вторыхъ, именно эта неспособность сознанія ясно видѣть эмоціональную дѣятельность, т. е. процессы, совершающіеся въ автоматически работающихъ центрахъ, заключаетъ въ себѣ на ряду съ элементами безпокойства также элементы возбужденія и раздраженія; сознание старается угадать то, чего оно не знаетъ, старается возстановитъ то, чего оно не можетъ видѣть; эта дѣятельность сознанія есть ничто иное какъ фантазія, которая возбуждается эмоціей, фантазія-же, какъ извѣстно, пріятная дѣятельность сознанія. Въ-третьихъ,—

этотъ аргументъ есть уже у Дарвина,—самые главные процессы въ организмѣ совершаются наиболѣе часто; а потому отправления, ставшія вслѣдствіе частаго повторенія автоматическими, становятся по большей части и самыми важными для сохраненія индивидуума и вида; такъ какъ эти отправления достигаютъ до сознанія въ формѣ эмоцій, то организмъ приписываетъ большее значеніе эмоціямъ, какъ выраженію важной и значительной для него дѣятельности, т. е., субъективно говоря, глубже и сильнѣе ощущаетъ ихъ. Къ разсудочной дѣятельности относится все совершенно обратное этимъ тремъ аргументамъ. Она не можетъ быть пріятной, во-первыхъ, потому, что она слишкомъ трудна и сложна для обыкновеннаго человѣка; во-вторыхъ, потому что она не возбуждаетъ пріятной игры сознанія, которая называется фантазіей; въ-третьихъ, потому что она на первый взглядъ не кажется важной и существенной для организма, такъ какъ онъ по опыту знаетъ, что до сихъ поръ обходился безъ нея. Важность ея сказывается лишь тогда, когда человѣкъ, убѣдившись въ ея пользѣ, начинаетъ часто повторять ее; но въ такомъ случаѣ она быстро организуется и изъ разсудочной дѣятельности превращается въ эмоциональную. Этимъ предположеніемъ объясняется множество непонятныхъ явленій. Романтизмъ, предпочитающій старое новому, находящій средніе вѣка поэтичнѣе нашего времени, мечтающій о руинахъ и называющій безобразнымъ пѣлесообразное, хорошо содержимое зданіе, коренится въ томъ, что старыя, унаслѣдовавшія представленія возбуждаютъ автоматическую дѣятельность центровъ и, слѣдовательно, ощущаются въ видѣ эмоцій, въ то время какъ новыя, еще не организованныя представленія сопряжены съ напряженіемъ сознанія и, слѣдовательно, вызываютъ разсудочную дѣятельность.

Старая почтовая карета вызывала у того поколѣнія, которое еще пользовалось ею, эмоцію, а желѣзная дорога разсудочную дѣятельность; поэтому современники этого великаго переворота въ способахъ передвиженія находили почтовую карету поэтичной, а желѣзную дорогу прозаичной и непріятной. Вся ея поэзія и ея обаяніе покоятся на этомъ коренномъ различіи между эмоціей и разсудкомъ. Все содержаніе поэзіи составляютъ обыкновенно человѣческія отношенія, обстоятельства и страсти, т. е. унаслѣдованная, автоматическая, организованная дѣятельность; слѣдовательно, поэзія исходитъ изъ эмоцій и порождаетъ эмоцію. Даже въ выборѣ своихъ выраженій она руководится старыми представленіями не случайно, а необходимо, потому что старыя унаслѣдованныя представленія возникаютъ въ сознаніи вмѣстѣ съ той формой, въ которой они дошли къ намъ отъ предковъ. Поэтому современная поэзія все еще говоритъ о духахъ, эльфахъ и богахъ; поэтому она вноситъ антропоморфизмъ въ изображеніе природы и душевныхъ движеній; поэтому она вооружаетъ своихъ героевъ лукомъ и стрѣлами, а не маузеровскими ружьями; поэтому она заставлятъ своихъ путешественниковъ ѣздить на добромъ конѣ, а не въ спальномъ вагонѣ; поэтому она сохраняетъ міросозерцаніе, относящееся къ дѣтскому періоду нашей цивилизаціи. Новѣйшія представленія и формы непригодны для нея. Среди нашего со-

временнаго міросозерцація она чувствуетъ себя неловко. Это слишкомъ ново для нея; это еще не успѣло организоваться, стать автоматичнымъ; словомъ, оно еще не стало эмоціональнымъ, но остается разсудочнымъ. Поэтому каждая попытка дать поэзіи современное содержаніе совершенно безуспѣшна. Если и есть рифмоплеты, которые стараются создать такъ называемую идейную поэзію, и ввести научный элементъ въ свои стихи, то это доказываетъ лишь, что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сущности поэзіи. Поэзія есть эмоція; желать превратить ее въ разсудочную дѣятельность совершенно то-же самое, что желать превратить сонъ въ дѣйствительность, съ тѣмъ однако, чтобы онъ не пересталъ быть сномъ. Но переходъ разсудочной дѣятельности въ эмоціональную совершится непременно. Это только вопросъ времени. То, что сегодня ново, черезъ тысячу лѣтъ будетъ старо. Что сегодня индивидуально, со временемъ будетъ принадлежать роду, станетъ наследственнымъ и организованнымъ. Тогда вокзалъ будетъ казаться столь-же поэтичнымъ, какъ теперь руины замка, крупновская пушка, какъ шика, употреблявшаяся на турнирахъ; намекъ на электродинамическую машину или на бактерію будетъ заключать въ себѣ столько-же поэзіи, какъ въ наши дни упоминаніе о крыльяхъ, пѣсни и треляхъ соловья. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что весь поэтический арсеналъ былъ когда-то столь-же новъ и, слѣдовательно, разсудоченъ, какъ теперь желѣзная дорога, артиллерія, естественныя науки; тогда, навѣрное, находили рыцарское вооруженіе и замокъ на горѣ столь-же прозаичными, какъ теперь военный мундиръ и казарму, и находили поэтичнымъ лишь то, что тогда было старо. Это не только предположеніе: утверженіе это можетъ быть доказано многими фактами. Почти у всѣхъ древнихъ народовъ религіозныя и мистическія, а слѣдовательно, эмоціональныя представленія связывались съ каменными орудіями въ ту эпоху, когда они уже въ теченіе вѣковъ усвоили себѣ бронзовыя. Каменные орудія составляли для варваровъ бронзоваго и болѣе ранняго желѣзнаго періода то-же, что для мечтательныхъ натуръ нашего времени составляетъ средневѣковый хламъ.

Есть поколѣнія, возрасты, націи, эпохи, въ которыхъ преобладаетъ автоматическая дѣятельность надъ свободной комбинирующей дѣятельностью высшихъ центровъ, эмоціональная дѣятельность надъ разсудочной. Женщина, высшіе центры которой почти никогда не достигали полнаго развитія, какого они иногда достигаютъ у мужчинъ, гораздо болѣе живеть эмоціями, чѣмъ мужчина. Дитя, центры котораго еще не вполне развились, старикъ, у котораго они пришли въ упадокъ, обладаютъ почти исключительно эмоціональной, а не разсудочной дѣятельностью. Во время болѣзни или выздоровленія, т. е. въ то время, когда организмъ, а слѣдовательно, и вся центральная нервная система ослаблены, организмъ способенъ только на эмоціи. Мозговыя заболѣванія проявляются прежде всего той легкостью, которой индивидуумъ, пораженный ими, переходитъ изъ одного настроенія въ другое, становится слезливымъ или веселымъ, т. е. подвергается эмоціямъ. Китайцы и современные романскіе народы эмоціо-

пальны; ими владѣють полусознательныя настроенія, т. е. автоматическая унаслѣдованная дѣятельность ихъ центровъ; среди нихъ появляется очень мало такихъ индивидуумовъ, въ которыхъ высшіе центры настолько сильны, чтобы задержать автоматическую дѣятельность и создавать свободныя комбинаціи, т. е. мыслить оригинально, быть разсудочнымъ. Средніе вѣка были цѣлой долгой эпохой, носившей чисто эмоціональный характеръ. Обычное было тогда всеильнымъ. Индивидуальность всецѣло поглощалась семьей, корпораціей и сословіемъ. Въ теченіе цѣлой половины тысячелѣтія не было ни одного мозгового центра, который былъ-бы способенъ на разсудочную дѣятельность. Поэтому вся эпоха была сентиментальной, религіозной и мистической,—опредѣленія, обозначающія ничто иное, какъ ту неясность, съ которой, какъ мы видѣли выше, автоматическая дѣятельность центровъ доходитъ до сознанія индивидуума.

Тѣ разъясненія, которыя я до сихъ поръ далъ, нѣсколько затянулись, но читатель, если онъ не спеціалистъ по психологін, найдетъ ихъ необходимыми. Только теперь онъ пойметъ, что я имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что геній и талантъ можно свести на извѣстную степень развитія нѣкоторыхъ центровъ. Въ какой части мозга слѣдуетъ искать тѣ центры, особенное развитіе которыхъ выражается особенной одаренностью, мы по большей части не знаемъ. Но не слѣдуетъ считать невозможнымъ, а напротивъ, нужно признать весьма вѣроятнымъ, что соединенныя усилія клинической медицины, паталогической анатоміи и экспериментальной паталогіи, а также, быть можетъ, начатое съ недавнихъ поръ систематическое изслѣдованіе мозга великихъ людей приведутъ къ локализациі отдѣльныхъ центровъ.

Тѣ, для которыхъ умственная дѣятельность есть отправленіе души, нематерьяльнаго гостя въ нашемъ тѣлѣ, найдутъ объясненіе такого явленія, какъ геній и талантъ, или дѣтски легкимъ, или совсемъ невозможнымъ. Они не могутъ объяснить его тѣмъ, что у Петра больше души, чѣмъ у Павла, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ матеріи, нѣтъ никакого протяженія, которое относится лишь къ матеріи, и никакой интенсивности, которая относится лишь къ силѣ, связанной съ матеріей, слѣдовательно, не можетъ быть понятія о большемъ и меньшемъ, а лишь понятіе о единствѣ. Онъ не можетъ также сказать, что души отличаются другъ отъ друга по существу и что дѣло идетъ такимъ образомъ не о количественномъ, а о качественномъ различіи, потому что различіе по существу нематерьяльнаго вещества такъ-же немислимо для чело-вѣческаго разсудка, какъ и различіе по существу въ матеріи, которую мы представляемъ себѣ однородной, неизмѣнной и всегда равной самой себѣ. Имъ останется, слѣдовательно, одно объясненіе, что милость Бога отвела одной душѣ болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ другой; но вѣдь это не объясненіе. Наоборотъ, тотъ, кто вмѣстѣ съ современной наукой принимаетъ, что умственная дѣятельность есть отправленіе извѣстнаго органа, а именно мозговыхъ центровъ, безъ всякаго труда пойметъ, что лучше развитой органъ и лучше работаетъ, чѣмъ органъ развитой посредственно. Разумѣется, этимъ мы не объяснили, почему у одного

индивидуума тотъ или другой центръ больше развитъ, чѣмъ у другого. Но съ этимъ навязчивымъ почему, которое спрашиваетъ о послѣдней причинѣ явленій, точная наука вообще не хочетъ имѣть дѣла.

На талантѣ намъ не придется долго останавливаться. Онъ не имѣетъ анатомической подкладки и не основывается на особенномъ развитіи какого-нибудь центра. Онъ не отличается ни по существу, ни даже въ количественномъ отношеніи отъ людей безъ всякаго таланта. Я готовъ даже еще рѣзче высказать мою мысль и сказать, что вообще совсѣмъ нѣтъ талантовъ. По крайней мѣрѣ подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ понимать нѣчто специфическое. Здѣсь есть лишь прилежаніе и случай, именно случай, благоприятствовавшій упражненію и развитію. Каждый нормальный человѣкъ, не страдающій хронической болѣзью или хлостью и доразвившійся до типа современнаго средняго человѣка, имѣетъ въ себѣ все, что нужно для того, чтобы „талантливо“ выполнять каждую дѣятельность. Для этого ему нужно лишь окончательно или усилненно посвятить себя этой дѣятельности. Изъ здороваго средняго человѣка можно сдѣлать все, что угодно, при разумной, достаточно долгой и строгой муштровкѣ. Путемъ правильной тренировки было-бы весьма не трудно создать цѣлыя полки, цѣлую армію художниковъ, писателей, ораторовъ, ученыхъ изъ людей, взятыхъ безъ всякаго разбора, случайно или по жребію, какъ берутъ рекрутовъ въ войско, и cadaго человѣка въ этой арміи пришлось-бы признать талантливымъ. На этомъ молчаливомъ предположеніи основывается вся наша воспитательная система. Школа исходитъ изъ того положенія, что всѣ ученики одинаково одарены и могутъ достигнуть однихъ и тѣхъ-же цѣлей образованія; поэтому у ней для всѣхъ одинаковая метода, одиѣ и тѣ-же задачи преподаванія и одиѣ и тотъ-же учебный матерьялъ. Если тѣмъ не менѣе встрѣчаются хорошіе и плохіе ученики, то это зависитъ (если, конечно, исключить недоразвитыхъ, болѣзненныхъ, а слѣдовательно, не типичныхъ учениковъ) только отъ большаго или меньшаго прилежанія или отъ большей или меньшей возможности посвятить себя школьнымъ занятіямъ. Но, конечно, эта армія ученыхъ, ораторовъ, поэтовъ, художниковъ и т. д. не создастъ никогда ничего новаго; они никогда не расширять границъ своей специальности; не подвинуть впередъ ея задачу, но то, что будетъ сдѣлано до нихъ, они повторяютъ очень искусно, очень легко и безупречно; людей способныхъ на это и называютъ талантомъ. Въ примѣръ можно привести очень многихъ людей, которые дѣйствительно были признаны талантливыми одновременно въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Я назыву только Урбино Бальди, который былъ классическимъ филологомъ, художникомъ, математикомъ, врачомъ и поэтомъ, изучилъ шестнадцать языковъ, читалъ медицину на кафедрѣ Падуанскаго университета, и во всѣхъ этихъ областяхъ достигъ значительныхъ результатовъ. Въ прежніе вѣка подобные универсальные таланты были вообще не рѣдкостью и въ настоящее время можно было-бы сколько угодно воспитать ихъ, если-бы науки не достигли такихъ значительныхъ размѣровъ. Теперь нужно гораздо больше

времени, чтобы научиться повторять то, что до сихъ поръ было создано. Но это вопросъ времени, а не дарованіи. Если-бы люди жили по двѣсти лѣтъ, то и теперь, какъ въ эпоху возрожденія, одинъ и тотъ-же человекъ могъ-бы основательно изучить цѣлый рядъ различныхъ специальностей, и въ каждой изъ нихъ достигнуть столь крупныхъ результатовъ, что его признали-бы талантомъ въ каждой изъ нихъ.

Но что-же я скажу о такъ называемыхъ врожденныхъ склонностяхъ къ извѣстнымъ специальностямъ? Одинъ ребенокъ съ раннихъ лѣтъ хочетъ быть солдатомъ, другой—музыкантомъ, третій—естествоиспытателемъ или механикомъ. Это вѣдь указываетъ на то, что въ насъ есть что-то такое, что отсутствуетъ у другихъ дѣтей или, по крайней мѣрѣ, свойственно имъ въ меньшей степени. Конечно, такъ говорятъ всѣ. Но я думаю, что всѣ эти случаи мнимаго призванія дѣтей къ какому-нибудь занятію объясняются просто не точнымъ наблюдениемъ. Большею частью ребенку прививается пристрастіе къ какой-нибудь отрасли, благодаря чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, примѣру окружающихъ, разговорамъ взрослыхъ, книгѣ, случайно попавшей въ его руки, пьесѣ, видѣнной имъ. А при полиیشемъ равнодушіи ко всякимъ призваніямъ, нужно самое ничтожное побужденіе, чтобы направить свое вниманіе на одно изъ нихъ преимущественно передъ всѣми другими. А въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которыхъ нельзя объяснить такимъ образомъ, такъ называемая врожденная склонность къ какому-нибудь призванію есть ничто иное, какъ врожденное отвращеніе ко всѣмъ другимъ призваніямъ, основанное на сознаніи неспособности къ извѣстнымъ дѣятельностямъ, обусловленномъ въ свою очередь на недостаточномъ развитіи отдѣльныхъ нервныхъ центровъ. Но здѣсь мы уже вступаемъ въ область болѣзненныхъ явленій: мы имѣемъ передъ собою индивидуумовъ, въ какомъ-нибудь отношеніи недоразвившихся до нормальнаго типа; мое-же положеніе, что талантъ есть лишь степень развитія, достигнутая достаточнымъ упражненіемъ, приложимо лишь къ нормальнымъ индивидуумамъ, вполне правильно развитымъ. Стоитъ только присмотрѣться, чтобы понять, что юноша, бросившій гимназію или купеческую контору для того, чтобы стать художникомъ или солдатомъ, сдѣлалъ это не изъ непреодолимаго влеченія къ искусству или къ военному поприщу, какъ онъ впоследствии будетъ о себѣ воображать, но изъ страха передъ математикой или строгими порядками торговаго дома и вслѣдствіе смутнаго представленія, что другія карьеры легче и пріятнѣе, чѣмъ первоначально избранная. Этотъ субъектъ, мнѣняющій профессію, не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ другими; у него нѣтъ способности къ искусству или къ военному дѣлу; напротивъ, онъ одаренъ менѣе другихъ, такъ какъ ему не хватаетъ способности переносить трудности систематическаго ученія или торговой дисциплины.

Послѣ вышесказаннаго вопросъ о наследственности таланта упраздняется самъ собою. Такъ какъ я не вѣрю въ талантъ, какъ въ нѣчто врожденное организму, то я не могу вѣрить и въ его наследственность. Въ этомъ отношеніи меня не можетъ привести

въ заблужденіе ни то, что выдается за опытъ, ни знаменитая книга Гальтона, посвящая удивительно неточное заглавіе: „Наслѣдственность таланта“. Тотъ фактъ, что въ семьѣ наблюдается цѣлый рядъ такъ называемыхъ талантовъ въ одной и той-же сферѣ, не доказываетъ ровно ничего. Что можетъ быть естественное того, что примѣръ отца или дяди рано направляетъ мышленіе ребенка въ извѣстномъ направленіи? Сынъ врача съ дѣтства окруженъ представленіями медицинскаго или естественно-научнаго характера; если онъ не тушица, то онъ необходимо долженъ заниматься этими представленіями, они будутъ побуждать его избрать занятіе его отца или родственника, и если онъ нормальный человѣкъ, то онъ достигнетъ въ немъ солидныхъ результатовъ и, слѣдовательно, будетъ талантомъ. Значить-ли это, что онъ унаслѣдовалъ талантъ своего отца? Нѣтъ. Его способность къ изученію всякихъ человѣческихъ занятій была только направлена примѣромъ отца на изученіе отцовской дѣятельности. Если-бы этотъ мальчикъ былъ сынъ генерала, то онъ сдѣлался-бы военнымъ талантомъ, если-бы онъ былъ сынъ художника, то сталъ-бы талантливымъ художникомъ; во всѣхъ случаяхъ изъ него вышла-бы золотая посредственность и рѣдко нѣчто большее. Появленіе нѣсколькихъ однородныхъ талантовъ въ одной семьѣ совсѣмъ не доказываетъ наследственности таланта; наоборотъ, оно доказываетъ, что каждое нормально развитое дитя въ любой профессіи, на которую его направятъ семейныя преданія, можетъ достигнуть извѣстной степени таланта, благодаря только вліянію примѣра, не нуждаясь для этого ни въ какомъ органическомъ предрасположеніи. Есть одинъ опытъ, при помощи котораго этотъ вопросъ могъ-бы быть окончательно разрѣшенъ, но, насколько мнѣ извѣстно, этотъ опытъ не былъ произведенъ. Онъ состоялъ-бы въ томъ, что ребенокъ, подобранннй на улицѣ, помѣщенный въ воспитательный домъ и воспитанный въ школѣ, которая не побуждала-бы его къ выбору профессіи; проявилъ-бы рѣшительную склонность къ какой-нибудь опредѣленной профессіи, и дошелъ-бы въ ней до значительнаго, хотя и не необычайнаго, успѣха. И вдругъ позднѣе открылось-бы происхожденіе этого ребенка и оказалось-бы, что онъ происходитъ изъ семьи, которая также имѣла талантливыхъ представителей въ этой профессіи. Этотъ опытъ слѣдовало-бы повторить нѣсколько разъ, чтобы исключить возможность случая. Только тогда было-бы доказано, что талантъ передается по наследству. Но, повторяю, подобный опытъ не былъ до сихъ поръ произведенъ, и я очень сомнѣваюсь, чтобы его произвели когда-нибудь.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ геніемъ. Геніи не есть другое выраженіе для обозначенія способности, приобрѣтенной достаточнымъ упражненіемъ. Это не нормальный типъ, развившійся въ слѣдствіе благоприятныхъ условій. Геніи есть необыкновенное явленіе, уклоняющееся отъ нормальнаго типа. Онъ обусловливается особеннымъ развитіемъ какого-нибудь нервнаго центра, иногда даже нѣсколькихъ центровъ или, наконецъ, всѣхъ. Поэтому геніи совершаетъ всѣ отправления, которыми у него завѣдуютъ необыкновенно развитые центры съ необычайнымъ совершенствомъ, гораздо совершеннѣе, чѣмъ человѣкъ средняго

типа, хотя-бы онъ и развилъ путемъ упражненія соответствующіе центры до тѣхъ наивысшихъ предѣловъ, которые для него недоступны. Съ чисто физиологической точки зрѣнія слѣдовало-бы говорить о гениі всякій разъ, когда констатируется необычайное, превосходящее обыкновенные размѣры развитіе какого-нибудь центра или тканей. Необыкновенно здоровый человѣкъ, который могъ-бы непрерывно исполнять самую тяжелую работу, подвергаться всѣмъ превратностямъ погоды, не досыпать, не доѣдать и плохо одѣваться, не испытывая при этомъ никакого вреда для своего здоровья, заслуживалъ-бы названія гения жизненныхъ силъ, потому, что его низшіе центры, тѣ, которые завѣдуютъ самыми простыми отправлениями организма, внутренними, механическими и химическими процессами живої кліточки, развиты до необыкновенной степени совершенства. Милонъ Кротонскій въ этомъ смыслѣ мускульный гениі. Его мышечная ткань достигла такого развитія, какого она не достигала ни у одного человѣка, извѣстнаго древнимъ. Поэтому онъ могъ дѣлать такія вещи, которыхъ никто не дѣлалъ до него, которыя казались невозможными нормальнымъ людямъ и дѣйствительно были невозможны для нихъ. Онъ руками разламывалъ деревья. Этого способъ ихъ разламыванья до него никому не приходилъ въ голову и не могъ быть заимствованъ у него, несмотря ни на какое упражненіе. Самое большее, если его могли примѣнить къ гораздо болѣе тонкимъ и хрупкимъ деревьямъ. По всей вѣроятности, были мускульные таланты, которые путемъ постоянного упражненія достигали способности продѣлывать то-же съ молодыми стволами, что мускульный гениі впервые, безъ всякаго примѣра и подготовки совершалъ надъ старыми деревьями. Мы можемъ себѣ представить человѣка, который имѣлъ-бы такой совершенный слухъ, что, проходя по улицѣ, могъ-бы ясно слышать, что говорятъ и даже что шепчутъ въ домахъ, и его слѣдовало-бы признать гениемъ слуха. Безъ всякаго труда и безъ посторонней помощи онъ могъ-бы узнавать такія вещи, проникать въ такія тайны, угадать которыя нормальному человѣку казалось-бы немислимымъ. Но такія способности мы не называемъ гениемъ, потому, что онѣ не составляютъ исключительно человѣческаго свойства. Всякое живое существо обладаетъ низшими центрами жизненныхъ отпращиваній. Если мы назовемъ описаннаго выше здороваго человѣка гениемъ жизненной силы, то такого-же названія заслуживала-бы и лягушка, продолжающая жить многія столѣтія замуравленною въ камнѣ, и кошка, живущая шесть недѣль безъ пищи въ трубѣ подъ пепломъ пожара. Милонъ Кротонскій по своему мускульному развитію можетъ быть поставленъ въ рядъ съ особенно сильнымъ слономъ или даже съ исключительной блохой, которая можетъ прыгать гораздо выше своихъ соплеменницъ; а гениі слуха не возвышаются надъ животными, у которыхъ нѣкоторыя чувства достигаютъ непонятнаго для насъ совершенства, какъ, напримѣръ, зрѣніе у дневныхъ хищныхъ птицъ и обоняніе у собакъ. У нѣкоторыхъ животныхъ есть такія способности, которыя предполагаютъ центры, совершенно отсутствующіе у людей. Электрическій угрь можетъ выдѣлять электриче-

скіе удары; почтовый голубъ черезъ весь континентъ находитъ дорогу къ своей голубятнѣ; нѣкоторыя плотоядныя осы имѣютъ такое точное знаніе суставчатыхъ животныхъ, что они съ безошибочной точностью нападаютъ уклады нервнымъ гангліямъ всѣхъ суставовъ гусеницы, исключая ея головной гангліи. Вслѣдствіе этого гусеница совершенно парализуется, но не умираетъ и можетъ живою служить въ пищу дѣтенышамъ осы, не нанося имъ вреда своими движеніями въ узкомъ грѣздѣ. Человѣкъ лишентъ всѣхъ этихъ способностей. И врядъ-ли онъ достигнетъ ихъ когда-нибудь, потому, что онѣ ему не нужны. За отсутствіе ихъ онъ вознагражденъ высшей, всеобъемлющей способностью—способностью сужденія. Онъ строитъ себѣ болѣе могущественныя электрическія батареи, чѣмъ тѣ, которыми обладаетъ угръ. Съ помощью компаса и карты онъ такъ-же хорошо находитъ свою дорогу, какъ и почтовый голубъ. Въ анатоміи онъ приобрѣлъ еще болѣе свѣдѣній, чѣмъ плотоядная оса. Но теоретически вполне мыслимо предположить появленіе такого рѣдкаго феномена среди людей, который обладалъ-бы электрическимъ органомъ, какъ угръ, или органомъ ориентированія, какъ почтовый голубъ, или органомъ, замѣняющимъ ось учебникъ анатоміи и физиологіи, или, наконецъ, органомъ, который далъ-бы ему возможность воспринимать движенія, происходящія въ чужихъ мозговыхъ центрахъ, совершенно такъ-же, какъ мы воспринимаемъ глазами и ушами движенія другого рода, слѣдовательно, читать чужія мысли. Такойъ человѣкъ совершалъ-бы дѣла, которыхъ нельзя было-бы не признать чудесными. Всѣ, за исключеніемъ очень образованныхъ людей, считали-бы его за волшебника. Но врядъ-ли его признали-бы гениальнымъ. Мы должны примѣнять это названіе только къ такимъ существамъ, у которыхъ необыкновенно сильно развиты не какіе-нибудь общіе человѣку съ животными или-же наоборотъ, сверхчеловѣческіе центры, но центры исключительно человѣческіе, одни изъ тѣхъ высшихъ центровъ, которыми только человѣкъ владѣетъ въ полномъ совершенствѣ.

Это ограниченіе понятія „гений“ исключаетъ возможность злоупотребленія этимъ словомъ, чѣмъ обыкновенно грѣшатъ даже люди, тщательно обдумывающіе свои выраженія. Я очень сожалѣю, что мнѣ придется приводить имена, но полагаю, что это неизбежно для поясненія моей мысли. Обыкновенно называютъ гениями Листа, Макарта, Дависона. Это такъ-же неправильно, какъ если-бы назвали гениемъ вышеприведеннаго человѣка съ необыкновенно сильно развитой мускульной системой. Во всѣхъ трехъ случаяхъ дѣло идетъ объ особенномъ совершенствѣ низшихъ центровъ. Чтобы доказать это, нужно только проанализировать и разложить на простыя составныя части, повидимому, столь сложныя явленія, какъ игра піаниста, живописецъ, игра трагика.

Начнемъ съ игры піаниста. Она производится движеніями пальцевъ, кисти и всей руки (я опускаю сравнительно несущественныя движенія ногъ), а также тѣми импульсами, которые дѣлаютъ эти движенія болѣе или менѣе сильными или слабыми, быстрыми или медленными, ритмическими или неправильными. Здѣсь дѣйствуютъ, слѣдовательно, въ нисходящемъ порядкѣ:

центръ, который посылаетъ необыкновенно быстро смѣняющіеся двигательные импульсы различной силы и различнаго рода; первы, достаточно чувствительные, чтобы передать эти импульсы съ величайшей быстротой и точностью, такъ чтобы они не претерпѣли ни малѣйшаго измѣненія ни въ силѣ, ни въ характерѣ; наконецъ, мускулы верхнихъ конечностей, которые производятъ такія точныя сокращенія, что движенія всегда остаются совершенно пропорціональными импульсамъ. Мы знаемъ, что работа цѣлесообразныхъ комбинацій мускульныхъ движеній имѣетъ опредѣленные центры, и можемъ предположить, что музыкальные импульсы возникаютъ въ одномъ изъ центровъ ощущенія, автоматическая дѣятельность котораго возбуждается не только впечатлѣніями чувства слуха, но также и впечатлѣніями другихъ чувствъ и мозговыхъ центровъ, если эти послѣднія часто ассоціировались съ слуховыми впечатлѣніями. Такими неакустическими, но обыкновенно ассоціируемыми съ ними впечатлѣніями являются прежде всего впечатлѣнія половыя. Въ высшей степени вѣроятно, что первобытный человѣкъ, подобно тому, какъ теперь цѣлый рядъ животныхъ, сопровождалъ свои любовныя ощущенія звуками (ритмическими криками, пѣніемъ), и вслѣдствіе этого въ нашихъ мозговыхъ центрахъ осталась прочная ассоціація между дѣятельностью воспроизводительнаго и звуковаго центра. Какъ только возбужденъ одинъ центръ, то и другой сейчасъ-же приходитъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ любовныя ощущенія возбуждаютъ музыкальные импульсы, а дѣятельность центра, завѣдующаго музыкальными импульсами, вызываетъ дѣятельность воспроизводительнаго (любовнаго) центра. Но это далеко не единственныя ассоціаціи подобнаго рода. Каждое явленіе внѣшняго міра заключаетъ въ себѣ возбужденія не для одного только чувства, но для всѣхъ. Возьмемъ, напр., такое явленіе, какъ весеннее солнечное утро. Главное чувство, на которое дѣйствуетъ это явленіе, есть, конечно, зрѣніе, потому что самымъ существеннымъ элементомъ его будетъ солнечный свѣтъ и та своеобразная окраска, которую онъ придаетъ ландшафту. Но вмѣстѣ съ этимъ чувство обонянія получаетъ впечатлѣнія отъ запаха травъ и цвѣтовъ, отъ водяныхъ паровъ и озона, осязаніе воспринимаетъ прохладу и нѣкоторую степень сырости, а слухъ—голоса различныхъ животныхъ и птицъ, шумъ листвы и т. п. Каждое отдѣльное, сложное явленіе состоитъ изъ впечатлѣній нѣсколькихъ или всѣхъ чувствъ; эти различныя впечатлѣнія, изъ которыхъ одни сильнѣе, другія слабѣе, сохраняются въ памяти въ видѣ общей картины, и опредѣленное впечатлѣніе одного чувства возбуждаетъ также и въ другихъ центрахъ чувствъ и ощущеній впечатлѣнія, получаемыя обыкновенно одновременно съ нимъ. Такъ, характеристическій запахъ лѣтняго солнечнаго утра въ деревнѣ или въ лѣсу вызываетъ представленіе цѣлаго лѣтняго утра, т. е. всѣ остальные впечатлѣнія чувствъ, изъ которыхъ это явленіе сложилось: ощущеніе прохлады и свѣжести, слуховое впечатлѣніе отъ пѣнія пѣтуха, пѣсенъ жаворонка, лая собакъ, звона колоколовъ и т. д. Слѣдовательно, самое слабое возбужденіе любого чувства можетъ вызывать возбужденія всѣхъ другихъ чувствъ, равно какъ и возбуждать дѣятельность

музыкальнаго центра; дѣятельность эта будетъ различна, смотря по природѣ полученнаго чувственнаго впечатлѣнія. Связь между дѣятельностью различныхъ центровъ происходитъ совершенно помимо сознанія, вполнѣ автоматически. Сознаніе даже не всегда можетъ различить, какое чувственное впечатлѣніе возбудило дѣятельность другихъ центровъ, потому что оно не привыкло анализировать явленія и констатировать участіе каждаго чувства въ ихъ созданіи; оно обыкновенно считаетъ существеннымъ одно, самое сильное впечатлѣніе и совершенно пренебрегаетъ остальными, болѣе слабыми и подчиненными. Чтобы не отклоняться особенно отъ моего предмета, я приведу лишь одинъ примѣръ. Въ составъ такого явленія, какъ картина, написанная масляными красками, входитъ также и впечатлѣніе запаха масляной краски или олифы; но это впечатлѣніе такъ слабо и такъ незначительно сравнительно съ зрительнымъ впечатлѣніемъ, что мы едва замѣчаемъ его, совершенно пренебрегаемъ имъ и забываемъ о томъ, что въ образованіи представленія „масляная картина“ принималъ участіе также и центръ обонянія. И однако-же достаточно, чтобы центръ обонянія получилъ впечатлѣніе, подобное запаху масляной краски или олифы, чтобы вызвать дѣятельность другихъ центровъ, которые обыкновенно функционировали вмѣстѣ съ центромъ обонянія всякій разъ, когда создавалось представленіе о „масляной картинѣ“. Въ нашемъ сознаніи такимъ образомъ внезапно появится представленіе картины, причемъ мы не будемъ въ состояніи объяснить себѣ, почему у насъ возникла картина въ памяти. Это одна изъ основныхъ формъ ассоціаціи идей; этимъ объясняются настроенія, которыя овладѣваютъ нами неизвѣстно почему; то-же самое, можетъ быть, происходитъ и въ большинствѣ сновидѣній, въ которыхъ чувственные центры при слабой или даже вполнѣ прекращенной дѣятельности центра сознанія автоматически создаютъ изъ ничтожныхъ внѣшнихъ впечатлѣній представленія, частью которыхъ они обыкновенно являются. Итакъ, чтобы быть хорошимъ пианистомъ, индивидуумъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: онъ долженъ имѣть очень чувствительную, т. е. работоспособную нервную систему; его музыкальный центръ долженъ быть очень легко возбудимъ къ выработкѣ импульсовъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на слухъ, но, сообразно выше объясненному механизму, дѣйствующихъ также и на другія чувства; его центръ, завѣдующій координаціей движеній, долженъ отличатся особеннымъ совершенствомъ, для того чтобы онъ могъ комбинировать самыя тонкія, самыя точныя и сложныя движенія ручныхъ мускуловъ, быстро смѣняя ихъ одно за другимъ.

Достоинства пианиста опредѣляются преобладаніемъ того или другого центра. Если у него развитъ главнымъ образомъ центръ координаціи движеній, то онъ будетъ блестящимъ техникомъ, превсзмогающимъ всѣ трудности, но игра его будетъ производить впечатлѣніе холодной и бездушной. Если наоборотъ рядомъ съ центромъ координаціи движеній развитъ также и центръ слуховыхъ ощущеній, то игра будетъ не только блестяща въ техническомъ отношеніи, но будетъ также отражать разнообразныя и

быстро смѣняющіеся импульсы ощущеній, т. е. будетъ оживлена и полна чувствъ. Необыкновенно высоко развитой центръ слуховыхъ ощущеній будетъ въ состояніи выработать болѣе могучіе импульсы и комбинировать ихъ новымъ своеобразнымъ способомъ; это и составляетъ особенность Бетховена. Столь-же развитой центръ слуховыхъ ощущеній, къ которому присоединяется хорошо развитой центръ координаціи движеній, создаетъ индивидуума, который будетъ и композиторскимъ гениемъ, и выдающимся пианистомъ, какъ, напр., Моцартъ. Если-же первый центръ все еще необыкновенно развитъ, но все-таки второй преобладаетъ надъ нимъ, то появляется такой композиторъ, произведенія котораго только тогда вызываютъ у слушателя полное впечатлѣніе, когда они играются имъ самимъ, или совершенно такъ, какъ онъ исполняетъ ихъ самъ, т. е. строго слѣдуя оригинальности его центра координаціи; такимъ композиторомъ былъ, напр., Шопенъ. Наконецъ, необыкновенно развитой центръ координаціи въ связи съ слуховымъ центромъ, развитымъ лишь немного болѣе, чѣмъ такой-же центръ у обыкновенныхъ людей, даетъ удивительнаго пианиста и замѣчательнаго музыкальнаго исполнителя, но очень посредственнаго композитора, вродѣ Листа, котораго неправильно называютъ гениемъ. Какъ уже было объяснено, этотъ гений основывается на необыкновенномъ развитіи центра координаціи и будетъ слѣдовательно координаціоннымъ гениемъ. Но этотъ центръ принадлежитъ къ разряду низшихъ, не исключительно человѣческихъ, и его особенное развитіе не даетъ права называться гениемъ, такъ какъ это названіе можетъ быть приложено лишь къ совершенству въ области специально человѣческихъ центровъ. Необычныя координаціи встрѣчаются также и у животныхъ, напр., у обезьянъ, которыя совершаютъ такіе фокусы лазанья и эквилибристики, что немногіе люди смогутъ подражать имъ. Даже у человѣка необыкновенное развитіе сравнительно низшихъ способностей также предполагаетъ совершенные центры координаціи. Нужно, напр., обладать высокоразвитымъ центромъ координаціи движеній нижнихъ конечностей, чтобы быть отличнымъ конькобѣйцемъ. Эта-же самая особенность въ связи съ хорошо развитымъ центромъ слуховыхъ впечатлѣній даетъ выдающагося танцора, а если она будетъ связана вмѣсто этого съ развитымъ волевымъ центромъ, этимъ существеннымъ элементомъ отваги, и съ хорошо дѣйствующимъ центромъ разсудка, то создастъ замѣчательнаго наѣздника. Высокое развитіе центра координаціи движеній верхнихъ конечностей даетъ также цѣлый рядъ различныхъ способностей, смотря по тѣмъ высшимъ центрамъ, которые развиты одновременно съ нимъ и могутъ сообщить ему импульсы. Комбинація центровъ координаціи съ слуховыми центрами даетъ, какъ мы видѣли, пианиста; комбинація центровъ воли съ разсудочнымъ центромъ даетъ выдающагося артиста фехтованія. Такимъ образомъ получается любопытная параллель между танцоромъ и пианистомъ, съ одной стороны, и наѣздникомъ и фехтовальщикомъ—съ другой. Поэтому не болѣе основанія называть гениальнымъ пианиста, чѣмъ танцора, наѣздника и фехтовальщика. Затронутый здѣсь вопросъ чрезвычайно обширенъ. Чтобы исчер-

пать его, понадобилась-бы не глава, а цѣлая объемистая книга. Можно было-бы безъ конца комбинировать различныя центры и смотрѣть, какія исключительныя способности возникали-бы при этомъ. Но это мы предоставимъ читателю, достаточно заинтересованному приведенными выше примѣрами. Я хочу слегка, не исчерпывая его, коснуться еще только одного вопроса. Чѣмъ сдѣлался-бы человѣкъ, по своимъ органическимъ задаткамъ подобный Листу, если-бы онъ родился раньше, чѣмъ былъ изобрѣтень рояль или вообще такой инструментъ, звуки изъ котораго извлекались-бы посредствомъ движенія рукъ? Тогда не получится такой характерной комбинаціи обонхъ центровъ, изъ которыхъ одинъ развитъ необыкновенно, а другой хорошо. Каждый изъ нихъ работалъ-бы самъ по себѣ, и вмѣсто Листа получился-бы человѣкъ, отличающійся большимъ искусствомъ въ ручныхъ работахъ, напр., въ вязаніи или плетеніи, можетъ быть, даже замѣчательный фокусникъ; при этомъ онъ былъ-бы одаренъ музыкальными наклонностями, которыя выразились-бы въ любви къ пѣнію или въ попыткахъ пѣть и насвистывать. Даже дѣятельность болѣе высокаго центра, создающаго музыканта, наивысшая степень развитія котораго создаетъ дѣйствительно генія, какъ, напр., Бетховенъ, все-таки остается лишь автоматической, чисто эмоціональной, и стоитъ ниже всякой разсудочной дѣятельности. Дѣятельность-же болѣе низкаго центра—центра координаціи вообще не можетъ быть признана умственной, исключительно человѣческой дѣятельностью, такъ какъ она не только свойственна многимъ организмамъ, кромѣ человѣка, но даже достигается у нихъ высокою степенью совершенства.

Приложимъ теперь такой-же анализъ къ такому явленію, какъ художникъ, напр., Макартъ. Произведеніе художника, картина, также пѣчто очень сложное; его простыя составныя части въ различныхъ отношеніяхъ между собою участвуютъ въ созданіи цѣлаго явленія. Въ картинѣ прежде всего принимаются во вниманіе краски, затѣмъ форма и наконецъ ея умственное содержаніе—ея тема или идея. Нашъ центръ зрительныхъ ощущеній устроенъ такъ, что впечатлѣнія отъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ и ихъ сочетаній онъ воспринимаетъ, какъ пріятныя, отъ другихъ, какъ непріятныя. Я не могу съ точностью объяснить, на чемъ основывается это различіе субъективныхъ ощущеній. Гельмгольцъ и Брюкке обнародовали по этому поводу замѣчательныя изслѣдованія и сдѣлали очень вѣроятнымъ то предположеніе, что субъективное впечатлѣніе отъ сочетанія красокъ и тоновъ основывается на взаимныхъ отношеніяхъ числа, величины и формы колебаній или волнообразныхъ движеній, которыя, вѣроятно, производятъ въ нашихъ органахъ чувствъ измѣненія, воспринимаемыя нами, какъ цвѣта или звуки. И такъ, согласно мнѣнію этихъ великихъ изслѣдователей, при пріятныхъ или непріятныхъ цвѣтовыхъ и звуковыхъ впечатлѣніяхъ происходитъ безсознательное констатированіе простыхъ или сложныхъ арифметическихъ и геометрическихъ отношеній между движеніями ээпра или матеріи. Какъ-бы то ни было, намъ достаточно того, даннаго опытомъ, факта, что есть пріятныя и непріятныя цвѣта и цвѣтовые сочетанія. Необыкновенно развитой центръ зрительныхъ ощущеній сдѣлаетъ

человѣка способнымъ, во-первыхъ, особенно сильно воспринимать цвѣтотыя ощущенія, т. е. особенно наслаждаться гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ и имѣть особенно сильное отвращеніе къ ихъ негармоническому сочетанію, а во-вторыхъ, находить такія цвѣта и цвѣтотыя сочетанія, которыя производятъ особенно пріятное впечатлѣніе. Центръ, который играетъ здѣсь роль, принадлежитъ, какъ и всѣ центры виѣшнихъ чувствъ, къ низшимъ мозговымъ центрамъ. Онъ вовсе не представляетъ исключительно человѣческаго достоянія, но распространенъ на все животное царство до самыхъ низшихъ его ступеней. Мы должны принять, что имъ одарены очень многія птицы, бабочки, жуки и даже мягкотѣлыя, потому что иначе прекрасная окраска этихъ животныхъ была-бы непонятна. Со времени Дарвина почти всѣ согласны въ томъ, что прекрасная окраска животныхъ получилась путемъ полового подбора, т. е. вслѣдствіе того, что индивидуумъ, украшенный ими, получалъ преимущество въ глазахъ индивидуумовъ противоположнаго пола, что было-бы невозможно, если-бы у этихъ индивидуумовъ не предполагать воспримчивость къ дѣйствію красокъ, способность наслаждаться красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. И такъ, воспримчивость къ дѣйствію красокъ и наслажденіе, доставляемое человѣку красивыми цвѣтами, ставить человѣка на одинъ уровень съ сорокой, павлиньимъ глазкомъ и морской анемоной. Развитіе центра свѣтотыя ощущеній само по себѣ достаточно, чтобы дать одну способность: а именно искусство изготовлять красивыя, пестрыя плоскостныя украшенія, какъ ковры, обои и пр. съ хорошо подобранными красками. Собственно картины, нарисованныя подъ влияніемъ импульсовъ этого центра, производили-бы, можетъ быть, такое впечатлѣніе, какъ прекрасныя восточныя ковры, хотя, какъ произведенія искусства, стояли-бы гораздо ниже этихъ ковровъ, потому что были-бы далеко не такъ совершенны въ этомъ родѣ.

Второй элементъ, необходимый для картины, форма. Картина стремится воспроизвести намъ виѣшній видъ предметовъ. Средства, къ которымъ прибѣгаетъ живописецъ, чтобы достигъ этого, суть рисунокъ и краски. (Конечно, я придерживаюсь этого различія только для удобства; потому что въ сущности то, что мы называемъ рисованіемъ, есть также дѣйствіе красокъ; рисунокъ изображаетъ намъ предметы также при помощи контраста между степенями силы свѣта или цвѣтами, обыкновенно между чернымъ и бѣлымъ). Въ дѣйствительности всѣ предметы, смотря по ихъ положенію въ пространствѣ, т. е. по ихъ удаленности отъ насъ и другъ отъ друга, по ихъ мѣсту надъ нами, подъ нами или въ сторонѣ отъ насъ, мѣняютъ для насъ форму, величину и освѣщеніе. Одинъ и тотъ-же шаръ кажется намъ большимъ, находясь вблизи отъ насъ, и маленькимъ, если онъ удаленъ; одинъ разъ, когда онъ освѣщенъ соотвѣтственнымъ образомъ, мы видимъ цѣлую его половину; при другихъ условіяхъ мы видимъ только большій или меньшій его отрѣзокъ; что шаръ есть круглое тѣло, мы узнаемъ не прямо, но потому, что самая выдающаяся часть его, лежащая ближе къ намъ, иначе освѣщена и иначе окрашена, чѣмъ всѣ остальные. Не смотря на то, что изобра-

женіе шара на сѣтчатой оболочкѣ каждый разъ иное, смотря по положенію шара, мы тѣмъ не менѣе приписываемъ его одной и той-же причинѣ, т. е. въ этихъ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ мы всегда узнаемъ одинъ и тотъ-же шаръ, кажется-ли онъ намъ большимъ вблизи или маленькимъ вдали, видимъ-ли мы половину его или только отрѣзокъ, представляется-ли онъ намъ освѣщеннымъ спереди, посрединѣ свѣтлѣе, а по бокамъ темнѣе, или освѣщеннымъ сзади, посрединѣ темнѣе, а по бокамъ ярче. Истолковывать образы, т. е. впечатлѣнія сѣтчатой оболочки, мы научились изъ опыта, полученнаго нами при помощи другихъ чувствъ и разсудочной дѣятельности. Въ дѣйствительности мы видимъ только плоскостные образы, лежащіе на одной и той-же поверхности, но ихъ составныя части различаются по величинѣ, окраскѣ и освѣщенію. Только по опыту мы узнаемъ, что этому различію въ окраскѣ, величинѣ и освѣщенію соотвѣтствуетъ различіе въ отдаленности, что предметы, кажушіеся намъ въ одной и той-же плоскости, въ дѣйствительности лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ. Чтобы узнать, что плоскій образъ круглой формы, освѣщенный посрединѣ иначе, чѣмъ по бокамъ, есть шаръ, мы должны были раньше осязать этотъ образъ и теперь вспомнить тѣ движенія, которыя производила рука, чтобы осязать поверхность этого предмета; мускульное чувство должно прийти на помощь нашему зрѣнію и пополнить его показанія. Такимъ-же образомъ для того, чтобы узнать, что домъ, кажушіеся намъ маленькимъ и неяснымъ, въ дѣйствительности великъ, но находится на большомъ разстояніи, намъ необходимо было когда-нибудь пройти разстояніе до такого неяснаго объекта и вспомнить теперь, какія движенія должны были сдѣлать наши ноги, чтобы въ концѣ концовъ маленькій и смутный объектъ превратился въ большой и опредѣленный. Живонисъ стремится воспроизвести предметы не такими, каковы они въ дѣйствительности, а такими, какъ они отражаются на нашей сѣтчатой оболочкѣ, т. е. въ ихъ кажущихся отношеніяхъ величины, освѣщенія и окраски, и если все это воспроизведено вѣрно, то мы, слѣдуя пріобрѣтенной привычкѣ, истолковываемъ эти плоскія изображенія, такъ-же какъ мы обыкновенно истолковываемъ плоскія изображенія на нашей сѣтчатой оболочкѣ, т. е. мы видимъ въ неясно обозначенной маленькой точкѣ большой домъ, и хотя картина находится вблизи отъ насъ, домъ этотъ кажется намъ удаленнымъ, и не смотря на то, что онъ лежитъ на одной плоскости со многими другими нарисованными на полотнѣ предметами, намъ кажется, что онъ находится гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ деревья и другіе предметы, находящіеся на первомъ планѣ. Работа истолкованія происходитъ, конечно, не въ глазу, а въ высшихъ центрахъ, въ центрахъ памяти и разсудка, которые лишь возбуждаются зрительными впечатлѣніями. И такъ, чтобы вызвать образъ въ нашемъ сознаніи, художникъ долженъ воспроизвести собственно только одинъ признакъ, будетъ-ли это очертаніе предмета или свѣтовое впечатлѣніе отъ него. Остальные признаки память автоматически добавляетъ, потому что она привыкла видѣть ихъ всегда въ связи съ этимъ признакомъ. Та-

кимъ образомъ намъ часто кажется, что мы видимъ на картинѣ такія вещи, которыхъ совсѣмъ нѣтъ на полотнѣ и которыя поэтому нашъ глазъ совсѣмъ не могъ воспринять; ихъ добавляють наши мозговые центры, самостоятельно развивающіе намеки, во всякомъ случаѣ вложенные художникомъ въ свою картину. Я поясню это только однимъ примѣромъ. Намъ кажется, что мы видимъ на картинѣ отдѣльные волосы на бородѣ или листья на деревьѣ. Но художникъ не рисовалъ ни волосъ, ни листьевъ, но лишь извѣстное дѣйствіе свѣта на неправильной, темной или зеленой поверхности; но такъ какъ мы часто наблюдали это дѣйствіе свѣта на бородахъ и листьѣхъ деревьевъ, и знаемъ по опыту, что оно обуславливается присутствіемъ волосъ или листьевъ, то наше воспоминаніе и на картинѣ присоединяетъ къ нему волосы или листья, которыхъ тамъ совсѣмъ нѣтъ; наши мозговые центры видятъ такимъ образомъ нѣчто такое, чего не видятъ глаза. Искусство художника состоитъ въ томъ, чтобы находить признаки предметовъ и воспроизводить ихъ въ такой формѣ, въ какой ихъ въ дѣйствительности воспринимаетъ наша сѣтчатая оболочка. Онъ можетъ воспроизводить всѣ признаки или только нѣкоторые, но существенные. Простое очертаніе предмета вызываетъ въ памяти только одинъ признакъ его, а именно его границы, и требуетъ поэтому очень значительной помощи мозговыхъ центровъ для того, чтобы вызвать цѣлое представленіе о предметѣ. Перспективный абрисъ предмета даетъ уже представленіе объ его отношеніяхъ въ пространствѣ, потому что въ немъ мы находимъ тѣ кажущіяся различія въ величинѣ, которыя наблюдаемъ въ дѣйствительности. Растушеванный рисунокъ добавляетъ еще одинъ признакъ къ предметамъ, именно, различія въ освѣщеніи, которыя въ дѣйствительности облегчаютъ намъ оцѣнку величины и отдаленности предмета, а слѣдовательно, и познаніе устройства предмета. Краски наконецъ даютъ намъ послѣдній признакъ, который вообще можетъ воспринимать чувство зрѣнія; поэтому вѣрно нарисованная картина, воспроизводящая точно очертанія, перспективу, освѣщеніе и краски предмета, производитъ на глазъ совершенно то-же впечатлѣніе, что и самъ предметъ, такъ что высшимъ центрамъ иногда бываетъ невозможно отличить одно впечатлѣніе отъ другого и не видѣть самаго предмета при наличности всѣхъ оптическихъ признаковъ его въ нарисованномъ подражаніи. Работа художника состоитъ въ точномъ анализѣ своихъ представленій, въ которыхъ онъ долженъ отличать участіе высшихъ центровъ отъ участія зрительныхъ впечатлѣній. Возвращаясь къ прежнему примѣру: когда онъ видитъ листву, онъ долженъ проанализировать это представленіе и замѣтить, что онъ въ сущности не видитъ листьевъ, а видитъ лишь особенно освѣщенную неправильную зеленую поверхность, которую только его память превращаетъ въ отдѣльные листья; поэтому онъ и не долженъ рисовать листьевъ, которые онъ представляетъ себѣ, но которыхъ не видитъ въ дѣйствительности; ему нужно передать лишь особенно освѣщенную зеленую поверхность, которую дѣйствительно воспринимаетъ его глазъ. Несвѣдущій чловѣкъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, какъ

различно то, что дѣйствительно видитъ нашъ глазъ. отъ того, что мы представляемъ себѣ, когда мы получаемъ известное зрительное впечатлѣніе. Художникъ-же долженъ совершенно отвлечься отъ представления и держаться только того впечатлѣнія, которое его вызываетъ. Этотъ анализъ происходитъ безсознательно. Онъ обуславливается способностью изъ центра зрительныхъ воспріятій иннервировать мускулы, которые приходятъ въ движеніе при рисованіи. безъ всякаго вмѣшательства высшихъ центровъ памяти и разсудка. Такимъ образомъ рука можетъ рисовать именно то, что дѣйствительно воспринимаетъ зрительный центръ, т. е. то, что мы видимъ, а не тѣ добавленія и измѣненія, которыя исходятъ изъ высшихъ центровъ. Прямая связь между зрительнымъ и двигательнымъ центрами, которая является органической основой художественнаго таланта, не исключаетъ совершенно вмѣшательства высшихъ центровъ. Высніе центры выбираютъ то, что нужно, изъ составныхъ частей того впечатлѣнія, которое получаетъ отъ предмета зрительный центръ: они сохраняютъ лишь нѣкоторыя, существенныя части, которыя затѣмъ изображаются съ помощью мускульныхъ движеній, тогда какъ не существенныя болѣе или менѣе игнорируются. Во многихъ случаяхъ также безсознательное ощущеніе того, что одинъ какой-нибудь признакъ, одно какое-нибудь очертаніе или свѣтовой эффектъ могутъ лучше вызвать представленіе опредѣленнаго объекта, чѣмъ все другіе, возвышаетъ трудъ художника отъ чувственной и мускульной работы до умственной дѣятельности и обуславливаетъ отличіе картины отъ фотографіи. Но все-таки эта дѣятельность стоитъ еще очень низко; она только въ слабой степени псходитъ изъ высшихъ центровъ и обращается не къ нимъ. Ея результатомъ является произведеніе искусства, единственное достоинство котораго правда: но это не интересная, несколько не возбуждающая наша умъ правда. Индивидуумъ, обладающій способностью передавать свои зрительныя ощущенія въ чистомъ видѣ, безъ примѣсенъ всякихъ добавленій со стороны памяти и разсудка, будетъ прекрасно рисовать карандашемъ или, если у него развито воспріятіе цвѣтовъ, то писать красками мертвую природу. Онъ будетъ классическимъ художникомъ въ изображеніи спаржи и устрицъ и будетъ славиться своей мѣдной посудой, кубками и т. п. Но дальше этого онъ не пойдетъ.

Теперь перейдемъ къ третьему элементу, который слѣдуетъ принять во вниманіе при разсмотрѣніи картины, — къ ея идейскому содержанію, т. е. къ тому, что она изображаетъ, къ ея сюжету или идеѣ. Та-же самая способность къ анализу, которая даетъ художнику возможность отдѣлять дѣйствительный оптическій образъ предмета отъ его психическаго образа, схватить и воспроизвести существенныя составныя части этого образа, при болѣе высокомъ своемъ развитіи позволить ему удерживать въ памяти дѣйствительныя оптическія явленія событій и воспроизводить ихъ. Подобно тому какъ мы не видимъ округлости шара, мы не видимъ и движеній или душевныхъ настроеній. Въ первомъ случаѣ мы видимъ въ дѣйствительности только характерно освѣщенный плоскій кругъ, во второмъ рядъ

слѣдующихъ другъ за другомъ образовъ, или извѣстное расположеніе мускуловъ лица, конечностей и туловища. Но опытъ научилъ насъ, что плоскій кругъ, освѣщенный извѣстнымъ образомъ, означаетъ шаръ; точно также по опыту мы знаемъ, что рядъ одинаковыхъ образовъ, появляющихся одинъ послѣ другого на нашей сѣтчатой оболочкѣ, и ясно различаемыхъ только при помощи движеній глазныхъ и шейныхъ мускуловъ, обозначаетъ движеніе видимаго предмета, а сморщенные брови и сжатые кулаки у человѣка обозначаютъ гнѣвъ. Художникъ схватываетъ тотъ оптический признакъ, который обозначаетъ, напр., гнѣвъ, радость, печаль, и, вѣрно изобразивъ его, вызываетъ въ насъ представленіе о томъ, что онъ изобразилъ самыя настроенія, которыя въ сущности не могутъ быть воспроизведены на картинѣ. Изъ всего вышесказаннаго вытекаютъ границы живописи. Прежде всего это искусство чисто историческое; оно можетъ изображать событія, уже видѣнные нами раньше или подобныя видѣннымъ, т. е. обладающія извѣстными намъ оптическими признаками. Если бы художникъ изобразилъ намъ такія событія, которыя намъ совершенно неизвѣстны, то передъ нами было-бы такое оптическое явленіе, котораго мы совершенно не могли-бы истолковать: сѣтчатая оболочка получала-бы впечатлѣнія, къ которымъ память и разумокъ не могли-бы ничего прибавить, и картина оставалась-бы исключительно чувственнымъ впечатлѣніемъ, не вызывающимъ никакихъ представленій, которыхъ художникъ не можетъ дать своимъ искусствомъ; онъ только вызываетъ ихъ, и нашъ собственный духъ долженъ выработать ихъ на основаніи намековъ, данныхъ художникомъ. Далѣе, живопись не способна изображать очень спеціальныхъ душевныхъ процессовъ: она можетъ давать лишь самыя широкія общія картины. Она не можетъ выразить, напр., такую мысль: „Я недоволенъ тѣмъ, какъ я провелъ послѣднія десять лѣтъ, и особенно недоволенъ избранной мною профессіей“. Она можетъ выразить лишь общее чувство: „Я не доволенъ“. Почему? Потому что недовольство вообще характеризуется вышними признаками, извѣстными выраженіемъ лица и позою, тогда какъ недовольство своей профессіей или періодомъ жизни не отличается никакимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ оптическимъ признакомъ. Этими границами живописи обуславливается то, что это искусство чисто эмоціональное и отнюдь не можетъ быть разсудочнымъ. Нѣчто совершенно новое, чисто личное, не связанное ни съ чѣмъ извѣстнымъ намъ, недоступно для него. Геніальность художника будетъ, слѣдовательно, проявляться, во-первыхъ, въ томъ, что онъ будетъ умѣть находить даже въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ оптическіе признаки, свойственные только имъ однимъ и нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся, но однако доступные только самому глубокому и тонкому анализу; во-вторыхъ, въ томъ, что онъ будетъ въ состояніи съ величайшей точностью передать схваченные признаки, и, въ-третьихъ, въ томъ, что онъ будетъ выбирать предметомъ своего изображенія значительныя событія. Простой талантъ или полная бездарность никогда не сравнятся съ геніемъ, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ пунктахъ, потому что они не способны разложить явленіе

на его существенные оптическіе признаки и характерно воспроизвести ихъ, имъ доступно лишь подражать художественному анализу явленій, данному гениемъ.

И такъ, вотъ простыя составныя части, совокупность которыхъ даетъ художественнаго генія, чувство красокъ, способность различать въ явленіи то, что дѣйствительно видитъ глазъ, отъ того, что добавляетъ умственный дѣятельность, и наконецъ способность разлагать сложное явленіе на характеризующіе его оптическіе признаки, дающіе возможность тотчасъ-же правильно объяснить ихъ. Двѣ первыя способности относятся къ разряду пассивныхъ и автоматическихъ: обладаніе ими не даетъ никакого права на названіе „генія“. Третья, наоборотъ, предполагаетъ уже участіе высшихъ центровъ и обусловливаетъ новую самостоятельную дѣятельность: нахожденіе характерныхъ оптическихъ признаковъ, которыхъ до него никто не находилъ. Всѣ эти три способности не бывають непременно соединены и развиты въ одинаковой степени. Смотря по преобладанію одной или другой изъ нихъ, мѣняется также и физиономія художественнаго генія. Аналитическая способность, правдивость и точное чувство красокъ въ приблизительно равномъ совершенствѣ дадутъ Рафаэля; благодаря этимъ способностямъ онъ создалъ Сикстинскую Мадонну, которая передаетъ самыя существенныя черты того явленія, которое въ мужчинѣ возбуждаетъ наиболѣе сильныя эмоціи, полнѣйшей красоты и чистой женственности, возбуждающей его половые центры, на ряду съ божественностью, удовлетворяющей его наследственной склонности къ мистицизму. При этомъ рисунокъ и краски производятъ впечатлѣніе правды; а сочетаніе красокъ пріятно дѣйствуетъ на зрѣніе. Мурильо и Веласкецъ обладаютъ столь-же пріятнымъ сочетаніемъ красокъ и еще большей оптической правдой, но не возбуждаютъ тѣхъ-же эмоцій, потому что содержаніе ихъ значительныхъ произведеній не затрагиваетъ двухъ столь могущественныхъ чувствъ, какъ половой инстинктъ и мистицизмъ, но обращаются или лишь къ послѣднему, или къ простому любопытству, къ болѣе или менѣе поверхностному участію въ какомъ-нибудь человѣческомъ событіи. (Я не говорю здѣсь о мадоннахъ Мурильо, потому что я не считаю ихъ его лучшими произведеніями, но о его большихъ эпическихъ картинахъ въ Карридадѣ*). Колоритность въ соединеніи съ меньшей правдивостью и умѣнъемъ возбуждать не общечеловѣческія, но національныя эмоціи, даютъ такого художника, какъ Паоло Веронезе, правдивость и значительное содержаніе безъ особенной красоты красокъ дадутъ Корнелия или Фейербаха. Если не достаетъ высшаго дара художника передать значительныя явленія и событія въ ихъ существенныхъ оптическихъ признакахъ, но есть все-таки оптическая правда и выдающееся чувство красокъ, то появляется художникъ вродѣ Лейбля Мейсонье, Гондекутера. Они создаютъ нѣчто очень поразительное и красивое, но не возбуждающее глубокихъ эмоцій;

*) Вольница съ картинной галлереей въ Испаніи.

этихъ художниковъ уже нельзя назвать гениями. Сильное преобладаніе способности вѣрно видѣть и передать предметы при незначительномъ или вполнѣ отсутствующемъ развитіи высшей способности къ анализу и къ колоритности даетъ въ результатъ Курбѣ, картины котораго ни въ смыслѣ красокъ, ни по содержанию не заслуживали-бы вниманія, если-бы не обладали удивительной оптической вѣрностью, вызывающей въ зрителѣ полную иллюзію. Здѣсь мы доходимъ уже почти до фотографіи, съ той только небольшой разницей, что фотографія воспроизводитъ все оптическіе признаки предмета вмѣстѣ съ ихъ окраской, въ то время какъ Курбѣ своимъ высшимъ центромъ задерживаетъ образъ при его безсознательномъ переходѣ изъ сѣтчатой оболочки къ рисующей рукѣ, уничтожая при этомъ нѣкоторыя несущественныя черты и воспроизводя лишь характерныя признаки. Одна способность къ колоритности даетъ наконецъ Макарта, который умѣетъ располагать пріятныя краски одну возлѣ другой, подобно тому какъ австралійская пѣночка умѣетъ располагать свои перья, но который не способенъ ни оптически вѣрно схватывать и передавать предметы, ни изображать значительныя событія или явленія въ ихъ существенныхъ оптическихъ признакахъ, такъ чтобы они вызывали тѣ-же эмоціи, какія вызываетъ само явленіе или событіе. Называть Макарта гениемъ можно только въ томъ случаѣ, если мы рѣшимся примѣнить это названіе къ австралійской пѣночкѣ.

Объ актерѣ намъ не придется говорить такъ долго. Его своеобразная способность основывается на приобрѣтенномъ упражненіемъ развитіи такихъ органическихъ способностей, которыя присущи не только всемъ людямъ, но и высшимъ животнымъ—а именно на развитіи способности къ подражанію и смѣняющемуся дѣйствіи представленій на движенія и движеній на представленія. Относительно способности подраженія мнѣ не придется распространяться. Каждый знаетъ, что это такое. Что-же касается обусловливающихъ ее органическихъ данныхъ, то указаніе на нихъ читатель найдетъ въ слѣдующей главѣ. Относительно-же взаимнаго вліянія представленій на движенія и наоборотъ нужно сказать нѣсколько словъ. Все вышнія впечатлѣнія, передаваемые при помощи чувствительныхъ первовъ центрамъ спинного и головного мозга, вызываютъ въ нихъ работу, которая достигаетъ нашего чувственного воспріятія въ качествѣ двигательнаго импульса. (Упомянемъ вскользь, что даже въ томъ случаѣ, когда вышнее впечатлѣніе вызываетъ, повидимому, лишь сознательную умственную работу—мысль—или безсознательную, автоматическую работу высшихъ центровъ—эмоцію, но не возбуждаетъ никакого замѣтнаго движенія, все-таки получается слабый двигательный импульсъ, который можетъ быть воспринятъ особенно чувствительными субъектами, каковы, напр., извѣстные „чтецы мыслей“). Возьмемъ нѣсколько грубыхъ, а потому наглядныхъ примѣровъ. Чувствительные нервы пальца, при неосторожномъ прикосновеніи къ горячей печи, передаютъ спинному и головному мозгу впечатлѣніе, которое въ низшихъ спинно-мозговыхъ центрахъ воспринимается въ видѣ опасности вообще, а въ высшихъ

головныхъ центрахъ въ видѣ опредѣленной боли отъ обжога. Спинно-мозговой центръ отвѣчаетъ на это двигательнымъ импульсомъ ручныхъ мускуловъ, вызывающимъ быстрое отдергиваніе руки, а центръ головного мозга реагируетъ двигательнымъ импульсомъ личныхъ, дыхательныхъ и гортанныхъ мышцъ, производящихъ мучительное судорожное сокращеніе лица и крикъ. Слѣдовательно, ощущение или представленіе боли отъ обжога вызвало опредѣленные двигательные импульсы. Наоборотъ, тѣ-же самыя движенія, т. е. внезапное отдергиваніе руки, характерное сокращеніе личныхъ мышцъ и крикъ, произведенный сильнымъ сокращеніемъ междуреберныхъ мышцъ и грудобрюшной преграды при соответствующемъ положеніи мышцъ гортани, вызываетъ въ высшихъ мозговыхъ центрахъ ощущение или представленіе внезапной боли въ рукѣ. Всякій можетъ произвести слѣдующій опытъ: пусть онъ точно опредѣлитъ, въ какихъ наружныхъ движеніяхъ проявляется у него душевное состояніе глубокой грусти; напр., въ опусканіи головы, въ извѣстной интонаціи голоса, въ опредѣленномъ выраженіи лица, въ рыданіяхъ и т. д.: пусть онъ постарается вѣрно воспроизвести всѣ эти мышечныя движенія, и онъ тотчасъ-же, къ небольшому своему удивленію, почувствуетъ, что имъ овладѣла глубокая грусть. Онъ замѣтитъ тогда, что появятся даже тѣ спутники этого настроенія, которые не могутъ быть произвольно вызваны, потому что они не производятся сокращеніемъ поперечно-полосатыхъ мышцъ, каковы, напр., слезы, смутныя сочетанія идей, образы фантазіи и проч.

Нужно всегда помнить, что нервы, идущіе отъ периферіи къ центрамъ, самыя центры и нервы, идущіе отъ этихъ центровъ къ другимъ центрамъ или мускуламъ, образуютъ всѣ вмѣстѣ одинъ общій аппаратъ, соединительныя связи котораго сдѣлались организованными и автоматическими, и что аппаратъ развертываетъ всю свою автоматическую работу, въ какомъ-бы мѣстѣ его ни привели въ дѣйствіе, въ прямомъ или обратномъ порядкѣ, отъ представленія къ движенію или отъ движенія къ представленію. При помощи этого механизма актеръ выполняетъ свою задачу, состоящую въ томъ, чтобы дать возможность зрителю воспринять душевныя состоянія изображаемаго имъ лица. Онъ можетъ выполнить эту задачу двумя путями, сознательнымъ или безсознательнымъ. Сознательно онъ можетъ точно наблюдать, при помощи какихъ именно мускульныхъ сокращеній, т. е. жестовъ, мимъ и интонацій голоса выражаются душевныя состоянія, какъ, напр., веселость, подозрительность, мечтательность, у лицъ различныхъ темпераментовъ и организацій, у людей спокойныхъ и нервныхъ, благовоспитанныхъ и грубыхъ, и стараться при помощи усилій воли воспроизвести всѣ эти группы движеній. Или онъ можетъ представить себѣ извѣстное душевное состояніе въ общемъ и при помощи нѣкоторыхъ движеній, обыкновенно вызываемыхъ этимъ состояніемъ, усилить его. Эти движенія въ свою очередь воздѣйствуютъ на представленіе и дѣлаютъ его до такой степени живымъ, что актеръ безсознательно и автоматически посылаетъ свойственные при данномъ состояніи двигательные импульсы, какъ произвольные, такъ и непроизвольные. Первый ме-

тодь болѣе труденъ и всегда остается крайне ненадежнымъ. Для него необходима та-же способность къ наблюдению и анализу явленій, которую мы признали необходимой для художника. Сознательно подражающій актеръ долженъ на дѣлѣ наблюдать душевныя движенія, которыя онъ хочетъ изобразить: ни одно изъ ихъ существенныхъ проявленій не должно ускользнуть отъ него: онъ не можетъ, подобно художнику, ограничиваться оптическими признаками явленій, но долженъ обращать вниманіе также и на звуковыя ихъ проявленія. Если въ его памяти нѣтъ образца, которому онъ могъ-бы подражать, или если онъ недостаточно внимательно наблюдалъ его, то подражаніе его будетъ неискленнымъ и несовершеннымъ и не будетъ производить впечатлѣнія правды. Второй методъ, наоборотъ, легокъ и вѣренъ. Такъ какъ однородныя душевныя состоянія проявляются у всѣхъ людей въ одинаковыхъ внѣшнихъ движеніяхъ, лишь съ небольшими индивидуальными отклоненіями, а актеръ также человекъ, то, разъ вызвавъ въ себѣ соответственное душевное состояніе, онъ можетъ спокойно предоставить ему развѣртываться до конца. У него неизбежно явятся всѣ характерныя признаки даннаго душевнаго состоянія безъ исключенія, произвольныя и непроизвольныя, слезы, выраженіе глазъ и т. п. и такимъ образомъ, въ подражаніи будетъ достигнута полная человѣческая правда. Для успешнаго примѣненія этого метода нужно обладать лишь очень нестойкимъ и очень неустойчивымъ равновѣсіемъ мозговыхъ центровъ. Съ этимъ свойствомъ несовмѣстимы твердыя настроенія, сильное самосознаніе и оригинальная индивидуальность. Разсудочная дѣятельность высшихъ центровъ не должна преобладать надъ эмоциональною, не должна вмѣшиваться въ ея автоматическую работу. Выдающійся актеръ подобенъ ружью съ необычайно чувствительнымъ куркомъ. Какъ у послѣдняго самое легкое прикосновеніе къ спуску производитъ выстрѣлъ, такъ и у хорошаго актера самое незначительное внѣшнее впечатлѣніе вызываетъ именно то душевное настроеніе, какое онъ хочетъ изобразить, и которое уже автоматически выливается въ извѣстную внѣшнюю форму. Ясно, что подобнаго поведенія можно ожидать лишь отъ такого человѣка, высшіе центры котораго обыкновенно ничѣмъ не заняты, не производятъ оригинальной мыслительной работы и потому на всѣ впечатлѣнія реагируютъ соответственными настроеніями и представленіями. Гдѣ-же здѣсь мѣсто для гения? Разсудочная способность наблюденія и сознательнаго подражанія создаетъ лишь второстепенныхъ актеровъ. Самые-же выдающіеся, самые правдивые, производящіе самое сильное впечатлѣніе актеры должны представлять изъ себя людей съ второстепенными умственными способностями, пустымъ сознаніемъ и слабой индивидуальностью; центры ихъ должны обладать болѣзненною способностью крайне быстро перехода къ автоматической дѣятельности. Характерно также и то, что физическая красота и пріятность голоса, т. е. низшія органическія качества, служатъ существенными условіями успѣха выдающагося актера! Выдающійся актеръ обладаетъ психической организаціей ребенка или дикаря: задерживающая дѣятельность центровъ сознанія не имѣетъ у него

никакого вліяння на автоматическую работу двигательныхъ центровъ. Цель воспитанія состоитъ именно въ томъ, чтобы развить и усилить эту задерживающую дѣятельность у культурнаго человѣка. Намъ внушаютъ, чтобы мы не позволяли своимъ душевнымъ состояніямъ проявляться въ двигательныхъ импульсахъ, въ крикѣ, въ сокращеніяхъ личныхъ мышцъ и жестикуляціи. И намъ дѣйствительно удается вполне овладѣть автоматической дѣятельностью центровъ до уничтоженія всякаго проявленія нашего душевнаго состоянія въ формѣ доступной для воспріятія чувствъ, и ни однимъ видимымъ признакомъ не обнаруживать того, что происходитъ въ нашемъ сознаніи. Актеръ, который-бы достигъ этого воспитательнаго идеала, долженъ былъ-бы отказаться отъ своего искусства.

Итакъ, какъ мы видѣли, эпитетъ генія совершенно невѣрно примѣняется въ музыкѣ—къ пианисту, въ живописи—къ художнику, умѣющему лишь сопоставлять красивыя краски, и наконецъ, вообще ко всякому актеру. Особенное развитіе низшихъ центровъ—каковы центръ, завѣдующій координаціей движеній, и центръ зрительныхъ ощущеній, или-же интенсивное взаимодействіе движеній и соответствующихъ имъ душевныхъ состояній, такъ-же мало даютъ право называться геніальнымъ, какъ, напримѣръ, особенное развитіе мышечной системы или органа зрѣнія. Геніальность основывается исключительно на развитіи высшихъ, чисто человѣческихъ центровъ, дѣятельность которыхъ проявляется въ волѣ и мышленіи. Мышленіе и воля—вотъ тѣ способности, сочетаніе которыхъ возвышаетъ человѣка надъ животнымъ и особенное развитіе которыхъ возноситъ генія надъ толпой. Что такое мышленіе? Это дѣятельность, самостоятельно вырабатывающая новыя представленія изъ чувственныхъ впечатлѣній или изъ данныхъ предшествовавшей работы мысли. Матерьялъ, перерабатываемый мышленіемъ, доставляется ему съ одной стороны памятью, которая черпаетъ его изъ чувственныхъ впечатлѣній, съ другой—разумомъ, истолковывающимъ эти впечатлѣнія. Законы, руководящіе работой мышленія, образуютъ въ совокупности то, что мы называемъ логикой. Слѣдовательно, чувственное впечатлѣніе воспринимается центрами ощущенія, истолковывается разумомъ, сохраняется памятью и въ заключеніе перерабатывается мышленіемъ въ новыя представленія сообразно твердымъ логическимъ правиламъ, уже не обусловленнымъ прямымъ чувственнымъ воспріятіемъ. Самый простой примѣръ поможетъ уяснить все это даже читателю, совершенно невѣдущему въ научной психологіи. Положимъ, что я получилъ однажды слѣдующія впечатлѣнія: на меня капала вода, и небо было черно. Разумъ связалъ эти различныя впечатлѣнія и истолковалъ ихъ въ формѣ слѣдующаго представленія: „изъ тучъ падаетъ дождь“. Память сохранила и впечатлѣнія, и ихъ истолкованіе. Предположимъ, что я вижу, какъ собираются густыя тучи и при этомъ повторяются обычныя явленія (температура, состояніе барометра, направленіе вѣтра и т. д.), при которыхъ идетъ дождь. Мышленіе изъ доставленныхъ ему памятью представленій о наблюдавшихся прежде дождяхъ, условія которыхъ разумъ твердо установилъ, разработа-

еть новое представление: „дождь пойдет“ на основании логического закона, добытого опытом—а именно, что одинаковые причины при одинаковых условиях вызывают одни и те же последствия. Это новое представление не обусловлено никаким чувственным впечатлѣніемъ, такъ какъ явленіе, которое должно произойти лишь въ будущемъ, не можетъ производить чувственного впечатлѣнія въ настоящемъ. Что мышленіе обусловливается дѣятельностью одного изъ органовъ или мозговыхъ центровъ, а не представляетъ изъ себя явленія, стоящаго вне матеріи, какъ предполагаетъ великій и глубокий мыслитель Вундтъ, доказывается уже тѣмъ, что при частомъ повтореніи оно организуется, т. е., какъ и всякая дѣятельность мозговыхъ и спинно-мозговыхъ центровъ, становится автоматическимъ въ особн, а затѣмъ черезъ наследственность этотъ автоматизмъ переходитъ и къ виду.

Возвращаясь къ моему простому примѣру, мы увидимъ, что и у животныхъ, стоящихъ на очень низкой ступени развитія, напримѣръ, червей, есть способность при совокупности нѣкоторыхъ условій составить заключеніе, что тогда-то пойдетъ дождь. Мы можемъ заключить это изъ того, что они передъ его наступленіемъ производятъ всѣ обычные приготовленія, зарываются въ землю, скрываются и т. п. Чѣмъ совершеннѣе центръ мышленія, тѣмъ легче ему создавать новыя представленія изъ матерьяла, доставляемаго чувствами, памятью и разумомъ, и тѣмъ дальнѣе эти представленія будутъ уклоняться во времени, пространствѣ и роду отъ чувственныхъ впечатлѣній, послужившихъ первымъ поводомъ для ихъ образованія. Выдающийся центръ мышленія будетъ отличаться отъ менѣе совершеннаго тѣмъ, что послѣдній при образованіи новыхъ представленій и сужденій будетъ неохотно уклоняться отъ устойчивой основы впечатлѣній и воспоминаній, между тѣмъ, какъ первый будетъ съ изумительной смѣлостью вырабатывать изъ впечатлѣній и воспоминаній новыя сужденія и обращаться съ этими продуктами собственнаго творчества такъ-же, какъ съ матерьяломъ, доставляемымъ чувствами, памятью и разумомъ, и изъ нихъ при помощи логическихъ законовъ выводить дальнѣйшія сужденія. Это образованіе однихъ сужденій изъ другихъ, это накопленіе новыхъ представленій, исходящихъ иногда изъ самыхъ ничтожныхъ чувственныхъ впечатлѣній, можетъ достигнуть у нихъ такихъ результатовъ, которые недоступны среднему человѣку.

Для того, чтобы пояснить это отношеніе между чувственнымъ впечатлѣніемъ и мышленіемъ, можно сказать, что у средняго человѣка дѣятельность разсудка подобна пирамидѣ, основаніе которой составляетъ чувственное впечатлѣніе, а вершиницу мышленіе, у гения-же—опрокинутой пирамидѣ, которая опирается на чувственное впечатлѣніе, служащее ей вершиницей, а въ основаніи распрямляется до сужденія. Обладаніе могущественнымъ центромъ разсудка даетъ возможность на основаніи одного впечатлѣнія, взгляда или звука разгадать самое запутанное сочетаніе вещей, на основаніи настоящаго предвидѣть черѣдко весьма отдаленное будущее, на основаніи одного явленія открыть его законъ и предугадать результатъ взаимодѣйствія различныхъ явле-

нѣи раньше непосредственнаго наблюденія. Обладаніе такимъ центромъ даетъ, выражаясь народнымъ языкомъ, знаніе людей, господство надъ положеніемъ, наиболѣе вѣрную власть надъ собою и другими, мудрость, проницательность и изобрѣтательность. Въ основѣ мышленія, какъ я опредѣляю его до сихъ поръ, лежитъ предположеніе причинности, т. е. предположеніе, что всякое явленіе имѣетъ причину, что одинаковыя причины при одинаковыхъ условіяхъ вызываютъ одинаковыя дѣйствія и что размѣры причины находятся въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ дѣйствія. Только при такомъ предположеніи матерьялъ, доставляемый памятью, можетъ имѣть цѣну для мышленія; только при такомъ условіи мышленіе можетъ образовать новыя представленія изъ образовъ воспомнанія и заключать отъ прошедшаго къ будущему, отъ близкаго къ отдаленному, отъ чувственно воспринимаемаго къ лежащему внѣ непосредственной области чувствъ. Но я могу представить себѣ такой могучій центръ мышленія, который для своей работы не нуждается-бы ни въ какомъ матерьялѣ, доставляемомъ памятью, а слѣдовательно, не нуждается-бы въ причинности. Такой центръ могъ-бы перерабатывать чувственное впечатлѣніе непосредственно въ новыя представленія, которыя опирались-бы на познаніи закона, пріеущаго каждому новому явленію, и были-бы не только проэкціями образовъ памяти на будущее, но дѣйствительно вполнѣ оригинальными состояніями сознанія, не повторяющими что-нибудь уже извѣстное. Однако мнѣ не хочется развивать этой мысли, потому что я намѣренъ держаться въ предѣлахъ современнаго развитія чelовѣчества.

Кромѣ мышленія, какъ я уже сказалъ, существенный признакъ генія составляетъ воля. Что такое воля? Въ пониманіи этого основнаго вопроса я имѣю смѣлость расходиться какъ съ Кантомъ, передъ подавляющимъ величіемъ котораго я смиренно преклоняюсь, такъ и съ Рибо, глубину и основательность изслѣдованій котораго я съ удовольствіемъ готовъ признать. Когда Кантъ объясняетъ намъ, что воля есть въ то-же время повелѣвающее начало,—законъ и въ то-же время начало подчиняющагося, то это такое трансцендентальное объясненіе, которое врядъ-ли будетъ яснѣе и понятнѣе, чѣмъ объясненіе нѣкоторыхъ мистически-религіозныхъ тайнъ. Опредѣленіе Рибо, согласно которому воля—реакція нашего „я“ на воздѣйствія виѣшняго міра, слишкомъ широко и обнимаетъ собственно все сознаніе, которое, будучи основано на чувственныхъ впечатлѣніяхъ и создавая изъ нихъ все свое содержаніе (я не касаюсь здѣсь вопроса, на сколько намъ необходимо предполагать апріорныя представленія), есть также лишь реакція нашего „я“ на воздѣйствія виѣшняго міра. Но опредѣленіе, приводящее къ предположенію, что сознаніе и воля идентичны, не можетъ быть правильнымъ. Всякій, кто стоитъ на естественно-научной точкѣ зрѣнія, можетъ сказать вмѣстѣ со мною: воля есть дѣятельность центра, единственная задача котораго въ организмѣ въ томъ, чтобы вызывать сокращеніе мускуловъ, иными словами вызывать импульсы движенія. Въ философскомъ отношеніи это опредѣленіе воли приближается къ опредѣленію Шопенгауэра, ибо Шопенгауэръ называетъ волей не только

то, что вызываетъ движенія въ организмѣ, но также то, что вызываетъ его въ неорганическихъ вещахъ, а такъ какъ всякое явленіе въ послѣднемъ счетѣ есть движеніе или сопротивленіе движенію, т. е. пассивное движеніе, то воля есть сущность всѣхъ явленій, т. е. міръ. Но я не иду такъ далеко. Несмотря на теоретическое сходство и даже, полагаю, тождественность явленій паденія камня и шага, сдѣланнаго человѣкомъ, мы все-таки имѣемъ основаніе на практикѣ отличать оба эти движенія и употреблять не одно и то-же обозначеніе для того, что вызываетъ паденіе камня, и того, что побуждаетъ человѣка къ шагу. Такимъ образомъ мы назовемъ волей лишь причину двигательныхъ импульсовъ въ организмѣхъ и будемъ понимать волю какъ явленіе, сопровождающее жизнь. Если-же мы можемъ вызвать сокращеніе мускуловъ не только путемъ воли, но также при помощи гальваническаго тока, то это еще не говоритъ ничего противъ правильности такого опредѣленія, ибо, во-первыхъ, это несколько не исключаетъ возможности вызвать то-же самое явленіе при помощи различныхъ причинъ, а во-вторыхъ, ничто не доказываетъ намъ, что воля также не есть родъ электрическаго явленія. Всѣ такія выраженія, какъ „нервные токи“, „нервная сила“, „нервная жидкость“, вызываютъ то представленіе, что волевой центръ есть родъ электрической батареи, а двигательный импульсъ, посылаемый къ мускуламъ, — родъ электрическаго тока.

Кто-нибудь возразитъ, быть можетъ, что воля вызываетъ также и такія явленія, которыхъ нельзя назвать просто мускульными движеніями: мы, напримѣръ, дѣлаемъ, несомнѣнно, напряженія воли для того, чтобы вспомнить о чемъ-нибудь, но воспоминаніе не есть мускульная дѣятельность. На это я могу отвѣтить слѣдующее: память дѣйствительно повинуется волѣ лишь очень совершенно, и я думаю, что воля дѣйствуетъ на центръ памяти крайне косвенно и при томъ такъ, что вызываетъ сокращенія и растяженія мускуловъ, т. е. движенія ихъ въ сосудахъ, доставляющихъ кровь къ центру памяти. Болѣе обильный приливъ крови побуждаетъ органъ къ болѣе энергичной дѣятельности, и послѣдній можетъ доставить сознанію требуемый образъ памяти въ то время, какъ при слабомъ приливѣ крови и менѣе живой дѣятельности онъ не могъ дать его. Итакъ, я настаиваю на слѣдующемъ положеніи: ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ психо-физиологическихъ опытовъ не противорѣчитъ тому утверженію, что воля есть дѣятельность органа, вызывающаго двигательные импульсы. Остается только отвѣтить на вопросы: какимъ образомъ вызванные волей простые двигательные импульсы возбуждаютъ цѣлесообразныя движенія и какимъ образомъ сама воля возбуждается къ своей специфической дѣятельности. Мы получимъ отвѣтъ на эти вопросы, если будемъ помнить, что жизнь вообще сложное явленіе и что всякая высшая жизненная дѣятельность осуществляется лишь путемъ взаимодействія различныхъ органовъ. Воля вызываетъ лишь сокращенія мускуловъ и ничего болѣе. Но координирующіе центры воспринимаютъ импульсъ и сообщаютъ его тѣмъ мускуламъ, которые должны сокращаться для того, чтобы вызвать требуемыя цѣлесообразныя движенія и при

томъ не только въ требуемой формѣ, но и требуемой силѣ. Такимъ образомъ по отношенію къ волѣ координаціонные центры играютъ такую-же роль, какую въ электрическомъ аппаратѣ играютъ реле, проводники и сопротивленія по отношенію къ батарее. Но кто-же научить центры координаціи узнавать, какіе мускулы должны сократиться для того, чтобы исполнить опредѣленное движеніе желательнымъ образомъ и желательной силой? Опытъ особи и всего вида съ самаго своего возникновенія представляетъ опытъ организованный и автоматически дѣйствующій. Какъ воля возбуждается къ своей специфической дѣятельности? Путемъ воздѣйствія всѣхъ другихъ центровъ, путемъ индукціи, скажу я, замѣтвая выраженіе изъ области ученія объ электричествѣ. Одно лишь чувственное впечатлѣніе можетъ побудить волю и безъ содѣйствія сознанія къ возбужденію двигательнаго импульса: въ этомъ случаѣ происходитъ рефлекторное движеніе, которое совершенно неправильно называютъ „непроизвольнымъ“. Оно вовсе не есть непроизвольное, т. е. неподчиненное волѣ, а лишь безсознательное. Автоматическая дѣятельность высшихъ центровъ, т. е. эмоцій, также возбуждаютъ волю. Эта причина волевого дѣйствія проникаетъ въ сознаніе съ свойственной эмоціямъ и описанной выше смутностью. Наконецъ и самостоятельная, новая, не организованная дѣятельность сознанія, т. е. разсудокъ, или мышленіе, можетъ вызвать работу воли. Самъ разсудокъ не „хочетъ“: онъ образуетъ лишь представленіе какого-нибудь простого, или сложнаго движенія, или даже цѣлаго ряда слѣдующихъ другъ за другомъ движеній, которыя кажутся ему цѣлесообразными въ данномъ положеніи. Если это организмъ вполне здоровый, правильно развитой и находящійся въ равновѣсіи, то этого представленія достаточно для того, чтобы побудить волевой центръ къ созданію двигательнаго импульса. О совершеніи движенія сознаніе узнаетъ опять-таки при помощи переданныхъ ему мускульнымъ чувствомъ впечатлѣній. Процессъ при этомъ слѣдующій: мышленіе образуетъ представленія движенія, воля даетъ импульсы къ нимъ, центры координаціи цѣлесообразно распределяютъ импульсы, а мускульное чувство сообщаетъ мозгу о происшедшемъ движеніи. Сознательно совершается лишь начало и конецъ этого процесса: двигательныя представленія, выработанная мышленіемъ, и сознаніе исполненнаго движенія. Всѣ промежуточные процессы ускользаютъ отъ сознанія. Оно не узнаетъ ничего о томъ, какъ двигательныя представленія стали движеніемъ. Но неточное наблюденіе затемнило эту столь простую и ясную послѣдовательность органическихъ актовъ. Такъ какъ люди сознаютъ двигательныя представленія и совершающіяся движенія, то они помѣстили и волю въ сознаніи. Однако опытъ учитъ, что за самымъ живымъ представленіемъ движенія не всегда слѣдуетъ движеніе и что слѣдовательно мышленіе вовсе не есть воля. Въ болѣзнь, которую зовутъ неврастеніей, или слабостью нервовъ, волевой центръ совершенно ускользаетъ отъ вліянія мышленія. Въ такомъ случаѣ можно представлять себѣ движенія, но они не исполняются. Больной вполне признаетъ цѣлесообразность какого-нибудь дѣйствія, напр., взять книгу или

пойти на улицу, но онъ не можетъ принудить руки или ноги къ требуемому движенію. Это однако вовсе не значитъ, чтобы онъ ослабѣлъ; онъ вполне можетъ, наприимѣръ, исполнять приказанія другихъ. Большой говоритъ при этомъ: „я хочу, но не могу“. Однако это неправильно. Въ дѣйствительности онъ думаетъ, но не хочетъ. Центръ мышленія работаетъ; не работаетъ-же волевой центръ. О людяхъ часто говорятъ, что у нихъ слабая воля. Это, обыкновенно, тоже неправильно. По большей части бываетъ слабъ именно центръ мышленія. Онъ не способенъ выработать опредѣленные двигательныя представленія. Оттого и воля не можетъ приступить къ дѣятельности. Если-же какое-нибудь чужое мышленіе сообщаетъ имъ такія представленія движенія, т. е. совѣтуетъ или приказываетъ имъ, то они исполняютъ движенія эпергично, увѣренно и неудержимо—ясное доказательство, что ихъ волевой центръ достаточно силенъ. То-же самое относится къ тѣмъ случаямъ, когда говорятъ о раздвоеніи воли, или о проявленіяхъ страсти, вышедшей изъ-подъ вліянія воли. Раздвоеніе совершилось не въ волѣ, а въ мышленіи. У человѣка не можетъ быть „двухъ борющихся волей“, но лишь два представленія, изъ коихъ ни одно не ясно настолько, чтобы побудить волю къ какому-нибудь импульсу. Какъ только представленіе становится совершенно отчетливымъ, оно побѣждаетъ остальные и приводитъ въ дѣйствіе волю. Гамлетъ лишешъ не воли, а разсудка. Его мыслительные центры оказываются недостаточно сильными для того, чтобы выработать опредѣленное представленіе цѣлесообразныхъ движеній. Если-бы для него это было возможно, то воля его исполняла бы движенія, предполагая, конечно, что волевой центръ вполне нормаленъ, на что однако Шекспиръ не намекаетъ ни однимъ словомъ. Точно также, если кто-нибудь подъ вліяніемъ страсти дѣлаетъ или упускаетъ что-нибудь такое, чего, повидимому, требуетъ или запрещаетъ разумъ, то дѣло вовсе не въ томъ, что воля его стала безсильной, а въ томъ, что автоматическая эмоціональная дѣятельность высшихъ центровъ стала сильнѣе, чѣмъ свободная разсудочная. Сознательныя представленія мышленія не побѣдили полу- или бессознательной органической работы мозговыхъ центровъ, воля получила болѣе сильное возбужденіе отъ ихъ автоматизма и осуществила автоматичныя двигательныя представленія, а не тѣ, которыя созданы съ полнымъ сознаниемъ. Такимъ образомъ воля была достаточно сильна; лишь мышленіе оказалась безсильнымъ для того, чтобы задержать автоматическую работу высшихъ центровъ и воздѣйствовать своей свободной, сознательной работой на волю.

Мы не будемъ смѣшивать волю съ мышленіемъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣли дѣло съ нерѣшительностью, или съ противорѣчащими уму дѣйствіями страсти, или просто привычки, мы будемъ говорить не о слабости воли, а о слабости мышленія. Дѣйствительную слабость воли мы можемъ предположить только тогда, когда у вполне здороваго человѣка (т. е. такого, у котораго связь между центрами воли и мышленія не разрушена и оба они достаточно сильны или вполне способны къ правильному взаимодействию) вполне ясныя и опредѣленныя двига-

тельныя представленія не осуществляются или-же исполняются только медленно и несовершенно, и когда импульсы страсти остаются лишь чувствомъ, желаніемъ, тоской, и не переходятъ въ дѣйствія. Въдѣ единственнымъ мѣриломъ силы воли можетъ быть ея способность побѣждать препятствія. Не мускулы побѣждаютъ препятствія, но воля, количество возбужденія, доставляемаго ею мускуламъ. Безумные, у которыхъ волевой центръ болѣзненно возбужденъ и даетъ мускуламъ чрезвычайно сильныя импульсы, выполняютъ дѣйствія, которыя кажутся совершенно невозможными. Слабые старики или женщины ломаютъ желѣзныя полосы, разрываютъ цѣпи; съ ними не могутъ справиться самые сильные сторожа. Если-бы тѣ-же лица сдѣлали въ нормальномъ состояніи что-нибудь подобное, то ихъ сочли-бы самыми сильными людьми даннаго времени. Но они не могутъ сдѣлать этого, хотя мускульная система ихъ та-же, что и во время припадка безумія. Отсюда видно, что въ проявленіяхъ силы дѣло идетъ не столько о мускулахъ, какъ о силѣ импульса, посылаемаго къ нимъ волевымъ центромъ. Первое сопротивленіе, которое приходится побороть воли, есть сопротивленіе, оказываемое тканями, нервами и мускулами. Чѣмъ короче соотвѣтственный нервный путь, чѣмъ меньше и нѣжнѣе подлежащая возбужденію мускульная группа, тѣмъ меньше это сопротивленіе, тѣмъ слабѣе можетъ быть волевой импульсъ, необходимый для того, чтобы вызвать движеніе. Самые тонкіе поперечно-полосатые мускулы расположены въ такомъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоятъ мускулы верхней части дыхательнаго горла, затѣмъ глаза, полости рта, лица и наконецъ кисти руки. Достаточно самой слабой воли для того, чтобы привести эти мускулы въ движеніе, болтать, гримасничать, принять мрачный или веселый видъ и жестикулировать. Этими и ограничиваются обыкновенно дѣйствія обычныхъ людей. Уже нѣсколько труднѣе бываетъ побудить къ сокращенію мускулы рукъ, еще труднѣе ногъ и туловища. Для этого нуженъ болѣе сильный импульсъ, а слѣдовательно, болѣе энергичная работа волевого центра. Поэтому слабовольнымъ людямъ въ дѣйствительности рѣдко удается выполнить послѣ болтовни и жестикуляціи что-нибудь, требующее ходьбы или дѣйствія руками. (Труднѣе всего исполнить такія движенія, которыя имѣютъ своей цѣлью преодолѣть вышнія препятствія, будутъ-ли то неодушевленные вещи, или живыя существа. Въ такомъ случаѣ воли приходится побѣдить не только внутреннее сопротивленіе, которое мы сознаемъ, какъ вялость или отвращеніе къ движенію, но также естественныя силы (напр., тяжесть) или импульсы другой воли. Такимъ образомъ воля должна быть въ состояніи дать сильныя импульсы, во всякомъ случаѣ болѣе сильныя, чѣмъ импульсы воли противника, если сопротивленіе оказываетъ какой-нибудь человекъ. Если воля не достаточно сильна для этого, то двигательныя представленія мысленія не осуществляются, даже если-бы они были ясны и опредѣлены. Индивидуумъ будетъ точно знать, что слѣдуетъ ему дѣлать, будетъ очень живо желать этого, но все-таки не сдѣлаетъ. То, что обыкновенно называютъ недостаткомъ выдержки и малодушіемъ, есть ничто иное, какъ форма проявленія слабости

воли. Индивидуумъ не настаиваетъ на своемъ предпріятіи или-же отступаетъ предъ его началомъ; это можетъ произойти въ томъ случаѣ, если онъ по незнанію преувеличиваетъ трудности или-же знаетъ ихъ, но чувствуетъ, что онъ ему не по силамъ. Въ обоихъ случаяхъ мышленіе образуетъ указанныя двигательныя представленія не достаточно отчетливо, потому что память доставляетъ ему такіе образы, въ которыхъ воля оказалась слишкомъ слабой для преодоленія подобныхъ трудностей. Вялость и малодушіе основаны такимъ образомъ на убѣжденіи въ слабости воли.

Итакъ, могучее развитіе центровъ воли и мышленія составляетъ органическую основу явленія, которое мы называемъ гениемъ. Односторонняго развитія волевого центра недостаточно для того, чтобы создать генія. Колоссы воли могутъ преодолѣть все препятствія, мѣшающія осуществленію ихъ двигательныхъ представленій, въ какой-бы формѣ ни являлись эти представленія: въ видѣ людей, законовъ или предметовъ, или-же правовъ, но они никогда не будутъ въ состояніи выработать самостоятельно значительныя и цѣлесообразныя двигательныя представленія. Геркулесъ совершилъ свои двѣнадцатъ подвиговъ, но для этого Эврипидъ долженъ былъ поручить ихъ ему. Съ помощью одной лишь воли можно въ лучшемъ случаѣ стать полководцемъ при Александрѣ Великомъ, Селевкомъ, Птолемеемъ, или маршаломъ Наполеона, можно стать министромъ гениальнаго монарха, или, скорѣе, безсмертнымъ государемъ, имѣющимъ гениальнаго министра; въ худшемъ случаѣ можно стать развратникомъ, слухъ объ оргіяхъ котораго проникнетъ повсюду и даже попадетъ въ исторію, или-же преступникомъ, приводящимъ въ ужасъ всѣхъ современниковъ—Цезаремъ Борджіа, или Шиндербаннесомъ. Въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ осуществляетъ двигательныя представленія, выработанныя гениальнымъ центромъ мышленія другого человѣка, въ первомъ полу- или бессознательныя эмоціональныя возбужденія собственныхъ центровъ. Напротивъ одностороннее развитіе центровъ мышленія можетъ само по себѣ создать генія, только этотъ послѣдній будетъ имѣть другой характеръ въ зависимости отъ большаго или меньшаго развитія волевого центра по сравненію съ центромъ мышленія. Геніи мышленія безъ особенной силы воли могутъ быть великимъ мыслителемъ, философомъ, математикомъ, быть можетъ, естествоиспытателемъ. Ибо при ихъ дѣятельности приходится побуждать самыя незначительныя динамическія препятствія, производить самыя слабыя импульсы къ сокращенію мускуловъ; ихъ мышленію нѣтъ надобности вырабатывать грубыя двигательныя представленія, сила и величина его проявляется иначе. Изъ чувственныхъ впечатлѣній оно выводитъ безконечныя, новыя нечувственные представленія, изъ простаго наблюденія чисель ученіе Пифагора, теоріи чисель, интегральное и дифференціальное счисленіе, изъ паденія яблока законъ тяжести, изъ содержанія воспріятій сознанія теорію познанія, изъ опытныхъ фактовъ эмбриологіи и палеонтологіи эволюціонную систему Дарвина. Я не могу раздѣлить воззрѣніе Бена, который классифицируя гениевъ ставитъ на первомъ мѣстѣ философскій геній. Моя теорія принуждаетъ меня отвести мыслителю и изслѣдователю послѣднее мѣсто среди гениевъ, ибо ихъ величіе

основано лишь на мышлении, которое само по себя, без содѣйствія воли, не въ состояніи превратить въ чувственно воспринимаемыя явленія выработанныя имъ представленія, какъ-бы чудесны они ни были. Даже для того, чтобы выразить или записать ихъ, онъ нуждается въ мускульной дѣятельности, а слѣдовательно, въ импульсѣ воли. Если-бы воли гения мышления оказалось недостаточно для того, чтобы вызвать дѣятельность рѣчи или записыванія, то самыя возвышенныя представленія его оказались-бы чисто субъективными состояніями сознанія, о которыхъ никто кромѣ него не зналъ-бы ничего. Они остались-бы процессами молекулярнаго движенія въ его мозгу и были-бы доступны чувствамъ другихъ лишь постольку, поскольку постѣдніе могутъ восприниматься на разстояніи, если вообще считать возможнымъ такой родъ воспріятія, который является собственно чтеніемъ мыслей высшаго рода.

Если гений мышленія обладаетъ волевымъ центромъ средняго развитія, то мы имѣемъ дѣло съ великимъ изслѣдователемъ въ области экспериментальныхъ наукъ или съ изобрѣтателемъ. У нихъ обонхъ идентичны сущность ихъ способностей и дѣятельность. Экспериментаторъ, какъ и изобрѣтатель, выводитъ законы изъ явленій и придумываетъ матерьяльныя условія, позволяющія ему привести въ дѣйствіе найденныя законы, согласно своему желанію. Между ними нѣтъ никакого теоретическаго различія, а лишь практическое. Экспериментаторъ довольствуется такимъ комбинированіемъ обстоятельствъ или опытовъ, которое могло-бы показать ему, согласуются-ли доступныя чувствамъ процессы съ представленіями его мышленія, оказывается-ли дѣйствительнымъ въ мірѣ явленій законъ, найденный его мозговыми центрами. Изобрѣтатель-же стремится создать такія условія, исключительная цѣль которыхъ, увеличить человѣческія удобства въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но здѣсь намъ слѣдуетъ остерегаться ошибки. Изобрѣтеніе или открытіе вовсе не есть неизбежно продуктъ соединенія гения мышленія съ достаточной силой воли. Нерѣдко можетъ просто помочь случай. Монахъ Шварцъ вовсе не искалъ пороха, когда смѣсь сѣры, селитры и угля вспыхнула въ ступкѣ, и профессоръ Гальвани нисколько не думалъ о неизвѣстной силѣ природы, когда онъ надѣвалъ ногу лягушки на мѣдный крючекъ. Въ общемъ, однако, я готовъ признать за случаемъ лишь крайне незначительную роль въ великихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Во всякомъ случаѣ необходимо обладать необыкновеннымъ разумомъ для того, чтобы правильно наблюдать неизвѣстное явленіе и тотчасъ замѣтить, что оно не можетъ быть удовлетворительно объяснено при помощи знаній, которыми мы обладаемъ въ данное время, чтобы найти его причины и условія и вывести изъ нихъ новыя представленія. Такимъ образомъ, случай можетъ только тогда стать исходнымъ пунктомъ открытія или изобрѣтенія, когда свидѣтелемъ его является значительный по своимъ умственнымъ способностямъ человѣкъ. Эмоціональный средній человѣкъ съ своимъ автоматически работающимъ мозгомъ остается глухъ къ впечатлѣніямъ, которыя не совпадаютъ съ его унаслѣдованными и органическими представленіями.

Если-бы ступка Шварца вылетѣла въ воздухъ на глазахъ средняго человѣка, то онъ перекрестился-бы, рѣшилъ-бы, что это продѣлка дьявола, и вывелъ-бы изъ своего опыта лишь то заключеніе, что онъ долженъ остерегаться имѣть дѣло съ еѣрой. Онъ не изобрѣлъ-бы пороху. Нѣкоторые весьма плодотворные случаи происходятъ ежедневно передъ глазами человѣчества и происходятъ всегда. Но для того, чтобы понять ихъ и найти ихъ законы и примѣненіе, необходимо, чтобы они происходили на глазахъ необычайно могучаго мышленія. Весь матеріалъ явленій, лежащихъ въ основѣ біологическихъ, химическихъ и физическихъ наукъ, изобрѣтеній въ области пара, электричества и механики, находится издавна на лицо въ неизмѣнномъ видѣ и былъ точно такъ-же подъ рукой у людей каменнаго вѣка, какъ и у насъ. Однако для того, чтобы понять его и овладѣть имъ, необходимо было такое развитіе мышленія, котораго не достигли ни первобытные люди, ни люди среднихъ вѣковъ. Точно также и теперь мы несомнѣнно окружены самыми любопытными явленіями, при видѣ которыхъ мы ничего не думаемъ, которыхъ не умѣемъ истолковать и законовъ которыхъ мы не ищемъ, потому что среди современныхъ намъ людей никто не обладаетъ достаточно сильнымъ мышленіемъ для того, чтобы изъ чувственнаго воспріятія ихъ вывести представленіе ихъ причинъ и возможныхъ слѣдствій. Тѣмъ не менѣе крайне правдоподобно, что впоследствии появятся гени, для которыхъ это будетъ не только достижимо, но и легко, и наши потомки на землѣ не будутъ въ состояніи понять, какъ могли мы, ничего не видя и не слыша, проходить мимо замѣчательныхъ явленій, подобно тому, какъ мы не можемъ понять, какимъ образомъ люди не дошли уже тысячу лѣтъ тому назадъ до изобрѣтенія взрывчатыхъ веществъ, паровыхъ машинъ и примѣненія электричества. Теперь оставимъ въ сторонѣ незначительную, какъ я старался показать, работу случая и мы увидимъ, что опыты въ смыслѣ Бекона: „разумные вопросы, заданные природѣ“, поставленные сознательно и намѣренно, на которые ожидаютъ раньше опредѣленнаго отвѣта, т. е. методическія работы Роберта Майера, Гельмгольца или Коха, предполагаютъ гениальность мышленія и хорошо организованный волевой центръ. Необходима наличность послѣдняго потому, что при экспериментахъ и изобрѣтеніяхъ существенно важно, чтобы представленія, выработанныя центромъ мышленія, принимали доступную чувствамъ форму, что возможно лишь при помощи мускульной дѣятельности, являющейся послѣдствіемъ волевыхъ импульсовъ.

Наконецъ, когда волевой центръ такъ-же необычайно развитъ, какъ и центръ мышленія, т. е., когда мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который представляетъ изъ себя одновременно генія воли и генія мышленія, тогда мы имѣемъ возможность привѣтствовать одно изъ тѣхъ явленій, которыя измѣняютъ теченіе міровой исторіи. Такой гений проявляется не въ мысляхъ и словахъ, но въ дѣйствіяхъ. Его мышленіе вырабатываетъ новыя личныя представленія, и воля его достаточно сильна и энергична для того, чтобы, несмотря на всѣ препятствія, превратить ихъ въ дѣйствія. Онъ пренебрегаетъ болѣе покойными способами, веду-

щими къ тому, чтобы сдѣлать представленія доступными чувствамъ, какъ звуки и писанные знаки, и стремится къ способамъ, которые требуютъ побѣды надъ самыми крупными препятствіями. Такимъ образомъ, онъ не говоритъ и не пишетъ, но дѣйствуетъ, т. е. распоряжается другими людьми и силами природы, согласно своимъ представленіямъ. Такой гениі становится тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, и дѣлаетъ, что хочетъ. Онъ открываетъ части свѣта. Онъ покоряетъ страны, подчиняетъ народы. Онъ живетъ жизнью Александра, Магомета, Кромвелля, Наполеона. Ничто человѣческое не можетъ создать предѣла его власти; для этого понадобился-бы еще большіи гениі воли и мышленія. Онъ можетъ отступить лишь передъ силами природы, которая болѣе могуча, чѣмъ сила его воли. Ураганъ могъ-бы уничтожить Колумба, болѣзнь сразила Александра, Наполеона уничтожила русская зима. Центръ мышленія можетъ въ своихъ представленіяхъ преодолѣть самую природу. Центръ воли можетъ побѣждать лишь такія силы, которые слабѣе ея.

Организаціи такого гениа воли и мышленія бываетъ обыкновенно присуще большее или меньшее, а въ крайнихъ случаяхъ и полное отсутствіе того, что принято называть чувствомъ, художественнымъ чутьемъ, потребностью любви и красоты. Его могучіе центры превращаютъ всѣ впечатлѣнія въ ясныя представленія и выводятъ изъ нихъ вполне сознательныя сужденія. Автоматическая дѣятельность происходитъ въ крайнемъ случаѣ въ низшихъ центрахъ координаціи и питанія, высшіе работаютъ оригинально, а не по унаслѣдованному шаблону. Онъ почти совершенно свободенъ отъ смутныхъ, полу- или бессознательныхъ влеченій. Онъ отнюдь не сентименталенъ. Онъ производитъ поэту впечатлѣніе чловѣка холоднаго и жесткаго. Но слова эти значатъ просто, что онъ одаренъ разсудочнымъ, а не эмоціональнымъ характеромъ. Съ такой организаціей бываетъ обыкновенно связано еще одно свойство, состоящее въ томъ, что гениі мало доступны, готовымъ мыслямъ другихъ людей. Центры его направлены на оригинальную работу, а не на подражаніе другимъ. Они нуждаются въ сыромъ матеріалѣ чувственныхъ воспріятій для того, чтобы переработать ихъ въ новыя представленія свойственнымъ имъ образомъ. Предварительно переваренные продукты мысли, т. е. сырой матеріалъ чувственныхъ воспріятій, уже переработанный въ представленія въ мозговыхъ центрахъ другихъ людей, какъ разъ тѣ, уметвенные пептоны, которые только и могутъ ассимилировать средній чловѣкъ, возбуждаютъ въ немъ отвращеніе.

Здѣсь передо мной возникаетъ грозный вопросъ. Если гениі представляютъ необычайное совершенство воли и мышленія, если дѣятельность его состоитъ въ созданіи новыхъ вѣщественныхъ представленій и въ ихъ чувственномъ осуществленіи, то что-же остается мнѣ сказать о генияхъ эмоціональныхъ, т. е. о всѣхъ поэтахъ и художникахъ? Имѣю-ли я въ такомъ случаѣ право допустить, что поэтъ и художникъ можетъ также быть гениемъ? Право это представляется по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Вспомнимъ, что такое собственно эмоція. Чувственная впечатлѣ-

ня доходятъ до соответственныхъ центровъ чувства, эти послѣдніе приводятъ въ дѣйствіе другіе центры, именно тѣ, которые обыкновенно воспринимаютъ впечатлѣніе вмѣстѣ съ первыми; они возбуждаютъ центры воли и координаціи и какъ реакцію вызываютъ какое-нибудь дѣйствіе организма, все равно будетъ-ли то выраженіе лица, или измѣненіе въ сердцебиеніи, или-же крикъ. Все это происходитъ автоматически по унаслѣдованной органической привычкѣ безъ посредства мышления, которое получаетъ о процессахъ въ низшихъ центрахъ лишь смутныя свѣдѣнія, неопредѣленные предчувствія. Процессы эти, совершающіеся въ сознаніи, суть именно эмоціи. Поэзія, музыка, образовательныя искусства имѣютъ только одну задачу—вызывать эмоціи. Каждое изъ нихъ старается при помощи своихъ средствъ вызвать въ организмѣ процессы, которые въ дѣйствительности возбуждаются рядомъ опредѣленныхъ чувственныхъ впечатлѣній и которыя мы ощущаемъ, какъ эмоціи. Лирическій поэтъ, музыкантъ и художникъ стараются при помощи словъ, тоновъ и красокъ побудить наши центры къ работѣ, которую они исполняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда чувства сообщаютъ имъ впечатлѣнія, исходящія отъ прелестнаго существа другого пола, отъ какого-нибудь врага, разрушительной силы природы, страдающаго человѣка или опредѣленнаго времени года. Тѣмъ правильнѣе умѣютъ они уловить и изобразить оптическіе, акустическіе и выраженные словами признаки процесса, которые могутъ быть изображены при помощи искусства. Тѣмъ болѣе эмоціи, возбуждаемыя ими, будутъ приближаться къ эмоціямъ, вызываемымъ самими процессами. Мы не признаемъ за произведеніе искусства такое произведеніе поэзіи, живописи и т. д., которое не вызываетъ въ насъ никакихъ эмоцій, даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что оно умно задумано, что на него потрачено много прилежанія и ловкости и что для созданія его нужно было побороть много препятствій. Итакъ, дѣйствіе произведенія искусства основано на автоматической дѣятельности нашихъ центровъ, но дѣятельность эта можетъ быть вызвана лишь такими впечатлѣніями, которыя привыкъ ощущать данный организмъ и цѣлый рядъ его предковъ; это совершенно исключаетъ для искусства возможность новизны. Для того, чтобы произвести дѣйствіе, произведеніе искусства должно имѣть своимъ существеннымъ содержаніемъ старыя, привычныя, органическія впечатлѣнія. А вѣдь мы признали отличительнымъ признакомъ гения способность создавать новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя и отклоняющіяся отъ извѣстныхъ представленія и превращать ихъ въ чувственно воспринимаемыя явленія. Какъ-же это можетъ помириться съ искусствомъ, въ которомъ дѣло идетъ исключительно о томъ, чтобы повторять старыя, свойственныя всему виду и принявшія органическій характеръ впечатлѣнія?

Отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ смущаетъ меня лишь потому, что мнѣ придется при этомъ идти въ разрѣзъ съ общераспространенными воззрѣніями. Совершенно вѣрно, что эмоціональный гений не есть собственно гений. Онъ дѣйствительно не создаетъ ничего новаго, не даетъ человѣческому сознанію болѣе богатаго содержанія, не открываетъ никакихъ неизвѣстныхъ

раньше истинъ и не имѣеть никакого вліянія на міръ явленій. Однако есть въ немъ нѣкоторыя психологическія предпосылки, которыя дѣлають его особеннымъ существомъ и отличаютъ отъ среднихъ людей. Центры, вызывающіе эмоціональную дѣятельность, должны быть развиты у него болѣе сильно, чѣмъ въ обычныхъ организмахъ. Отсюда слѣдуетъ, что не только чувственное впечатлѣніе побуждаетъ къ болѣе интенсивной дѣятельности его автоматическіе центры, но также его сознание лучше воспринимаетъ эту дѣятельность, потому что она совершается въ немъ, такъ сказать, съ большимъ шумомъ, величественнѣе, обращаетъ на себя большее вниманіе. Это можно сдѣлать вполне яснымъ, если только припомнить себѣ предыдущую картину. Эмоціональный геній есть также лишь механическій музыкальный инструментъ, а вовсе не свободно импровизирующій и свободно играющій виртуозъ. Это правда, но вѣдь музыкальные инструменты бывають весьмаразличны, отъ крошечной музыкальной табакерки, издающей чахоточные, едва слышные звуки, до механическаго органа, громъ котораго потрясаетъ стѣны. Точно также слѣдуетъ представить себѣ, что у генія эмоціональнаго автоматически работающіе центры, хотя и механичны, но играютъ несравненно громче, чѣмъ центры средняго человѣка, что между ними существуетъ такое-же отношеніе, какъ между органомъ и табакеркой. Послѣдствіемъ силы этого механизма является то, что сознание эмоціональнаго генія въ гораздо большей степени принимаетъ участіе въ его дѣятельности, чѣмъ сознание средняго человѣка. Конечно, участіе его не выражается творческой работой и не производитъ никакого вліянія, но ограничивается лишь воспріятіемъ. Его мышленіе не можетъ ничего измѣнить въ автоматической работѣ центровъ; оно можетъ лишь присматриваться и наблюдать за ней. Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ эмоціональный геній также удовлетворяетъ требованію новизны и оригинальности, которое я предъявляю къ работѣ генія. Правда, онъ вызываетъ лишь тѣ эмоціи, которыя человѣчество получило по наслѣдству и къ которымъ оно вполне привыкло; но онъ вызываетъ ихъ сильнѣе, чѣмъ всѣ люди до него. Такимъ образомъ новизна его дѣйствія заключается въ степени, а не въ родѣ дѣйствія.

Классификація геніевъ основывается на достоинствѣ ткани или органа, исключительнымъ совершенствомъ которыхъ опредѣляется геніальность. Всякая другая классификація неестественна и произвольна, будь она даже такъ остроумно обоснована, какъ та, которую даетъ Бэнъ. Чѣмъ болѣе данный мозговой центръ принадлежитъ только человѣку, тѣмъ болѣе высокаго генія создастъ его особенное развитіе. Врядъ-ли нужно пояснять эту мысль указаніемъ на сказанное выше. Развитіе костной ткани не можетъ создать генія, потому что кости свойственны не только человѣку, но также слонамъ и китамъ. То-же самое относится и къ мускульнымъ тканямъ, которыми отличается Милонъ Кротонскій и которыя, однако, не ставятъ его нисколько выше сильныхъ звѣрей. Точно также и чувственные центры не могутъ составлять основу генія, потому что глазъ кондора всегда будетъ превосходить человѣческое зрѣніе и центръ воспріятія свѣтовыхъ впечатлѣ-

тлѣніи своей остротой, а въ тонкости слуха человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи сравниться съ нѣкоторыми породами антилопы и т. д. Даже самыя высшія центры нельзя признать принадлежащими исключительно человѣку, если совершенство ихъ не выходитъ изъ предѣловъ автоматизма. Въдѣ все высшія животныя одарены способностью автоматическаго реагирования на внѣшнія впечатлѣнія и эта реакція такъ-же неоспоримо доходитъ до сознанія, въ видѣ эмоціи. У слона и собаки точно такъ-же, какъ у человѣка, мы можемъ наблюдать дѣйствія, свойственныя любви, ненависти, мести, страху, умилению вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ психическими возбужденіями. Единственная разница между человѣкомъ и животными въ этомъ отношеніи та, что человѣческія эмоціи могутъ быть такъже вызваны искусственнымъ подражаніемъ или символизацией естественныхъ явленій въ то время, какъ эмоціи звѣрей могутъ быть вызваны только самими явленіями. Такимъ образомъ при возникновеніи эмоціи истолковывающая дѣятельность мышленія, т. е. память и умъ, имѣетъ у человѣка большее значеніе, чѣмъ у животныхъ. Напротивъ, мышленіе можно назвать чисто человѣческимъ, поскольку оно выходитъ за предѣлы простого толкованія чувственныхъ впечатлѣній и образуетъ изъ нихъ представленія, которымъ не соответствуетъ никакой процессъ, совершающійся передъ чувствами, поскольку, скажемъ, прибѣгая къ спеціальной терминологіи, они абстрагируютъ и изъ однихъ абстракцій снова выводятъ другія. Разсудкомъ въ этомъ смыслѣ обладаетъ только человѣкъ и никакое другое животное. Кромѣ того, ни въ какомъ животномъ такъ сильно не выражена органическая связь между центрами воли и мышленія, какъ въ человѣкѣ. Итакъ, развитіе центровъ воли и разсудка создаетъ чисто человѣческія гении, который представляеть изъ себя высшее выраженіе достигнутаго человѣкомъ органическаго совершенства. Слѣдовательно, на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ изъ гениевъ, которые представляютъ изъ себя соединеніе гениальности воли съ гениальностью мышленія. Это люди дѣла, это тѣ, которые дѣлають міровую исторію, которые воспитываютъ народы духовно и матерьяльно, и на долгіе годы впередъ опредѣляютъ ихъ судьбу: великіе организаторы, законодатели, основатели государствъ, революціонеры съ ясными и достигнутыми ими цѣлями, а также завоеватели, если они дѣйствуютъ согласно строго опредѣленнымъ представленіямъ своего разсудка, а не подъ вліяніемъ полусознательныхъ импульсовъ. По своимъ познаніямъ эти благороднѣйшія гении стоятъ такъ-же высоко, какъ и слѣдующая категорія: они точно такъ-же вѣрно выводятъ изъ своихъ воспріятіи сверхчувственныя представленія, точно такъ-же безошибочно открываютъ не доступную чувствамъ связь явленій, ихъ причины, ихъ законы, ихъ самыя отдаленныя послѣдствія во времени и пространствѣ. Преимущество [ихъ] состоитъ въ способности осуществлять свои представленія не только наперекоръ сопротивленію неодушевленныхъ вещей, но также выходяще побѣдителями изъ борьбы съ живыми организмами и людьми. Такимъ образомъ, питая надежду на то, что представленія ихъ примутъ чувственную форму подъ вліяніемъ воли, они

могутъ создавать въ своемъ разсудкѣ такія представленія, содержаніе которыхъ составляетъ народъ и даже цѣлое человѣчество, и которыя они могутъ осуществить, лишь подчиняя волею центръ народоу и человѣчества своей волѣ и мысленію.

На второмъ мѣстѣ стоятъ гении мышленія, съ волей развитой хорошо, но не гениально: великіе изслѣдователи, экспериментаторы и изобрѣтатели. Они стоятъ ниже гениевъ первой категоріи потому, что они не могутъ пользоваться людьми, какъ матеріаломъ для осуществленія представленій ихъ мышленія. Вслѣдствіе этого они могутъ осуществлять только такія представленія, содержаніемъ которыхъ служатъ неодушевленная матерія. Воля ихъ достаточно сильна для того, чтобы побѣждать мертвыя препятствія, но не живыя. Третье мѣсто занимаютъ гении чистаго мышленія, не обладающіе соотвѣтственно развитой волей: сюда относятся мыслители, философы. По своимъ познаніямъ, мудрости, дару предвидѣнія недоступныхъ чувствамъ и удаленныхъ временемъ или пространствомъ процессовъ, они равноправные члены того-же семейства гениевъ, къ которому принадлежатъ основатели государствъ и изобрѣтатели. Несовершенство ихъ состоитъ въ томъ, что ихъ представленія, блестяще выработанныя разсудкомъ, остаются въ ихъ мозгу или-же въ лучшемъ случаѣ принимаютъ чувственную форму въ видѣ сказанныхъ или написанныхъ словъ. Они не производятъ непосредственнаго вліянія на людей и на неодушевленные вещи. Они не вызываютъ явленій движенія. Для того, чтобы процессы въ центрахъ ихъ разсудка вызвали процессы въ ихъ организмѣ, необходимо, чтобы ихъ представленія возбудили волю другого человѣка. За этими тремя категоріями разсудочныхъ гениевъ, укротителями людей, укротителями матеріи и просто мыслителями, слѣдуютъ эмоціональные гении, которые отличаются отъ среднихъ людей большей силой автоматической работы своихъ центровъ, а не ихъ особеннымъ индивидуальнымъ развитіемъ. Они не даютъ толпѣ ни новыхъ сознательныхъ представленій, ни сознательныхъ двигательныхъ побужденій, а лишь полусознательныя или безсознательныя эмоціи. Среди эмоціональныхъ гениевъ первое мѣсто занимаютъ поэты, во-первыхъ, потому, что въ ихъ работѣ большое участіе принимаетъ мышленіе, а во-вторыхъ, потому, что они производятъ свое воздѣйствіе при помощи средствъ, которыя изъ всѣхъ конкретныхъ средствъ являются самыми подходящими для того, чтобы сдѣлать доступными чувствамъ состоянія сознанія, это высшее содержаніе всякаго искусства. Средство это—слово. Въ то время какъ художники и музыканты принуждены ограничиваться такими признаками состоянія сознанія, которые даютъ возможность разузнавать ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, поэтъ имѣетъ возможность рѣзко разграничить и специализировать ихъ, такъ что ихъ трудно бываетъ смѣшивать съ родственными состояніями сознанія. Безъ содѣйствія мышленія въ крайнемъ случаѣ можетъ обойтись лишь лирической поэтъ, „глаза котораго блуждаютъ въ прекрасномъ безуміи“ и у котораго впечатлѣнія безъ всякихъ окольныхъ путей черезъ сознаніе, автоматически приводятъ въ дѣйствіе центры рѣчи. Во всѣхъ остальныхъ родахъ поэзіи поэту

приходится образовывать при помощи мышления сознательных представлений, которые отличаются от представлений мыслителя только тѣмъ, что содержаниемъ ихъ является воплощеніе унаслѣдованныхъ эмоцій, а не угадываніе недоступныхъ чувствамъ отношеній явленій.

Это единственная естественная классификація, такъ какъ она основана на органическихъ предпосылкахъ. Однако обычная оцѣнка различныхъ категорій геніальности значительно отклонится отъ нея. Разсудочныя природы оцѣниваютъ геніи сообразно той пользѣ, которую онѣ приносятъ обществу и которую они могутъ понять; эмоціональныя природы оцѣниваютъ его, сообразуясь съ силой и пріятностью эмоціи, которую онѣ можетъ въ нихъ вызвать. Для первобытной общины самымъ значительнымъ членомъ является храбрый и сильный воинъ. Поэтому сила мускуловъ и воли, т. е. отвага, признается самыми великолѣпными качествами, и счастливый обладатель ихъ занимаетъ первое мѣсто среди своихъ современниковъ и вызываетъ почти божеское обожаніе. Въ такой общинѣ ни великій мыслитель и наслѣдователь, ни философъ, математикъ и экспериментаторъ не можетъ заявить претензій на уваженіе. Если-бы въ племени краснокожихъ появился какой-нибудь Декартъ или Ньютонъ, то на него смотрѣли-бы, какъ на бесполезнаго члена племени и ставили-бы его значительно ниже, чѣмъ всякаго опытнаго охотника на медвѣдей или воина, который на своемъ поясѣ носитъ много вражескихъ скальповъ. И съ точки зрѣнія полезности они совершенно правы, ибо индійскому племени на той ступени развитія, на которой оно находится, нужны не математика и метафизика, но мясо и безопасность. Если-же въ нашъ цивилизованный вѣкъ кто-нибудь отводитъ солдату самое почетное мѣсто и выражаетъ почтеніе передъ его военной татуировкой на воротникѣ, рукавахъ и на бортахъ его мундира, то это представляетъ лишь пережитокъ воззрѣній дикихъ и варварскихъ народовъ. Такое почтеніе было вполне естественно и понятно во время первобытнаго состоянія человѣка, но при современномъ состояніи культуры оно не имѣетъ разумнаго значенія. Точно такъ-же естественно и то, что эмоціональныя природы оцѣниваютъ геніи сообразно эмоціямъ, которыя онѣ даетъ имъ. Они неспособны къ самостоятельному, оригинальному мышленію, но ихъ автоматическая, организованная мировая дѣятельность можетъ быть вполне исправной. Такимъ образомъ сознаніе ихъ наполнено не ясными представленіями, но нѣсколько разъ повторявшимися неясными, распыляющимися образами, въ формѣ которыхъ сознаніе воспринимаетъ автоматическую дѣятельность мозговыхъ центровъ. Дѣйствительный геніи, т. е. геніи мышленія, требуютъ отъ высшихъ центровъ не наслѣдственной, не организованной, но сознательной работы, а они не могутъ дать ея. Поэтому-то геніи мышленія не существуютъ для нихъ совсѣмъ. Напротивъ, эмоціональный псевдо-геніи возбуждаютъ автоматическую дѣятельность ихъ центровъ и потому воспринимаются ими; для нихъ онѣ представляетъ источникъ оцупценій, а такъ какъ люди привыкли измѣрять жизнь содержаниемъ впечатлѣній, то эмоціональный геніи является для нихъ священнымъ

источникомъ жизни. Поэтому женщины будутъ цѣнить выше представителя искусства, чѣмъ мыслителя и изслѣдователя, а среди представителей искусства на первомъ мѣстѣ у нихъ всегда стоитъ музыкантъ. потому что музыка даетъ эмоціи, возбуждающія половой центръ и потому являющіяся самыми глубокими и приятными. Художникъ и даже актеръ также занимаютъ у нихъ очень высокое мѣсто: первый потому, что искусство его не возбуждаетъ мыслительной дѣятельности, а слѣдовательно, онѣ, не утруждая своего мышленія, могутъ наслаждаться имъ. второй кромѣ того еще и потому, что вліяніе его подражательной и осуществляющей эмоциональныя состоянія сознанія дѣятельности усиливается его личнымъ обаяніемъ. Эмоциональныя натуры и прежде всего женщины будутъ цѣнить поэта постольку, поскольку работа его является чисто эмоциональной, а не разсудочной; такъ лирическаго поэта они будутъ цѣнить выше эпическаго; поэта, изображающаго вѣщія возбуждающія событія, болѣе, чѣмъ поэта, анализирующаго душевныя побужденія. Конечно, такая оцѣнка гениальности не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для насъ. Если-бы интенсивность возбуждаемыхъ эмоцій рѣшала вопросъ о томъ, на какомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить генія, то для мужчины его возлюбленная, для женщины возлюбленный были-бы выше всѣхъ гениевъ, какихъ когда-либо создало человѣчество, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Юлія въ Ромео, Леандръ въ Геро вызываютъ несравненно болѣе сильныя ощущенія, чѣмъ Гете или Шекспиръ, Бетховенъ или Моцартъ, не говоря уже, конечно, о Кантъ или Лапласъ, о Юліи Цезарь или Бисмаркъ. И я думаю, что если-бы мы спросили кого-нибудь изъ этихъ двухъ интересныхъ парочекъ, то они несколько не задумались-бы признать свою Юлію или своего Леандра за самого блестящаго изъ всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ гениевъ.

Итакъ, дѣйствіе одной личности на другую не можетъ быть мѣриломъ ея значенія, потому что дѣйствіе это измѣняется въ зависимости отъ большей или меньшей образованности людей, испытывающихъ его на себѣ, отъ большей или меньшей разсудочности ихъ. Такимъ мѣриломъ можетъ быть болѣе или менѣе исключительно человѣческой характеръ мозговыхъ центровъ, необычайное развитіе которыхъ составляетъ психо-физическую основу этого явленія. А такъ какъ самый высшій и наиболѣе человѣческій центръ есть центръ мышленія, то лишь развитіе этого центра даетъ генія, который, однако, нуждается въ соответственномъ развитіи волевого центра для того, чтобы сдѣлать работу центра мышленія доступной чувствамъ другихъ людей. Геніи мышленія представляютъ до сихъ поръ послѣднее слово человѣческаго совершенства. Поидетъ-ли органическое развитіе человѣчества еще дальше и какое оно приметъ направленіе, объ этомъ могъ-бы судить лишь великій геній разсудка въ силу своей способности заключать отъ даннаго къ отдаленному во времени или пространствѣ.

Внутренне.

Теперь читателю предстоит узнать, какъ я представляю себѣ механизмъ человѣческаго прогресса. Онъ вовсе не идетъ развернутымъ фронтомъ съ офицерами на флангахъ. Незначительное меньшинство искателей пути идетъ впереди, ломая кусты, дѣлаетъ зарубки на деревьяхъ, ставитъ вѣхи и указываетъ дорогу, затѣмъ приходитъ толпа, сперва небольшими группами, потомъ плотной массой. Всякое ускореніе въ движеніи человѣчества—дѣло гениевъ, которые исполняютъ въ немъ ту-же функцію, что высшіе центры въ особи. Гений думаетъ, судитъ, хочетъ и дѣйствуетъ за человѣчество; онъ перерабатываетъ впечатлѣнія въ представленія, угадываетъ законы, выраженные въ явленіяхъ, реагируетъ цѣлесообразными движеніями на вышшія возбужденія и постоянно обогащаетъ содержаніе сознанія. Большинство только подражаетъ гению; оно повторяетъ лишь то, что раньше сдѣлалъ гений. Вполнѣ нормально организованные и хорошо и равномерно развитые индивидуумы дѣлаютъ это непосредственно и болѣе или менѣе приближаются къ своему образцу. Такихъ называютъ людьми талантливыми. Отстальные въ одномъ или въ другомъ отношеніи, не доходящіе до средняго уровня даннаго человѣчества, доходятъ до того-же значительно позже и съ большимъ трудомъ. Они подражаютъ образцу очень невѣрно и неискренно. Это филистеры.

Какимъ-же образомъ гений дѣйствуетъ на толпу? Какъ онъ заставляетъ ее подражать своимъ дѣйствіямъ и мыслямъ? У людей поверхностныхъ отвѣтъ готовъ очень скоро. „Примѣръ! Подражаніе!“ Имъ кажется, что они сказали этимъ словами все. Въ сущности-же они ровно ничего не объясняютъ; они не даютъ возможности понять, почему человѣкъ и даже животное испытываетъ стремленіе къ подражанію и съ помощью какихъ средствъ одно существо заставляетъ мозговые центры и мускулы другого работать приблизительно такъ-же, какъ и оно само. Вотъ человѣкъ, думающій и дѣлающій что-либо. Вотъ другой человѣкъ, который повторяетъ тѣ-же мысли и тѣ-же дѣйствія. Я не могу не признать дѣйствія и мысли одного за причину, дѣйствія и мысли другого за слѣдствіе. Я не вижу, гдѣ здѣсь примѣръ и подражаніе. Но кромѣ того, я вижу пустоту между ними. Я не вижу соединяющей ихъ связи. И кромѣ того я не знаю, какъ можно перекинуть мостъ черезъ пропасть, зияющую между причиной и

сѣдствіемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло почти съ такой-же трудно-стью, какъ въ кинематикѣ, или наукѣ о движеніи, которая устанавливаетъ существованіе движенія съ большей или меньшей точностью находить его законы, но никогда не сдѣлала ни малѣйшей попытки объяснить, какъ передается движеніе одного тѣла на другое, какимъ образомъ сила переходитъ съ одного атома на другой черезъ среду, не наполненную матеріей, и дѣйствуетъ на него. Человѣческій духъ неспособенъ представить себѣ, какимъ образомъ нематеріальная сила и движеніе, представляющія лишь состоянія матеріи, могутъ перешагнуть свободное отъ матеріи пространство между частицами. Эта неспособность составляетъ наиболѣе сильный упрекъ противъ атомистической теоріи, которая со времени Александра господствуетъ въ философіи и составляетъ основу современной механики и химіи. Оно привело къ предположенію существованія совершенно непонятнаго эфира, окружающаго, якобы, атомы и во все время, не исключая и нашего времени, побуждала многіе очень глубокіе умы предпочесть этой теоріи—теорію единства и непрерывности матеріи на всемъ пространствѣ.

Я думаю, что психологія легче справится съ этимъ затрудненіемъ, чѣмъ наука о движеніи. Она можетъ сослаться на явленіе, извѣстное уже въ очень давнія времена. Явленіе это заключаетъ въ себѣ вполнѣ удовлетворительное объясненіе фактовъ опыта, состоящихъ въ томъ, что люди, духовно воздѣйствуютъ другъ на друга, что одни изъ нихъ подражаютъ другимъ. Явленіе это есть внушеніе.

Теперь нѣсколько пояснительныхъ словъ для тѣхъ, кто не знаетъ, что принято разумѣть въ психологіи подъ внушеніемъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что все движенія вызываются волей и что она отвѣчаетъ своимъ двигательнымъ импульсамъ на сознательныя возбужденія мышленія или на безсознательныя автоматическія возбужденія эмоціональнаго характера. Если-же эти возбужденія, приводящія въ дѣйствіе волю, исходятъ не отъ собственнаго, а отъ другого мозга, если индивидуумъ становится рабомъ другого разсудка или эмоціи другого человѣка, и осуществляетъ двигательныя представленія, выработанныя въ центральной нервной системѣ другого человѣка, то мы говоримъ, что дѣйствія даннаго индивидуума внушены ему, что онъ находится подъ вліяніемъ внушенія.

Конечно, лучше всего можно наблюдать внушеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно доведено до болѣзненнаго усиленія. Такъ бываетъ въ состояніи гипноза. Индивидуумъ, котораго можно гипнотизировать, по обыкновенію истерическій, погружается въ это странное и до сихъ поръ недостаточно выясненное состояніе нервной системы. Гипнотизирующій говоритъ ему въ такомъ случаѣ: „Завтра ты отправишься въ 8 часовъ утра на такую-то улицу, такой-то номеръ къ г. Майеру и убьешь его взятымъ съ собой кухоннымъ ножомъ“. Затѣмъ загипнотизированнаго будятъ и онъ уходитъ. Онъ не сохраняетъ никакого воспоминація о томъ, что случилось съ нимъ во время его безсознательнаго состоянія. Онъ не знаетъ Майера, никогда не былъ въ указанной ему улицѣ и

никогда даже мухи не обидѣлъ. На слѣдующее утро онъ беретъ кухонный ножъ, а если нужно, то просто крадетъ его, отпраиваясь въ улицу X., звонить ровно въ 8 часовъ у Майера и конечно убилъ-бы его, если-бы послѣдній не былъ извѣщенъ объ экспериментѣ и не принялъ-бы необходимыхъ мѣръ предосторожности. Тогда гипнотизированнаго задерживаютъ, обезоруживаютъ и спрашиваютъ, что онъ собирался дѣлать. Обыкновенно онъ тотчасъ сознается въ своемъ преступномъ намѣреніи, иногда сперва пытается отрицать и сознается лишь послѣ нѣкотораго давленія. Если при этомъ желаютъ узнать, почему онъ рѣшилъ совершить убійство, то субъектъ наивно отвѣчаетъ обыкновенно: „такъ должно было случиться“ или погружается въ упорное молчаніе: если-же это бойкій и умный субъектъ, то онъ выдумываетъ цѣлую исторію, для того, чтобы выяснить себѣ и другимъ свой образъ дѣйствій. Въ такомъ случаѣ Майеръ оказывается исконнымъ врагомъ его семейства. Онъ постоянно подкапывался подъ гипнотизированнаго. Онъ клеветалъ на него, ставилъ всевозможныя препятствія на его жизненномъ пути и т. п. Онъ совершенно не подозреваетъ, что дѣйствія его вызваны рѣшеніемъ другого, внушены ему. При томъ внушеніе дѣйствуетъ не только съ одного дня на другой, но перѣдко удавалось наблюдать, что дѣйствіе его сохраняется въ теченіе шести мѣсяцевъ. Поступокъ, внушенный въ гипнотическомъ состояніи, осуществляется вполне полгода спустя, при чемъ субъектъ, подвергнутый гипнозу, не имѣетъ за все это время никакого представленія о томъ, что онъ находится подъ вліяніемъ внушенія. Внушеніе можетъ выразиться не только въ формѣ определеннаго приказанія. Достаточно бываетъ намекъ. Такъ, напримѣръ, гипнотизеръ принимаетъ печальное выраженіе лица и говоритъ гипнотизированному слезнымъ тономъ нѣсколько безразличныхъ словъ. Послѣдній тотчасъ впадаетъ въ печальное настроеніе и говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ если-бы онъ находился въ самой глубокой печали. Или-же ему говорятъ: „Пріятно-ли тебѣ быть солдатомъ?“ и будь онъ даже женщина, онъ тотчасъ принимаетъ себя за солдата, начинаетъ командовать, дѣлать экзерциціи, а можетъ быть и ругаться; однимъ словомъ, дѣлаетъ все то, что по его мнѣнію, свойственно солдату. Или-же ему подають стаканъ воды и говорятъ: „Какъ правится тебѣ это вино?“ Гипнотизированный ощущаетъ вкусъ вина и, если только онъ знатокъ, можетъ опредѣлить его сортъ и выдержанность; если-же ему дать выпить много, то онъ въ концѣ концовъ совершенно пьянѣетъ. Я могъ-бы привести сотню такихъ-же примѣровъ внушенія, относительно которыхъ особенно во Франціи существуетъ цѣлая литература, и которыми заняты такіе выдающіеся наблюдатели и экспериментаторы, какъ Шарко, Бернгеймъ, Дюмонпалье и Маньенъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ болѣзненнымъ преувеличеніемъ. На здоровомъ человѣкѣ внушеніе не можетъ проявиться такъ рѣзко. Ему невозможно внушить, что вода—вино или что онъ кардиналъ, въ то время, какъ въ дѣйствительности онъ простой референдарій; трудно будетъ также внушить ему, чтобы онъ формальнымъ актомъ завѣщалъ все свое имущество

человѣку, имени котораго онъ не знаетъ. Но внушеніе произведетъ дѣйствіе и на него, хотя и въ гораздо меньшей степени. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его представленія и дѣйствія будутъ также находиться подъ вліяніемъ внушенія.

Я хотѣлъ объяснить, какъ вліяетъ одинъ человѣкъ на другого, какъ одинъ подражаетъ мыслямъ и дѣйствіямъ другого, но до сихъ поръ я употреблялъ другое слово и вмѣсто словъ „примѣръ“ и „подражаніе“ я говорилъ—„внушеніе“. Въ чемъ-же сущность внушенія, и какимъ образомъ оно происходитъ? Отвѣтъ, который я намѣренъ дать на этотъ вопросъ, есть, конечно, лишь гипотеза, но она кажется мнѣ удовлетворительной, и ей не противорѣчатъ ни одинъ изъ наблюдаемыхъ до сихъ поръ фактовъ. Внушеніе—это передача молекулярнаго движенія одного мозга другому, подобно тому, какъ струна передаетъ свои колебанія другой струнѣ, какъ желѣзная раскаленная полоса передаетъ свои молекулярныя движенія другой, рядомъ съ ней лежащей. Такъ какъ все представленія, сужденія и эмоціи ничто иное, какъ явленія движенія мозговыхъ молекулъ, то естественно, что съ передачей молекулярнаго движенія передаются также сужденія, представленія и эмоціи, механическую основу которыхъ составляютъ эти движенія:

Для того, чтобы сдѣлать это явленіе вполне яснымъ, мнѣ остается прибавить лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній. Какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, нашъ организмъ имѣетъ лишь одно средство сдѣлать свои состоянія сознанія, т. е. сужденія, представленія и эмоціи, доступными чувствамъ другихъ людей. Средство это—движенія. Определенныя состоянія сознанія вызываютъ определенныя движенія, которыя такимъ образомъ являются ихъ выраженіемъ. Мы приучаемся связывать движенія съ вызывающими ихъ состояніями сознанія, и заключать отъ первыхъ къ послѣднимъ. Движеніе можетъ быть или непосредственнымъ, или символическимъ выраженіемъ состоянія сознанія. Если кто-нибудь наноситъ другому ударъ кулакомъ, то это мускульное дѣйствіе есть непосредственное выраженіе состоянія сознанія, заключающаго въ себѣ представленіе: „Я хочу ударить“. Если-же кто-нибудь пошкрякаетъ головой и вздыхаетъ, то эти движенія грудныхъ и шейныхъ мускуловъ являются символическимъ выраженіемъ состоянія сознанія, которое мы привыкли называть грустью или уныніемъ. Символы состояній сознанія распадаются на двѣ группы: естественную и условную. Естественныя символы это тѣ, которые органически связаны съ определенными состояніями сознанія. Послѣднія не могутъ имѣть мѣста, не вызывая первыхъ. Зѣваніе и смѣхъ суть естественныя символы утомленія и веселія. Устройство нашего организма таково, что въ состояніи усталости, т. е. при накопленіи въ тканяхъ продуктовъ разложенія, вызванномъ работою (напр., молочной кислоты), раздражаются нервы, управляющіе дыхательными мускулами, и вызываютъ судорожное сокращеніе мускуловъ, которое мы обозначаемъ словомъ зѣваніе. Такъ какъ основныя черты организма одни и тѣ-же для всего человѣчества, а отчасти и для всѣхъ живущихъ существъ, то естественныя символы тожде-

ственны для всего человѣчества и понятны не только для людей, но отчасти и для высшихъ животныхъ. Достаточно опыта, полученнаго съ помощью простаго самонаблюдения, чтобы понять ихъ значеніе и чтобы угадать, какое состояніе сознанія выражаетъ данный символъ. Къ условнымъ символамъ относятся тѣ, которые, не будучи органически связаны съ выражаемыми ими состояніями сознанія, не вызываются неизбежно этими послѣдними и получили свое значеніе лишь вслѣдствіе соглашенія людей. Каченіе головой и жесты пальцами суть условные символы состояній сознанія, заключающихъ въ себѣ представленія: „я согласенъ“ или „ступай сюда“. Мы придаемъ этимъ движеніямъ такое значеніе лишь вслѣдствіе произвольнаго соглашенія (хотя, конечно, ихъ нельзя назвать вполне произвольными: скорѣе можно сказать, что условные символы развились изъ естественныхъ, но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ). Они не у всѣхъ народовъ имѣютъ то-же значеніе. Такъ, напримѣръ, восточные народы при утвержденіи двигаютъ головой не снизу вверхъ, какъ мы, но съ права на лѣво и обратно. Лучшій и самый важный родъ условнаго символическаго движенія есть слово, этотъ продуктъ мускульной дѣятельности дыхательныхъ органовъ и органовъ рѣчи. Для того, чтобы понимать состояніе сознанія, выраженное словомъ, нужно научиться связывать ихъ другъ съ другомъ, и опыта, добытаго путемъ самонаблюдения, тутъ уже недостаточно. Самый умный человѣкъ, не знающій китайскаго языка, не угадаетъ, что „фу“ означаетъ у китайцевъ блаженство.

Молекулярныя движенія въ мозгу, вызывающія состоянія сознанія, возбуждаютъ такимъ-же образомъ мускульныя движенія. Они воспринимаются другимъ мозгомъ при помощи его чувствъ; и для этого могутъ служить всѣ чувства. Нѣкоторыя движенія и оставленный ими слѣдъ, напр., письмо, относятся къ зрѣнію, другія къ слуху, третьи къ осязанію. Чувство воспринимаетъ впечатлѣніе, ведетъ его дальше, даетъ начало процессу истолкованія явленій, т. е. побуждаетъ центръ къ переработкѣ впечатлѣній въ представленіе и приводитъ сознаніе въ то-же состояніе, выраженіемъ котораго служило воспринятое чувствомъ мускульное движеніе. Съ механической точки зрѣнія фактъ этотъ можно изобразить такъ: измѣненія, вызванныя въ нервахъ даннаго чувства явленіями движенія, вызывають съ своей стороны измѣненія въ мозговыхъ органахъ чувственнаго воспріятія, которыя побуждаютъ центръ сознанія къ молекулярному движенію, форма и напряженность котораго обусловлены природой возбужденія, т. е. формой и напряженностью молекулярныхъ движеній другого мозга, вызвавшаго мускульныя движенія. Такимъ образомъ, при помощи мускуловъ съ одной стороны и чувствъ съ другой, состояніе одного мозга переносится механически на другой, т. е. происходитъ внушеніе.

Для того, чтобы одинъ мозгъ могъ описаннымъ уже путемъ воспринимать молекулярныя движенія другого, т. е. повторять его сужденія, представленія, эмоціи и волевые импульсы, самъ онъ не долженъ быть ареной собственныхъ молекулярныхъ движеній другой формы и такой-же или еще болышой силы, т. е.

въ немъ не должно быть сильной собственной работы мысли. Точно такъ-же колеблющаяся струна можетъ побудить другую издавать ея тонъ только въ томъ случаѣ, если послѣдняя находится въ состояніи покоя или сравнительно болѣе слабого движенія. Такимъ образомъ чѣмъ органически незначительнѣе данный мозгъ, тѣмъ легче поддается онъ движеніямъ, исходящимъ отъ другого; и наоборотъ, чѣмъ совершеннѣе и сильнѣе онъ, тѣмъ живѣе его собственныя движенія, тѣмъ большее сопротивление оказываетъ онъ движеніямъ другого. При нормальныхъ условіяхъ болѣе совершенный индивидуумъ можетъ производить внушеніе на менѣе совершенный, но не обратно. Конечно, движенія менѣе совершенныхъ мозговъ могутъ суммироваться и такимъ образомъ получать такую силу, что бывають въ состояніи побудить движенія болѣе совершеннаго мозга. Если большія человѣческія массы испытываютъ и выражаютъ одно и то-же чувство, то даже сильныя духомъ и оригинальные индивидуумы не могутъ избѣгнуть ихъ вліянія. Они бывають принуждены раздѣлить ихъ эмоцію, какъ-бы они ни старались при помощи другихъ представленій и сужденій воспрепятствовать появленію такого состоянія сознанія. Тотъ фактъ, что внушеніе производится легче всего и съ наибольшимъ успѣхомъ на гипнотическихъ индивидуумахъ, объясняется тѣмъ, что въ такомъ состояніи нервной системы молекулы мозга исполняютъ наименьшее движеніе и находятся въ положеніи наименѣе устойчиваго равновѣсія и вслѣдствіе этого легко приводятся въ движеніе, сила и форма котораго опредѣляются возбужденіемъ.

Чувственные впечатлѣнія, обуславливающія внушеніе, могутъ быть воспринимаемы сознаніемъ, но вполнѣ возможно и правдоподобно, что въ мозгу вызываються продолжительныя молекулярныя движенія и такими чувственными впечатлѣніями, которыхъ вовсе не сознаетъ данный субъектъ. Лондонское общество психологическихъ изслѣдованій напечатало описаніе опытовъ, которые просто устанавливають этотъ фактъ. Индивидуумъ, находящійся въ одной комнатѣ съ другимъ, чертитъ на доскѣ тѣ-же фигуры, о которыхъ думаетъ первый. При этомъ, конечно, рисующій сидитъ спиной къ послѣднему, который не говоритъ ни слова, и вообще между ними не происходитъ никакого доступнаго чувства общенія. Во время другихъ опытовъ одинъ индивидуумъ записывалъ числа, слова и буквы, которыя думалъ другой. Опыты эти часто удаются, но иногда и не удаются. Но случаи успѣшнаго эксперимента настолько многочисленны, что можно пренебречь неудачными. Общество это очень серьезное и состоитъ изъ людей неоспоримой честности и отчасти пользующихся научной извѣстностью. Оно не занимается спиритическимъ шарлатанствомъ, а если и бросило на себя иѣкаторую тѣнь своими изысканіями въ области явленій духа, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что можно низко цѣнить остальные его работы. Безсознательное внушеніе можно допустить тѣмъ скорѣе, что оно вполнѣ доступно удовлетворительному объясненію при помощи прочно установленныхъ фактовъ. Фактически всякое представленіе, заключающее въ себѣ дви-

женіе (другихъ представлений не бываетъ, потому что самыя отвлеченныя представленія въ послѣднемъ счетѣ состоятъ изъ образовъ движенія), и возбуждаетъ такое движеніе, хотя и въ крайне слабой мѣрѣ. Мышцы, которымъ предстоитъ исполнить данное движеніе, получаютъ легкій импульсъ, и высшіе центры узнаютъ объ этомъ при помощи мускульнаго чувства, которое возвращаетъ полученный импульсъ. Процессъ этотъ слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что память, умъ и разумъ возбуждаютъ иннервацию соответствующихъ мускуловъ всякій разъ, какъ они вырабатываютъ какое-нибудь представленіе, и что представленіе только тогда достигаетъ полной интенсивности, когда разумъ получаетъ сообщеніе о послѣдовавшей иннервации. Впервые точно наблюдалъ и изложилъ эти факты Штриккеръ въ Вѣнѣ, впрочемъ лишь въ области возникновенія представленій звуковыхъ. Если кто-нибудь, говоритъ ученый экспериментальный патологъ, думаетъ, напр., букву „б“, то представленіе это вызываетъ иннервацию губныхъ мускуловъ, участвующихъ въ произнесеніи буквы „б“. Такимъ образомъ представленіе буквы „б“ есть фактически образъ движенія губъ, съ помощью котораго произносится эта буква; при этомъ можно замѣтить, конечно, при очень внимательномъ наблюденіи, движеніе губъ. То, что Штриккеръ говоритъ о движеніяхъ мускуловъ аппарата рѣчи, относится въ равной мѣрѣ къ движеніямъ всѣхъ другихъ мускуловъ. Такъ, когда въ сознаніи появляется представленіе бѣга, то мы получаемъ ощущеніе движенія въ нижнихъ конечностяхъ и т. д. Причина того явленія, что не всякое представленіе движенія ведетъ къ немедленному движенію, лежитъ въ томъ, что, во-первыхъ, импульсъ, получаемый соответственными мускулами со стороны образа движенія, слишкомъ слабъ для того, чтобы вызвать ихъ дѣйствительное сокращеніе, а во-вторыхъ, потому, что сознаніе противопоставляетъ задерживающія представленія всѣмъ образамъ движенія, котораго оно не намѣревалось осуществить. Если же представленіе отлічается большой живостью или же если сознаніе не обладаетъ достаточной силой и опытностью для того, чтобы выработать достаточно интенсивныя задерживающія представленія, то въ самомъ дѣлѣ достаточно бываетъ двигательнаго представленія для того, чтобы вызвать по крайней мѣрѣ ясно ощущаемый зачатокъ движенія. Человѣкъ бормочетъ слово, о которомъ думаетъ, говоритъ самъ съ собой, руки его порываются исполнить рядъ движеній, о которыхъ онъ думаетъ: онъ начинаетъ жестикулировать. Разговоръ съ самимъ собой и жестикуляція, эти свойства живыхъ или непривыкшихъ къ самообладанію лицъ, наблюдаемая при особенно сильномъ возбужденіи также у хладнокровныхъ и хорошо воспитанныхъ людей, даютъ подтвержденіе правильности и всеобщности штриккероваго закона „образовъ движенія“. Но то, что въ формѣ разговора съ самимъ собой и жестикуляціи воспринимается въ ясной для чувствъ формѣ, тоже происходитъ при каждомъ представленіи въ такихъ размѣрахъ, которые не доступны сознательному воспріятію нашихъ чувствъ. Слово, которое мы думаемъ, въ дѣйствительности образуется нашими органами рѣчи; движеніе, которое мы себѣ пред-

ставляемъ, на самомъ дѣлѣ осуществляется въ формѣ намека нашими мускулами. Такъ какъ мы думаемъ только словами и двигательными образами, то можно сказать, что собственно всѣ наши мысли мы выражаемъ словами и жестами. Однако можно принять за правило, что никто не слышитъ этого бессознательнаго разговора съ самимъ собой и не видитъ этой произвольной жестикуляціи. Но они стали-бы видны и слышны, если-бы у насъ были достаточно тонкія чувства или снаряды на подобіе микрофона и микроскопа, съ помощью которыхъ можно было-бы ясно слышать и видѣть мельчайшія движенія мускуловъ аппарата рѣчи, конечностей, лица и т. д. Кто-же можетъ намъ сказать, что наши чувства или чувства нѣкоторыхъ особенныхъ индивидуумовъ не воспринимаютъ этихъ мельчайшихъ движеній? Правда, это не происходитъ сознательно, но это все-же не служить доказательствомъ того, что этого совсѣмъ не бываетъ. Вѣдь мы знаемъ по опыту, что чувственное впечатлѣніе должно обладать известной силой для того, чтобы быть переданнымъ изъ центровъ воспріятія въ сознание, и что даже сильныя впечатлѣнія происходятъ незамѣченными сознаниемъ, если послѣднее не уделяетъ имъ своего вниманія. Однако впечатлѣнія, оставленныя безъ вниманія не достаточно возбужденнымъ или невнимательнымъ сознаниемъ, все-таки получаютъ, и перерабатываются мозгомъ автоматически внѣ сознания.

Итакъ, не только невозможно, но и вполне вѣроятно, что нашъ духъ подвергается непрерывному вліянію другихъ человѣческихъ духовъ. Вся окружающая насъ человѣческая среда обращается къ намъ и жестикулируетъ незамѣтно для нашего сознания, но съ вѣдома нашихъ мозговыхъ центровъ, миллионы тихихъ голосовъ проникаютъ вмѣстѣ съ жестами въ нашъ мозгъ, и въ этой безпорядочной суматохѣ намъ буквально не слышно собственныхъ словъ, если только они не достаточно сильны для того, чтобы заглушить этотъ шумъ. Сознаніе всѣхъ людей вліяетъ на наше сознаніе, молекулярныя движенія другихъ мозговъ сообщаются нашему и онъ принимаетъ ихъ ритмъ, если не можетъ противопоставить имъ другого, болѣе живого ритма, хотя и этотъ послѣдній является въ измѣненномъ имъ, если даже не вполне приноровленнымъ къ нимъ, видѣ.

Таково бессознательное внушеніе. Оставимъ его и возвратимся къ сознательному, которое, правда, не важнѣе, но во всякомъ случаѣ сознается нами болѣе опредѣленно. Оно происходитъ при помощи всѣхъ тѣхъ проявленій, въ которыхъ находить свое выраженіе состоянія сознанія, преимущественно при помощи слова, но также при помощи другихъ дѣйствій, которыя поддаются наблюденію. Высказанная мысль при помощи описаннаго уже механизма возбуждаетъ въ мозгу читателя или слушателя ту-же самую мысль; совершенное дѣйствіе побуждаетъ волю зрителя къ тому-же самому дѣйствію. Лишь меньшинство, люди, одаренные оригинальностью, гении, вполне избѣгаютъ такого вліянія. Всякое воспитаніе, всякое обученіе есть внушеніе. Неразвитой мозгъ ребенка формируется согласно молекулярнымъ возбужденіямъ, сообщаемымъ ему со стороны родителей и учителя. При помощи

внушения дѣйствуетъ примѣръ нравственности и испорченности. Толпа народная совершаетъ дѣла любви и ненависти, проявляетъ образованность или грубость, человѣчность или звѣрство въ зависимости отъ того, что внушено ей сильными индивидуумами данной эпохи. Что-же послѣ этого можно говорить о народной душѣ или національномъ характерѣ? Это не болѣе, какъ бессмысленныя слова. Національный характеръ въ каждомъ періодѣ оказывается совершенно инымъ. Народная душа мѣняется со дня на день. Можетъ быть, кому-нибудь нужны примѣры? Вотъ они. Въ предыдущемъ поколѣннн нѣмецкій народъ былъ мягко сентименталенъ, романтиченъ, мечтателенъ, однимъ словомъ, обладалъ чисто эмоціональнымъ характеромъ. Въ настоящемъ поколѣннн онъ практиченъ, холодно взвѣшиваетъ все окружающее, больше дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ, больше разсчитываетъ, чѣмъ мечтаетъ, однимъ словомъ, характеръ его сталъ чисто разсудочнымъ. Англійскій народъ въ первой трети нынѣшняго вѣка былъ въ нравственномъ отношеннн совершенно развращеннымъ: онъ пьянствовалъ, ругался, велъ развратный образъ жизни и выставялъ свои пороки на показъ; теперь онъ сталъ чопорнымъ, трезвымъ и въ высшей степени честнымъ; свои идеалы онъ видитъ въ обществахъ трезвости, въ дѣлахъ любви, направленныхъ къ спасеннн падшихъ, и въ крайней набожности. Онъ избѣгаетъ неприличныхъ выраженнн въ рѣчи и нескромныхъ выходокъ. Такой крутой поворотъ совершился не болѣе, какъ въ тридцать—пятьдесятъ лѣтъ. Какъ-же послѣ этого можно думать и утверждать, что образъ мыслей и дѣйствнн народа есть продуктъ определенныхъ органическихъ особенностей его? Такія особенности могли-бы измѣняться только въ большнн промежутки и при томъ очень медленно. Здѣсь дѣло совсѣмъ въ другомъ, въ чемъ-то такомъ, чего до сихъ поръ не видѣли специалисты—психологи народныхъ массъ. Дѣло идетъ о внушеннн. Крупныя человѣческія единицы, живущія среди даннаго народа, внушаютъ ему то, что принято называть народной душой и національнымъ характеромъ и что ошибочно считаютъ длительнымъ и неизмѣннымъ, въ то время какъ оно постоянно видоизмѣняется отдѣльными умами. Самый ходъ дѣла нужно представлять себѣ такъ, какъ если-бы передъ народомъ или расой стояло небольшое число исключительныхъ людей, подобно тому, какъ Дюмонпалье стоялъ передъ гипнотизованной истеричкой,—и внушало народу или расѣ мысли, чувства и дѣйствнн, которыя повторяются безъ критики и сопротивленнн, какъ если-бы они возникли въ собственномъ сознаннн толпы. Если эти исключительные люди внушаютъ добродѣтель и героизмъ, то мнръ превращается въ рыцарей Грааля и Вннкельридовъ; если-же они внушаютъ пороки и ничтожество, то исторія повѣствуетъ намъ о Византнн изъ эпохи упадка. Конфуціи воспитываетъ народъ трусовъ, Наполеонъ I побѣдителей и борцовъ. Геннн формируетъ народъ по своему подобнн, и кто хочетъ изучить народную душу, тотъ долженъ дѣлать это не на толпѣ, а на умахъ вожаковъ. Органически данной для каждаго народа является его даровитость. Конечно, во всѣхъ случаяхъ ему внушаются всѣ его мысли и дѣйствнн, и если это сильный народъ, то онъ

интенсивно повинуется внушенію, если-же слабій, то повинуется ему вяло. Это такое-же различіе, какъ между паровой машиной въ 1000 силъ и въ 1 лошадиную силу; одинаковое устройство, одинаковая движущая сила и одинаковая форма, но первая изъ нихъ двигаетъ цѣлыми горами, а другая приводитъ въ движеніе швейную машину. Точно также одинъ народъ сильно выражаетъ свои пороки и добродѣтели, другой незначителенъ какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Но приложеніе этихъ силъ опредѣляется внушеніемъ, которое исходитъ отъ исключительныхъ людей. Поэтому отнюдь не слѣдуетъ говорить о народной душѣ, а только въ крайнемъ случаѣ о народномъ тѣлѣ, кулакѣ или желудкѣ. Но за то я полагаю, что каждому народу органически свойственно производить чаще или рѣже гениевъ; однако этотъ вопросъ я откладываю до слѣдующей главы.

Однообразіе возрѣвній и ощущеній даннаго народа объясняется такимъ образомъ не органической однородностью, но внушеніемъ, которое дѣйствуетъ на народъ однимъ и тѣмъ-же историческими примѣрами, при помощи однихъ и тѣхъ-же живущихъ вождей нации и одной и той-же литературы. Такимъ образомъ жители большихъ городовъ приобрѣтаютъ однообразный душевный обликъ, хотя они обыкновенно не только разнятся своимъ происхожденіемъ, но и принадлежать къ различнымъ племенамъ. Берлинецъ, парижанинъ и житель Лондона обладаютъ психологическими свойствами, отличающими его отъ всѣхъ жителей другихъ городовъ. Но развѣ можно допустить, что особенности эти имѣютъ органическую основу? Конечно, нѣтъ, потому что населеніе этихъ городовъ представляетъ смѣсь разнообразныхъ этническихъ элементовъ. Но вѣдь населеніе это находится подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же внушеній и потому неизбежно обнаруживаетъ поражающее всѣхъ наблюдателей согласіе въ мысленіи и дѣйствіяхъ. Уклоненіе во вкусахъ и правахъ, моральная эпидемія, приливъ ненависти и одушевленія, которыя въ опредѣленные періоды неудержимо овладѣваютъ народами, становятся понятными лишь при помощи внушенія.

Мы уже видѣли, что слово представляетъ главное средство передачи представленій отъ одного сознанія другому. Но слово есть лишь условный символъ состояній сознанія, и въ этомъ заключается большая, но временамъ ненужная трудность, съ которой мы встрѣчаемся всякій разъ, когда намъ нужно воплотить новыя представленія. Гений вырабатываетъ въ своемъ сознаніи представленіе, которое до него не слагалось ни въ одномъ мозгу. Какъ-же станетъ онъ выражать это новое и оригинальное состояніе сознанія и какъ можетъ онъ сдѣлать его доступнымъ чувствамъ другихъ? Конечно, при помощи слова. Но мы знаемъ, что значеніе слова установлено соглашеніемъ. Оно дѣлаетъ доступнымъ чувствамъ такое состояніе сознанія, которое было извѣстно прежде. Оно вызываетъ въ слухателя старое, издавна связанное съ нимъ представленіе. Для того, чтобы слухатель или читатель понялъ данное слово не какъ символъ представленія, выражаемаго имъ до сихъ поръ, но какъ символъ другого, еще неизвѣстнаго ему, необходимо новое соглашеніе, и гений долженъ

стремиться къ тому, чтобы внушить ему новое понятіе, для выраженія котораго онъ употребилъ старое слово, путемъ указанія на сходства и противоположности. Это можетъ быть достигнуто только приблизительно, отнюдь не вполне. Почти каждое изъ нашихъ словъ несетъ на себѣ слѣды этого усилія оригинальныхъ личностей перенести въ умы массы новыя представленія при помощи старыхъ символовъ. Отсюда происходитъ вся образность выраженія. Если одинъ и тотъ-же корень, напр., въ словѣ „Minnе“, означаетъ воспоминаніе (Erinnerung), а затѣмъ любовь, то это указываетъ на работу мысли оригинальнаго ума, которому пришлось прибѣгнуть для выраженія безкорыстной вѣрной привязанности къ слову, которое до сихъ поръ выражало болѣе грубое, хотя и поверхностно родственное ему понятіе памяти. Всякій гениій нуждается, собственно говоря, въ новомъ собственномъ языкѣ для того, чтобы правильно выразить свои представленія. Велѣдствіе того, что ему приходится пользоваться языкомъ, образовавшимся до него, т. е. символами, состоянія сознанія другихъ индивидуумовъ, происходитъ много путаницы, такъ какъ онъ придаетъ своимъ словамъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который онъ имѣетъ для слушателя, придающаго ему обычное значеніе.

Такимъ образомъ гению приходится наполнять новымъ виномъ старые мѣхи, при чемъ положеніе его затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ, кому достаются мѣхи, не можетъ открыть ихъ и попробовать содержимое, а судить о немъ по виду мѣха. Крупнымъ препятствіемъ для передачи мыслей гениальнаго мозга въ умы толпы является обстоятельство, лежащее въ природѣ рѣчи и состоящее въ томъ, что она символизируетъ старыя представленія и велѣдствіе этого должна придавать корнямъ словъ образное значеніе, для того чтобы приспособить ихъ кое-какъ къ обозначенію новыхъ состояній сознанія. Толпа неизбежно бываетъ склонна путать новое образное значеніе углубленнаго и въ оригинальномъ смыслѣ употребленнаго гениемъ слова съ его старымъ буквальнымъ значеніемъ. Подъ новыми представленіями продолжаютъ жить старыя, вызывая путаницу и замѣшательство: народный умъ представляетъ себѣ подъ словомъ: земная ось нѣчто, обладающее качествами каретной оси, и подъ электрическимъ токомъ разумѣетъ нѣчто такое, что течетъ по проволокамъ подобно водѣ въ водопроводныхъ трубахъ, и нерѣдко случается, что гениій произвелъ еще большую путаницу тамъ, гдѣ онъ надѣялся дать объясненіе своимъ словамъ, и что онъ вызвалъ въ другихъ умахъ не его собственные представленія, но совершенно противоположныя имъ. Но тутъ уже виной человѣческое несовершенство, котораго мы никакъ не можемъ измѣнить. Можетъ быть, нашъ организмъ разовьется настолько, что состоянія сознанія будутъ выражаться непосредственно, а не при помощи условныхъ символовъ. Тогда уже оригинальный умъ не будетъ нуждаться въ словѣ для того, чтобы передать другимъ мозгамъ собственное молекулярное движеніе, быть можетъ, достаточно будетъ ясно и опредѣленно подумать о данномъ представленіи для того, чтобы оно подобно свѣту или электричеству распространилось повсюду и сообщилось другимъ. Такимъ образомъ намъ не придется

одѣвать представленія въ старья лохмотья рѣчи, которая за-
ставляетъ насъ, на примѣръ, обозначать представленіе цѣлаго,
частью котораго являемся мы сами, словомъ: природа (Natur), ко-
торое первоначально обозначало рождающую, и такимъ образомъ
возбуждаетъ въ насъ представленіе матери со всѣми половыми
аттрибутами, свойственными акту размноженія млекопитающихъ.
Но пока мы не достигнемъ этого сказочнаго совершенства, намъ
приходится довольствоваться словомъ, и слѣдовало-бы честно
стремиться къ тому, чтобы понять другъ друга, насколько это
вообще возможно.

Благодарность.

Англійскій сатирикъ опредѣлилъ благодарность, какъ „живое ощущение будущихъ благодѣяній“. Онъ думалъ сказать лишь остроумную фразу, а въ дѣйствительности далъ вполне исчерпывающее объясненіе сущности этого чувства. У всѣхъ нормально и естественно чувствующихъ индивидуумовъ въ основѣ благодарности лежитъ ясное или неясное ожиданіе дальнѣйшихъ пріятныхъ дѣйствій. Если-же нѣтъ основанія надѣяться на продолженіе или возобновленіе благодѣяній, то всякая признательность къ благодѣтелю прекращается; если-же продолжается, то это является или послѣдствіемъ органической привычки, или-же выработанной цивилизаціей искусственной задержкой естественныхъ реакцій въ жизни чувства. Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ философовъ-эволюціонистовъ, какъ Дарвинъ, Спенсеръ и Бэгъ, что всѣ человѣческія чувства берутъ начало въ ихъ необходимости или въ пользѣ для выживанія индивидуума и вида. Напримѣръ, въ настоящее время мы воспринимаемъ любовь, какъ наслажденіе, порицаніе нашихъ дѣйствій общественнымъ мнѣніемъ, какъ непріятность. Съ точки зрѣнія эволюціонизма это очень легко объяснить. Изъ двухъ первобытныхъ людей, изъ которыхъ одинъ получалъ при актахъ любви пріятныя ощущенія; въ то время, какъ въ организмъ другого они не возбуждали ничего подобнаго, первый будетъ горячо стремиться къ полученію подобныхъ ощущеній; въ то время, какъ другой врядъ-ли пожелаетъ трудиться для нихъ. Первый изъ нихъ оставитъ очень много потомства, второй очень мало или никакого. Въ потомствѣ ихъ повторятся благодаря наследственности органическія свойства ихъ отцовъ: сластолюбивые будутъ все многочисленнѣе, а холодные все рѣже и скоро совсѣмъ вымрутъ, такъ что останутся только тѣ люди, у которыхъ любовь связана съ чувствомъ наслажденія. Точно такъ-же изъ двухъ людей тотъ, для котораго совершенно безразлично мнѣніе членовъ его племени, легко можетъ совершить дѣйствія, раздражающія ихъ или причиняющія имъ вредъ; племя врядъ-ли помирится съ этимъ и очень скоро создастъ для него путемъ изгнанія менѣе удобныя условія существованія или-же просто убьетъ его. Напротивъ, другой, постоянно имѣющій въ виду вліяніе своихъ дѣйствій на окружающихъ его людей, будетъ въ мирѣ съ племенемъ, получить отъ него помощь и защиту;

вслѣдствіе этого жизнь его станетъ легче и безопаснѣе, онъ оставитъ больше потомства и передастъ ему свои органическія свойства, такъ что въ настоящее время можно встрѣтить только такихъ индивидуумовъ, которые испытываютъ непріятное чувство при мысли о враждебности общественнаго мнѣнія, и это ощущение настолько сильно, что удерживаетъ ихъ отъ дѣйствій, могущихъ подать поводъ къ такой враждебности. Представляетъ-ли благодарность побужденіе, которое можно объяснить при помощи эволюціоннаго принципа? Вовсе нѣтъ. Благодарность никогда не могла быть полезна первобытному человѣку, никогда не могла создать для него лучшихъ условій существованія. Онъ не получалъ отъ этого чувства никакой выгоды, и отсутствіе его не могло принести ему никакого вреда. Стоитъ только припомнить, чтобы увидѣть, что индивидуумъ, расположенный къ благодарности, находился въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ тѣ, которые были отъ нея свободны, потому, что въ то время, когда онъ терялъ время на выраженія угодлиности и свою силу на дѣйствія, не приносящія ему никакой пользы, другіе тратили свои силы и время для своей выгоды. Такимъ образомъ благодарность, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она является чувствомъ, внушеннымъ эгоизмомъ и своекорыстіемъ, и когда она имѣетъ своей цѣлью побудить при помощи покорности и лести къ дальнѣйшимъ благодѣяніямъ, была и осталась бесполезной для сохраненія особи и вида и поэтому не могла сдѣлаться естественнымъ побужденіемъ людей. Какъ-же объясняется то обстоятельство, что въ основѣ религіозныхъ представленій человѣчества лежитъ благодарность, что люди благодарили боговъ за оказанныя милости, что они приносили имъ въ послѣдствіи благодарственныя жертвы, что они выражали благодарственное почтеніе умершимъ, собственнымъ предкамъ и умершимъ героямъ племени? Это объясняется просто грубыми заблужденіями необразованнаго ума. Люди считали боговъ, мертвыхъ предковъ и героевъ за живыя существа, которые все еще имѣютъ власть быть полезными имъ, такъ что ихъ чувства любящей преданности, ихъ жертвы и прославленія были вовсе не благодарностью за прошедшее, но настоятельнымъ приглашеніемъ къ будущимъ благодѣяніямъ. Еще и теперь сильно вліяютъ на умы суевѣрныя представленія религіознаго характера: отъ времени до времени, хотя и рѣдко, эти представленія побуждаютъ къ выраженіямъ благодарности за услуги мертвыхъ. Въ отдаленномъ будущемъ, когда этотъ предрасудокъ, вскормленный многовѣковой привычкой мысли, исчезнетъ изъ человѣческаго мозга, то прекратится безслѣдно въ пышнѣйшей формѣ и культъ героевъ. Быть можетъ, и тогда будутъ воздвигать памятники великимъ людямъ, держать ихъ гробницы въ порядкѣ и праздновать дни, посвященные ихъ памяти, но уже не съ тѣмъ расчетомъ, чтобы доставить ихъ личности удовольствіе, или заплатить имъ долгъ, или отплатить за полученные благодѣянія. Все это будутъ дѣлать исключительно съ воспитательной цѣлью, чтобы образъ героя дѣйствовалъ на массу, какъ внушеніе, и склонялъ ее къ подражанію его добродѣтелямъ, ибо общество всегда будетъ испытывать потребность воплощать и демонстрировать въ идеальныхъ

личностяхъ качества, которыхъ оно принуждено требовать въ интересахъ самосохраненія отъ членовъ своего племени.

Если-бы благодарность за какое-нибудь дѣйствіе имѣла смыслъ и цѣль, то она была-бы выражена передъ совершеніемъ этого дѣйствія. Въ этомъ случаѣ она, пожалуй, оказывала-бы вліяніе на ихъ возникновеніе, родъ и объемъ. Но какая польза можетъ быть отъ нея, разъ дѣйствіе совершено? Что можетъ она исправить или измѣнить? Разъ Мавръ въ Отелло исполнилъ свою обязанность, то ему не остается ничего болѣе, какъ уйти. Если-же онъ станетъ жаловаться, то всякій, у кого есть время для такого совершенно изнишняго занятія, можетъ прочесть ему лекцію о естественныхъ законахъ и объяснить, что настоящее и будущее не могутъ вліять на прошедшее и что дѣйствіе, принявшее объективную форму, остается на вѣки тѣмъ, что оно есть, совершенно безразлично сдѣлаетъ-ли намъ Мавръ довольное лицо или жалобную гримасу. Не сдѣдуетъ возражать, что примѣръ благодарности или неблагодарности опредѣляющимъ образомъ вліяетъ на будущія дѣйствія, если даже она не производитъ никакого вліянія на дѣйствіе, къ которому она относится, что почитаніе, оказываемое предкамъ, можетъ побудить его потомковъ идти по его сдѣдамъ, что видъ неблагодарности по отношенію къ умершимъ побудитъ потомковъ отказаться отъ усилій альтруистическаго характера, которыя они могли-бы предпринять. Въ дѣйствительности это не такъ. Геній оказываетъ свои благодѣянія человѣчеству, потому что онъ такъ долженъ поступать и не можетъ иначе. Онъ удовлетворяетъ побужденіе собственного организма. Ему причинило-бы страданіе неисполненіе этого требованія. Для него вовсе не важно, что толпа при этомъ получаетъ пользу. Потокъ бунуетъ, потому, что этого требуютъ гидравлическіе законы. Но для него совершенно не существенно, будутъ-ли на его берегахъ стоять мельницы, пользующіяся его дувательной силой. Образъ Сидниона, сидящаго на развалинахъ Карфагена, не сдѣлалъ еще Эвѣальта изъ будущаго спасителя отечества, хотя представленіе стараго человѣка, сидящаго на сквозникѣ между двумя остроконечными камнями и могущаго споткнуться о камень на каждомъ шагѣ или провалиться въ какую-нибудь яму, можетъ не запугать развѣ только добровольныхъ пожарныхъ. Я призываю еще въ свидѣтели нѣмецкихъ издателей; уменьшило-ли въ значительной степени поэтическую производительность воспоминаніе о Камозенсѣ, котораго неблагодарные соотечественники покинули въ пуждѣ и шипетѣ?

Теперь уже читатель могъ видѣть, что благодарность одного человѣка къ другому совершенно исключается изъ нашего настоящаго изслѣдованія, потому что она вовсе не можетъ служить примѣромъ безкорыстнаго побужденія, лишеннаго надежды на новую награду, а приносящаго пользу не тому, кто выражаетъ благодарность, а тому, на кого она направлена: она представляетъ изъ себя лишь болѣе или менѣе разумную затрату капитала, съ котораго надѣются получить хорошіе проценты, и такимъ образомъ относится не къ области моральной философіи, а попросту къ дѣловой сферѣ. Такимъ примѣромъ могла-бы быть лишь бла-

годарность массы къ отдѣльному индивидууму, котораго она лично не знаетъ и который, можетъ быть, уже мертвъ. Но напрасно было-бы искать въ исторіи человѣчества подобнаго неоспоримаго и дѣйствительно убѣдительнаго примѣра, который не объяснялся-бы національнымъ тщеславіемъ и унаследованными предрасудками, и котораго вѣдѣствіе этого нельзя было-бы свести къ своеобразнымъ побужденіямъ.

Да, благодарности массъ, народовъ или человѣчества нѣтъ и быть не можетъ, потому, что у нея нѣтъ никакого антропологическаго основанія. Геній, умственнымъ трудомъ котораго живетъ человѣческій родъ,—геній, который внутри себя создаетъ весь прогрессъ даннаго поколѣнія и который представляетъ изъ себя импульсъ къ дальнѣйшему развитію человѣчества, долженъ отказать отъ благодарности. Онъ долженъ находить свою награду въ томъ, что своимъ мыслями, дѣйствіями и твореніями онъ развиваетъ свои высшія способности и сознаетъ свою оригинальность, испытывая при этомъ чувство штенсивнаго удовольствія. Для величайшаго генія, какъ и для низшаго существа, живущаго въ какой-нибудь жидкости, нѣтъ другого удовлетворенія, кромѣ возможно штенсивнаго ощущенія собственнаго я. Геній по временамъ ласкаетъ свое воображеніе мыслями о безсмертіи. Онъ не правъ. Безсмертіе, которое Клопштокъ назвалъ прекрасной мыслью, есть нѣчто меньшее, чѣмъ прекрасная мысль,—это туманный образъ фантазіи, тѣнь собственной индивидуальности, построенная на будущемъ, подобная той, которую бросаетъ на долину дерево при низкомъ положеніи солнца. Въ моментъ паденія дерева исчезаетъ и его тѣнь. Мысль о сохраненіи имени, стремленіе создать себѣ посмертную славу вытекаютъ изъ того-же источника, который создаетъ суевѣрное представленіе о посмертной индивидуальной жизни. Это тоже протестъ живущаго индивидуума противъ прекращенія его сознанія, одна изъ формъ безцельной борьбы съ закономъ конечности индивидуальнаго существованія, доказательство неспособности мыслящаго и ощущающаго себя „я“ представить себя не мыслящимъ и несуществующимъ. Человѣкъ, создавшій что-нибудь великое, содѣйствовавшій развитію своего народа или человѣчества, могъ-бы повидимому надѣяться на это слабѣйшее и наиболѣе легкое выраженіе благодарности, которое состоитъ въ сохраненіи о немъ памяти. Но напрасное желаніе и напрасныя стремленія! Память человѣчества неохотно удерживаетъ имена и образы отдѣльныхъ людей, и неохотно выноситъ, даже въ воспоминаніи, отраженіе ихъ индивидуальнаго существованія за предѣлы человѣческой жизни. Какъ долго сохраняются самыя извѣстныя имена? До сихъ поръ человѣчество не сохранило ни одного, которому было-бы десять тысячъ лѣтъ, а что такое это число въ жизни человѣчества, не говоря уже о существованіи нашей планеты или солнечной системы! Только въ томъ случаѣ, когда живущіе заинтересованы матеріально въ сохраненіи памяти о какомъ-нибудь имени, масса сохраняетъ живое воспоминаніе о немъ. Но гдѣ нѣтъ такихъ матеріальныхъ интересовъ, тамъ толпа снѣшитъ забыть о мертвыхъ, будь они даже ея величайшіе благодѣтели. Печально смотрѣть на отчаянныя усилія индиви-

дуума спасти отъ закона уничтоженія свою индивидуальную форму. Онъ нагромождаетъ огромные камни для памятниковъ, отлиываетъ металлъ и заставляетъ его принять очертанія своей фигуры,—онъ пишетъ свое имя на каждой страницѣ книги, выковываетъ его въ мраморъ и бронзу, связываетъ его съ учреждениями, улицами и городами. Дворцы и статуи, книги и надписи служатъ для того, чтобы въ самомъ отдаленномъ будущемъ напомнить объ имени жившаго прежде и довести до свѣдѣнія людей, что имя это послѣдъ нѣкогда великій человѣкъ, который пріобрѣлъ право на благодарное почитаніе. Мертвые предметы, которымъ человѣкъ вѣряетъ заботу о сохраненіи его памяти, не должно исполняютъ свою обязанность. Даже если они спасаются отъ разрушенія, то все-же они скоро теряютъ голосъ и перестаютъ произносить имя, которое они призваны были передать самымъ отдаленнымъ поколѣніямъ. Дворецъ служитъ людямъ, которые создаютъ совершенно произвольную исторію его возникновенія, статую они называютъ первымъ попавшимся именемъ, даже въ названіи города они уничтожаютъ имя его основателя, дѣлая, напримѣръ, изъ Константинополя Стамбуль. Они беззаботно уничтожаютъ повеюду сѣбды великаго человѣка, подобно тому, какъ бессознательное дитя стираетъ буквы, написанныя на аспидной доскѣ. Кто-же поставитъ это въ вину человѣчеству? Только тотъ, кто не понимаетъ самыхъ ясныхъ явленій и условій органической жизни. Индивидуумъ имѣетъ цѣнность только для себя, но не для природы и не для цѣлаго. Для природы онъ—лишь форма, въ которую органически выливается матерія, переходная ступень въ развитіи матеріи отъ неодушевленнаго къ одушевленному. Разъ отливъ сдѣланъ, форма разбирается, разъ переходная ступень пройдена, она тотчасъ забывается. Принципъ размноженія даннаго индивидуума, который прочтенъ и предназначенъ для безконечнаго существованія, отдѣляется отъ него и начинаетъ новую самостоятельную жизнь, несколько не нуждающуюся въ связи съ организмомъ, въ которомъ онъ возникъ; родительскій-же организмъ погибаетъ, какъ цвѣтокъ, изъ котораго выросъ плодъ. Тотъ-же самый процессъ совершается съ духовными функциями индивидуума. Они отдѣляются отъ организма, принимаютъ объективную форму и становятся самостоятельными явленіями; для нихъ полноты вовсе нѣтъ надобности въ томъ, чтобы они напоминали объ индивидуумѣ, который создалъ ихъ. Они подобно принципу размноженія представляютъ элементъ, предназначенный для сохраненія духовной индивидуальности, и если эта послѣдняя сдѣлала все возможное, если она создала живыя дѣла и мысли, которые обладаютъ способностью самостоятельно дѣйствовать дальше и вызывать новую жизнь, то не будетъ несколько несправедливо, если сама она раздѣлитъ судьбу всего живущаго и дающаго жизнь и исчезнетъ. Древній мнѣ о Сатурнѣ, пожирающемъ своихъ дѣтей, основанъ на совершенно невѣрномъ пониманіи природы. Не отецъ поѣдаетъ своихъ дѣтей, но эти послѣднія питаются своими родителями. Въ этомъ образчикѣ всесильнаго, безпощаднаго эгоизма нѣтъ ничего отталкивающаго. Напротивъ, онъ страшенъ и прекрасенъ, какъ всякая могучая картина природы.

Потомокъ, получая зародышъ жизни отъ родителя и перенося этотъ зародышъ въ будущее, обновляетъ и дѣлаетъ болѣе юнымъ, человѣческій организмъ, но только тѣ стороны его, которыя являются существенными. Эта работа сохраненія существеннаго отнимаетъ у юнаго организма столько силъ, что ихъ не хватаетъ для сохраненія несущественнаго, т. е. случайностей индивидуальной формы.

Законъ, который я назвалъ-бы перевернутымъ на изнанку сатурновымъ, въ силу котораго рождающее погружается въ темноту по мѣрѣ того, какъ рожденное выступаетъ на свѣтъ, не терпитъ никакихъ исключеній. Подобно тому какъ нѣтъ ни одного живущаго существа, которому удалось-бы сохранить при жизни своего самаго отдаленнаго предка: точно также нѣтъ ни одного человѣческаго дѣйствія, которое сохранилось-бы вмѣстѣ съ именемъ своего творца. Что знаемъ мы теперь объ индивидуальностяхяхъ, которыя своимъ умышленнымъ трудомъ создали всю цивилизацію и образованность? Какъ великъ былъ человѣкъ, давшій намъ впервые огонь! А кто сохраняетъ память о немъ? Кому приходится въ голову вспомнить о немъ съ благодарностью, согрѣваясь зимой около теплой печи? Какъ гениаленъ былъ человѣкъ, не примирившійся съ случайностью, которой подвержено отыскиваніе растительной пищи, а пожелавшій систематически получать изъ почвы необходимые хлѣба! Развѣ мы благословляемъ его имя, употребляя каждый день въ пищу хлѣбъ? Правда, теперь мы знаемъ изобрѣтателей телеграфа, паровой машины и желѣзной дороги. Но вѣдь открытія эти совершены не далье, какъ паханушѣ. Еще живы отчасти тѣ люди, на глазахъ коихъ они пронзошли. Но пройдетъ немного времени и такіа имена, какъ: Земмерингъ и Эрстедъ, Амперъ и Грагамъ, Велль, Эдиссонъ, Папинъ, Уаттъ и Стефенсонъ будутъ такъ-же забыты, какъ и тѣ одинаково великіе или, можетъ быть, болѣе великіе неизвѣстные изобрѣтатели искусственнаго добыванія огня и земледѣлія. Человѣчество будетъ пользоваться телефонами и курьерскими поѣздами точно такъ-же, какъ теперь пользуется огнемъ и ѣсть хлѣбъ,—не думая воздавать дань благодарнаго воспоминанія своему благодѣтелю. И изобрѣтатели вовсе не находятся въ худшемъ положеніи по сравненію съ мыслителями, властителями, государственными людьми, законодателями и художниками. Разъ истина найдена, она навѣки остается достояніемъ человѣчества, которое спустя нѣсколько поколѣній совершенно не думаетъ о мыслителѣ, выказавшемъ ее. Въ настоящее время спеціалисты еще знаютъ, отъ чего берутъ начало отдѣльныя приобрѣтенія математики, естественныхъ наукъ и астрономіи. Но какъ мало людей среди образованныхъ и даже высокообразованныхъ, которые могли-бы сказать, какое участіе принимали въ познаніи природы и образованія нашего міровоззрѣнія Пифагоръ и Эвклидъ, Геронъ Александрійскій, Декартъ, Аристотель, Гарвей или даже такіе близкіе намъ люди, какъ Ламаркъ и Шваннъ? Кому обязаны своимъ прошехожденіемъ римскія государственныя учрежденія, основа которыхъ осталась до сихъ поръ въ нашемъ государственномъ строѣ? Какъ звали законодателей (а не коммляторовъ), которые создали опредѣленія

римскаго права, до сихъ поръ еще руководящія нашими правовыми воззрѣнiями. Творенiе стоитъ передъ нашими глазами, но творецъ его забытъ или сталъ достойнѣмъ легенды. Пилладу еще читаютъ, хотя главнымъ образомъ гимназисты, которымъ она доставляетъ мало удовольствiя; но Гомеръ на столько печаль для насъ, что является возможность усумниться въ его существованiи. Нибелунги живутъ и процвѣтаютъ, но авторъ ихъ поглощенъ временемъ. Мы такъ-же мало знаемъ, кто создалъ Венеру Милосскую, какъ и о томъ, кто изваялъ Аполлона Бельведерскаго.

Напрасно въ настоящее время гении льстятъ себя надеждой, что съ нашего времени все пойдетъ иначе. Личная слава поддерживается журналами, книгами и изваянiями изъ камня и металла. Но все это уничтожаетъ время и сметаетъ, какъ пепель сгорѣвшаго листа. Одна, другая тысяча лѣтъ, и все исчезнетъ. А вѣдь человѣчеству предстоитъ, быть можетъ, прожить еще миллионы лѣтъ. Висмаркъ, раздѣлитъ судьбу забытыхъ основателей древнихъ государствъ, Гете и Шекспиръ займутъ мѣсто автора книги Гоа и пѣвца Веды, но нѣмецкiй народъ будетъ могущественно развиваться дальше, и Фаустъ и Отелло будутъ вызывать сильные чувства въ людяхъ до тѣхъ поръ, пока на землѣ будутъ понимать англiйскую и нѣмецкую рѣчь.

„Слѣды дней моихъ, земныхъ не можетъ въ вѣчности исчезнуть!“ произноситъ Фаустъ, стараясь внушить себѣ утѣшительное убѣжденiе. Буквально онъ правъ. Слѣды его, т. е. то, что онъ совершилъ, не погибаетъ, если только оно значительно. Но онъ не правъ, если связываетъ съ сохраненiемъ этого слѣда представление о прошлости собственной индивидуальности. Онъ отивалъ землю у моря? Радостно оживленная человѣческая толпа живетъ тамъ и наслаждается жизнью и солнечнымъ свѣтомъ. Но благодаритъ-ли она человѣка, который построилъ плотину и такимъ образомъ создалъ поля? Совсе нѣтъ. Благодарность не сдѣлаетъ жатву болѣе обильной и стражу болѣе богатой; никто не принужденъ психитывать ее, а потому никто ее и не психитываетъ.

Политическая экономiя установила, что цѣнность вещей опредѣляется не ихъ необходимостью для человѣческой жизни, но степенью легкости, съ которой ихъ можно добыть. Воздухъ самое необходимое для человѣка, однако онъ не имѣетъ цѣнности, потому, что человѣку не приходится затрачивать никакого труда для того, чтобы доставить себѣ необходимое количество воздуха. Въ этомъ смыслѣ труды гения можно сравнить съ благами, немѣющимися никакой цѣнности. Разъ они совершены, принявъ объективную форму, то они становятся составной частью самой природы, какъ воздухъ, которымъ можно дышать, вода, которую можно получить безъ всякаго труда, вознагражденiя и благодарности. Истина, открытая и высказанная однимъ изъ людей, доступна всѣмъ людямъ; въ поэтическомъ произведенiи, созданномъ однимъ изъ людей, всѣ люди могутъ находить сильные эмоцiи, если только чувствуютъ въ нихъ потребность; изобрѣтенiе, государственное и общественное учрежденiе, придуманныя однимъ человѣческимъ умомъ и осуществленныя одной человѣческой волей, всѣ остальные люди находятъ съ момента своего

рождения такъ-же готовыми, какъ землю, по которой они бродятъ, и какъ эпохи, смѣна которыхъ нарушаетъ однообразіе времени. Но то, что нужно отдѣльной личности въ этихъ истинахъ, изобрѣтеніяхъ и учрежденіяхъ, и что она отъ нихъ беретъ, не уменьшаетъ ихъ числа, не истощаетъ ихъ, не отнимаетъ ихъ отъ другого. Поэтому она имѣетъ право пользоваться ими безъ вознагражденія и благодарности.

И люди, работающіе для толпы, не имѣютъ никакого основанія жаловаться на ея неблагодарность, если она забываетъ объ ихъ дѣлахъ, если свѣтъ и потомство населяетъ открытую ими Америку и не сохраняетъ памяти о Колумбѣ новаго материка. Организмъ ихъ создалъ свои творенія подобно тому, какъ материнскій организмъ рождаетъ дѣтя: онъ создалъ ихъ потому, что не можетъ удержать ихъ въ себѣ, что онъ долженъ вынести ихъ наружу, какъ только они созрѣли. Кромѣ того, гениіи собственно не только получаютъ вознагражденіе за величайшія свои дѣла, но даже получаютъ плату за свой трудъ впередъ. Въдѣ ему приносить пользу работа всѣхъ предшествовавшихъ гениевъ, всѣхъ тѣхъ незвѣстныхъ, которые были творцами всей паней цивилизаціи и образованія, всѣхъ нашихъ удобствъ и побѣдъ надъ природой. Онъ становится на плечи своимъ предшественникамъ, и имѣетъ ничего удивительнаго въ томъ, что потомки сдѣлаютъ съ нимъ то-же самое. Онъ выражаетъ свою благодарность забытымъ вождямъ и пионерамъ человѣчества тѣмъ, что пользуется оставленными ими сокровищами, а потому и не долженъ надѣяться, что его потомки отблагодарятъ ему иначе. Духовныя блага, которыя онъ находитъ и съ помощью которыхъ онъ творитъ, уже не послѣдъ на себѣ слѣдовъ личности ихъ создателя; почему-бы и ему не примириться съ тѣмъ, что и блага, созданныя имъ, достанутся въ наслѣдіе человѣчеству и увеличатъ его богатство, не сохраняя слѣдовъ своего происхожденія?

Содержаніе поэтической литературы.

Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся жизнь и поэзія? Является-ли беллетристическая литература плодомъ наблюденія дѣйствительности? Или, можетъ быть, она беретъ себѣ за образецъ поэзію и старается стать подобной ей? Что такое образецъ? Что такое подражаніе? Беретъ-ли романъ и драма своихъ героевъ съ рынка? Или, можетъ быть, толпа прииравливается къ типамъ романа и театра? Я безъ всякихъ колебаній отвѣчу на все эти вопросы. Вліяніе беллетристическихъ произведеній на жизнь несравненно больше, чѣмъ обратное. Прежде всего авторъ перѣдко совершенно отрѣшается отъ фактовъ и обращаетъ все свое вниманіе исключительно на свободный полетъ своего воображенія. И даже, если онъ заимствуетъ побужденія изъ дѣйствительности, то все-таки онъ не держится среднихъ фактовъ и истинъ, которые, быть можетъ, вывелъ-бы добросовѣстный наблюдатель изъ обычнаго хода человѣческой жизни, но избираетъ какой-нибудь исключительный случай, попавшійся ему на глаза, или по личнымъ, чисто органическимъ причинамъ произведеній на него впечатлѣніе, но даже и этому онъ не остается вѣренъ, а видоизмѣняетъ это соответственно своей оригинальности. Такова, слѣдовательно, вся площадь соприкосновенія жизни и поэзіи. Она такъ узка, какъ остріе ножа. Въмѣсто широкаго и глубокаго океана жизни въ поэзіи появляется капля воды, унесенная прихотливымъ порывомъ вѣтра и сверкающая рѣдкими красками. Если и можетъ быть вообще рѣчь о вліяніи жизни на поэзію, то оно не больше, чѣмъ вліяніе дѣйствительности на сны: правда, они вызываются отчасти слабыми впечатлѣніями чувствъ, которыя однако безъ всякой послѣдовательности произвольно перерабатываются въ самыя неправдоподобныя представленія. Наоборотъ, вліяніе поэзіи на жизнь громадно. Она производитъ сильное и непрерывное внушеніе, которому подчинена вся духовная личность, весь образъ мышленія и дѣйствія читателя.

Пусть только читатель представитъ себѣ жизненныя условія средняго человѣка. Индивидуумъ проводитъ свою жизнь въ самыхъ однообразныхъ условіяхъ. Онъ знаетъ немного людей внѣ своего семейнаго круга, и врядъ-ли приходится ему бросить когда-нибудь взглядъ на внутреннюю жизнь другой души. По собственному опыту онъ не знаетъ ничего о крупныхъ чувствахъ и

страстяхъ, о заблужденіяхъ и раздвоеніяхъ человѣчества, и если-бы ему пришлось довольствоваться собственнымъ опытомъ, то онъ врядъ-ли сталъ-бы подозрѣвать, что въ кухнѣ, лавкѣ, да еще пожалуй церкви, рыска и ратуши, есть еще цѣлый міръ. Но онъ читаетъ беллетристическія произведенія, ходитъ въ театръ и видитъ типы, которыхъ никогда не было въ его дѣйствительности: сказочныхъ принцевъ и знатныхъ дамъ съ алмазными звѣздами въ волосахъ, авантюристовъ и преступниковъ, добрыхъ какъ ангелы, свѣтлыхъ личностей и коварныхъ интригановъ; онъ наблюдаетъ рѣдкія положенія, въ которыхъ никогда не находился, и узнаетъ, какъ въ такихъ случаяхъ думаютъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ фантастическія личности поэта. На основаніи всѣхъ законовъ психологій совершенно неизбежно должно случиться, что индивидуумъ, который не можетъ съ помощью собственныхъ наблюдений ограничить или исправить утвержденія автора, являющихся въ формѣ положительныхъ сообщеній, вполне довѣряетъ ему, занимаетъ у него представленія о жизни, дѣлаетъ его людей своими образцами, усваиваетъ его сужденія, симпатіи и антипатіи. Внушеніе путемъ романа и театра, какъ и всякое внушеніе, дѣйствуетъ сильнее на индивидуумовъ менѣ развитыхъ умственно и менѣ здоровыхъ, чѣмъ на индивидуумовъ значительныхъ, оригинальныхъ и вполне нормальныхъ: такимъ образомъ прежде всего на шаблонныя натуры, на юнойшей, женскія, истеричныя и слабыя нервами или умомъ. Я имѣлъ возможность непосредственно наблюдать это много лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Парижанка это въ полномъ смыслѣ слова созданіе французскихъ журналистовъ и романистовъ. Она буквально дѣлаетъ изъ нея, во всемъ, что касается души и тѣла, все, что хотятъ. Она говоритъ, думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ, мало того одѣвается и кривляется, стоитъ и ходитъ такъ, какъ желаютъ этого ея молодые писатели. Она является складной куклой въ ихъ рукахъ и совершенно пассивно подчиняется всѣмъ ихъ внушеніямъ. Какой-нибудь развращенный субъектъ съ испорченнымъ до отвращенія вкусомъ изображаетъ въ какой-нибудь книгѣ или журналѣ свой идеалъ женщины, какой могъ родиться именно въ такой разлагающейся атмосферѣ его вырождающейся фантазіи: шагая она должна припрыгивать, у нея непремѣнно долженъ быть фальцетъ, какъ у ребенка, глаза широко открыты и маленькій палецъ торчитъ отдѣльно отъ другихъ и изогнутъ во время ѣды. Тотчасъ всѣ читательницы спѣшатъ осуществить этотъ идеалъ, и скоро вы можете увидѣть обезьянъ, которыя семенятъ мелкими шажками, пищать, высокимъ голосомъ, поднимаютъ брови чуть не до середины лба, судорожно отгибаютъ маленькій палецъ отъ остальныхъ и своими фальшиво-дѣтскими манерами невыразимо противны всякому здоровому вкусу. При томъ-же это бываетъ не только сознательнымъ и намѣреннымъ ломаніемъ, но автоматической вошедшей въ натуру привычкой. Другой сатиръ пера, отупѣвшія чувства котораго пріятно щекочетъ представленіе женщины въ дѣтскомъ возрастѣ, пускается въ описаніе локоновъ, которые вьются на затылкахъ нѣкоторыхъ женщинъ; онъ говоритъ о нихъ въ нагихъ, ласкательныхъ выраженіяхъ, которыя

характеризуютъ чувственныя возбужденія, и восхваляетъ ихъ утонченными словами, настолько-же безстыдными, какъ нѣкоторыя взгляды и прикосновенія. Немедленно читательницы зачесываютъ внизъ волосы на затылкѣ, дѣлаютъ изъ нихъ косы и подобіе плотно закрученныхъ штопоровъ и ходятъ такъ съ висящими за спиной волосами, что придаетъ имъ обманчивое сходство съ кондоромъ или стервятникомъ. И все это дѣлается для того, чтобы имѣть видъ женщины, которую поэтъ изобразилъ наиболее способной эротически прельщать мужчину (конечно, такого, который вполне погрязъ въ пороки, но объ этомъ онъ не говоритъ). Точно такъ-же происходитъ дѣло и въ Германіи. Всякій, когдѣ присутствіе женщины не лишаетъ способности рассуждать и не заставляетъ отъ созерцанія перейти къ поклоненію, знаетъ, что женскіе типы Клоренса, а теперь Гольдэльзы и Гейдервалли создавали цѣлыя поколѣнія нѣмецкихъ дѣвушекъ и женщинъ по своему подобію. Къ счастью, создатели Гольдэльзы и Гейдервалли не были грязными развратителями народа, и типы ихъ, которые они давали какъ образецъ своимъ читательницамъ, совершенно свободны отъ упрековъ съ нравственной стороны, хотя они не правдивы, противоестественны и безвкусны. Мужчина въ гораздо меньшей степени, чѣмъ женщина, находится подъ влияніемъ внушенія со стороны поэзіи и театра: прежде всего потому, что онъ меньше читаетъ беллетристику, но и онъ не совсемъ избѣгаетъ ея влияния. Когда появились страданія юнаго Вертера, то Германія наполнилась Вертерами, подражавшими своему идеалу не только въ мысляхъ и чувствахъ, но дѣлавшихъ это совершенно искренно и доказывавшихъ свою серьезность многочисленными случаями самоубійства. До чего вредъ-ли могло-бы довести простое комедіанство. Во Франціи жертва любви и рока Антоній создалъ цѣлое поколѣніе Антоніевъ, а на Байронѣ лежитъ отвѣтственность за то, что въ тридцатыхъ годахъ весь культурный міръ кишелъ демоническими юношами съ блѣдными щеками, длинными волосами, широкими воротничками, открытымъ лбомъ и ужаснымъ, таинственнымъ взглядомъ. Поэты и рассказчики подобно библейскому Якову останавливаются передъ духовнымъ водопоемъ и вкладываютъ въ корыто дукки орѣшника, зеленого тополя и каштановаго дерева, содрать съ нихъ мѣстамъ кожу, и создаютъ такимъ образомъ порывистыя, пятнистыя и пестрыя поколѣнія.

Конечно, не было-бы ничего дурного, если-бы научно-беллетристическая литература давала толпѣ истинныя и здоровыя образцы. Но вѣдь этого она не дѣлаетъ. Поэтическая литература содержитъ за столь незначительными исключеніями, что ими можно пренебречь, однѣ лишь невозможности, неправдоподобія и аномаліи. Случаи, изображаемые ею, почти всегда исключительные случаи, которые не происходятъ никогда или очень рѣдко; люди, изображаемые ею, если они вообще мыслимы въ тѣлесной формѣ, принадлежатъ къ незначительному меньшинству; возрѣнія, чувства и дѣйствія, изображаемыя ею, болѣзненно преувеличены въ одномъ или въ другомъ направленіи и крайне отличаются отъ возрѣній, чувствъ и дѣйствій средняго человѣка, находящагося

въ состояніи душевнаго и нравственнаго развитія. Поэтическая литература это огромное собраніе исторіи болѣзней, изъ которыхъ одни по крайней мѣрѣ хоть добросовѣстно наблюдались, по значительное большинство измышлено дикою или необразованною фантазіей. — безконечное перечисленіе всевозможныхъ разстройствъ, могущихъ погнѣтить челоуѣка, начиная съ легкаго затѣмнѣнія способности сужденія перазумной страстью и кончая самымъ чудовищнымъ моральнымъ вырожденіемъ.

Таже газеты приобрѣли этотъ патологическій и исключительный характеръ. Новости, которыя онѣ сообщаютъ своимъ читателямъ, касаются убійствъ, умерщвленій, пожаровъ, желѣзнодорожныхъ катастрофъ, наводненій, землетрясеній, вообще всѣхъ тѣхъ событій, которыя въ культурныхъ странахъ изъ ста челоуѣкъ лишь одинъ видитъ собственными глазами разъ въ теченіе всей своей жизни. Да это и понятно. Нормальная жизнь по нынѣшнимъ понятіямъ не содержитъ ничего интереснаго, что стоило-бы сообщать. Кумъ Гинцъ хорошо выспался, съ аппетитомъ выпилъ утренній кофе, утромъ удовлетворялъ требованія своихъ клиентовъ и обѣдалъ съ аппетитомъ; все это обычно и не даетъ никакого матерьяла для какой-нибудь новости. Отмѣчается только то, что отклоняется отъ нормы, а это именно и есть элементъ исключительный, болѣзненный. Если-бы среди насъ очутился какой-нибудь мудрый оиванецъ, для котораго газета была-бы совершенно незнакомымъ учрежденіемъ, и взять въ руки номеръ, то онъ, навѣрно, спросилъ-бы: „Влагодородный хозяинъ, неужели мѣръ и челоуѣчество стали такъ дурны, что не совершаютъ ничего кромѣ преступленій? Развѣ боги гнѣваются на обитателей земли, что ихъ такъ преслѣдуютъ всѣ несчастія? И неужели всѣ народы посылаютъ каждой напасть другъ на друга войной?“ Только цѣвѣстія биржевыя и рыночныя, а также объявленія нѣсколько успокоили-бы его смущенную душу и показали-бы ему, что на ряду съ ужасами и волненіями изо дня въ день идетъ еще тихая и правильная жизнь.

А вѣдь романы и театръ въ своей высшей формѣ имѣютъ то-же направленіе, что газеты. Они занимаютъ лишь исключительнымъ и болѣзненнымъ. Беллетристическій хламъ грубо рассказываетъ о внѣшнихъ событіяхъ какого-нибудь необыкновеннаго характера: приключеніяхъ, неслыханныхъ случаяхъ и преступленіяхъ. Болѣе притязательная литература изображаетъ необыкновенныхъ людей и необычайныя душевныя состоянія. Для мало-образованнаго читателя работающіе для него писатели доставляютъ кровавыя исторіи и рассказы о привидѣніяхъ на страницахъ лубочныхъ изданій, въ лучшемъ случаѣ описаніе открытій, удивительныхъ приключеній среди морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, во время войны и кораблекрушеній; болѣе образованному читателю подносятъ страсти и внутренніе конфликты, которыхъ обыкновенно не встрѣтишь на улицѣ. Во всякомъ случаѣ предметомъ поэтическаго произведенія является нѣчто отклоняющееся отъ обычной судьбы людей. Различіе только въ томъ, что поэты по призванію лишь на столько удаляются отъ истины, что преувеличиваютъ ее или же дѣлаютъ произвольныя предпо-

ложения, но изъ нихъ выводятъ вѣрныя слѣдствія, въ то время какъ посредственности и подражатели, пытаясь изобразить дѣйствительность, не углубляютъ линий и не усиливаетъ красокъ. а просто невѣрно рисуютъ и пачкаютъ красками. Поэтъ никогда не имѣетъ права обратиться съ глубокомысленнымъ: „Tat twam asi“ (вотъ ты) индійскаго мудреца къ большинству своихъ читателей, онъ можетъ сказать это лишь читателю, тщательно выбранному и отысканному съ помощью діогеновскаго фонаря. Много-ли такихъ книгъ, которыя вслѣдъ за старымъ римляниномъ могли-бы повторить, обращаясь къ здоровому, нормально развитому человеку: „Басня рассказываетъ о тебѣ?“ Поищемъ влѣстѣ. Всякій германецъ, а, можетъ быть, всякій человекъ, достигшій высшего образования, отличается нѣкоторыми чертами Фауста: жаждой къ истинѣ и познанию, гложущимъ чувствомъ своей конечности. Но очень немногіе изъ насъ оцущаютъ эту жажду на столько мучительно, чтобы желать утолить ее содержимымъ „кристальной, чистой чаши“. Большинство дѣвушекъ склонны чувствовать въ извѣстный періодъ своего возраста такъ, какъ Юлія, но много-ли изъ нихъ доведетъ эксцентричность своей любви къ Ромео до того, чтобы пойти къ старому отшельнику и лечь въ гробъ? Реальныхъ мужей очень много и многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, имѣютъ больше основанія для мукъ и подозрѣній, чѣмъ Отелло. Но они все-таки не душатъ свою Дездемону, даже тогда, когда она не принадлежитъ къ вымирающему поколѣнію генераловъ и правителей. Я, съ своей стороны, зналъ въ дѣйствительной жизни только одного человека, который сдѣлалъ попытку осуществить внушеніе Шекспира. Но вся эта исторія была крайне испорчена тѣмъ, что Отелло былъ дворникомъ въ оптовой торговлѣ кофеемъ, предварительно запасся храбростью при помощи водки и не хотѣлъ вспомнить ни о чемъ, когда его задержали послѣ частичнаго осуществленія его намѣренія. А вѣдь нужно помнить, что упомянутыя къ качествѣ примѣра поэтическія произведенія относятся къ самымъ истиннымъ и наиболѣе общечеловѣческимъ во всей литературѣ. Если мы обратимся къ менѣе благороднымъ произведениямъ, то увидимъ, что дѣло обстоитъ еще хуже. Три веселыхъ мушкетера не жили никогда и въ наше время совершенно не могли-бы провести одну недѣлю своего существованія, сотканнаго изъ запретной любви, игры и дракъ, не вызвавъ преслѣдованій жандармовъ всего округа. Никому изъ миллионъ читателей не представилась возможность стать Робинзономъ Крузо, и добрый Пятница имѣетъ для насъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ Гекуба для актеровъ. Но развѣ совершенно нѣтъ поэзии, вполнѣ дѣйствительной, вполнѣ общечеловѣческой? Я могу отвѣтить совершенно искренно, что такой поэзии я не знаю. Даже Германъ и Доротея, это простое и чистосердечное изображеніе нѣмецкой мѣщанской жизни въ маленькомъ городкѣ, недѣйствительно, поскольку исходитъ изъ предположеній, которыя подтверждаются одинъ разъ въ столѣтія. Врядъ-ли приходится когда-либо видѣть, какъ цѣлыя общины со всѣмъ своимъ семействомъ покидаютъ родину и странствуютъ по землѣ, и потому Германъ не имѣетъ возможности найти Доротею у колодца, какъ въ патріархальное

время, и привести невѣсту въ качествѣ служанки въ отцовскій домъ. Въ существа, дѣйствующія на сценѣ и въ романахъ, суть люди съ луны, ярмарочныя диковинки съ рогомъ на лбу, бородатыя женщины, колдуны, карлики или великаны, все они одарены интересной судьбой, которая стоитъ того, чтобы ее показывать зѣвакамъ за пяточокъ, все они зашили въ свое платье драгоценную тайну. Да, поэзія не отражаетъ того обычнаго спокойнаго челоуѣчества, которое не особенно хорошо и не особенно дурно, которое хорошо считается и послѣ смерти оставляетъ завѣщаніе, если только что-нибудь остается. челоуѣчества, веселую суету котораго солнце освѣщаетъ на широкой землѣ.

Надѣюсь, никто не станетъ упрекать меня въ „натурализмъ“, который нѣкоторые современные французы выдаютъ за свое повѣйшее изобрѣтеніе. Я знаю, натурализмъ гордится тѣмъ, что изображаетъ лишь голую, истинную жизнь и работаетъ по „челоуѣческимъ документамъ“, т. е.—согласно наблюдаемымъ фактамъ. Но вѣдь это низкій обманъ и чистѣйшее надувательство. Писатели, спекулирующіе на натурализмъ, дѣлаютъ то-же самое, что дѣлалъ на моихъ глазахъ одинъ мелкій фотографъ въ маленькомъ гессенскомъ городкѣ. У него было большое количество старыхъ фотографическихъ карточекъ, которыя онъ купилъ съ аукціона во Франкфуртѣ за безцѣнокъ. Какъ только кто-нибудь изъ современныхъ личностей выступалъ на первый планъ и привлекалъ всеобщій интересъ, онъ тотчасъ вытаскивалъ снимокъ, соответствующій по его представленію вѣйшему виду модной знаменитости, и выдавалъ его за карточку соответствующаго лица. Такимъ путемъ онъ продавалъ въ 1878 году Дизраэли съ турецкимъ носомъ алкоголическаго характера, а спустя четыре года Гамбетту съ почтенной бородой пророка и мѣховымъ колпакомъ на головѣ. Дѣла его упали только тогда, когда онъ выставилъ подъ именемъ Гарфильда карточку одного господина, котораго онъ не зналъ, въ которомъ однако все узнали умершаго податнаго инспектора. Натуралистическіе писатели унасиждовали отъ своихъ предшественниковъ старый методъ: но такъ какъ направление нашего времени носить серьезный, научный, умственный характеръ, такъ какъ публика интересуется, или только думаетъ, что интересуется, лишь наблюденными фактами и научными опытами, то они даютъ своему методу такія модныя названія, какъ натурализмъ, экспериментальный романъ, людской документъ и т. д. Романъ Золя то-же самое, что романъ Сю, Прево или Скаррона: произвольно выдуманная исторія, которая имѣла мѣсто лишь въ фантазій автора и нигдѣ больше. Если одинъ писатель съ любовью копается въ навозѣ, а другой предпочитаетъ опрятное мѣстопробываніе, если одинъ изображаетъ пьяницъ, уличныхъ женщинъ и безумцевъ, а другой богатыхъ, знатныхъ и похвальныхъ, образцовыхъ граждавъ, то это просто личная особенность и нисколько не мѣняетъ метода. Итакъ, „натурализмъ“ такъ-же мало похожъ на природу и дѣйствительную жизнь, какъ идеализмъ или конвенціонализмъ, потому что всякая статистика учитъ насъ, что даже въ самыхъ развращенныхъ большихъ городахъ одна Нана приходится на сто жителей, и на пятьдесятъ мѣщанскихъ

жилищъ одинъ только „Assommoir“, что исторія Нана или Ассомуара для огромнаго большинства является неизвѣстнымъ исключительнымъ случаемъ и поэтому не имѣетъ значенія и что Нана и Ассомуаръ, даже если-бы они существовали въ дѣйствительности, даже если-бы они, чего никакъ нельзя допустить, были изображены безъ преувеличенія и произвольныхъ исправленій, то въ крайнемъ случаѣ могли-бы имѣть значеніе интереснаго „номера“ въ патологическомъ музее, но отнюдь не значеніе общепринятаго „людского документа“.

Но почему-же поэтическая литература, какъ натуралистическая, такъ и всякая другая, занимается лишь исключительными и болѣзненными явленіями? Одна причина, о которой я уже упоминалъ, лежитъ въ самомъ читателѣ: публика отнюдь не ждета найти въ книгѣ то, что она знаетъ безъ книги. Она ищетъ ощущеній, а ихъ можно получить при помощи перехода отъ настоящаго состоянія сознанія къ новому, путемъ прекращенія одного и возникновенія другого впечатлѣній. Наши чувства и наше сознаніе на столько свыклись съ отношеніями, въ которыхъ мы обыкновенно живемъ, что мы совсѣмъ не замѣчаемъ ихъ, точно такъ-же, какъ не замѣчаемъ атмосфернаго давленія, подъ которымъ постоянно находимся. Для того, чтобы вызвать возбужденіе нашего сознанія, писатель долженъ показать публикѣ неизвѣстныя отношенія и неизвѣстныхъ людей, а все это онъ можетъ, конечно, найти лишь внѣ обычнаго, внѣ большинства и его нормъ. Вторая причина не въ читателѣ, а въ самомъ поэтѣ. Въ настоящее время и уже съ давнихъ поръ авторомъ романа или драматическаго произведенія бываетъ постоянный обитатель какого-нибудь большаго города, находящійся подъ вліяніемъ его духовной и нравственной атмосферы. Онъ живетъ среди возбужденныхъ и, во многихъ отношеніяхъ, болѣзненно выродившихся людей. Не слѣдуетъ забывать, что житель большаго города представляетъ типъ, обреченный на гибель. Всякое семейство жителей большаго города вымираетъ въ третьемъ или въ четвертомъ поколѣніи, если только индивидуумы, приходящіе изъ деревни, не обновляютъ его крови и не дадутъ ему новыхъ жизненныхъ силъ. Особенно часто бываютъ среди нихъ первыя разстройства, число индивидуумовъ живетъ здѣсь на границѣ разсудка и безумія, фактъ, который такъ сильно привлекаетъ въ послѣднее время психологовъ и психіатровъ. Эти индивидуумы, правда, еще не совсѣмъ помѣшались, но уже и не вполне нормальны. Ихъ мозговые центры работаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Одни изъ нихъ ослабѣли и выродились, другіе неумѣренно возбудимы и неестественно преобладаютъ. Всѣ они чувствуютъ, думаютъ и дѣйствуютъ совершенно иначе, чѣмъ здоровые, сильныя люди. Легкія прикосновенія вызываютъ въ нихъ цѣлую бурю, ощущенія ихъ становятся страстями, надъ которыми разумъ не имѣетъ никакой власти, они обладаютъ эмоціональнымъ и импульсивнымъ характеромъ, они преувеличиваютъ любовь и ненависть; они полны странностей въ своихъ взглядахъ, непослѣдовательны во всѣхъ дѣйствіяхъ. Таковы люди, которыхъ постоянно имѣютъ передъ своими глазами писатели большихъ городовъ, люди, которыхъ они на-

блюдаютъ, къ которымъ сами они принадлежатъ большей частью. Ясно, что совместное проживаниеъ подобныхъ натуръ создаетъ проблемы, которыя не могли-бы возникнуть среди людей нормальныхъ. Отношенія притяженія и отталкиванія, внутренние и вѣшнiе конфликты, осложненія и катастрофы, совершенно инныя, чѣмъ среди здоровыхъ людей, въ жизни которыхъ роль постоянного регулятора играетъ солнечный свѣтъ и журчаніе ручейковъ въ долины, тѣнь горныхъ лѣсовъ и свободные вѣтры равнины, однимъ словомъ, господство и дѣятельность природы. Поэтъ большого города, живущій въ средѣ слишкомъ впечатлительныхъ и въ то-же время отупѣвшихъ, нервныхъ или истеричныхъ, сентиментальныхъ или испорченныхъ и распущенныхъ людей, которые на половину гени, на половину идиоты и которые всю жизнь колеблются между протянутыми къ нимъ руками психіатра и уголовного судьи,—теряютъ пониманіе человѣческой истины и въ концѣ концовъ не знаютъ, какъ отражается свѣтъ въ ясномъ, не помутившемъ глазу и какъ отражается онъ къ излишне возбужденномъ и выродившемся мозгу. Такъ пишутся романы Золя о послѣдственно-психической болѣзни, такъ написаны „Призраки“ Ибсена, точно такъ же пишутся всѣ эти преувеличенныя описанія любви, ревности и нарушенія брачнаго союза, которыя такъ-же чужды и непонятны крѣпкому и здоровому организму, какъ мигрень и желудочныя судороги малокровныхъ и хилыхъ индивидуумовъ.

И вотъ изображеніе всѣхъ этихъ отвратительныхъ страстей, страпностей и нарушеній умственного равновѣсія и нравственности показываютъ читателю, оно дѣйствуетъ на него, служить ему въ качествѣ orbis pictus, изъ котораго онъ узнаетъ міръ и людей, наконецъ служить ему образомъ, по которому онъ формируется самъ! Какъ-же можно помочь этому? Беллетристы предыдущихъ столѣтій, не жившіе въ большихъ городахъ и не страдавшіе нервами, давали своей публикѣ возбужденія, которыхъ она отъ нихъ требовала, въ формѣ грубыхъ повѣствованій, военныхъ и охотничьихъ приключеній или простыхъ сказокъ, которыя могъ принять за дѣйствительность только такой простофиля, какъ благородной донъ Кихоть. Для такого чтенія наши современники стали слишкомъ большими умниками, а краснокожіе, негры и очарованныя принцессы занимаютъ только дѣтей до двѣнадцати-лѣтняго возраста. Я не вижу никакого средства, которое могло-бы уничтожить зараженіе воображенія читателей беллетристическими разлагающими элементами; остается только государству запретить всѣмъ беллетристическимъ и драматическимъ писателямъ пребываніе въ большихъ городахъ и выслать ихъ въ мирныя деревни, къ здоровымъ поселянамъ, или же убѣдить писателей, чтобы они вмѣсто рѣдкихъ случаевъ описывали статистически установленныя массовыя факты, чтобы они давали народу психологію духа, а не его патологию, чтобы они писали вмѣсто книги о больномъ книгу о здоровомъ человѣкѣ.

Я боюсь только, что эта полезная и почтенная книга не найдетъ ни издателя, ни читателя.

Естественная история любви.

Чего только не сдѣлало внушеніе поэтической литературы съ самымъ важнымъ для сохраненія рода чувствомъ—любовью! Никакое другое основное человѣческое стремленіе такъ не прикрашивалось, не выходило изъ своихъ истинныхъ границъ и не извращалось, никакое другое психическое явленіе не подвергалось столькимъ поддѣлкамъ и систематическому омраченію.

Дошло до того, что испытываешь тяжелыя колебанія, когда приходится приняться съ холодной серьезностью и научнымъ безпристрастіемъ за изслѣдованіе любви, ея возникновенія, ея дѣлей, ея теченія и связанныхъ съ нею состояній сознанія. Всѣ эмоціональные мечтатели обоихъ половъ, которымъ искружила слабыя головы беллетристика, составляющая ихъ единственную духовную пищу, поднимаютъ ужасный крикъ и требуютъ, чтобы непочтительный анатомъ былъ побитъ камнями. Негодованіе противъ него не знаетъ границъ. Онъ и безсердечный циникъ, и душевный уродъ, которому природа отказала въ самыхъ возвышенныхъ ощущеніяхъ. Онъ преступникъ, погрѣшающій противъ женскаго величества, онъ нечестивецъ, святотатственно проникающій въ святая святыхъ любви. Такъ говорили о Шопенгауэрѣ и его продолжателѣ Гартманѣ; то-же самое сказала-бы о Дарвинѣ, Гербертѣ Спенсерѣ и Венѣ толпа мечтателей, если-бы только она читала и понимала этихъ мыслителей. Любовь не должна быть предметомъ безпристрастнаго изображенія; ей вѣчно должны воспѣваться восторженные днѣирамбы. Никто не имѣетъ права приближаться къ ней въ качествѣ наблюдателя, а лишь въ качествѣ влюбленнаго. Да будетъ мнѣ позволено сказать, что требованіе это неосновательно! Я могу говорить о голодѣ, не будучи голоденъ, и о страхѣ, не испытывая его. Мнѣ вѣдь позволительно хладнокровно изслѣдовать и описывать эти явленія, и этимъ я никому не дамъ права предполагать, что я не способенъ оцѣнить наслажденія хорошо сервированнаго стола, или испытывать ощущенія, вызываемыя въ чловѣкѣ сознаніемъ большой опасности, превосходящей средства его защиты. Почему нельзя трезво наблюдать любовь, не рискуя вызвать утвержденіе, что наблюдающій не способенъ ощущать, а, слѣдовательно, и понимать любовь? При изслѣдованіи голода или страха наличность этихъ ощущеній представляла-бы въ высшей степени неудобное

условіе. Нечего ожидать отъ голоднаго, что онъ станетъ методически опредѣлять вліяніе представленія жаркаго на свою первую систему какъ разъ въ то время, когда оно стоитъ передъ нимъ на тарелкѣ, а тотъ, кто испытываетъ страхъ, поступаетъ благоразумно, если думаетъ просто о бѣгствѣ, а не о самонаблюденіи. Точно также отъ влюбленнаго меньше всего можно было-бы ожидать, что онъ освѣтитъ намъ душевные процессы, совершающіеся во время любви. Сдѣлать это можетъ только посторонній наблюдатель. А ему цѣль никакого основанія становиться на колѣни, вращать глазами, а также впадать въ лирической экстазъ, говоря о любви. Именно потому, что она представляетъ могущественнѣйшее и наиболѣе значительное для человѣчества ощущеніе, слѣдуетъ разсматривать ее съ ясною головою и старательно избѣгать возбужденія и мечтательности, образности и цвѣтистой рѣчи, потому что такимъ образомъ нельзя ни видѣть, ни изображать дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ любви мы имѣемъ дѣло съ естественными явлениями, хотя влюбленные и не хотятъ признать этого. Въ человѣческомъ мозгѣ находится высшій половой центръ, отъ котораго зависятъ низшіе центры въ спинномъ мозгѣ и который въ свою очередь подвергается вліянію состояній возбужденія послѣднихъ. Въ томъ возрастѣ, когда система воспроизведенія рода вполне созрѣла и является мѣстомъ, въ которомъ совершаются энергичные процессы питанія, половой центръ мозга находится въ состояніи крайняго напряженія и впечатлительности: это дѣлаетъ его весьма чувствительнымъ ко всѣмъ раздраженіямъ. У натуръ эмоциональныхъ, при томъ у такихъ, умъ которыхъ ничѣмъ не занятъ, онъ оказываетъ рѣшающее, а иногда совершенно господствующее вліяніе на все сознаніе. Онъ вліяетъ на сужденія, на воображеніе, на волю, возбуждаетъ представленія, заимствованныя изъ области половыхъ отношеній, и придаетъ всей работѣ мозга одно направленіе; я сказалъ-бы: сообщаетъ ей половую полярность. Состояніе это субъективно ощущается индивидуумомъ, какъ любовный пылъ или любовное томленіе. Въ такомъ состояніи достаточно встрѣтиться съ индивидуумомъ другого пола для того, чтобы этотъ пылъ и томленіе попали объектъ и превратились въ любовь. Вся дѣятельность мозга, возбуждаемая тогда половымъ центромъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ любимое существо, которое воспринимается и разсматривается не какъ всякое другое, но соответственно органической потребности любящаго человѣка. Любимое существо является въ такомъ случаѣ куклой, которую одобряютъ и украшаютъ по своему вкусу.

Всякій здоровый индивидуумъ обладаетъ инстинктивнымъ бессознательнымъ ощущеніемъ свойствъ, которыми долженъ обладать индивидуумъ другого пола для того, чтобы путемъ соединенія съ нимъ его собственныя свойства уцѣлѣли и даже развились въ его потомкахъ. Чѣмъ болѣе образованъ, оригиналенъ и дифференцированъ данный индивидуумъ, тѣмъ сложнѣе качества, которыми онъ снабжаетъ ожидаемаго индивидуума другого пола. Если ему представляется выборъ среди многихъ, то онъ съ безошибочной вѣрностью выбираетъ того, который наиболѣе прибли-

жается къ его органическому идеалу, выработанному въ моментъ половой зрѣлости. Если-же для него нѣтъ выбора, то онъ довольствуется всякимъ, кто не на столько отличается отъ его идеала, что не можетъ уже возбуждать его половой центръ, и является для него безразличнымъ, какъ индивидуумъ собственного пола, животное или неодушевленный предметъ.

Чѣмъ ближе подходитъ какой-нибудь индивидуумъ къ органическому идеалу другого, тѣмъ быстрее, конечно, совершается процессъ отождествленія его съ этимъ идеаломъ; какъ только они болѣе или менѣе полно совпадаютъ другъ съ другомъ, сверкаетъ какъ-бы молнія и человѣкъ влюбляется тутъ-же на мѣстѣ въ первый моментъ и испытываетъ такое ощущеніе, какъ будто всегда зналъ и любилъ предметъ своей любви. Разъ есть нѣкоторыя отличія, то, повидимому, нужно еще совершить цѣлую работу, состоящую въ томъ, чтобы приспособиться, въ томъ, чтобы закрыть глаза на то или другое несоотвѣтствіе между идеаломъ и даннымъ индивидуумомъ и достигнуть въ душѣ возможнаго сближенія между ними. Въ этомъ случаѣ влюбляются постепенно, скорее или медленнѣе, въ зависимости отъ того, скорее или медленнѣе можно примѣнить данный предметъ къ идеалу любви. Во всякомъ случаѣ человѣкъ любитъ не другое существо, а идеаль, выработанный собственнымъ организмомъ. Любовный пылъ ничто иное, какъ желаніе воплотить свой внутренній идеаль, любовь—это убѣжденіе, что воплощеніе это найдено, любимое существо—это прозрѣнія внутренняго идеала во внѣшній міръ. Поэтому любовь индивидуума начинается со времени его половой зрѣлости и длится столько-же, сколько и она. Въ этомъ случаѣ идеаль органически выработанъ и живетъ въ теченіе всего времени половой зрѣлости, будетъ-ли онъ осуществленъ или нѣтъ, это не имѣетъ никакого значенія; онъ остается и ждетъ удобнаго случая, чтобы воплотиться; можно вѣдь любить въ воображеніи или потенциально, если не представляется случая полюбить въ дѣйствительности. Если человѣкъ не любитъ никакого определеннаго существа, то любить свой идеаль. Чѣмъ изменнѣе и проще идеаль, тѣмъ легче находить индивидуумъ его воплощеніе. Поэтому-то грубыя и простыя натуры влюбляются безъ труда и безъ труда замѣняютъ одинъ предметъ любви другимъ, въ то время какъ тонкія и сложныя натуры съ большимъ трудомъ находятъ въ жизни свой идеаль или нѣчто, къ нему приближающееся, съ большимъ трудомъ находятъ ему замѣстителя, когда онъ утраченъ.

Ухаживаніе дѣйствуетъ на половой центръ другого лица, какъ сильное раздраженіе, и индивидуумъ, служащій его объектомъ, можетъ подъ влияніемъ возбужденія своего полового центра легко потерять увѣренность инстинктивнаго чувства, подсказывающаго ему, что органически необходимо для сохраненія и развитія его свойствъ у потомковъ, и такимъ образомъ впасть въ заблужденіе, которое, однако, тянется не больше, чѣмъ ухаживаніе, т. е. нарушающее раздраженіе. Сознаніе своей ошибки вызываетъ стыдъ и униженіе, которые превращаются въ ненависть къ послужившему поводомъ индивидууму, и которые принадлежатъ

къ наиболѣе интенсивнымъ ощущеніямъ недовольства, на какія способенъ человѣкъ.

Здоровая и естественная любовь всегда ясно сознаетъ свою цѣль. Она есть желаніе обладанія, стремленіе къ физической связи, могущей вызвать созданіе потомства. У сильныхъ индивидуумовъ любовь вызываетъ достаточно сильные волевые импульсы для того, чтобы побѣдить противодѣйствіе другой воли и сломить всякое пренятствіе. У слабовольныхъ индивидуумовъ она не обладаетъ этой способностью, эмоція остается субъективной и не превращается въ дѣйствіа. Поэтому силу любви какого-нибудь индивидуума нельзя измѣрять успѣхами, которыя онъ дѣлаетъ для того, чтобы овладѣть любимымъ существомъ, потому что размѣръ этихъ успѣховъ зависитъ отъ силы его воли, а не отъ силы любви. Я долженъ при этомъ сдѣлать оговорку, что у здороваго и нормальнаго человѣка всѣ мозговые центры развиты почти равномѣрно, такъ что слабовольные индивидуумы врядъ-ли могутъ обладать сильными половыми центрами, а такіе, которые могутъ сильно любить, обыкновенно обладаютъ и сильной волей.

Различіе въ значеніи обоихъ половъ для сохраненія вида обуславливаетъ также соответственное различіе въ ихъ любовной жизни. Роль женщины несравненно важнѣе: ей предстоитъ дать весь матеріалъ для образованія новаго существа, вопли въработать его въ собственномъ организмѣ и передать ему прежде всего собственные качества, какія она получила отъ предковъ. Мужчина даетъ лишь импульсъ ко всей этой долгой и тяжелой, почти героической работѣ; впрочемъ, отъ качества этого импульса зависитъ до извѣстной степени качество работы, подобно тому, какъ тотъ-же самый динамитъ можетъ спокойно сгорѣть, или порывисто вспыхнуть, или-же взорваться съ страшной силой въ зависимости отъ того, будетъ-ли онъ зажженъ тлѣющимъ углемъ, горящей спичкой или-же взрывчатымъ веществомъ. Поэтому у женщины половой центръ сильнѣе развитъ, дѣятельность его болѣе живая и имѣетъ большее значеніе для совокупной дѣятельности мозга. Женщина обладаетъ болѣе отчетливо выраженнымъ идеаломъ органически необходимаго ей, дополняющаго ее мужчины. Ей труднѣе бываетъ отказаться отъ этого идеала и довольствоваться слишкомъ неподходящимъ суррогатомъ. Но разъ идеаль найдены, для женщины почти невозможно отказаться отъ него, и эмоція, которую она ощущаетъ вслѣдствіе живого возбужденія своего полового чувства, вытѣсняетъ изъ ея сознанія всякое другое содержаніе, такъ что она можетъ только любить: ея воля, сужденіе и фантазія подчиняются любви и она не допускаетъ никакой попытки мысленія бороться съ эмоціей путемъ разумныхъ представленій. Женщина инстинктивно ощущаетъ, что она не должна ошибиться, что ошибка могла-бы повести къ неприятымъ послѣдствіямъ для нея и потомства, что она во всякомъ случаѣ повлекла-бы за собой затрату немнѣрно большого количества органической работы; поэтому она очень недовѣрчива и опасается возможности такой ошибки. Съ другой стороны она обладаетъ способностью съ увѣренностью узнать, что она не ошиблась, если только нашла того, кого слѣдовало, и тогда уже ей легче отка-

заться отъ жизни, чѣмъ отъ избраннаго ею человѣка. У мужчинъ все это совершенно иначе. Мужчина легче можетъ ошибиться потому, что ошибка не влечетъ для него никакихъ органическихъ послѣдствій, и можетъ быть исправлена въ первую минуту, насколько дѣло идетъ лишь о его участіи въ сохраненіи рода. Потому идеаль дополняющей его женщины менѣе отчетливо вырабатывается, потому онъ влюбляется гораздо скорѣе и легче въ первую попавшуюся женщину. потому-то онъ болѣе непостояненъ, можетъ чаще любить, гораздо легче отказаться отъ избранной имъ женщины и безъ труда забыть ее. Потому-то дѣятельность полового центра не имѣетъ въ его мозговой дѣятельности такого важнаго значенія, и потому любовь его можетъ сравнительно легко не только умѣряться разсудкомъ, но подавиться и даже вполне уничтожиться имъ.

Вотъ въ общихъ и краткихъ чертахъ естественная исторія любви, какую можно наблюдать у вполне здоровыхъ и нормальныхъ индивидуумовъ обоихъ половъ. Но бывають-ли вообще случаи этой простой, истинной и цѣлесообразной любви въ тѣхъ кругахъ, духовную пищу которыхъ составляетъ беллетристика? Я серьезно сомнѣваюсь въ этомъ. То, что тамъ считаютъ любовью и выдаютъ за любовь, есть лишь подражаніе нездоровымъ и невѣроятнымъ состояніямъ, изображеніемъ которыхъ наполнены романы и драма.

Разстройства и заболѣванія полового центра принадлежать у высокоцивилизованныхъ людей къ очень частымъ явленіямъ. Родъ, обреченный на гибель, прежде всего испытываетъ пораженіе этого источника будущихъ поколѣній. Слабость, истощеніе и вырожденіе какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ расы и цѣлаго народа, прежде всего находятъ свое выраженіе въ аномальныхъ функціяхъ полового центра, такъ что любовь становится неестественной въ своей формѣ, силѣ и выборѣ предмета. Кромѣ того всякое разстройство нервной системы находитъ отраженіе въ половомъ центрѣ. Этотъ послѣдній даже у вполне нормальныхъ людей стремится къ тому, чтобы подчинить себѣ дѣятельность всего организма и употребить его для своихъ цѣлей, но сопротивленіе остальныхъ центровъ предупреждаетъ такое вмѣшательство. Если же мозгъ ослабленъ или вынестъ изъ должнаго равновѣсія, то половой центръ начинаетъ распорядиться безпрепятственно, наполняетъ своимъ возбужденіемъ все сознаніе, дѣлаетъ весь организмъ своимъ рабомъ и на развалинахъ разума и способности къ сужденію водружаетъ свое побѣдоносное знамя, которое принимаетъ видъ то юбки, то дурацкаго колпака, а по временамъ знамени и плети флагеллантовъ. Поэтическая литература въ особенности нашего времени изображаетъ вообще только такую нездоровую форму любви. Причину такого явленія я указывалъ въ предыдущей главѣ. Писатели или сами обладаютъ разстроенными нервами, или-же живутъ въ сферѣ большихъ городовъ, въ которой они не видятъ другихъ примѣровъ, кромѣ примѣровъ нарушеннаго органическаго равновѣсія. Если и не всякій поэтическій образъ страдаетъ ясно выраженнымъ любовнымъ помѣшательствомъ, то все они вмѣстѣ и каждый по отдѣльности принадлежатъ къ числу

обитателей той страны, которая съ одной стороны граничитъ съ полнымъ здоровьемъ, съ другою—съ душевною болѣзнию и о которой я говорить въ предыдущей главѣ. Въ изображеніи душевныхъ состояній и дѣйствій влюбленныхъ, какихъ можно найти въ беллетристикѣ, психіатръ найдетъ все признаки тѣхъ формъ душевнаго растройства, которые ему хорошо извѣстны. Обыкновенно существуетъ лишь легкій намекъ на опасные симптомы: но если только они нѣсколько усилятся, то создаютъ классическіе экземпляры эротической маніи, экстатического бреда, релігіознаго помѣшательства и другихъ болѣзней мозга, упоминаніе о коихъ неумѣстно передъ непосвященной публикой. Если только здраво разсуждающій и главное обладающій специальнымъ образованіемъ читатель разберется въ поэтической литературѣ, то ему покажется, что онъ находится въ клиникѣ. Одни только больные и хилые! Вотъ индивидуумъ, который при видѣ женщины теряетъ рассудокъ, сходитъ съ ума и дѣлаетъ самыя безумныя вещи: вотъ другой, который при видѣ перчатки или цвѣтка любимой имъ женщины переходитъ въ опасный экстазъ въ тихой или буйной формѣ. Тутъ любовь вызываетъ импульсы къ преступнымъ дѣйствіямъ, тамъ вызываетъ тоску и униженіе, тамъ намъ показываютъ то крайнюю перемѣчивость капризной холодности или внезапной нѣжности, то полное крушеніе характера и духа вплоть до самаго жалкаго безволія подъ влияніемъ страсти. И все эти причуды и странности, вся эта экзальзация и самоотреченіе, вся эта мечтательность и страстность, слабая похотливость и безумныя насилія выставляются, какъ вполне правильныя и нормальныя проявленія любви: ни слова не говорится о томъ, что дѣло идетъ о болѣзненномъ, исключительномъ случаѣ.

Такое чтеніе производитъ сильное и крайне вредное впечатлѣніе даже на здоровыхъ людей. Что-же говорить о нервно подготовленномъ и, быть можетъ, нѣсколько вышедшемъ изъ духовнаго равновѣсія, читателѣ, особенно о женщинѣ большихъ городовъ? Женщина склонна отъ природы считать любовь единственною цѣлью и содержаніемъ жизни человѣка, и эта увѣренность ея, которая, можетъ быть, для нея и основательна, но не приложима къ мужчинамъ, усиливается, когда она видитъ, что книги, изъ которыхъ она черпаетъ все свои познанія о мірѣ и людяхъ, не говорятъ ни о чемъ другомъ, кромѣ любви отъ первой до послѣдней строчки. Изображеніе борьбы изъ-за женщинъ и восторгъ по поводу побѣды доводятъ ея отъ природы преувеличенно мнѣніе о себѣ до маніи величія и до самообожанія, такъ что она на самомъ дѣлѣ готова вѣрить, что обладаніе ею доставляетъ неземное счастье, за достиженіе котораго мужчина можетъ заплатить лишь отреченіемъ отъ всехъ другихъ задачъ и цѣлей своего существованія. Она научается цѣнить людей лишь по ихъ способности къ любви, и она находитъ трогательнымъ и милымъ жалкаго, хилаго субъекта, слабоумный мозгъ котораго не можетъ оказать никакого сопротивленія его любовнымъ эмоціямъ и который „безъ руля и безъ вѣтрпль“ несется по потоку страсти: она боится, находитъ холоднымъ и безсердечнымъ человѣка здороваго и сильнаго, разумъ котораго сдерживаетъ его эмоціи, и который не только оста-

ется разсудительнымъ въ любовномъ возбужденіи, но и стѣдуетъ его внушеніямъ только на столько, на сколько они одобрены его разсудкомъ. Мягкую распушенность и жалкую дряблость она называетъ преданностью, а бодрую твердость, которая выражается въ самообладаніи и въ гордомъ сознаніи собственнаго достоинства, и которая оцѣниваетъ свое чувство такъ-же высоко, какъ и то, которое къ нему испытываютъ, она принимаетъ за отталкивающую грубость. Болѣзненное вырожденіе, дѣлающее изъ мужнины игрушку женщины и жертву собственнаго возбужденія, кажется ей признакомъ истинной мужественности, и ея воображеніе придаетъ герою ея любви такіе вѣщныя признаки, какъ блѣдные щеки, тоскующій взоръ, мечтательное чело, которые вовсе не относятся къ атрибутамъ мужского здоровья и бодрости. Она представляетъ себѣ, что глубокая и истинная любовь должна принять форму умопомраченія, она ждетъ отъ любви духовныхъ и тѣлесныхъ фокусовъ, безумныхъ изліяній въ прозѣ и стихахъ, вздоховъ, слезъ и лomanія рукъ, непонятнаго мистицизма въ рѣчахъ, выдумокъ, которыя никогда не придутъ въ голову ни одному разсудительному человѣку, и дѣйствій въ родѣ тѣхъ, которыя совершали неистовый Роландъ или-же Амадисъ Галлійскій. Для того, чтобы добиться признанія, любовь должна вести себя извѣстнымъ образомъ; тихое, сдержанное чувство, которое не болтаетъ и не жестикулируетъ, которое существенно не нарушаетъ интересовъ сна и питанія и вполне совмѣстимо съ исполненіемъ ежедневныхъ обязанностей,—не признается за любовь. Эту послѣднюю представляютъ себѣ въ видѣ бури; она должна появиться съ громомъ и молніей, влюбленный долженъ являться передъ своею возлюбленною, какъ Зевсъ передъ Семелою, а если появится иначе, то не будетъ принятъ за ожидаемаго бога.

Это еще не все. Беллетристика нарушаетъ естественный ходъ развитія чувства любви въ юномъ читателѣ и въ особенности въ читательницѣ. Можно принять за правило, что вмѣстѣ съ зрѣлостью организма начинается своя дѣятельность и половой центръ и вызываетъ въ сознаніи эмоціи и представленія эротическаго характера. У молодѣжи образованныхъ классовъ происходитъ наоборотъ. Чтеніе и искусство вносятъ въ нихъ сознаніе эротическія эмоціи и представленія, а эти въ свою очередь побуждаютъ половой центръ къ преждевременной, а потому вредной дѣятельности. Если любовный пылъ является слѣдствіемъ половой зрѣлости индивидуума, то организмъ имѣлъ достаточно времени для того, чтобы выработать идеаль партнера, котораго онъ считаетъ необходимымъ для своего дополненія; чувство становится увѣреннымъ и надежнымъ, влияние каприза ограничивается, и значительно уменьшается опасность ошибки во время рѣшающаго выбора. Если-же, напротивъ, эротическія представленія преждевременно внушены сознанію путемъ чтенія, то они захватываютъ организмъ врасплохъ, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выработать нужный ему идеаль, постороннее внушеніе нарушаетъ эту тонкую работу; организмъ уже не прислушивается къ собственнымъ смутнымъ голосамъ, а слушаетъ голосъ автора. Воображеніе беретъ образъ желаннаго индивидуума не изъ тайныхъ глу-

бишь клѣточекъ и тканей, а изъ страницъ романа; индивидуумъ не добивается увѣреннаго ощущенія нужнаго ему партнера, и случайная встрѣча можетъ быть губельной вслѣдствіе отсутствія внутренняго мѣрила, которое могло-бы ее истолковать. Женщина, читающая романы и посѣщающая театръ, не знаетъ, есть-ли чело-вѣкъ, приближающійся къ ней, дѣйствительно тотъ самый, кото-рый ей нуженъ, потому что у нея нѣтъ никакого органичес-каго идеала, а есть лишь воспоминанія о герояхъ романовъ и драмъ. Она смѣшиваетъ свои капризы съ истинными потребно-стями своего организма и съ легкимъ сердцемъ допускаетъ непо-правимыя ошибки, на всегда отравляющія женскую жизнь.

Среди образованныхъ классовъ въ особенности городского населенія, на 99 случаевъ изъ ста, то, что считаютъ любовью и выда-ютъ за любовь, есть не любовь, возникшая въ организмѣ, но лишь дѣйствіе поэтическаго внушенія. Если-бы любящіе этой категоріи никогда не читали никакихъ романовъ и не видѣли никакихъ сентиментальныхъ драмъ, то они, конечно, не очутились бы въ томъ состояніи сознанія, въ какомъ они находятся теперь, а если бы они на самомъ дѣлѣ были влюблены, то чувство ихъ выра-зилось-бы въ совершенно иныхъ мысляхъ, рѣчахъ и дѣйствіяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Они любятъ не половымъ центромъ, а памятью. Сознательно они нѣтъ, они играютъ салонную или будуарную комедію и повторяютъ серьезно и старательно всѣ тѣ сцены, описаніе которыхъ въ книгахъ и изображеніе на сценѣ запечатлѣлось въ ихъ фантазіи. Въ Парижѣ принято, что парочка влюбленныхъ отправляется въ медовый мѣсяцъ своей любви на могилу Элоизы и Абелира, этихъ извѣстныхъ и несчастныхъ влюб-ленныхъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ скрывается глубокой смыслъ. Вносивъ вѣроятно, что оба влюбленные обязаны своими отноше-ніями, которыя они воспринимаютъ, какъ пріятныя, мимнезисинге-рамъ двѣнадцатаго столѣтія, иначе говоря, любовнымъ исторі-ямъ, которыя воспѣвались поэтами подъ звуки арфы. Мужчина, котораго любить избранная женщина, не долженъ много вообра-жать о себѣ; она, въ сущности, любить не его личность и не свой органическій идеалъ, къ которому послѣдняя приближается, но романтическую фигуру, избрѣтенную какимъ-нибудь писате-лемъ, для которой она ищетъ подобія. Горе намъ, братья! Какъ это ни покажется оскорбительнымъ для нашего самолюбія, однако мы должны честно сознаться, что всѣ мы въ нашихъ любовныхъ похожденияхъ играли въ большей или меньшей степени роль Цетеля съ ослиной головой изъ „Сна въ лѣтнюю ночь“. Какъ извѣстно, Титанія влюбилась въ ослиную голову потому, что была подъ влияніемъ волшебныхъ цвѣтовъ. Оберонъ, который окропилъ глаза нашихъ Титаній сокомъ волшебныхъ цвѣтовъ, былъ просто поэтъ. Постоянно повторявшійся счастливый для насъ случай сдѣлалъ то, что мы встрѣчались съ Титаніями именно тогда, когда онѣ находились въ такомъ состояніи. Но будетъ-ли то Цетель или Скитъ, Титанія не любить ни одного, ни другого, а лишь внушенный ей шаловливымъ Оберономъ романтическій образъ подобно тому, какъ Фаустъ видѣлъ „съ этимъ волшебнымъ напитокомъ въ тѣлѣ“ во всякой женщинѣ идеальную Елену.

Многія поколѣнія шаблонно работающихъ писателей всѣхъ національностей приписывали парижанкѣ какую-то прелесть, какой-то шикъ или „chic“. Вслѣдствіе этого всякій простофиля, услышавъ это слово или увидѣвъ ее передъ своими глазами, разѣваетъ свой ротъ и начинаетъ моргать глазами. Попробуйте спросить этого идіота, что собственно онъ въ ней находитъ; тогда онъ будетъ неизмѣнно мычать одно слово, какъ теленокъ: chic, chic. Онъ видитъ въ парижанкѣ то, что убѣдили его видѣть въ ней прочитанныя имъ книги. Подобную-же рекламу (я не могу назвать этого иначе) сдѣлала литература актрисамъ и пѣвщицамъ, и потому эти особы являются предпочтительнымъ объектомъ любовныхъ мечтаній всѣхъ португей-юнкеровъ, гимназистовъ и утонченныхъ приказчиковъ. Женщинѣ литература внушила такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, только офицера, какъ достойнѣйшій объектъ любви, и поэтому двухцвѣтные мундиры должны-бы вѣшать въ храмахъ, посвященныхъ музѣ поэзии, благодарственные вѣнки, всякій разъ, какъ имъ удастся одержать побѣду надъ женскимъ сердцемъ.

Теперь пусть читатель разберется, если можетъ, въ тѣхъ любовныхъ отношеніяхъ, которыя возникаютъ въ окружающемъ его обществѣ и ведутъ или къ супружескому счастью, или къ шумнымъ катастрофамъ. Можно принять за правило слѣдующую схему: кто-нибудь изъ мужчинъ, принужденный сосѣдствомъ за столомъ или обязательствами, вытекающими изъ порядка танцевъ, занимаетъ болѣе или менѣе галантно какую-нибудь дѣвицу. Постѣдняя испытываетъ сперва удовлетвореніе по поводу произведеннаго ею впечатлѣнія (обыкновенно крайне преувеличеннаго), и ея польщенное тщеславіе приводитъ ее въ очень любезное и предупредительное настроеніе, которое опять-таки ложно истолковывается влюбленнымъ въ себя мужчиной. Тутъ уже прекращается работа случая и начинается свое дѣло внушеніе поэта. Онъ и она испытали легкое возбужденіе, воображеніе начинаетъ работать надъ шимъ, память вызываетъ образы всѣхъ извѣстныхъ влюбленныхъ паръ; всѣ лирическія стихотворенія, любовныя письма и признанія, когда-либо прочитанныя, начинаютъ бродить въ головѣ и выливаются въ словахъ или на бумагу, потомъ они начинаютъ возбуждаться еще болѣе, все сильнѣе погружаются въ эротическую роль, которую они начали играть, и, наконецъ, стоятъ передъ алтаремъ, гдѣ невидимый сонмъ писателей простираетъ благословляющія руки надъ головами пары, которую соединили они и только они одни. Потомъ слишкомъ часто оказывается, что она взяла въ исполнители роли своего героя крайне неподходящаго индивидуума, и обратно; въ такомъ случаѣ разыгрывается другая комедія, тоже внушенная поэтами,—будетъ-ли то нарушеніе супружеской вѣрности, или-же самоотреченіе и уходъ въ монастырь. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о фонографической любви, въ которой мужчина и женщина подобно остроумному инструменту американскаго изобрѣтателя повторяютъ металлическимъ голосомъ полишинеля всѣ тѣ слова, которыя прежде были сказаны имъ поэтами.

О, вы, знатоки любви, знающие самую суть страсти, патологи человеческого сердца, изобретатели неестественных положений, необычайных людей съ раздвоенной душой и неслыханными приключеніями. полюбуйтесь, что сдѣлали вы изъ самаго простаго, самаго истиннаго и самаго отраднаго человѣческаго побужденія. Подумайте, какъ грѣшны вы передъ всѣми нами!

Эволюціонная эстетика.

Гербертъ Спенсеръ говоритъ въ своей біологіи (я цитирую по англійскому оригиналу, II томъ, стр. 253): „Здѣсь я нахожу вполне умѣстнымъ указать на тотъ фактъ, что значительная часть того, что мы называемъ въ органическомъ мірѣ красотой, всегда зависитъ какимъ-нибудь образомъ отъ половыхъ отношеній. И это касается не только окраски и запаха цвѣтовъ, но также красиваго оперенія и пѣнія птицъ, что, по мнѣнію Дарвина, слѣдуетъ приписать половому подбору; кромѣ того, вѣроятно, что и окраска болѣе замѣтныхъ насѣкомыхъ отчасти обусловлена подобными-же причинами. При этомъ замѣчательно, что эти особенности, возникшія вслѣдствіе того, что они благопріятствовали произведенію лучшаго потомства и дѣлали одаренные ими организмы прямо или косвенно болѣе привлекательными другъ для друга, обыкновенно кажутся намъ наиболѣе привлекательными, безъ нихъ поля и лѣса потеряли-бы половину своей прелести. Было-бы также интересно наблюдать, въ какой мѣрѣ понятіе человѣческой красоты обязао своимъ возникновеніемъ тому-же фактору; кромѣ того, ежедневно повторяемое мнѣніе, что возникающій изъ половыхъ отношеній элементъ красоты преобладаетъ въ эстетическихъ произведеніяхъ, въ музыкѣ, драмѣ, разсказахъ и поэзій,—получаетъ новое значеніе, когда мы видимъ, какъ глубоко проникла эта связь въ органической мірѣ“.

Въ этихъ немногихъ строкахъ, нѣсколько неуклюжую форму которыхъ я сохранилъ въ переводѣ, заключены три или даже всѣ девять сивиллиныхъ книгъ естественной науки о прекрасномъ.

Человѣческой умъ, не исключая и толпы, постепенно привыкаетъ мыслить эволюціонно, т. е. видѣть во всякомъ явленіи извѣстный фазисъ развитія, который самъ по себѣ непонятенъ, но вслѣдствіе знакомства съ предыдущимъ становится понятнымъ и въ связи съ прошедшимъ имѣетъ гораздо менѣе таинственный видъ, чѣмъ если его разсматривать въ отдѣльности. Когда человѣческое мышленіе достигнетъ до такого состоянія, то очень немногія вещи будутъ производить на него столь комичное впечатлѣніе, какъ взгляды и попытки объясненій, составляющіе еще и теперь содержаніе официальной научной эстетики.

До сихъ поръ именно психологія по большей части не мыслила эволюціонно. Она разсматривала явленія душевной жизни

такими, какими они представляются намъ теперь, и старалась понять ихъ, не спрашивая, какъ они возникли, изъ какихъ простѣйшихъ началъ они развились до ихъ теперешней сложности. какая часть ихъ представляетъ изъ себя хилый пережитокъ и омертвѣвшіе остатки. а какая изъ нихъ заключаетъ жизненные стремленія.

Даже Кантъ, говоря о категоріяхъ, измѣняетъ своей привычкѣ къ прощительному и ясному мышленію и прибавляетъ къ нимъ мистическое замѣчаніе, что они представляютъ изъ себя формы мышленія, указывающія на сверхчеловѣческой и внѣ-человѣческой элементъ. Въ переводѣ на менѣе таинственный языкъ это просто значить, что формы человѣческаго мышленія: время, пространство и причинность, основаны не на опытѣ, т. е. не на чувственныхъ воспріятіяхъ индивидуума, но проникли въ сознаніе другимъ, нечувственнымъ путемъ и возникли вмѣстѣ съ нимъ. И онъ говоритъ это постѣ того, какъ Юмъ давно уже нашелъ объясненіе по крайней мѣрѣ для одной изъ этихъ категорій—причинности, которая, по его мнѣнію, возникла вслѣдствіе того, что человѣческой умъ видѣлъ постоянную послѣдовательность явленій и постепенно пріобрѣтъ привычку считать эту послѣдовательность ненарушимой и предполагать динамическія отношенія между явленіями. Съ тѣхъ поръ было доказано, въ особенности Бенномъ, Спеларомъ и Миллемъ, что представление пространства есть продуктъ оцущеній собственнаго движенія, переданныхъ мускульнымъ чувствомъ въ сознаніе. Въ послѣднее-же время изслѣдованіе рѣчи находится на вѣрномъ пути къ тому, чтобы изъ корней словъ, обозначающихъ въ настоящее время представленія времени, вывести доказательство того, что человѣкъ понималъ первоначально подъ словомъ время—день, продолжительность сіянія солнца, а вовсе не что-нибудь абсолютное, апріорное, лежащее внѣ солнечной системы, внѣ чередованія дня и ночи и время года, внѣ природы, представляющей послѣдовательность измѣненій.

То-же самое произошло съ моралью. Въ одинъ прекрасный день было открыто ея существованіе, было признано, что люди имѣютъ понятіе о добрѣ и злѣ, о добродѣтели и пороцѣ, и никому не пришло въ голову спросить, какъ могло развиться это понятіе естественнымъ путемъ. Но тотчасъ сдѣлали предположеніе, что это понятіе, въ томъ видѣ, какъ оно существовало, открыто людямъ какимъ-то божественнымъ существомъ. Теперь мы ужъ знаемъ, конечно, что нѣтъ ни добра, ни зла, которое было-бы такимъ само по себѣ, но что необходимость общественной жизни постепенно привела людей къ тому, чтобы считать дурными и порочными дѣйствія, вредныя для интересовъ общества, а тѣ, которыя для интересовъ его выгодны и желательны, называть хорошими и добродѣтельными.

Эстетика также не избѣжала общаго закона человѣческой послѣдственности, которая, какъ это ни удивительно, выдаетъ себя за глубокомысліе. Такъ какъ чувство прекраснаго, въ томъ видѣ, въ какомъ обладаетъ имъ человѣкъ въ настоящее время, не можетъ быть объяснено непосредственно какимъ-нибудь полезнымъ

вліяніемъ или вообще какимъ-нибудь доступнымъ чувствамъ процессомъ, то цѣлый рядъ философовъ, начиная съ Платона и кончая Фихте, Гегелемъ, Фишеромъ и Каррьеромъ, были готовы сдѣлать догматическое утвержденіе, что это чувство есть также одно изъ тѣхъ таинственныхъ явленій, которыя указываютъ на сверхчеловѣческое въ человѣкѣ, что это есть форма, въ которой конечный человѣческій духъ можетъ получить приближенное понятіе о безконечности, возвышенное предчувствіе нечувственного существа, которое лежитъ въ основѣ всякаго чувственного явленія,—и тому подобный вполнѣ безсодержательный наборъ словъ.

Народная мудрость говоритъ, что дураку не слѣдуетъ показывать недостроеннаго дома. Но это безусловно ересь. Совершенно наоборотъ: дураку не слѣдуетъ показывать построеннаго дома, потому что, увидѣвъ его въ готовомъ видѣ, онъ разинетъ ротъ и выпучитъ глаза и никакъ не сможетъ понять, какъ это онъ сталъ такимъ высокимъ, широкимъ и роскошнымъ: если-же ему показать этотъ домъ въ недостроенномъ видѣ, показать, какъ кладется камень за камнемъ, балка за балкой, то ему не будетъ трудно понять бытіе и возникновеніе этого чуда, его устройство и его цѣль, причину возникновенія его частей и форму ихъ. Извѣстный анекдотъ рассказываетъ, что англійскій король Георгъ III при видѣ клецокъ со сливами, предложенныхъ ему во время охоты на какой-то фермѣ, глубоко задумался и послѣ тяжелаго раздумья воскликнулъ: „Какимъ образомъ, чортъ побери, сливы попали въ клетку?“ Метафизика стоитъ передъ явленіями души совершенно въ положеніи Георга III передъ клетками изъ сливъ. Такъ какъ ей не кажется возможнымъ, чтобы слива могла естественнымъ путемъ попасть въ клетку, со всѣхъ сторонъ закрытую, то она обязательно предполагаетъ и сверхъестественный путь. Такимъ образомъ она доходитъ до вывода, что представленія времени и причинности должны представлять изъ себя прирожденныя, апріорныя штуцки, мораль—божественное откровеніе, а чувство прекраснаго—воспріятіе сверхчувственного и безконечнаго. Но тутъ явится эволюціонная философія и покажетъ со скромной мудростью кухарки, что клетку со сливами нельзя понять и объяснить тогда, когда онѣ, дымясь, появляются на столѣ, но что клетка, въ своей округлости безъ конца, и въ своей цѣльности безъ отверстія, не всегда была чувственнымъ образомъ вѣчности; что она вполнѣ естествена, а понятна образовалась изъ мягкаго тѣста, покрывшаго сливу, такъ что мистерія перестанетъ быть мистеріей.

Если кто хочетъ понять чувство прекраснаго, тотъ долженъ разсматривать его точно такъ-же, какъ мораль, представленіе времени, пространства и причинности; онъ долженъ изслѣдовать его не въ его шнѣшней законченности, но смотрѣть, какъ дошло оно до того, чѣмъ стало теперь. Въ настоящее время это чувство представляетъ нѣчто очень сложное, но первоначально оно было очень простымъ. Въ настоящее время мы называемъ прекрасными цѣлый рядъ явленій, имѣющихъ крайне разнообразный характеръ и относящихся къ различнымъ чувствамъ: музыку и картину, ландшафтъ и водопадъ, соборъ и морскую бурю, поэти-

ческое произведение и драгоценные камни. Точно так-же мы называемъ эстетическими цѣлый рядъ ощущеній, несходныхъ между собой: блаженный трепеть при видѣ клокочущаго водопада и веселое настроеніе при видѣ оберлендеровскихъ картинъ въ „*Fliegende Blätter*“, восторгъ при видѣ Венеры Милосской или какой-нибудь красивой постройки. Метафизическая эстетика выбивалась изъ силъ, желая свести это многообразіе къ единству. Это было напрасное усиліе, изъ котораго ничего не могло выйти. Для того, чтобы разнообразныя явленія сдѣлать подобными, приходилось лишать ихъ существенныхъ особенностей, къ одному прибавить то, что было у другого, у послѣдняго отнять то, чего не было у перваго. А гдѣ не помогала и эта поддѣлка и выравниваніе, тамъ ко всѣмъ явленіямъ дѣлали произвольное прибавленіе и устанавливали такимъ софистическимъ путемъ сходство, которое основывалось не на природныхъ чертахъ, а на искусственныхъ видоизмѣненіяхъ явленій. Мы пытаемся сдѣлать это при помощи болѣе честнаго метода; вмѣсто того, чтобы еще усерднѣе разбалтывать составныя части сложнаго феномена и дѣлать ихъ еще болѣе непонятными, но, повидимому, болѣе однообразными, подливая туда соусъ безконечности, мы напротивъ постараемся внимательно рассортировать ихъ и придать каждому изъ нихъ его первоначальный видъ.

Во всякомъ случаѣ всѣ эстетическія впечатлѣнія обладаютъ однимъ общимъ свойствомъ: всѣ они составляютъ противоположность непріятнымъ ощущеніямъ. Но пріятныя ощущенія, вызываемыя въ насъ разнообразными родами прекраснаго, вытекаютъ изъ различныхъ органическихъ источниковъ. Прежде чѣмъ мы доберемся до нихъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о пріятныхъ и непріятныхъ ощущеніяхъ. Къ ощущеніямъ пріятнымъ относятся тѣ, которыя возбуждаются впечатлѣніями или представленіями впечатлѣній, нужныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи для сохраненія рода или индивидуума, къ ощущеніямъ непріятнымъ принадлежатъ всѣ противоположныя. Это имѣетъ естественную и понятную причину. Существо, въ которомъ впечатлѣнія, угрожающія или вредящія его существованію, не вызывали никакихъ непріятныхъ ощущеній, не имѣло никакого основанія избѣгать этихъ впечатлѣній и вскорѣ должно было погибнуть отъ нихъ, такъ что не могло оставить никакого потомства и не могло имѣть своихъ представителей въ современномъ органическомъ мірѣ. Наоборотъ, существо, воспринимавшее вредныя или угрожающія впечатлѣнія, какъ непріятныя, имѣло достаточное побужденіе для того, чтобы избѣгать или отклонять ихъ, а вслѣдствіе этого предохранить себя отъ вреда и обезпечить себѣ правильное развитіе, въ которомъ заключается также и воспроизведеніе потомства. До сихъ поръ дѣло шло лишь о томъ, чтобы избѣгать всего вреднаго. Но этого не достаточно. Для того, чтобы развиваться очень успѣшно, организмъ долженъ былъ выискивать условія, которыя не только не вредны для него, не только безразличны, но именно желательны. Онъ долженъ былъ ощущать благопріятныя и полезныя впечатлѣнія, какъ пріятныя, и это должно было побуждать его желать ихъ и стремиться къ

нимъ. Чѣмъ сильнѣе были его ощущенія радости при полезныхъ впечатлѣнiяхъ, тѣмъ болѣе стремился онъ къ ихъ достиженiю, тѣмъ болѣе благопріятно влiяли они на его преуспѣваніе и развитіе. Такимъ образомъ современные организмы представляютъ результатъ подбора такихъ предковъ, у которыхъ впечатлѣнiя, угрожающія ихъ существованію, вызывали наиболѣе сильныя непріятныя ощущенія, а способствующія существованію—наиболѣе сильныя пріятныя ощущенія. Приведу только одинъ примѣръ для того, чтобы сдѣлать это утвержденіе нагляднымъ. Сами по себѣ всѣ запахи имѣютъ одинаковую цѣнность и между ними нѣтъ пріятныхъ или непріятныхъ. Запахъ разложенія и благоуханіе розъ отличаются другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ синій и зеленый цвѣтъ, звукъ трубы и флейты. Если-бы кромѣ обонянiя въ природѣ существовало-бы какое-нибудь вещество, на которое запахъ производилъ-бы впечатлѣнiе, подобно тому, какъ свѣтъ производитъ впечатлѣнiе на хлористое и бромистое серебро, такъ что можно было-бы устроить для запаховъ приспособленіе подобное тому, чѣмъ фотографическій аппаратъ является для свѣтовыхъ явленiй, то можно было даже самому нефилософскому уму показать очень легко, что запахъ гніенія есть самъ по себѣ такой-же запахъ, какъ и всякій другой, и производитъ непріятное впечатлѣнiе только на человѣческой нозѣ при его нынѣшнемъ устройствѣ. Замѣтимъ при этомъ, что запахъ разложенія присущъ обыкновенно жидкимъ и газообразнымъ тѣламъ, возникающимъ подъ влiянiемъ дѣятельности крошечныхъ существъ, которыя очень опасны для высшихъ животныхъ, въ то время какъ благоуханіе розы присуще цвѣтку, который растетъ на сухихъ, солнечныхъ мѣстахъ и цвѣтетъ въ прѣкрасное время года. Существо, для котораго оба запаха были-бы безразличны или которое предпочитало-бы даже запахъ гніенія, не избѣгало-бы мѣсты, гдѣ происходятъ процессы разложенія; оно вдыхало-бы ядовитыя газы, быть можетъ, даже ѣло-бы разлагающіеся вещества, содержащія трупный ядъ (такъ называемый „пштоманинъ“), приходило-бы въ соприкосновеніе съ микроорганизмами, которыя вызвали-бы въ немъ опасныя и даже легко могущія повести къ смерти болѣзни, и раньше или прежде должно было подвергнуться отравленію и погибнуть. Напротивъ, существо, въ которомъ запахъ разложенія вызывалъ непріятныя, а запахъ розъ пріятныя ощущенія, избѣгало всѣхъ вредныхъ послѣдствiй, сопровождающихъ первый запахъ, и отыскивало съ особеннымъ старанiемъ теплыя и солнечныя мѣста весной при солнечномъ свѣтѣ, что, конечно, было очень полезно для его здоровья. Оно преуспѣвало и создало сильное потомство, вслѣдствіе своей большей силы и плодovitости оно вскорѣ должно было вытѣснить потомство существа, которое не ощущало запаха гніенія, какъ непріятный, или даже ощущало, какъ пріятный, такъ что теперь есть только люди, въ которыхъ при здоровомъ состоянiи нервной системы запахъ гніенія вызываетъ непріятныя ощущенія, а запахъ розъ пріятныя. Затѣмъ дѣйствіе этихъ запаховъ усиливается подъ влiянiемъ возбуждаемыхъ ими воспоминанiй. Съ запахомъ гніенія мы соединяемъ представленіе о явленiяхъ, которыя связаны

со смертью и уничтоженіемъ организма, съ запахомъ розъ—представленіе времени года, въ которомъ питаніе первобытныхъ людей становилось обильнѣе, когда возвращалась теплота и когда вся жизнь его становилась вообще легче и пріятнѣе.

Правило, что всё ощущенія радости и горя, пріятныя и непріятныя, основаны на полезности и вредѣ вызывающихъ ихъ явленій, для индивидуума или вида не представляетъ никакихъ исключеній. Факты, приводимые для его опроверженія, были скверно наблюдаемы или невѣрно истолкованы. Удовольствуемся и тутъ только однимъ примѣромъ. Содержащія алкоголь, опьяняющія жидкости вызываютъ въ пьющемъ различныя пріятныя ощущенія, и однако очень вредны для его здоровья и для его жизни. Это такъ. Но почему-же алкоголическіе напитки такъ дѣйствуютъ? Потому что прежде, чѣмъ ослабить и ошеломить организмъ, они побуждаютъ нервную систему къ большей дѣятельности, вызываютъ интенсивное чувство силы, веселье, импульсы воли и богатыя представленія разсудка, т. е. такое состояніе, которое естественнымъ путемъ вызываютъ только обстоятельства, весьма способствующія здоровью и жизни индивидуума, а именно: прекрасное питаніе, достаточный отдыхъ, полное здоровье, пребываніе въ богатомъ кислородомъ воздухѣ, общество пріятныхъ товарищей, молодость, отсутствіе заботъ и опасеній и т. д. и т. д... Первобытный человѣкъ познакомился съ повышеннымъ настроеніемъ, представляющимъ собственно опьяненію, лишь въ сопрожженіи этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и долженъ былъ, согласно вышеприведенному закону, воспринимать ихъ, какъ пріятныя ощущенія. Только значительно позже, когда наслажденіе такимъ настроеніемъ превратилось у него въ органическую потребность, онъ изобрѣлъ вино и водку и получилъ возможность вызывать это крайне пріятное повышение мозговой и нервной дѣятельности при помощи другого вреднаго средства. Это случилось лишь нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ и въ это сравнительно короткое время не могло видоизмѣниться влеченіе, для образованія котораго человѣчество имѣло сотни тысячъ лѣтъ. Если-бы въ природѣ былъ готовый и легко доступный алкоголь, подобно водѣ и плодамъ, такъ что человѣкъ и его предки могли бы въ самомъ началѣ своей жизни познакомиться съ водкой и соединили-бы съ представленіемъ о ней представленіе приподнятаго настроенія, то всё существа, воспринимаяющія это настроеніе, какъ пріятное, и вслѣдствіе этого стремящіяся доставить себѣ его путемъ значительнаго употребленія всдки,—стали-бы пьяницами, испытали-бы на себѣ всё вредныя послѣдствія алкоголизма и очень скоро вымерли-бы; въ такомъ случаѣ въ наше время были-бы только люди, для которыхъ алкоголическія жидкости имѣли-бы такой отвратительный запахъ и вкусъ, какъ, напр., керосинъ или падалъ, и которые воспринимали-бы приподнятое настроеніе, вызванное алкоголемъ, какъ непріятное ощущеніе. Пріятныя ощущенія, вызываемыя въ насъ прекраснымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, имѣютъ то-же самое происхожденіе, что и другія пріятныя ощущенія. Они представляютъ изъ себя слѣдствіе того факта, что все воспринимаемое нами теперь, какъ прекрасное,

первоначально было полезно или благоприятно индивидууму или роду, или-же того, что живущія существа познакомились съ нимъ въ сопровожденіи полезныхъ или благоприятствующихъ явленій и органически связали ихъ съ воспоминаніемъ о послѣднихъ.

Явленія, воспринимаемая, какъ прекрасныя, распадаются естественно на два большіе класса. Они относятся или къ существованію индивидуума, или-же къ существованію рода. Къ первому классу принадлежитъ возвышенное, привлекательное и цѣлесообразное, ко второму—собственно прекрасное въ болѣе узкомъ смыслѣ и красивое. Эти пять формъ эстетическаго обыкновенно смѣшиваются, хотя по причинѣ ихъ отличія ихъ слѣдуетъ строго разграничивать. Мы будемъ по очереди изслѣдовать ихъ и постараемся понять, какъ связаны онѣ съ стремленіемъ къ самохраненію индивидуума и рода.

Возвышенное—это ощущение огромнаго несоотвѣтствія между воспринимающимъ индивидуумомъ и воспринимаемымъ явленіемъ, ощущеніе подавляющаго превосходства послѣдняго надъ первымъ. Все необыкновенно большое и могучее производитъ возвышенное впечатлѣніе. Въ основѣ ощущенія возвышеннаго лежитъ слѣдующее представленіе: въ сравненіи съ этимъ явленіемъ я ничтожество. Передъ этимъ явленіемъ силы мои незначительны. Борьбѣ съ нимъ, побороть его для меня вполне не возможно. Если-бы мнѣ пришлось бороться съ нимъ, я былъ-бы уничтоженъ! Это ощущеніе очень сродни страху и отличается отъ него собственно только тѣмъ, что на ряду съ сознаніемъ собственнаго безсилія оно содержитъ второе представленіе, что къ счастью вовсе нѣтъ надобности бороться съ могучимъ явленіемъ и что его подавляющее превосходство въ дѣйствительности не будетъ направлено на покореніе и уничтоженіе воспринимающаго индивидуума. Видъ горящаго Рима съ террасы императорскаго дворца можетъ вызвать ощущеніе возвышеннаго, потому что могучее явленіе не угрожаетъ наблюдателю. Но если-бы онъ находился среди пламени пожара, то то-же самое явленіе вызвало-бы въ немъ не чувство возвышеннаго, но смертельный страхъ. Прибой волнъ вызываетъ возвышенное чувство, если наблюдать его съ пляжа, но человѣку, который благодаря ему терпитъ крушеніе, онъ внушаетъ смертельный ужасъ. Тѣлесныя явленія, сопровождающія ощущеніе возвышеннаго, тѣ-же, которыя сопровождаютъ ощущеніе страха. Та-же самая угнетенность, то-же самое зампраніе сердца, то-же самое прерываніе дыханія, всѣ признаки возбужденія такъ называемаго *vagus'a*, тотъ-же самый трепеть, отъ котораго мурашки ползаютъ по спинѣ, та-же самая неподвижность, которую можно назвать мгновеннымъ параличемъ. У впечатлительныхъ натуръ при видѣ возвышеннаго проявляется оцѣпенѣніе, столбнякъ, точно такъ-же, какъ при видѣ ужаснаго, которое дѣйствительно угрожаетъ имъ. Такимъ образомъ возвышенное связало прежде всего съ инстинктомъ самохраненія индивидуума, а именно съ его привычкой ощущать себя, какъ противоположность внѣшняго міра, а этотъ послѣдній понимать, какъ возможнаго врага, и оцѣнивать шансы на побѣду и пораженіе въ случаѣ столкновенія.

Привлекательное есть ощущение, возбуждаемое явлениями, которые въ единицу времени производятъ большое число чувственныхъ впечатлѣній и побуждаютъ къ живої дѣятельности центры воспріятія, разума и разсудка. Обнаженная стѣна наводитъ скуку, потому что она даетъ лишь одно зрительное впечатлѣніе и не вызываетъ надобности въ болѣе живой дѣятельности мозга.

Напротивъ, богато украшенная стѣна дѣйствуетъ привлекательно, потому что она при каждомъ взглядѣ вызываетъ многочисленныя зрительныя впечатлѣнія и большую дѣятельность мозга, направленную на истолкованіе. Однообразное можетъ вызвать возвышенное впечатлѣніе, когда оно является въ огромномъ количествѣ, но привлекательно можетъ дѣйствовать только разнообразіе. Оно перестаетъ ощущаться, какъ привлекательное, только тогда, когда становится непонятнымъ и неяснымъ, когда не можетъ быть воспринято съ перваго взгляда и безъ труда истолковано разумомъ, а даетъ мозговымъ центрамъ напряженную работу, состоящую въ отыскиваніи, расчлененіи и анализѣ. Поэтому все спутанное и пзобилующее деталями перестаетъ быть привлекательнымъ. Само собою понятно, что разнообразное и въ томъ случаѣ перестаетъ быть привлекательнымъ, когда отдѣльныя части его сами по себѣ воспринимаются, какъ пріятныя. Такимъ образомъ стѣна, покрытая грязными пятнами разнообразной формы и величины, не будетъ производить привлекательнаго впечатлѣнія, не смотря на свое разнообразіе. Итакъ, привлекательное связано съ тѣмъ, что индивидуумъ испытываетъ пріятныя ощущенія, сознавая собственное существованіе. Но это сознаніе состоитъ изъ воспріятія впечатлѣній, а то, что даетъ много одновременныхъ и безъ труда воспринимаемыхъ впечатлѣній, придаетъ сознанію большую интенсивность, а индивидууму—болѣе богатое ощущеніе собственной жизни.

Цѣлесообразное воспринимается собственно не какъ прекрасное, а какъ успокаивающее, но такъ какъ и это послѣднее есть пріятное ощущеніе, то его легко можно смѣшать съ прекраснымъ. Цѣлесообразное это то, что понятно, что соотвѣтствуетъ человѣческому представленіямъ о законахъ явленій. Каменная пирамида, опирающаяся на свою вершину, не могла-бы быть воспринята, какъ прекрасная, потому что она показала-бы нецѣлесообразной: ея форма противорѣчитъ нашему представленію о законѣ тяжести и основанномъ на немъ законѣ равновѣсія. Мы испытывали-бы ощущеніе, что она не можетъ долго оставаться въ такомъ положеніи и скоро должна упасть. Подобное впечатлѣніе производитъ кривая башня въ Пизѣ. На нормальныхъ людей она производитъ непріятное впечатлѣніе, вызываетъ недовѣріе и опасеніе, т. е. непріятныя ощущенія. Домъ, массивные каменные этажи котораго опираются на нижній этажъ изъ тонкихъ желѣзныхъ колоннъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, потому что форма его кажется нецѣлесообразной. Если въ теченіе долгихъ вѣковъ люди привыкнутъ къ виду такихъ построекъ, въ которыхъ желѣзо и камень будутъ распределены подобнымъ образомъ, то у всѣхъ выработается ощущеніе, что небольшая масса желѣза обладаетъ

большой крѣпостью, побороть которой не могутъ гораздо большія массы камня и дерева. Тогда видъ широкихъ каменныхъ массъ, опирающихся на тонкіе желѣзные устои, не будетъ вызывать представленія чего-то абсурднаго и нецѣлесообразнаго; дома съ желѣзнымъ нижнимъ этажемъ и верхними каменными не будутъ восприниматься, какъ некрасивыя. Вѣдь теперь при видѣ дерева съ широко раскинувшимися вѣтвями мы не испытываемъ ощущенія чего-то некрасиваго, хотя оно и отклоняется отъ нашего основнаго представленія о твердо и увѣренно стоящемъ предметѣ, какъ о суживающейся фигурѣ, опирающейся на широкое основаніе. Мы знаемъ, какъ крѣпокъ тонкій стволъ по сравненію со всѣмъ деревомъ и какъ легка верхушка, несмотря на ея значительный объемъ. Эстетическое дѣйствіе цѣлесообразнаго связано съ стремленіемъ человѣка къ тому, чтобы понять явленія и открыть ихъ недоступныя чувствамъ законы. Онъ ощущаетъ неизвѣстное и непонятное, какъ нѣчто враждебное и страшное, какъ нѣчто угрожающее, передъ чѣмъ онъ безсиленъ. Напротивъ, понятное и разумное вызываетъ въ немъ искреннее и дружественное расположеніе. Поэтому цѣлесообразное, представляющее другое обозначеніе для извѣстнаго и понятнаго, возбуждаетъ ощущенія пріятныя, не цѣлесообразное—ощущенія непріятныя.

Мы видѣли, что возвышенное, привлекательное и цѣлесообразное связаны съ основными представленіями человѣка о противоположномъ, а, слѣдовательно, и враждебномъ отношеніи его къ виѣшнему міру, т. е. къ „не я“, и вызываютъ въ немъ стремленія къ самосохраненію. Теперь же мы увидимъ, что прекрасное въ болѣе узкомъ смыслѣ и красивое связано съ стремленіемъ къ сохраненію вида.

Какъ прекрасное, воспринимаются всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя тѣмъ или другимъ образомъ, непосредственно или вслѣдствіе соединенныхъ съ ними воспоминаній возбуждаютъ въ мозгу высшей половой центръ. Для мужчины основнымъ типомъ всего прекраснаго является женщина въ возрастѣ половой зрѣлости, женщина, способная къ размноженію, т. е. молодая и здоровая. Она даетъ его половому центру наиболѣе могучія возбужденія; появленіе ея и представленіе о ней даетъ ему наиболѣе интенсивныя пріятныя ощущенія, какія только можетъ дать вообще одинъ видъ предмета или представленіе о немъ. Ставшая совершенно органической привычка соединять появленіе женщины съ понятіемъ красоты и возбуждаемыми ею ощущеніями удовольствія побуждаетъ человѣчeskій духъ придавать форму женщины всякому пріятному или ощущаемому, какъ прекрасное, отвлеченному представленію. По этой-то причинѣ человѣкъ придаетъ форму женщины понятіямъ отечества, славы, дружбы, состраданія, мудрости и т. д., когда онъ самъ желаетъ олицетворить ихъ. Все это собственно не должно-бы имѣть значенія для женщины. Видъ или представленіе индивидуума ея пола не можетъ возбуждать ея половыхъ центровъ, и потому идеаломъ красоты для нея долженъ быть мужчина. Но мы видимъ, что женщина все-таки имѣетъ почти тѣ-же понятія о красотѣ, что и мужчина; это происходитъ оттого, что мужчина, какъ болѣе сильный организмъ, пере-

далъ женщинѣ свои взгляды при помощи внушенія и уничтожилъ ея собственныя воззрѣнія. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, понятіе красоты только „приблизительно“ одно и то-же у обохъ половъ, но отнюдь не вполне, и если-бы женщина обладала достаточной опытностью и привычкой къ тонкому самонаблюденію, расчлененію и изображенію состояній своего сознанія, она давно уже пришла-бы къ тому выводу, что ея эстетика во многихъ отношеніяхъ существенно отличается отъ эстетики мужчины.

Миловидное прямо или путемъ соединенныхъ съ нимъ представленій связано съ представленіемъ ребенка; оно возбуждаетъ связанное съ сохраненіемъ вида стремленіе любви къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, какъ миловидное, ощущается все маленькое, хорошенькое, дѣтски, беспомощное, въ особенности уменьшенныя изображенія извѣстныхъ предметовъ, которые въ дѣйствительности бываютъ обыкновенно гораздо больше. Такое уменьшеніе вызываетъ представленіе, что они такъ относятся къ дѣйствительнымъ предметамъ, какъ дѣти къ взрослымъ. У первобытныхъ народовъ и въ мало развитыхъ языкахъ можно найти слѣды такихъ воззрѣній. Индійцы на самомъ дѣлѣ думаютъ, что тачка есть дитя телѣги, а пистолеть на венгерскомъ языкѣ называется Kőlyök-puska (дитя ружья). Тѣлесныя явленія и рефлексъ, вызываемые миловиднымъ, очень сходны съ тѣми, которые бываютъ вызваны видомъ ребенка. Женщины находятъ миловидное такимъ, что имъ хочется его „расцѣловать“, и дѣйствительно испытываютъ непреодолимое стремленіе ласкать его характернымъ материнскимъ образомъ: взять въ руки, обнять и поднести къ губамъ.

Многія явленія затрагиваютъ вслѣдствіе распространенныхъ и разнообразныхъ ассоціацій идей, вызываемыхъ ими, одновременно и инстинктъ сохраненія индивидуума и вида, и различныя второстепенныя формы этихъ инстинктовъ и крайне разнообразно ощущаются, какъ прекрасное. Весна на лонѣ природы кажется, напримѣръ, въ одно и то-же время прекрасной, привлекательной и цѣлесообразной. Она возбуждаетъ половой центръ, потому что для первобытнаго человѣка и его органически ниже стоящихъ предковъ она была временемъ размноженія, доставляя человѣку болѣе обильное питаніе и давая ему возможность болѣе энергичной жизненной дѣятельности. Далѣе она привлекательна, потому что заключаетъ въ себѣ большое, но не подавляющее обиліе пріятныхъ въ отдѣльности явленій и вслѣдствіе этого доставляетъ въ данную единицу времени величайшее число чувственныхъ впечатлѣній, наконецъ она цѣлесообразна, потому что вызываетъ представленіе о благопріятныхъ для индивидуальной жизни условіяхъ.

Я говорилъ выше о различіяхъ въ эстетикѣ обохъ половъ. Эти различія органически обусловлены качествами половъ и раздѣленіемъ труда между ними въ нынѣшнемъ человѣчествѣ. Мужчина является въ видѣ представителемъ индивидуализма оригинальнаго развитія, а потому, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и эгоизма, заботящагося только о себѣ, и о другихъ только тогда, когда этого требуютъ собственные расчеты,—онъ борецъ съ природой и другими подобными ему; въ его борьбѣ изъ-за пищи и любви

ему приходится постоянно предупреждать опасности, бороться съ препятствіями и измышлять способы нападенія. У него поэтому особенно развитъ инстинктъ самосохраненія, потому что только этотъ инстинктъ учитъ его избѣгать опасностей и побуждать враговъ. Поэтому явленія, связанныя съ инстинктомъ самосохраненія, дѣйствуютъ на него сильнѣе, чѣмъ на женщину; все возвышенное, привлекательное и пѣлесообразное онъ чувствуетъ и ощущаетъ живѣе женщины. Напротивъ, женщина является въ видѣ носительницей наслѣдственныхъ качествъ; она призвана главнымъ образомъ къ ихъ сохраненію. Она не борется и потому менѣе подвержена опасностямъ и вовсе не нуждается въ особенномъ развитіи инстинкта самосохраненія; зато въ ней сильнѣе развитъ инстинктъ сохраненія вида и она сильнѣе, чѣмъ мужчина, воспринимаетъ впечатлѣнія, дѣйствующія на представленія половыя материнскія и вида. Такимъ образомъ она болѣе одарена чувствомъ прекраснаго въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ особенности чувствомъ миловиднаго, которое гораздо болѣе, чѣмъ прекрасное, относится къ специфически женскому инстинкту—любви къ дѣтямъ.

Первоначально ощущеніе красоты вызывается лишь естественными явленіями; искусство можетъ возбуждать это ощущеніе лишь на столько, на сколько ему удастся вызвать съ помощью своихъ средствъ представленіе такихъ естественныхъ явленій, которыя ощущаются, какъ прекрасныя. Къ средствамъ его относится: непосредственное подражаніе, символизированіе и приведеніе въ дѣйствіе механизма ассоціаціи идеи съ помощью представленій и чувственныхъ впечатлѣній. Такъ, слово можетъ вызвать ощущеніе возвышеннаго, когда оно создаетъ представленіе чего-нибудь сильнаго, неизмѣримо превосходящаго все человѣческое, напримѣръ, когда слово обозначаетъ Всемогущаго Бога, дѣйствіе огромныхъ силъ, управляющихъ естественными явленіями, сраженіе, человѣческую судьбу и т. д. Архитектура можетъ вызвать чувство возвышеннаго въ томъ случаѣ, если она создаетъ такія огромныя помѣщенія и постройки, что зритель чувствуетъ себя передъ ними такимъ-же маленькимъ и слабымъ, какъ передъ лѣсомъ или горой. Произведеніе искусства вызываетъ чувство пѣлесообразнаго въ томъ случаѣ, если форма его обнаруживаетъ свою цѣль и законъ своего возникновенія; а это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда она напоминаетъ намъ объ извѣстныхъ естественныхъ явленіяхъ, съ цѣлью которыхъ мы познакомились на опытѣ и законы возникновенія которыхъ мы открыли, за исключеніемъ ихъ конечныхъ основаній.

Органическія формы животныхъ и растеній, очертанія кристалловъ и группировка большихъ массъ подъ влияніемъ механическихъ законовъ, вотъ самыя близкія и понятныя для насъ естественныя явленія, которымъ должны быть подобны произведенія искусства для того, чтобы они были поняты нами, какъ пѣлесообразныя, и ощущаемы, какъ прекрасныя. Каждое искусство въ отдѣльности не можетъ дать всѣхъ эстетическихъ впечатлѣній, но лишь впечатлѣнія, связанныя съ тѣми явленіями, которымъ оно можетъ подражать и о которыхъ можетъ вызвать

воспоминаніе. Архитектура, напримѣръ, не можетъ дать впечатлѣнія прекраснаго, въ болѣе узкомъ смыслѣ, т. е. возбудить половой центръ; это можетъ произойти только вслѣдствіе примѣненія скульптурныхъ украшеній, что уже не относится къ строительному искусству. Музыка не можетъ вызвать впечатлѣнія милости, потому что она не можетъ ни подражать существеннымъ дѣтскимъ чертамъ, ни привести къ нему путемъ ассоціаціи идей и т. д.

Вотъ основныя черты естественной эволюціонной эстетики; какъ видитъ читатель, она не нуждается ни въ какихъ сверхчувственныхъ элементахъ для объясненія ощущенія прекраснаго. И если терпѣливый систематикъ пожелаетъ растянуть эти основныя мысли на три огромныхъ тома, то я желаю ему успѣха.

Симметрия.

Начнем съ констатированія того факта, что въ природѣ нѣтъ ни одного примѣра полной симметріи, т. е. формы, состоящей въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ мысленной средней линіи повторяется тс-же строеніе. Даже тѣ естественныя явленія, въ которыхъ человѣкъ при малѣйшемъ измѣненіи можетъ увидѣть законъ равномерности, какъ-то: кристаллы; цвѣты, листья, дѣлящіяся на двѣ половинки, животныя, развивающіяся влѣво и вправо отъ продольной оси, въ дѣйствительности не вполнѣ симметричны и не могутъ быть раздѣлены на двѣ или нѣсколько частей, совершенно покрывающихъ другъ друга. Все, что мы можемъ воспринимать своими чувствами, неправильно. Всегда оно болѣе или менѣе отклоняется отъ плана, который далъ-бы ей человѣческой умъ и при томъ отклоненій этихъ никогда нельзя предвидѣть; всегда все съ большей или меньшей силой противится закону, который намъ хотѣлось-бы навязать ему. Ни одно изъ небесныхъ тѣлъ не имѣетъ математически круглой формы, ни одинъ путь, проходимый планетой, не подходитъ точно къ приписываемой ему математической формулѣ. Ни одно человеческое лицо не имѣетъ того-же вида справа и слѣва, ни одна птица не имѣетъ совершенно одинаковыхъ крыльевъ. И эта повсемѣстная асимметрия царствуетъ не только среди явленій, которыя мы воспринимаемъ простымъ глазомъ, но также въ самомъ скрытомъ и внутреннемъ расположеніи матеріи и въ особенности въ ея органическихъ соединеніяхъ. Тотъ фактъ, что солнечный лучъ отклоняется отъ своего пути подъ различными углами, проходя черезъ растворы органическихъ веществъ, и что одно и то-же тѣло, которое, повидимому, обладаетъ однимъ и тѣмъ-же химическимъ составомъ, отклоняетъ лучи одинъ разъ направо, другой разъ—налѣво,—приведень Пастеромъ, какъ доказательство того, что атомы расположены въ молекулахъ асимметрично. Причину этого явленія онъ видитъ въ томъ, что природныя силы, вызывающія группировку атомовъ и молекулъ, т. е. теплота, свѣтъ, электричество, притяженіе и т. д.—асимметричны. Онъ развиваетъ это положеніе дальше и рѣшается утверждать, что жизнь есть въ конечномъ счетѣ асимметрия и что мы только тогда получили-бы возможность варить изъ простѣйшихъ ве-

щество живыя существа въ ретортахъ, если-бы научились пользоваться асимметрическими силами.

Я сознаюсь, что мысли эти относятся, повидимому, болѣе къ мистикѣ, чѣмъ къ химіи, механикѣ и биологіи. Я не понимаю, что слѣдуетъ разумѣть подъ асимметрической силой или факторомъ. Но какова-бы ни была причина, фактъ остается на лицо: природа не знаетъ симметріи. Симметрія—изобрѣтеніе человѣческаго духа, который не могъ найтти въ природѣ ея образца. Онъ создалъ ее вполнѣ изъ самого себя. Искусство обладаетъ инстинктивнымъ сознаниемъ невѣрности этого отношенія и въ своихъ высшихъ напряженіяхъ старается слѣдовать капризной съ виду асимметріи природы. Какъ только оно становится симметричнымъ, тотчасъ перестаетъ дѣйствовать привлекательно. Природа создаетъ потокъ, змѣвидный бѣгъ котораго повсюду представляетъ различныя линіи; искусство прокладываетъ каналъ, который представляетъ осуществленіе геометрической формулы и который на всемъ протяженіи не обнаруживаетъ никакихъ непредвидѣнныхъ отступленій отъ легко уловимаго закона его образования. Въ дикомъ лѣсу каждый шагъ приноситъ неожиданность, и стоитъ только повернуть голову, чтобы получить новое впечатлѣніе, а французскій садъ похожъ на коверъ, на которомъ на каждомъ квадратѣ повторяется одинъ и тотъ-же узоръ и который, будучи вполнѣ развернутымъ, кажется бѣднымъ, хотя первый футъ казался полнымъ разнообразіемъ. Человѣческій вкусъ наслаждается асимметрией и получаетъ непріятныя ощущенія отъ симметріи. При этомъ, если онъ не испорченъ и не извращенъ, то и въ человѣческихъ произведеніяхъ предпочитаетъ асимметрическое приближеніе къ природѣ симметрическимъ произведеніямъ. Мы находимъ дорогу, извивающуюся прихотливыми изгибами по горамъ и равнинамъ, гораздо болѣе прекрасной, чѣмъ вытянутую по прямой линіи желѣзную дорогу; англійскій паркъ съ его искусственной дикостью гораздо болѣе привлекательнымъ, чѣмъ садъ Ленотра, моррисовскій коверъ съ небрежно вьющимися цвѣтами и листьями болѣе привлекательнымъ, чѣмъ французскіе обои въ стилѣ рококо; готическій соборъ, въ оконныхъ розеткахъ и орнаментахъ котораго свободно царствуетъ творческая фантазія строителя, въ которомъ одинъ витражъ не похожъ на другой и одна часть лѣпныхъ украшеній не похожа на другую, мы находимъ безконечно болѣе привлекательнымъ, чѣмъ греческій храмъ, въ которомъ одна колонна ничѣмъ не отличается отъ другой, который спереди такой-же, какъ сзади, и слѣва такой-же, какъ справа, и который можно поворачивать на всѣ стороны, какъ хорошее сукно, не измѣняя его вида. Мы удивляемся портрету, который вѣрно передаетъ всѣ неправильности индивидуальной формы лица, и смѣемся надъ модной картинкой, изображающей мучительно симметрическую идеальную головку безъ всякаго выраженія. Именно асимметрический характеръ обезпечилъ японскому искусству такой большой успѣхъ въ Европѣ. Будучи рабскимъ подражателемъ природы, оно слѣдуетъ ей въ ея кажущейся произвольности. Оно презираетъ шаблонъ,—это изобрѣтеніе людей, которые въ болѣе мѣрѣ обладали спекулятивными способно-

стями, чѣмъ чувствомъ прекраснаго,—и не коверкаетъ никакой человѣческой личности несвойственными ей правилами.

Но такъ какъ симметрія не представляетъ изъ себя естественнаго продукта и не ощущается, какъ нѣчто прекрасное, то слѣдуетъ задать вопросъ, какъ нѣчто прекрасное, то какой потребности его она отвѣчаетъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать основныя свойства человѣческаго мышленія.

Мы прежде всего привыкли мыслить причинно. Мы предполагаемъ, что за чувственно воспринимаемыми явлениями находится не доступный чувствамъ и непосредственному наблюдению элементъ, который мы, смотря по желанію, можемъ назвать причиной, достаточнымъ основаніемъ, закономъ, и которому различныя философы давали различныя имена, такъ, на примѣръ, Шопенгауэръ называлъ волей, Фрошгаммеръ—фантазіей и т. д. Никто до сихъ поръ не воспринималъ тѣлесно причины, какъ таковой. Люди наблюдали лишь явленія, которыя слѣдовали другъ за другомъ безъ всякой дѣйствительной связи. Соединеніе ихъ при помощи нечувственной связи причины и дѣйствія происходитъ исключительно при помощи нашего мышленія. Мы видимъ молнію и слышимъ громъ. Мы замѣчаемъ также, что они обыкновенно слѣдуютъ другъ за другомъ. Однако мы не слышимъ и не видимъ, чтобы отъ молніи начиналась цѣпь и влекла за собой громъ, ни одно изъ чувствъ не сообщаетъ намъ объ этомъ, давая знать нашему сознанію о явленіяхъ грома и молніи, и лишь нашъ мозгъ создаетъ эту цѣпь изъ собственного матерьяла.

Привычка къ причинному мышленію довела даже до того, что мы приписываемъ большее значеніе нечувственному, въ дѣйствительности воспринимаемому элементу явленія, его предполагаемой или вымышленной причинѣ, чѣмъ самому явленію. Это вполне естественно. Планъ, который мы помѣщаемъ въ основѣ явленія, есть продуктъ нашего мозга и можетъ быть воспринятъ нашимъ сознаніемъ безъ посредства чувствъ, въ то время, какъ само явленіе совершается внѣ нашего сознанія и доставляется въ сознаніе лишь при помощи чувствъ. И, конечно, этотъ самостоятельно созданный, возникающій непосредственно передъ глазами мыслящаго „я“, а воспринимаемый безъ помощи чувствъ, элементъ долженъ показаться этому „я“ болѣе дѣйствительнымъ, существеннымъ и живымъ, чѣмъ явленіе, совершающееся за предѣлами нашего „я“ и не вполне воспринятое имъ. Поэтому, если явленіе, какъ его воспринимаютъ и сообщаютъ сознанію наши чувства, не вполне соотвѣтствуютъ плану или закону, созданному нашимъ мозгомъ, то мы спокойно приносимъ явленіе въ жертву закону, мы поддѣлываемъ первое для того, чтобы спасти послѣдній, и болѣе вѣримъ внутренней работѣ мозга, чѣмъ чувствамъ, и заставляемъ наше воспріятіе приспособиться къ нашему измышленію. Мы видимъ, на примѣръ, кристаллъ какой-нибудь простѣйшей формы, положимъ, кубъ. Три стороны его правильны, остальные нѣтъ. Но въ нашемъ мозгѣ мы создали для этого явленія планъ, содержащій шесть одинаковой величины

четырёхугольныхъ площадей, двѣнадцать одинаковой длины реберъ и восемь трехгранныхъ прямыхъ угловъ. Кристаллъ, созерцаемый нами, не соотвѣтствуетъ этому, вымышленному нами, плану. Мы ни минуты не колеблемся признать наше измышление правильнымъ, а явленіе неправильнымъ и говоримъ: „Этотъ кристаллъ долженъ быть сдѣлаться кубомъ. Матерія отстала отъ мысли, но наше дѣло помочь ей и придать форму, которую она хотѣла принять, но не могла“. Такимъ образомъ въ явленіи, которое существуетъ само по себѣ и совершенно отлично отъ куба, мы видимъ совершенно спокойно и беззаботно кубъ.

Теперь мы находимся въ самой сокровенной мастерской человѣческой мысли, и я прошу читателя удѣлить мнѣ немного терпѣнія для того, чтобы мы могли болѣе точно осмотрѣться въ ней. Вниманіе составляетъ необходимое условіе работы сознанія. Подъ вниманіемъ слѣдуетъ понимать болѣе интенсивную дѣятельность опредѣленныхъ нервныхъ волоконъ и клѣточекъ въ мозгѣ, дѣятельность, обусловленную болѣе обильными приливомъ крови, въ то время, какъ остальные сосуды и клѣточки получаютъ меньше крови, слабѣе питаются и вслѣдствіе этого находятся въ полномъ покоѣ или-же работаютъ вяло. Болѣе сильное чувственное впечатлѣніе производитъ въ предназначенныхъ для его воспріятія мозговыхъ волокнахъ и клѣточкахъ болѣе сильное раздраженіе и пробуждаетъ ихъ изъ ихъ покоя, болѣе слабое впечатлѣніе позволяетъ имъ оставаться въ праздности. Такимъ образомъ болѣе сильное впечатлѣніе возбуждаетъ наше вниманіе и доходитъ до сознанія, а болѣе слабое не достигаетъ его. Въ статьѣ о гениі и талантѣ мы уже видѣли, что въ явленіяхъ мы сознательно воспринимаемъ только тѣ элементы, которые сильнѣе всего раздражаютъ наши чувства, а слѣдовательно, возбуждаютъ наше вниманіе. При этомъ я привидѣлъ въ примѣръ картину, писанную масляными красками. Въ этомъ, очевидно, очень сложномъ явленіи оптической элементъ сильнѣе всего раздражаетъ наше зрительное чувство и воспринимается сознательно; другіе-же элементы, напримѣръ, запахъ масла, слабѣе; они недостаточно возбуждаютъ соотвѣтственные чувства. Въ данномъ случаѣ, обоняніе, соотвѣтственные центры воспріятія, не испытываютъ достаточно сильнаго раздраженія для того, чтобы пробудить вниманіе. Такимъ образомъ сознаніе не узнаетъ ничего о другихъ элементахъ явленія, которое мы называемъ „масляная картина“, и когда начинаетъ вырабатываться представленіе о ней, то сознаніе повторяетъ лишь зрительное впечатлѣніе и пренебрегаетъ воспріятіями другихъ чувствъ, не дошедши ми до вниманія. То-же самое повторяется при воспріятіи и представленіи всѣхъ явленій. Въ каждомъ изъ нихъ преобладаетъ одинъ элементъ въ то время, какъ другіе выражены слабѣе, а слѣдовательно, менѣе возбуждаютъ вниманіе. Съ той-же произвольностью, съ которой мы предполагаемъ въ основѣ явленій нечувственную причину, мы дѣлаемъ изъ преобладающаго элемента явленія—его существенный элементъ и, при его воспріятіи и представленіи, пренебрегаемъ остальными элементами. Въ естественномъ кубическомъ кристаллѣ, напр., соли, преобладаетъ

элементъ кубическаго образованія. Нѣсколько болѣе или менѣе правильныхъ поверхностей, реберъ и угловъ возбуждаетъ наше вниманіе, и мы уже не замѣчаемъ неправильныхъ площадей и реберъ, недостающихъ угловъ и вообще всѣхъ отклоненій отъ кубической формы. Вслѣдствіе этого мы воспринимаемъ въ явленіи неправильнаго кристалла соли только его преобладающій элементъ, а именно кубическую форму, и представляемъ себѣ только ее, хотя вполне ясно, что и его слабѣе выраженные элементы, обуславливающіе его неправильность, имѣютъ такое-же существенное значеніе для индивидуальнаго кристалла соли, который находится передъ нами, какъ и тѣ части, которыя образованы соотвѣтственно съ предполагаемымъ планомъ.

И нашъ мозгъ представляетъ крайне несовершенное орудіе. Онъ построенъ такъ, что не всѣ его волокна и клѣточки въ одно и то-же время достаточно снабжаются кровью, достаточно питаются и возбуждаются, для того чтобы достигнуть той ступени дѣятельности, которая проникаетъ въ наше сознаніе, какъ вниманіе. Лишь одна часть мозга работаетъ вполне, въ то время какъ другая находится болѣе или менѣе въ покоѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого несовершенства является то, что мы не можемъ быть одинаково внимательны ко всѣмъ элементамъ явленія, не можемъ одинаково воспринимать всѣхъ ихъ, но замѣчаемъ лишь выраженные наиболѣе сильно, тѣ, которые наиболѣе раздражаютъ наши чувства и вызываютъ приливъ крови къ связаннымъ съ испытанными раздраженіемъ чувствами волокнамъ и клѣточкамъ и, слѣдовательно, возбуждаютъ вниманіе этихъ чувствъ.

Одинъ элементъ, наиболѣе раздражающій наши чувства, представляется намъ заключающимъ въ себѣ все явленіе, и планъ, приписываемый нами этому одному элементу, мы примѣняемъ ко всему явленію. Такъ объясняется наша склонность къ систематизированію явленій, къ сведенію ихъ къ простѣйшимъ формуламъ. Ибо что такое схема? Это формула, которую мы кладемъ въ основу произвольно избраннаго элемента явленія и въ рамки которой мы стремимся втиснуть и остальные элементы, хотя въ дѣйствительности они всѣми силами противятся этому. Эта склонность нашего мышленія къ систематизаціи—недостатокъ, объясняющійся несовершенствомъ нашего мозга. Въ самомъ дѣлѣ, разъ уже мы думаемъ всегда причинно, и для всякаго воспринимаемаго нашими чувствами явленія придумываемъ нечувственную предпосылку, то мы должны были-бы умѣть, слѣдовательно, сочинять такую предпосылку, т. е. причину не только для произвольно выбраннаго, но и для всякаго явленія. Въ дѣйствительности ни одно явленіе не бываетъ точно такимъ-же, какъ другое; а такъ какъ индивидуальныя отличія должны имѣть свою причину точно такъ-же, какъ сходство, и такъ какъ мы предполагаемъ, что они обусловлены какой-нибудь причиной, закономъ; то мы должны ставить въ основѣ явленія не одинъ планъ, не одну схему, но сотню плановъ, сотню схемъ, для каждаго элемента схему, которая была-бы свойственна ему и никакому другому. Возьмемъ тотъ-же примѣръ кристалла соли. Когда мы желаемъ въ лежащей передъ нами неправильной фигурѣ видѣть

кубъ, то мы принимаемъ во вниманіе лишь правильно образованныя части и говоримъ себѣ: „Причина формы этихъ частей та, что цѣлое стремилось стать кубомъ. Слѣдовательно, схема этой фигуры кубъ“. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго права пренебрегать отклоненіями отъ схемы; мы должны предположить для нихъ причину. Но причина, искривившая отдѣльныя плоскости и ребра, очевидно, другая, чѣмъ та, которая придала остальнымъ плоскостямъ и ребрамъ форму куба. Итакъ, фигура, которая находится передъ нашими глазами, въ дѣйствительности не стремилась стать правильнымъ кубомъ, но чѣмъ-то отличнымъ, новымъ, отклоняющимся отъ формы куба, именно тѣмъ индивидуальнымъ явленіемъ, которое мы видимъ, а не чѣмъ-нибудь другимъ. Такимъ образомъ схема куба не подходитъ къ нему, и мы дѣлаемъ ошибку, желая признать эту фигуру кубомъ. Но мы все-таки совершаемъ эту ошибку, потому что мы не способны въ одно и то-же самое время удѣлить равное вниманіе неправильностямъ, которыя менѣе бросаются намъ въ глаза, и правильнымъ частямъ, и потому мы не чувствуемъ необходимости изобрѣсти схематическую причину для неправильныхъ частей, какъ и для правильныхъ. Такимъ образомъ всякая классификація, всякая схематичность представляетъ изъ себя заблужденіе, всякое сближеніе разнообразныхъ явленій—произволь, всякое упрощеніе разнообразнаго—сознаніе въ нашей неспособности понять его. Природа создаетъ лишь индивидуумовъ, мы соединяемъ ихъ искусственно въ виды, потому что мы не въ состояніи ясно замѣтить, вполне оцѣнить и свести къ индивидуальной причинѣ каждую черту, которая свойственна одному только индивидууму и никакому другому. Если вообще есть причины, то всякое явленіе имѣетъ не одну, но сотню, тысячу причинъ, которыя только разъ, и никогда болѣе, комбинируются такимъ образомъ; всякое явленіе представляетъ взаимодействующую безчисленныхъ силъ, одинаково важныхъ, и если-бы не стало только одной изъ этихъ силъ или она была-бы иначе расположена, то все явленіе стало-бы инымъ. Если-же, напротивъ, нѣтъ никакихъ причинъ, то всякое явленіе есть самостоятельный случай, котораго нельзя сравнивать съ другимъ, но нужно оцѣнивать самостоятельно и разсматривать строго индивидуально. Избѣжать этой дилеммы мы никакъ не можемъ; изъ нея логически слѣдуетъ, что во всѣхъ случаяхъ схема есть ошибка нашего мышленія и мѣшаетъ намъ видѣть и понимать явленія, какъ они есть въ дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, если есть причины, то предположеніе схематическаго плана, т. е. одной опредѣленной причины, закрываетъ отъ нашихъ глазъ остальные причины, продуктомъ которыхъ является индивидуальное явленіе, а если нѣтъ никакихъ причинъ, то предполагаемый схематическій планъ есть вообще мечта, не имѣющая ничего общаго съ самимъ явленіемъ. Но измѣнить этого нельзя, и если только мы не желаемъ вѣрить, что мозгъ нашъ достигнетъ гораздо высшей степени органическаго совершенства и будетъ въ послѣдствіи способенъ на всемъ своемъ протяженіи работать съ одинаковымъ вниманіемъ, то намъ не

остается ничего болѣе, какъ подчиниться необходимости и въ будущемъ воспринимать одну черту яснѣе, чѣмъ другую, смѣшивать эту черту со всѣмъ явленіемъ, приносить ей въ жертву остальные черты, возводить ее въ схему и разсматривать явленіе, какъ осуществленіе этой схемы.

Теперь намъ остается еще разсмотрѣть послѣднюю особенность работы человѣческой мысли. Съ чего начинается своя дѣятельность человѣческой духъ, для того, чтобы создать предполагаемый идеальный планъ, осуществленіе котораго онъ видитъ въ данномъ явленіи? Онъ пользуется при этомъ очень простымъ методомъ: онъ повторяетъ черту, которая какъ наиболѣе рѣзкая поразила его вниманіе и запечатлѣлась въ его памяти и сознаніи. Итакъ, онъ конструируетъ кубическую схему кристалла поваренной соли, повторяя формы, отмѣченные имъ, т. е. правильныя площади и ребра до тѣхъ поръ, пока они не составятъ замкнутой фигуры. Такимъ образомъ человѣческой духъ совершенствуется не совершенныя кривыя линіи и дѣлаетъ изъ нихъ правильныя полныя круги; изъ искривленныхъ формъ цвѣтка, кристалла или листа дѣлаетъ схематическія фигуры и т. д. Воображеніе поступаетъ съ чувственными впечатлѣніями, какъ калейдоскопъ: оно повторяетъ неправильныя сами по себѣ явленія, такъ что они образуютъ правильную фигуру, ибо правильность ничто иное, какъ многократное повтореніе одного и того-же явленія. Согласно этому, въ мозгѣ совершается слѣдующій процессъ: явленіе воспринимается при помощи чувствъ и запечатлѣвается въ памяти; особенно ясно воспринимается и удерживается черта, бросающаяся въ глаза, или не особенно выдающаяся сама по себѣ, но часто повторяющаяся, при чемъ съ повторяющейся чертой происходитъ то-же, что бываетъ на гальтоновскихъ семейныхъ снимкахъ *). Черты, повторяющіяся много разъ въ различныхъ лицахъ, выступаютъ сильнѣе, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ индивидуальную особенность отдѣльныхъ лицъ и только разъ появляются на чувствительной пластинкѣ. Когда умъ хочетъ вызвать данное явленіе въ сознаніи, т. е. вспомнить о немъ, то память даетъ ему это явленіе въ той формѣ, въ какой она удержала его, или, иными словами, она даетъ сознанію лишь выдающуюся черту или ту, которая лучше запечатлѣлась вслѣдствіе повторенія. Для того, чтобы изъ этихъ отдѣльныхъ чертъ сдѣлать полное, во всѣхъ отношеніяхъ опредѣленное явленіе, воображеніе дополняетъ его такъ, что повторяетъ данныя памятью черты и создаетъ та-

---

*) Какъ извѣстно, гальтоновскіе семейные снимки производятся слѣдующимъ образомъ: карточки одинаковой величины различныхъ членовъ семьи выставляютъ на одинаковый промежутокъ времени поочередно передъ одной и той-же чувствительной пластинкой. Черты идентичныя во многихъ или во всѣхъ карточкахъ производятъ многократное, а слѣдовательно, болѣе длительное вліяніе на пластинку, чѣмъ черты болѣе рѣдкія или встрѣчающіяся только разъ, и потому сильнѣе бываютъ выражены на совмѣстной карточкѣ. Такимъ образомъ происходитъ среднее изображеніе, въ которомъ наиболѣе отчетливы черты, свойственныя всѣмъ или большинству членовъ семьи; а тѣ, которыя встрѣчаются въ семействѣ рѣже, бываютъ выражены тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе индивидуумовъ одарено ими.

кимъ образомъ калейдоскопическую и потому правильную фигуру, которую умъ, въ слѣдствіе своей наклонности предполагать сверхчувственный элементъ въ чувственномъ явленіи, пріучается разсматривать, какъ схему или планъ, лежащій въ основѣ даннаго явленія.

Изображенныя выше условія нашей духовной дѣятельности дѣлають понятнымъ, какъ дошелъ человѣкъ до изобрѣтенія симметріи. Неспособный къ одновременному напряженію вниманія всѣхъ частей своего мозга онъ воспринялъ и удержалъ изъ явленій только отдѣльныя черты. Для того, чтобы въ слѣдствіи вспомнить о явленіи, онъ заполнилъ повтореніемъ той-же черты пробѣлы, возникшіе въ слѣдствіе отсутствія не воспринятыхъ и не удержанныхъ остальныхъ чертъ. Когда онъ искусственно изображалъ его, то не подражалъ дѣйствительному явленію, но калейдоскопически правильному, возникшему изъ повторенія воспринятыхъ чертъ образу, который сохранился отъ явленія въ его сознаніи. Такимъ образомъ всякое симметрическое человѣческое произведение есть осуществленіе схематическаго воспоминанія о несовершенномъ наблюденныхъ естественныхъ явленіяхъ. Симметрія характеризуетъ начало человѣческаго искусства. По мѣрѣ развитія человѣка, духъ его дѣлается все болѣе способенъ къ вниманію: онъ воспринимаетъ большее количество элементовъ явленія: онъ запечатлѣваетъ въ памяти болѣе совершенную картину ихъ; фантазіи его приходится все меньше замѣщать недостающія части тѣми, которыя есть подъ руками. Такимъ образомъ онъ видитъ вещи точнѣе и правильнѣе, а если хочетъ ихъ изобразить, то дѣлаетъ это болѣе индивидуально и менѣе схематично. Чѣмъ поверхностнѣе и бѣгнѣе наблюденіе, тѣмъ симметричнѣе оставленное имъ воспоминаніе. Это въ такой-же мѣрѣ правильно для индивидуума, какъ для народовъ и расъ. Симметрія въ искусствѣ появляется у регрессирующихъ народовъ и въ періоды упадка. Цвѣтущіе періоды и прогрессирующіе народы не довольствуются схемой и калейдоскопическимъ повтореніемъ отдѣльныхъ чертъ, но стремятся слѣдовать по возможности индивидуальнымъ частностямъ явленія.

Та-же самая наклонность человѣческаго духа къ дополненію своихъ несовершенныхъ представленій при помощи повторенія находящихся въ сознаніи частей приводитъ, кромѣ симметріи, и къ другимъ психологическимъ явленіямъ, или-же, говоря точнѣе, приводитъ кромѣ симметріи къ другимъ психологическимъ явленіямъ. Сказанія объ императорѣ Барбароссѣ, о португальскомъ Домъ Себастьянѣ основаны также на человѣческомъ стремленіи къ симметріи. Часть жизни этихъ героевъ извѣстна народу и запечатлѣлась въ его памяти, другую часть ея онъ не узналъ или забылъ, но для того, чтобы не сохранить незаконченнаго образа ихъ жизни, онъ дополняетъ недостающее тѣмъ, что уже есть, и къ судьбамъ героевъ придумываетъ продолженіе, въ томъ-же духѣ, что и извѣстное народу начало. Сказанія эти представляютъ такимъ образомъ симметрическія построенія; они служатъ доказательствами того факта, что человѣкъ не ограничивается видимыми формами въ схематизаціи явленій. Въ раз-

витой и здоровой психикѣ симметрия вызываетъ скуку и непріятное ощущеніе, потому что не даетъ никакого импульса къ болѣе живой душевной дѣятельности. Разумъ стремится, при воспріятіи предмета, составить законъ его образования, придумать его схему; правда, это несовершенство, но такое, къ которому умъ привыкъ и отъ котораго отказывается не безъ сопротивленія. Симметрическое явленіе не даетъ ему возможности такой работы. Въ немъ нечего угадывать, нечего придумывать. Законъ его образования? Да онъ выраженъ многогубчиво и педагогично. Его схема? Но она идентична съ нимъ и ни въ чемъ отъ него не отклоняется. Тутъ уже нѣтъ выдающихся чертъ, которыя можно было-бы удержать и при помощи ихъ повторенія дополнить неполную картину воспоминанія. Симметрическое явленіе сдѣлало это для насъ само. Оно представляетъ воплощеніе работы нашего воображенія, поставленнаго въ затруднительное положеніе и потому посрамляетъ его. Но, конечно, тѣ-же самыя основанія, которыя заставляютъ развитый духъ испытывать къ ней отвращеніе, дѣлаютъ ее пріятной для тупого и лѣниваго мозга. Тотъ, кто никогда не наблюдалъ явленія съ достаточной внимательностью для того, чтобы воспринять всѣ или, по крайней мѣрѣ, многія черты его и для того, чтобы понять, что онѣ вполнѣ своеобразны, и подобны только себѣ и ничему другому, тотъ въ симметрическомъ произведеніи человѣческихъ рукъ найдетъ именно то, что онъ могъ видѣть въ природѣ. Его воспоминанія слѣдлены изъ повторенія отдѣльныхъ грубыхъ чертъ; въ его духѣ міръ отражается схематично и симметрически. Ему доставляетъ удовлетвореніе видѣть подтвержденіе своихъ поверхностныхъ воспріятій въ симметрическихъ произведеніяхъ искусства, и онъ воспринимаетъ ихъ, какъ одобреніе своего невниманія. Поэтому симметрия остается всегда идеаломъ красоты для филистеровъ, которые спятъ съ открытыми глазами и боятся всякаго нарушенія постоянной спячки ихъ мозга. Но тотъ, кто не принадлежитъ духовно къ числу семи спящихъ отроковъ, тотъ будетъ разсматривать симметрію, какъ карикатуру собственной ошибочной привычки мысли, и по возможности изгонитъ ее изъ области своихъ воспріятій.

Обобщеніе.

Какъ-то разъ за кружкой пива мы говорили объ одномъ народѣ и дошли до того, что составили общій приговоръ о его характерѣ, тѣлесныхъ и духовныхъ особенностяхъ. Въ это время кто-то прервалъ нашъ разговоръ словами: „берегитесь обобщеній!“ Это предостереженіе было признано обоснованнымъ, и я не могъ тогда отнестись къ нему критически. Но то, что было неумѣстно въ трактирѣ, то вполне позволительно сдѣлать въ тиши рабочаго кабинета.

„Берегитесь обобщеній!“ Теоретически требованіе это неоспоримо. Оно исходитъ изъ того правильнаго убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, ощущенія, что одно явленіе не можетъ дать намъ никакихъ дѣйствительныхъ, а только кажущіяся свѣдѣнія и что опытъ, который мы вывели изъ одного явленія, не находитъ полнаго примѣненія къ другому предыдущему или послѣдующему опыту. Всякое явленіе въ дѣйствительности стоитъ совершенно особнякомъ; фактически оно не имѣетъ никакой воспринимаемой чувствами связи съ другимъ явленіемъ, а если такая связь, по видимому, есть, то это только потому, что мы создаемъ ее искусственно въ нашемъ умѣ. Для того, чтобы воспринять явленіе такъ, какъ оно есть, т. е. такъ, какъ оно доступно нашимъ чувствамъ, для того, чтобы отдать ему полную справедливость, для того, чтобы быть вполне увѣренными, что мы воспринимаемъ только то, что въ дѣйствительности происходитъ передъ нашими чувствами,—намъ слѣдовало-бы относиться къ явленію совершенно безпристрастно и безъ предвзятыхъ мнѣній, т. е. слѣдовало-бы забыть все, что стало извѣстно намъ отъ прежнихъ явленій; намъ слѣдовало-бы заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы не смѣшать воспринятаго прежде образа съ новымъ и чтобы не приписать явленію чертъ и отношеній, которыхъ нѣтъ въ немъ и которыя мы переносимъ на него изъ другихъ явленій. Это было-бы необходимымъ условіемъ для того, чтобы приблизиться къ истинѣ на столько, на сколько это доступно для нашей организаціи. Это было-бы путь къ тому, чтобы узнать точно, что совершается внѣ нашего „я“, чтобы дать возможность дѣйствительности дѣйствовать на насъ, вмѣсто того, чтобы переносить процессы, совершающіеся въ нашемъ „я“, въ дѣйствительность, наполнять ее пест-

рыми картинами волшебнаго фонаря нашего мышленія и этимъ самымъ затмевать и скрывать ея содержаніе.

Это, какъ я уже сказали, теоретическое требованіе. Однако практически оно не выполнимо. Этому противятся условія, въ которыхъ только и можетъ работать нашъ несовершенный мыслительный аппаратъ. Въ предыдущей главѣ мы разобрали сложную привычку мысли, побудившую людей къ изобрѣтенію симметріи. Мы видѣли, что человѣческій умъ, воспринявъ фактъ послѣдовательности явленій, приводитъ ихъ въ связь и видитъ въ каждомъ изъ нихъ причину слѣдующаго и дѣйствіе предыдущаго явленія. Мы видѣли, какъ онъ дошелъ до того, что сталъ представлять причину, какъ нѣчто, на самомъ дѣлѣ находящееся на лицѣ, дѣйствительное, отдѣльное отъ явленія, и лишь частично и неполно могущее стать нагляднымъ при помощи явленія. Далѣе мы видѣли, что умъ строитъ изъ образовъ воспоминанія о раньше воспринятыхъ явленіяхъ сверхчувственную причину, которую онъ представляетъ себѣ, какъ необходимое условіе явленія, и что онъ создаетъ образы воспоминанія при помощи повторенія чертъ, возбудившихъ его вниманіе. Та-же самая привычка мышленія необходимо ведетъ къ обобщенію. Въ самомъ дѣлѣ, что такое обобщеніе? Заключение отъ испытаннаго къ неиспытанному, отъ прошлаго къ настоящему и будущему. Въ этомъ дѣйствіи нашего мыслительнаго аппарата все произвольно и ошибочно. Мы не имѣемъ, на самомъ дѣлѣ, никакого права предпологать, что вообще произойдутъ новыя явленія и что, если они произойдутъ, то будутъ подобны предыдущимъ. Будущее недоступно для нашего опыта. У насъ нѣтъ ни одного доказательства, что вообще наступитъ будущее, что вообще за нашимъ чувственнымъ опытомъ послѣдуетъ другой опытъ. Однако мы ни на минуту не сомнѣваемся, что завтра будетъ день и что онъ, приблизительно, будетъ повтореніемъ сегодняшняго дня. Какъ доходимъ мы до такой увѣренности? Исключительно въслѣдствіе привычки нашего мышленія. Такъ какъ до сихъ поръ за каждымъ воспріятіемъ слѣдовало новое воспріятіе, то нашъ духъ привыкъ къ представленію, что всегда такъ будетъ и должно быть, а если онъ хочетъ наполнить пустоту неизвѣстнаго и непознаваемаго будущаго, то наполняетъ его образами воспоминанія, т. е. повтореніемъ раньше воспринятыхъ событій:

Von heut'gem Tag, von heut'ger Nacht
Verlange nichts,
Als was die gestrigen gebracht *)

говоритъ Гете въ своемъ Западно-Восточномъ Диванѣ. Напоминаніе это глубокомысленно, но въ сущности излишне. Ибо, если-бы мы даже и хотѣли, то не могли-бы требовать отъ завтрашняго дня ничего, кромѣ того, что принесъ намъ вчерашній; мы не знаемъ и не знакомы ни съ чѣмъ другимъ, кромѣ того, что мы непосредственно испытали и то, что мы называемъ будущимъ, въ

*) Отъ сегодняшняго дня, отъ сегодняшней ночи не требуіи ничего, кромѣ того, что принесли вчерашніе день и ночь.

сущности ничто иное, какъ отраженіе прошлаго, которое мы надѣемся увидѣть передъ нами вслѣдствіе зрительнаго обмана нашего зрѣнія, въ то время, какъ въ дѣйствительности оно лежитъ позади насъ.

Правда, наши произвольныя и ошибочныя предположенія до сихъ поръ почти всегда исполнялись. Когда наши предки съ увѣренностью рассчитывали на то, что наступитъ будущее, то они не ошиблись, потому что часть этого будущаго стала съ тѣхъ поръ настоящимъ и прошедшимъ, и цѣлый рядъ ихъ предсказаній, не основанныхъ на воспріятіи, сталъ чувственнымъ опытомъ. Событія совершаются такъ, какъ мы предполагали, и предначертанное отраженіе совершившагося осуществляется. Но это еще не доказываетъ нашей правоты. Это было и есть простое угадываніе, въ которомъ намъ повезло. Мы не можемъ привести убѣдительнаго и надежнаго, непосредственнаго доказательства, что и позже и всегда будетъ такъ-же.

Наша привычка къ обобщенію, коренящаяся въ органическомъ несовершенствѣ нашего мыслительнаго аппарата, лежитъ въ основѣ познанія міра и въ основѣ всѣхъ естественныхъ законовъ. Поэтому они представляютъ изъ себя ничто иное, какъ самообманъ. Ибо въ дѣйствительности мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о сущности міроваго явленія и не понимаемъ ни одного изъ такъ называемыхъ законовъ природы. Да можетъ-ли быть рѣчь о пониманіи, когда мы не въ состояніи добиться увѣренности, имѣють-ли явленія какое-нибудь основаніе? Если-бы не было никакого основанія, то не могло-бы быть и никакихъ законовъ, а лишь случаи, повторяющіеся неизвѣстно почему. Если-же предположить, что есть основаніе и что можно выразить его въ формѣ закона, то каково это основаніе и какъ называется законъ, управляющій имъ и представляющій его дѣйствіе? Нѣтъ на землѣ человѣка, который могъ-бы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если-же мы все-таки говоримъ о законахъ природы, то это ничто иное, какъ случайная игра словъ, которую мы изобрѣли для того, чтобы спастись отъ невыносимо скучной пустыни нашего незнанія. То, что мы называемъ закономъ природы, есть просто утвержденіе, что извѣстныя явленія всегда происходили; но этотъ законъ не заключаетъ ни объясненія того, какъ это случается, ни доказательства того, что тѣ-же явленія будутъ случаться всегда. Мы говоримъ: взаимное притяженіе тѣлъ—законъ природы, при чемъ притяженіе пропорціонально массамъ тѣлъ и обратно пропорціонально квадратамъ ихъ разстояній. Это не вѣрно. Правильно было-бы сказать: до сихъ поръ люди наблюдали, что тѣла притягиваются другъ другомъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ массѣ и въ обратномъ къ квадрату разстоянія. Такъ называемый законъ не даетъ объясненія наблюдаемаго факта; онъ представляетъ лишь его высокопарное выраженіе. Математическія формулы не представляютъ также объясненія механическихъ явленій, а лишь описаніе ихъ на особомъ языкѣ. Такъ, комическій врачъ въ комедіи Мольера поясняетъ Геронту, отчего дочь его нѣма: „Она лишена рѣчи, вотъ основаніе, почему она нѣма“. Законъ—это приказаніе, предписывающее дѣйствіе или воздержаніе отъ

дѣйствія. Законы природы, т. е. то, что мы такъ называемъ, суть приказанія, даваемые намъ, послѣ того, какъ мы увидѣли, чтъ соответственное дѣйствіе или воздержаніе отъ дѣйствія имѣло мѣсто.

Мы находимъ вполне естественнымъ, что явленія, наблюдаемыя нами, всегда повторяются, и потому крайне удивились-бы, если-бы они не случились болѣе и были замѣнены другими, отличными отъ первыхъ. Это еще разъ показываетъ, какъ неразумна привычка нашей мысли. Если-бы мы были логичны, то мы должны были-бы удивляться именно повторенію, и находитья вполне естественнымъ отклоненія; намъ слѣдовало-бы поразиться законосообразностью явленій и оставаться равнодушнымъ при видѣ неправильностей. Вѣдь наши чувства учатъ насъ, что явленія самостоятельны, строго обособлены и не имѣютъ никакой доступной чувствамъ связи. При такихъ условіяхъ было-бы гораздо естественнѣе и разумнѣе, если-бы всякое явленіе вызывало новый и оригинальный чувственный опытъ, вмѣсто того, чтобы обновлять и углублять предыдущіе опыты. Разъ всякое явленіе есть нѣчто индивидуальное, то какимъ образомъ оно имѣетъ сходство съ другимъ? Законъ природы, т. е. претенціозное установленіе факта повторенія явленій, представляетъ не его объясненіе, а его тайну.

Будучи мальчикомъ, я зналъ одну игру, казавшуюся мнѣ тогда очень занимательной. Она состояла въ томъ, что я или кто-нибудь изъ моихъ сверстниковъ чертилъ на листѣ бѣлой бумаги произвольныя точки, а другой соединялъ эти точки линиями такъ, что выходили фигуры, имѣющія смыслъ. Одинъ изъ моихъ товарищей особенно отличался въ этой игрѣ. Какъ-бы безсмысленно я ни разставлялъ точки, въ одномъ углу цѣлый роі, а въ другомъ ничего, или-же, разставляя ихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга,—онъ всегда умѣлъ сдѣлать такъ, что изъ соединительныхъ линій выходило что-нибудь, имѣющее смыслъ: то левъ, то домъ, то наконецъ, цѣлое сраженіе съ удивительными эпизодами. Онъ довелъ свое искусство до того, что соединялъ точки различнымъ образомъ съ помощью разноцвѣтныхъ чернилъ—одинъ разъ дѣлалъ изъ нихъ красную собаку, другой разъ—синюю ласточку, зеленую метлу или желтый альпійскій видъ. Все наше міровоззрѣніе ничто иное, какъ та-же игра, только въ крупныхъ размѣрахъ и съ трагической серьезностью. Явленія, воспринимаемыя нашими чувствами, служатъ намъ даннымъ точками. Они не представляютъ изъ себя ничего разумнаго и не выказываютъ никакой разумной связи. Они представляютъ хаосъ и путаницу. Но мы искусно и терпѣливо проводимъ линіи отъ одной точки къ другой, и вотъ возникаютъ фигуры, подобныя чему-то знакомому. Кто не знаетъ, какъ это сдѣлано, тотъ можетъ повѣрить, что первоначально даны фигуры, а не точки, разбросанныя безъ всякой системы. Тогда нужно показать ему, что элементъ, дѣлающій фигуры изъ точекъ, прибавленъ человѣческой рукой и что точка стояла на бумагѣ загадочно и неясно, представляя изъ себя самоцѣль, пока линія не связала ее съ сосѣдней и не примѣнила къ очертаніямъ возникшаго въ дѣтской го-

ловъ образа. Философія дѣлаетъ то-же самое, что дѣлала мой товарищъ: она соединяетъ разноцвѣтными чернилами тѣ-же самыя точки въ разнообразныя формы, при чемъ всякое міровоззрѣніе, всякая система даетъ другую картину на основаніи тѣхъ-же самыхъ загадочныхъ и неясныхъ фактовъ опыта; и если меня заставятъ, то я соглашусь признать одинаково правильнымъ всякое міровоззрѣніе, т. е. одинаково произвольнымъ и субъективнымъ, но лишь болѣе или менѣе красивымъ и ловкимъ.

Имена, выдуманная нами для нашихъ произвольныхъ обобщеній, звучатъ хорошо и съ вѣншей стороны возбуждаютъ до-вѣріе. Мы говоримъ о гипотезахъ, о законахъ природы. Что такое гипотеза? Линія, которую мы проводимъ отъ данной точки въ произвольномъ направленіи. Что такое законъ природы? Линія, соединяющая двѣ данныя точки и продолженная въ томъ-же направленіи дальше, въ неизвѣстность, въ безконечность. Для насъ довольно бываетъ наблюдать одинъ фактъ, для того, чтобы обобщить его въ гипотезу, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и которая изъ даннаго пункта можетъ быть направлена въ какомъ угодно направленіи, согласно волѣ обобщающаго. Достаточно бываетъ двухъ наблюденныхъ фактовъ, между которыми мы замѣчаемъ сходство, для того, чтобы построить законъ, который по нашему мнѣнію будетъ до безконечности опредѣлять послѣдующія явленія. Это всегда останется игрой—соединеніемъ самостоятельныхъ точекъ въ связныя фигуры.

Все-таки мы не въ силахъ измѣнить этого положенія и не можемъ обойтись безъ обобщенія. Мы знаемъ, что они произвольны и не обоснованы, мы знаемъ, что они обманываютъ насъ и выдаютъ прошедшее за будущее и воспомнаніе за угадываніе, что они выдаютъ за опытъ то, что представляетъ произведе-ніе комбинативной работы нашего воображенія. Но наше органическое несовершенство все-таки заставляетъ насъ постоянно пользоваться ими, и мы принуждены признать, что они представляютъ основное условіе всякаго познанія и, во всякомъ случаѣ, облегчаютъ его. Всякое воспріятіе бываетъ для сознанія яснѣе, когда оно связано съ воспомнаніями и вызываетъ ихъ. Если мы видѣли предметъ нѣсколько разъ и запечатлѣли это явленіе въ своей памяти, такъ что можемъ представить себѣ его съ закрытыми глазами, то намъ нужно только увидѣть его на одинъ моментъ для того, чтобы тотчасъ воспринять его очень отчетливо; въ то-же время другой предметъ, намъ неизвѣстный, нужно видѣть гораздо яснѣе и ближе и разсматривать гораздо дольше для того, чтобы получить отъ него столь-же отчетливый образъ. Поэтому на народномъ языкѣ мы читаемъ легко и скоро, на иностранномъ и неизвѣстномъ намъ—съ большимъ трудомъ и медленнѣе, хотя и тотъ и другой представляютъ полную тождественность алфавита, тѣ-же условія печатанія, бумаги, освѣщенія и разстоянія отъ глаза. Поэтому друга мы узнаемъ на такомъ разстояніи, на которомъ мы едва можетъ отличить черты неизвѣстнаго намъ человѣка. Вундтъ въ своей „Логикѣ“ прекрасно описалъ эти факты, онъ разсматриваетъ ихъ, какъ одно изъ условій ассоціаціи мыслей. Впервые встрѣчаясь даже съ незначитель-

ными явлениями, мы получаемъ отъ нихъ на столько ясное чувственное впечатлѣніе, чтобы оно могло дать сознанию ясное представленіе. Намъ необходимо воспринять ихъ нѣсколько разъ и запечатлѣть въ памяти. То, что мы тогда видимъ или слышимъ, скорѣе вызываемые ими въ памяти образы, чѣмъ они сами. Доказательствомъ вѣрности этого служитъ то, что въ нашемъ мыслительномъ аппаратѣ происходятъ всевозможныя путаницы. Мы читаемъ, напримѣръ, нѣсколько словъ на хорошо знакомомъ намъ иностранномъ языкѣ, среди текста на родномъ языкѣ, и намъ кажется, что на родномъ языкѣ было написано все. Написано, положимъ: „sunt denique fines“, а я читаю мысленно: „все имѣетъ свой предѣлъ“. Латинскія слова замѣчаются глазами лишь мимоходомъ и сознание воспринимаетъ не ихъ дѣйствительную форму, а лишь воспоминаніе ихъ смысла, пробужденное въ памяти оптическимъ впечатлѣніемъ.

Этотъ механизмъ объясняетъ намъ, почему обобщеніе непрерывно облегчаетъ намъ воспріятіе. Отъ воспріятого ощущенія мы удерживаемъ въ памяти образы; затѣмъ мы вырабатываемъ изъ этого воспоминанія схему или законъ. Какъ только появляется лишь обрывокъ подобнаго явленія передъ нашими чувствами, этого для насъ совершенно достаточно, чтобы вызвать въ сознаниіи воспоминаніе и дать намъ возможность воспринять все явленіе. Конечно, процессъ этотъ не только приноситъ облегченіе, но въ то-же время является источникомъ заблужденій. Въдѣ онъ является причиной того, что мы видимъ слова: „все имѣетъ свой предѣлъ“, въ то время, какъ тамъ въ дѣйствительности было напечатано: „sunt denique fines“. Онъ причина того, что мы обращаемъ больше вниманія на нашу внутреннюю схему, чѣмъ на виѣшнее явленіе. Но съ другой стороны безчисленныя явленія, которыя мы все-таки воспринимаетъ теперь, хотя недостаточно и невѣрно, прошли-бы для насъ совершенно незамѣченными, если-бы въ нашемъ умѣ не было ихъ схематическаго образа.

Можно сказать безъ преувеличенія, что мы видимъ обыкновенно только то, что уже видѣли или-же надѣемся увидѣть. Какъ только мы обобщили какое-нибудь явленіе, достаточно поразившее насъ, чтобы пробудить наше вниманіе, въ гипотезу или законъ, тотчасъ намъ бросается въ глаза цѣлая масса фактовъ, до сихъ поръ остававшихся незамѣченными. Давенъ и Вильменъ замѣтили, что въ крови животныхъ, больныхъ сибирекой язвой, появляются микроскопическіе организмы и что туберкулезъ можетъ перейти отъ одного животного къ другому посредствомъ мокроты. Не прошло десяти лѣтъ, какъ уже въ пятнадцати или шестнадцати болѣзняхъ людей и животныхъ и въ дюжины процессововъ разложенія, совершающихся внѣ организма, мы находимъ присутствіе заразныхъ грибковъ, вызвавшихъ эти явленія. Врачъ наблюдаетъ никогда не виданную имъ или не описанную болѣзнь. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сотни другихъ врачей рассказываютъ о случаяхъ новой болѣзни, которую они замѣтили въ послѣднее время. Гайденгайнъ находитъ, что нѣкоторыхъ, исключительно впечатлительныхъ индивидуумовъ можно приводить въ странное состояніе, которое онъ называетъ гипнозомъ. Теперь,

лишь семь дѣтъ спустя, мы знаемъ, что почти четвертая часть людей можетъ быть подвергнута гипнозу: на каждомъ шагу намъ приходится наткаться на гипнотическія явленія. Но развѣ прежде ихъ не было? Конечно, были. Но вѣдь мы ихъ не воспринимали. Почему? Потому что въ дуплѣ нашей не было заранѣе ихъ образа. Такова заслуга обобщенія. Заключая отъ одного чувственно воспринятаго факта къ другому, который еще не вошелъ въ нашъ опытъ, мы въ дѣйствительности вызываемъ его.

Вокругъ насъ кишатъ явленія, но на нихъ надѣты скрывающія ихъ шапки-невидимки. Съ помощью гипотезы мы срываемъ эти шапки съ ихъ головы. Законъ природы играетъ роль лягавой, съ помощью которой мы отыскиваемъ хитро скрывающееся явленіе. Опасность только въ томъ, что наша собака дѣлается стойку надъ спящимъ пастухомъ въ то время, какъ мы охотимся на куропатокъ. Это случается даже съ лучшими англійскими лягавыми. Большинство людей представляетъ изъ себя неточныхъ наблюдателей, потому что они неспособны на высокую степень вниманія. Поэтому они видятъ только то, что хотятъ видѣть. Какъ только возникаетъ гипотеза, они тотчасъ строятъ съ помощью ея картину явленія въ сознаніи и переносятъ ее на все, что попадаетъ имъ на глаза: и они видятъ повсюду только тѣ факты, которые, по видимому, подходятъ къ ихъ гипотезѣ. Есть простой опытъ, который можетъ продѣлать всякій. Нарисуйте на листѣ бумаги или на грифельной доскѣ четыре линіи одинаковой длины и по возможности одинаково отчетливыя такъ, чтобы онѣ пересѣкались подъ прямымъ угломъ въ одной точкѣ и образовывали латинскій (прямой) и андреевскій (косой) крестъ. Теперь смотрите на эту фигуру такъ, чтобы видѣть въ ней преимущественно одинъ изъ двухъ крестовъ: прямой или косой. И въ самомъ дѣлѣ, крестъ, который вы хотите видѣть, выступаетъ сильнѣе, а другой, хотя и нарисованный такъ-же ясно, отступаетъ на второй планъ, блѣднѣетъ, дѣлается тоньше и становится скромнымъ прибавленіемъ къ первому. Чуждая гипотеза, вошедшая въ моду, создаетъ себѣ цѣлую кучу доказательствъ и царствуетъ, основываясь на твердой почвѣ миним-воспринятыхъ чувствами фактовъ въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ, пока наконецъ не появится болѣе сильный мозгъ, способный на большее вниманіе. Этотъ мозгъ, который станетъ наблюдать явленія болѣе при помощи чувствъ, чѣмъ путемъ готовыхъ воспоминаній своего сознанія, и придетъ къ тому выводу, что факты не совпадаютъ съ гипотезой.

При такомъ положеніи я не могу придумать ничего болѣе поразительнаго, чѣмъ споръ о преимуществѣ индуктивнаго или дедуктивнаго методовъ, который философы ведутъ въ теченіе столѣтій. Индукція будто-бы состоитъ въ томъ, что люди безъ всякаго предвзятаго мнѣнія наблюдаютъ факты и выводятъ законъ, дедукція-же въ томъ, что человекъ строитъ въ своемъ умѣ законъ и затѣмъ старается такъ или иначе примѣнить его къ фактамъ. Бэконъ, Веруламскій считается отцомъ индукціи, а схоластическихъ философовъ среднихъ вѣковъ считаютъ лучшими представителями дедуктивнаго мышленія. Но, въ сущности, дѣло идетъ лишь о пустой игрѣ словъ, имѣющихъ одно и то-же зна-

ченіе! Какъ приходимъ мы къ дедукціи, т. е. къ обобщающему представленію вещей? Очевидно, при помощи чувственного впечатлѣнія, хотя-бы поверхностнаго, которое мы получаемъ отъ вещей при помощи наблюденія, хотя-бы и неточнаго. Даже самыя дикія понятія о явленіяхъ, могутъ возникнуть только тогда, когда были воспріяты ощущенія. Итакъ, они представляютъ изъ себя индукцію, только индукцію. Что-же такое индукція?—Выводъ понятія изъ чувственного впечатлѣнія, переработка дѣйствительно воспріятого факта въ схему, въ обобщеніе, въ готовое представленіе, съ которымъ умъ будетъ подходить ко всѣмъ подобнымъ фактамъ въ будущемъ. Это готовое представленіе, которое мы имѣемъ, встрѣчаясь съ новымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, которое выведено не изъ даннаго индивидуальнаго явленія, а изъ предшествовавшаго, и которое ничего не имѣетъ общаго съ настоящимъ, есть дедукція, ничто иное, какъ дедукція. Итакъ, оставьте меня въ покоѣ съ вашей тарабарщиной, потому что она не имѣетъ никакого значенія. Все наше мышленіе есть постоянно индукція и дедукція въ одно и то-же время; оно начинается съ чувственныхъ впечатлѣній и воспріятіи, т. е. съ индукціи, и затѣмъ переходитъ къ ихъ обобщенію, къ ихъ обработкѣ въ возникающія отсюда понятія, т. е. къ дедукціи. Астрономъ, вычисляющій на основаніи ньютоновскаго закона притяженія путь планеты, и негръ, убѣжденный, что евронеицы живутъ на днѣ моря и поднимаются оттуда, приходя въ его страну,—при чемъ убѣжденіе его основано на томъ, что онъ въ приближающихся корабляхъ видитъ сперва верхушки мачтъ, а потомъ уже низшія части, а въ удаляющихся наоборотъ: сперва исчезаютъ низшія а потомъ уже высшія,—и астрономъ и негръ, говорю я, пользуются въ одно и то-же время той-же самой индуктивной и дедуктивной духовной дѣятельностью. Оба они наблюдаютъ факты и строятъ гипотезу. Оба они присоединяютъ къ воспріятымъ фактамъ черты, которыя въ дѣйствительности имъ не свойственны, и которыхъ они въ дѣйствительности не воспріяли, но которыя существуютъ только въ ихъ воображеніи. Правда, мы говоримъ: астрономъ правъ, а негръ не правъ. Но что служитъ нашимъ критеріемъ? Гипотеза, съ помощью которой работаетъ астрономъ, согласуется со всѣми извѣстными намъ фактами, а гипотеза негра не согласуется съ ними. Но если-бы онъ зналъ, что европеецъ созданъ точно такъ-же, какъ и онъ, если-бы далѣе онъ зналъ, что земля шарообразна и что ея выпуклость постепенно скрываетъ отъ него удаляющійся корабль, или если-бы онъ побывалъ въ Европѣ,—то, конечно, онъ увидѣлъ-бы свою ошибку и для объясненія постепеннаго исчезнованія корабля и его появленія изобрѣлъ-бы другую гипотезу. Кто знаетъ: можетъ быть, гипотеза астронома удовлетворяетъ насъ, т. е. кажется истинной, только потому, что мы не знаемъ противорѣчащихъ ей фактовъ! Кто знаетъ: не пришлось-ли бы намъ отказаться отъ нея, если-бы наши познанія о фактахъ расширились! Кто знаетъ: можетъ быть, когда-нибудь болѣе образованные люди будутъ такъ-же смѣяться надъ всѣми нашими теперешними гипотезами, какъ мы смѣемся теперь надъ гипотезой негра. Вѣдь гипотеза негра составлена по тому-же ме-

тому, что и гипотеза относительно притяженія. и такъ-же основана на наблюденіи воспринимаемаго явленія. именно на исчезаніи въ морѣ отдаляющагося корабля и на появленіи приближающагося, т. е. представляетъ изъ себя индукцію.

Методъ мышленія одинъ и тотъ-же у всѣхъ людей; тотъ-же у африканскаго и даже австралійскаго негра, что у университетскаго профессора естественныхъ наукъ. Разница между ними лежитъ лишь въ числѣ извѣстныхъ фактовъ и въ способности къ точному наблюдению, т. е. ко вниманію, которое въ свою очередь является выраженіемъ большаго или меньшаго развитія мозга. Чѣмъ болѣе мы можемъ быть внимательны, тѣмъ точнѣе мы можемъ воспринимать явленіе; чѣмъ болѣе фактовъ будемъ мы знать, тѣмъ легче будетъ намъ избѣгать прибавленія къ нимъ черты, неправильности и невозможности которыхъ доказывается другими фактатами. Однако всѣмъ намъ присуще стремленіе обобщать воспринимаемое нами отдѣльное явленіе, связывать его съ другими, съ которыми оно не имѣетъ никакой доступной чувстванья связи, и прибавлять къ нему черты, которыхъ въ немъ нѣтъ. Эта привычка мысли, сдѣлствіе нашего органическаго несовершенства, есть источникъ всѣхъ нашихъ заблужденій. Если-бы мы могли подвергнуть наши чувства воздѣйствию явленій, не присутная къ нимъ съ готовыми воспоминаніями о другихъ предшествующихъ, болѣе или менѣе поверхностно сходныхъ съ ними явленіяхъ, то мы могли-бы остаться совершенно невѣжественными, но по крайнѣй мѣрѣ не заблуждались-бы. Мы могли-бы не замѣчать фактовъ или воспринимать ихъ несовершенно, но отнюдь не давали-бы имъ ложнаго истолкованія; въ нашемъ сознаніи было-бы, можетъ быть, мало представленій, но не было-бы неправильныхъ. Въдѣ ошибка лежитъ всегда не въ воспріятіи, а въ истолкованіи, а это послѣднее не заключается въ самомъ явленіи, но прибавляется къ нему нашими средствами, не сообщается нашими чувствами мозгу, но, наоборотъ, передается нашимъ чувствамъ со сторовы мозга. Однако мы держимся нашей ошибочной привычки мышленія, потому что она даетъ намъ пріятное чувство духовнаго богатства, наполняя наше сознаніе толпою представленій, которыя ни одной присущей имъ чертой не обнаруживаютъ правильны-ли они или нѣтъ, представляютъ-ли они только схему или-же дѣйствительность.

Одинъ ирландецъ, который слылъ въ своей деревнѣ за нищаго, пришелъ однажды въ трактиръ и спросилъ свинины и виски. Когда хозяинъ выразилъ ему свое удивленіе по поводу такой роскоши, то Падди гордо сказалъ: „Человѣкъ, имѣющій почти сто фунтовъ годового дохода, можетъ позволить себѣ это?“— „Какъ? ты имѣешь сто фунтовъ годового дохода?“— „Конечно, одинъ англійскій баринъ, которому я снесъ багажъ на вокзалъ, подарилъ мнѣ пять шиллинговъ, а пять шиллинговъ въ сутки составляютъ около ста фунтовъ въ годъ“.

Всякій разъ, какъ мы обобщаемъ воспріятіе, мы поступаемъ подобно герою этого анектода, и возможно, что богатство нашихъ познаній одинаково по цѣнности со ста фунтами годового дохода, принадлежащими этому индуктивному и въ то-же время дедуктивному ирландцу.

Гдѣ истина?

Однажды вечеромъ я сидѣлъ въ салонѣ рядомъ съ одной дамой изъ такъ называемыхъ „высшихъ“ финансовыхъ сферъ. Такъ какъ необходимо было вести съ ней разговоръ, то мнѣ пришлось говорить о вещахъ, которыя могли-бы ее интересовать. Скоро мы дошли до ея послѣдней поѣздки на морскія купанья, и она рассказывала съ восторгомъ, какъ чудно было въ Трувиллѣ, гдѣ она днемъ выставяла на показъ ослѣпительныя туалеты, а всю ночь напролетъ играла въ баккара въ казино.

Я осмѣлился задать ей вопросъ, не представляетъ-ли она себѣ, что можно лучше заполнить свою жизнь.

— „Нѣтъ“.—отвѣчала она очень рѣшительно,—„разъ человекъ дѣлаетъ то, что доставляетъ ему полное удовольствіе, то онъ дѣлаетъ то, что слѣдуетъ“.

— „Не полагаете-ли вы“, спросилъ я, „что люди, которымъ туалеты и ночи проводимыя за баккара доставляютъ полное удовольствіе, заслуживаютъ сожалѣнія?“

Замѣчаніе это, вмѣстѣ всякаго сомнѣнія, было дерзко. Я получилъ колкій отвѣтъ: „Боже мой! Вѣдь не всякій-же можетъ писать книги!“

— „Конечно. Но развѣ писаніе книгъ не болѣе достойное и высокое занятіе, чѣмъ показываніе туалетовъ и игра въ баккара?“

— „Вовсе нѣтъ. Одно не лучше другого. Одно доставляетъ удовольствіе одному, другое другому. Я не вижу никакой разницы“.

— „Однако большинство людей не придерживается этого мнѣнія?“

— „Этого я не знаю. Да, впрочемъ, это мало беспокоитъ меня. Въ моемъ обществѣ люди думаютъ такъ, какъ я, а до остальныхъ мнѣ нѣтъ дѣла“.

— „Однако лучшіе и наиболѣе значительные люди ставятъ умственный трудъ выше игры и парядовъ, а человекъ, пишущій книги, пользуется въ государствѣ и обществѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ человекъ, играющій въ баккара или носящій блестящій туалетъ“.

— „Вы находите?“—сказала она совершенно неподражаемымъ тономъ,—„и не замѣтила этого. Вездѣ, гдѣ только я бываю, люди, которыхъ вы называете носителями блестящихъ туалетовъ и игро-

ками, пользовались большимъ уваженіемъ и почтеніемъ, чѣмъ люди, пишущіе книги*.

Я былъ окончательно пораженъ, и готовъ былъ сознаться въ моемъ пораженіи. Другі противъ друга стояли здѣсь два воззрѣнія; каждое изъ нихъ считало себя единственно правильнымъ и ни одно изъ нихъ не могло вытѣснить другого. Для каждаго изъ этихъ убѣжденій основанія другого просто не существовали, ни одно изъ основаній не имѣло такого неоспоримаго признака абсолютной правильности и стоимости, который могъ-бы заставить всякаго признать его за истину, а все ему противорѣчащее за ошибку.

Я знаю одну женщину очень некрасивую и въ то-же время обладающую физическимъ недостаткомъ (она хромаетъ). По уму она немного превосходитъ понятливаго суделя. Но она любитъ общество мужчинъ и умѣетъ вызывать ихъ любезность самой откровенной предупредительностью. Собесѣдникъ ея тотчасъ замѣчаетъ, что комплименты доставляютъ ей удовольствіе, и что она выноситъ ихъ во всѣхъ формахъ, а такъ какъ въ настоящее время они дешевле ежевики во времена Фальстафа, то она слышитъ ихъ столько, сколько хочетъ. Женщина эта уже приближается къ сорока и за всю свою жизнь не переживала ничего кромѣ счастья. Она твердо убѣждена, что представляетъ изъ себя самое прекрасное, самое остроумное и прелестное воплощеніе женственности, что всякій мужчина, увидѣвшій ее одинъ разъ, смертельно влюбляется въ нее, и что ея недостатокъ лишь увеличиваетъ ея непобѣдимость. Всѣ мужчины говорятъ ей это потому, что она требуетъ этого, и она вѣритъ имъ. Она никогда не слышала другаго мнѣнія. Ея самыя близкія несколько не колеблеть то обстоятельство, что женщины не раздѣляютъ восторга и обожанія мужчинъ; вѣдь женщины завидуютъ ей и потому естественно враждебно настроены. Никто не откроетъ ей, что всѣ мужчины забавлялись на ея счетъ, и на смертномъ одрѣ она, вѣроятно, скажетъ: „Жизнь моя была однимъ, безконечнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ триумфомъ: вмѣстѣ со мною умираетъ женщина, которую всѣ современные ей мужчины признали самой прекрасной, остроумной и прелестной во всемъ поколѣніи“. Это покажется ей полной и абсолютной истиной, и ничто не заставитъ ее ни на минуту подозревать, что она была жертвой обмана.

Въ февралѣ 1881 года въ Парижъ пріѣхало нѣсколько молодыхъ сотрудниковъ одной незначительной газеты съ тѣмъ, чтобы придать себѣ важности и заставить заговорить о себѣ. Они порѣшили устроить „національный апофеозъ“ для Виктора Гюго. Начали они съ того, что учредили „Комитетъ чествованія Виктора Гюго“ и избрали въ члены его значительное количество весьма извѣстныхъ лицъ, конечно, не спрашивая ихъ о согласіи. Сланный списокъ именъ появился во всѣхъ газетахъ. Послѣдніе не смѣли отказать въ помещеніи замѣтокъ, носящихъ характеръ рекламы, которыми они были буквально запружены въ теченіе четырехъ недѣль, потому что кто-же захочетъ вызвать упрекъ въ отсутствіи патріотизма и въ томъ, что онъ не сочувствуетъ національной славѣ? Публикѣ оставили на видъ, что дѣло идетъ

о манифестаціи, мысль о которой возникла одновременно въ сотни тысячъ головъ: власти были принуждены принять участіе въ приготовленіяхъ. Движеніе это увлекло за собой даже за границей наивныхъ или ищущихъ рекламы людей, которые воспользовались случаемъ, чтобы увидѣть въ парижскихъ газетахъ свое имя. Въ назначенный день грандіозная манифестація состоялась. Около пятнадцати тысячъ народа прошло мимо дома Виктора Гюго; въ этомъ числѣ было около двухъ тысячъ странствующихъ торговцевъ съ медалями, томами сочиненій и стихотвореніями, и тому под., которые хотѣли заработать при случаѣ; затѣмъ около десятка тысячъ любопытныхъ, которые глазѣли на забаву и изъ которыхъ врядъ-ли половина прочла по одному тому сочиненію Гюго, и, наконецъ, тысячи три певниныхъ убѣжденныхъ душъ, которыхъ дѣйствительно удалось довести до головокружительнаго воодушевленія. На слѣдующее утро во всѣхъ парижскихъ газетахъ можно было прочесть сообщеніе о томъ, что полумилліонная толпа привѣтствовала Виктора Гюго съ восторгомъ и ликованиемъ, что Парижъ пережилъ единственное въ исторіи всего міра торжество, что все образованное человечество соединилось съ Франціей для того, чтобы приготовить величайшему поэту 19-го вѣка триумфъ, какого еще не удостоился никто изъ смертныхъ. Заграничныя газеты перепечатали это, легенда распространилась по всему міру, и въ настоящее время повсюду, даже въ Парижѣ, считается неоспоримымъ фактомъ. Будущіе историки кулъ-туры запишутъ ее и при самыхъ тщательныхъ розыскахъ въ источникахъ не найдутъ ничего, что вызвало-бы сомнѣніе, дѣйствительно-ли все было такъ, какъ рассказывали въ печати обоихъ континентовъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ истиной, когда происходитъ событіе, наблюдаемое многими тысячами зрителей.

Но развѣ лучше обстоитъ дѣло съ другими, не столь мимолетными явленіями? Что знаемъ мы обо всѣхъ естественныхъ явленіяхъ, среди которыхъ живемъ? Самые простые, повидимому, факты не достовѣрны, законы, имѣющіе репутацію самыхъ прочныхъ и твердо обоснованныхъ, угрожающе колеблются подъ ногами изслѣдователя. Лишь полуобразованные люди, получающіе довѣрчиво свои знанія изъ рукъ неточныхъ компиляторовъ и вульгаризаторовъ, думаютъ, что обладаютъ ясными и неоспоримыми истинами, въ то время, какъ собственно ученые, занимающіе факты изъ первоисточниковъ наблюденія, знаютъ хорошо, что нѣтъ ни одной истины столь прочной, чтобы о ней нельзя было имѣть двухъ мнѣній. Мы говоримъ совершенно свободно и съ большимъ самодовольствомъ о разстояніи земли отъ солнца и даже отъ Сиріуса, а въ дѣйствительности мы не знаемъ даже, какъ длинна линия отъ вашингтонской до капштадской обсерваторіи. Вычисленія, производимыя величайшими астрономами нашего времени при помощи точнѣйшихъ инструментовъ и испытанныхъ методовъ, расходятся на одну англійскую милю, т. е. болѣе чѣмъ на одну десятитысячную часть всего разстоянія. Точная продолжительность астрономическаго дня, т. е. промежутка, въ который земля обращается вокругъ своей оси, подвержена

сомнѣніямъ точно такъ-же, какъ положеніе оси, т. е. истинный уголъ, подѣ которымъ она наклонена къ своему пути вокругъ солнца. Вычисленія солнечной теплоты колеблются между 200 и 20,000 градусовъ, и такой значительный изслѣдователь, какъ В. Гершель, могъ выставить теорію, что поверхность солнечнаго ядра тверда и населена живыми существами.

Итакъ, естественнымъ наукамъ до сихъ поръ не удалось близко подойти къ истинѣ и вѣрно схватить ее. Однако науки эти имѣютъ дѣло съ явленіями, которыя безпрестанно повторяются передъ нашими глазами, которыя, на сколько мы можемъ судить по нашимъ воспріятіямъ, не измѣняются, которыя терпѣливо ждутъ, чтобы человѣкъ послѣдовать за ними, дошелъ до нихъ, сталъ изслѣдовать ихъ въ приборахъ, сжимать щипцами, ощупывать пальцами и орудіями, чтобы онъ сталъ ихъ поворачивать, потрошить, разматривать со стороны и изнутри, и вообще дѣлать все, что кажется ему нужнымъ или полезнымъ. Что-же остается сказать о наукахъ историческихъ, которыя берутся отыскивать истину въ такихъ явленіяхъ, которыя давно уже прошли и отъ которыхъ въ нашихъ рукахъ и передъ нашими глазами остался лишь на половину развѣянный слѣдъ въ песокъ, или неясное эхо, или что-нибудь еще меньшее?

Я не хочу быть несправедливымъ къ историческимъ наукамъ. Въ энциклопедіи наукъ онѣ занимаютъ замѣчательное и единственное мѣсто, потому что въ противоположность всемъ другимъ онѣ не работаютъ при помощи обобщеній и не знаютъ ни гипотезъ, ни законовъ природы. Онѣ одни исполняютъ выставленное въ предыдущей главѣ требованіе познанія: онѣ стараются уловить и представить явленіе такъ, какъ оно въ дѣйствительности воспринимается чувствами, и съ трудомъ допускаютъ присоединеніе сверхчувственныхъ чертъ, которыхъ въ явленіи нѣтъ. Такъ какъ явленіе—нѣчто въ дѣйствительности данное, а его обобщеніе, истолкованіе, соединеніе его съ другимъ одновременно, предшествующимъ или послѣдующимъ явленіемъ, выводъ изъ причинъ въ лежащихъ, и приведеніе его къ законамъ,—есть нѣчто произвольно прибавленное: такъ какъ, далѣе, лишь чувственное воспріятіе явленія можетъ повести къ познанію и такъ какъ всякая догадка, вымыселъ и т. д. подвержены ошибкамъ, то исторія, ставящая своей задачей установленіе самаго явленія и умышленно избѣгающая всякаго вымысла и по возможности не прибѣгающая къ догадкамъ, должна быть самой надежной наукой, такой, которая содержитъ больше всего истины и менѣе всего заблужденій, и заключаетъ въ себѣ наибольшую сумму объективныхъ явленій и наименьшее число субъективной работы мысли. Въ противоположность математикѣ, которая безъ труда можетъ быть субъективно-вѣрной, потому что представляетъ изъ себя ничто иное, какъ форму человѣческаго мышленія, и занимается не внѣшними, доступными чувствамъ процессами, а процессами самого сознанія, воспринимаемыми безъ посредства чувствъ,—итакъ, повторяю, въ противоположность математикѣ, которая представляетъ субъективно самую истинную науку,—исторія представляетъ науку болѣе истинную объективно, до-

тому, что она имѣетъ своимъ предметомъ невозможное, вѣроятное или кажущееся необходимымъ, но нѣчто дѣйствительное.—событіе: потому что содержаніе ея составляетъ не субъективное предположеніе, но объективное явленіе. Да это было-бы такъ! Исторія была-бы такой, если-бы человѣческой мыслительный аппаратъ не былъ такимъ несовершеннымъ орудіемъ. Все ея усилія разбиваются объ это несовершенство и она, безъ всякой надежды на успѣхъ, стремится познать объективное событіе. Исторія желаетъ изобразить событія такъ, какъ они совершались въ дѣйствительности, однако въ самомъ лучшемъ случаѣ она можетъ лишь знать, какъ они были восприняты. Но условія, въ которыхъ работаетъ нашъ мозгъ, дѣлаютъ то, что воспріятіе событій далеко не тождественно съ самимъ событіемъ. Ибо или они незначительны,—въ такомъ случаѣ не вызываютъ вниманія и не воспринимаются отчетливо, не доходятъ до сознанія и не оставляютъ отчетливаго воспоминанія; или-же они значительны: въ такомъ случаѣ первые фазисы ихъ вызываютъ такую степень вниманія, что нервная сила тотчасъ истощается, мозгъ теряетъ способность воспріятія и дальнѣйшіе фазисы процесса кажутся зрителямъ какимъ-то смутнымъ сномъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что человѣкъ, принимающій участіе въ крупномъ событій, въ сраженіи, въ покушеніи заговорщиковъ, въ возбужденномъ парламентскомъ засѣданіи, не сохраняетъ точнаго образа событій отъ начала до конца. Тысяча допрошенныхъ свидѣтелей даютъ тысячу различныхъ показаній, которыя удивительнымъ образомъ расходятся въ самыхъ существенныхъ пунктахъ. Лишь спарядъ, приводимый въ движеніе часовымъ механизмомъ и направляющій черезъ каждую секунду фотографическую пластинку на событіе и дающій такимъ образомъ непрерывный рядъ моментальныхъ снимковъ, могъ-бы надежно сохранить по крайней мѣрѣ оптическое явленіе. Но организмъ нашъ не похожъ на такую машинку. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ безконечнаго ряда постоянно свѣжихъ фотографическихъ пластинокъ, но лишь очень ограниченный запасъ ихъ. Разъ запасъ этотъ истощился, то мы стоимъ передъ явленіемъ, какъ пустая камера, и должны отдохнуть для того, чтобы приготовить новыя пластинки. Поэтому-то люди, принимающіе участіе въ событій, представляютъ изъ себя наименѣе надежныхъ наблюдателей, поэтому-то все свидѣтельскія показанія лишь субъективно вѣрны, и потому историческая наука не является средствомъ къ тому, чтобы при помощи человѣческихъ, субъективныхъ воспріятій возстановить абсолютную объективную истинность событій.

Конечно, та исторія, о которой я говорю, въ сущности напивная исторія, которая только рассказываетъ, но не имѣетъ никакихъ притязаній давать объясненія. Это исторія лѣтописцевъ, которые чистосердечно повѣствуютъ: перваго числа шелъ дождь, второго—произошло сраженіе, а третьяго—избранъ новый папа. Такова первоначальная точка зрѣнія, которая, по крайней мѣрѣ теоретически, давала возможность достижения истины и избѣжанія заблужденій, но я знаю, что ее не раздѣляютъ современные историки. Они не хотятъ только рассказывать, но стремятся и

объяснять. Исторія тоже не могла избѣгнуть вліянія привычки человѣческаго мышленія прибавлять сверхчувственные черты къ чувственнымъ явленіямъ, приписывать имъ законы и причины. Она тоже не избѣгла всей этой игры, состоящей въ соединеніи точекъ произвольными линиями въ видѣ фигуръ. Самые смѣлые представители ея хотѣли-бы сдѣлать ее естественной наукой, т. е. такъ схематизировать ея матерьялъ, какъ естественныя науки схематизируютъ явленія природы. Они стремятся свести событія, ареной которыхъ было человѣчество, къ общимъ законамъ природы, найти для нихъ гипотезы и формулы для того, чтобы съ ихъ помощью предсказывать будущія событія подобно тому, какъ мы при помощи естественно-научныхъ формулъ, гипотезъ и законовъ съ увѣренностью предсказываемъ, что завтра взойдетъ солнце, а въ слѣдующую весну зацвѣтутъ деревья. Конечно, по своему они правы. Нѣтъ никакого основанія разсматривать человѣческія событія иначе, чѣмъ всѣ другія событія въ мірѣ. Развѣ человѣкъ и человѣчество не составляютъ часть этого цѣлаго такъ-же, какъ кварцовыя скалы, метеоръ и пальмы? Развѣ человѣческая мысль или дѣйствіе не представляетъ органическаго процесса точно такъ-же, какъ размноженіе и пищевареніе или перелетъ птицъ и зимняя спячка грызуновъ? Развѣ мысль не есть въ такой-же мѣрѣ динамическій процессъ, какъ паденіе свободного предмета или обращеніе луны вокругъ земли? Если мы имѣемъ притязаніе не только описать эти органическіе и динамическіе процессы, но также схематизировать и связать ихъ абстрактной цѣлью гипотезъ и законовъ въ понятныя фигуры, то почему-же не примѣнить того-же метода къ человѣческимъ мыслямъ и дѣйствіямъ? Мы такъ и дѣлаемъ, но при этомъ оставляемъ вѣрную почву даннаго и чувственного и вылетаемъ въ область вѣщественнаго и сверхчувственного. Только при этомъ условіи исторія становится разумной, т. е. начинаетъ соответствовать привычкѣ нашей мысли, составляющей, какъ мы видѣли, неизбежное послѣдствіе нашего несовершенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ исторія становится ареной всѣхъ субъективныхъ заблужденій аппарата нашего мышленія, ибо всякое событіе имѣетъ лишь одну воспринимаемую чувствами форму въ то время, какъ число сверхчувственныхъ предположеній, которыя можетъ предпослать человѣческой умъ, не ограничено, а потому не ограничено и число возможныхъ ошибокъ.

Одна школа исторіографовъ объясняетъ событія вліяніемъ людей, которые въ нихъ принимаютъ участіе. Она приписываетъ вѣдшимъ вліяніямъ, въ крайнемъ случаѣ, роль толчка и полагаютъ, что побудительныя причины и силы историческихъ дѣйствій заключены въ душѣ правящихъ личностей данной эпохи. При такомъ пониманіи, историческая наука становится психологической, а исторіографія превращается въ біографію. Въ этомъ случаѣ можно разсматривать человѣчество какъ-бы оторваннымъ отъ природы и пренебрегать тѣми вліяніями, которыя могли-бы производить на народы и людей точно такъ-же, какъ на всѣ другіе организмы, общія силы природы и измѣненія въ ихъ равновѣсіи. При такомъ пониманіи историкъ имѣетъ право писать анекдоты-

ческую исторію и ставить погибель больших государств въ зависимость отъ состоянія пищеваренія полководца. Прекрасные глаза Елены ведутъ къ Троянской войнѣ, французы были побиты у Седана потому, что генераль Вимпфенъ поссорился въ 1869 году въ Аляскинѣ съ Маршаломъ Макъ-Магономъ по поводу присутствія одной двусмысленной дамы, любовницы перваго, на благотворительномъ базарѣ, устроенномъ женой маршала, а комедія Скриба: „Стаканъ воды“ содержитъ объясненіе, почему война изъ-за испанскаго наслѣдства приняла такой, а не иной оборотъ. Если мы съѣдаемъ еще одинъ шагъ впередъ и предположимъ вмѣстѣ съ Вундтомъ, что сила, управляющая человѣческимъ сознаніемъ и вызывающая представленія, рѣшенія и т. д., не детерминирована, т. е. приводится въ дѣйствіе не въ слѣдствіе вѣшняго возбужденія и не въ прямомъ отношеніи къ его силѣ, то тогда уничтожится послѣдняя связь между человѣкомъ и вѣтъ его дѣйствующими силами. Поэтому чисто психологическая исторіографія, стоящая на точкѣ зрѣнія Вундта, можетъ представлять всякое событіе, какъ ничѣмъ неподготовленное, ни отъ чего посторонняго независящее открытіе случайнаго и произвольнаго душевнаго процесса въ какомъ-нибудь могучемъ индивидуумѣ.

Другая школа исторіографовъ, которую я называлъ-бы, въ противоположность указанной психологической,—естественно научной, усматриваетъ въ событіяхъ дѣйствіе всеобщихъ законовъ природы. По понятіямъ этой школы, народъ ведетъ войну потому, что онъ голоденъ, а не въ слѣдствіе каприза короля или предводителя. Отдѣльный человѣкъ теряетъ свое вліяніе и исчезаетъ въ движеніи массы. Онъ думаетъ, что руководитъ движеніемъ, между тѣмъ какъ событіе приводитъ его самого въ движеніе. Собственныя имена теряютъ цѣну и значеніе и могутъ быть вычеркнуты изъ исторіи. Народы дѣйствуютъ и страдаютъ подобно тому, какъ деревья весной цвѣтутъ, а осенью теряютъ листья; въ историческихъ событіяхъ находятъ свое выраженіе космическіе законы, и судьба государства рѣшается не въ бударѣ прекрасной женщины и не въ кабинетѣ геніальнаго министра, но собственно на звѣздахъ. Такимъ образомъ, астрологія получаетъ неожиданное оправданіе, не въ той формѣ, въ какой ея обыкновенно занимались, но какъ теорія, какъ предчувствіе истинной связи вещей. Поэтому мы не должны смѣяться, если народъ при видѣ кометы начинаетъ бояться грядущей войны. Вѣдь думали-же, что замѣчена связь между появленіемъ пятенъ на солнцѣ и возникновеніемъ промышленныхъ кризисовъ! Конечно, не слѣдуетъ представлять себѣ, что солнечныя пятна непосредственно измѣняютъ цѣны главныхъ товаровъ или подавляютъ охоту купить что-либо. Никто не сомнѣвается, что дѣйствіе это гораздо болѣе косвенно; но посредствующія звенья неизвѣстны, а доступны лишь начало и конецъ причинной цѣпи. Въ такомъ случаѣ почему-бы не предположить, что астрономическія явленія, процессы, совершающіеся на солнцѣ, въ планетной системѣ и міровой сферѣ, въ конечномъ счетѣ вызываютъ возбужденіе въ человѣкѣ, войны, смѣны періодовъ прогресса и регресса?

Нѣтъ надобности держаться исключительно одной точки зрѣнія: можно опираться на обѣ вмѣстѣ и сказать, что всеобщія силы природы въ самомъ дѣлѣ являются побудительной причиною въ историческихъ событіяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, но направление ихъ опредѣляется отдѣльными людьми. Такимъ образомъ личность получаетъ отчасти свои прежнія права; правда, она не дѣлаетъ исторіи такъ, какъ поэтъ создаетъ драму изъ своего воображенія, но подобно машинисту желѣзнодорожнаго поѣзда останавливаетъ или ведетъ быстрее или медленнѣе локомотивъ по даннымъ рельсамъ. Геній является въ этомъ случаѣ экспериментаторомъ, производящимъ свои опыты надъ человѣчествомъ; онъ такъ-же мало можетъ создавать свои подвиги, какъ Гарвей не создать кровообращенія; но онъ находитъ механическіе законы, дѣйствующіе у народовъ и, примѣняя, испытываетъ ихъ. При такомъ предположеніи было-бы вполне понятно, что „міромъ можно управлять съ самымъ незначительнымъ запасомъ мудрости“. О правленіи міромъ заботятся законы природы, а тѣмъ, которые кажутся правящими, остается только не мѣшать ихъ правильному теченію.

Передъ нами три гипотезы. Всѣ онѣ одинаково ясны и одинаково произвольны; ни одной изъ нихъ нельзя ни опровергнуть, ни доказать. Какое-же довѣріе можно питать къ наукѣ, которая неизбежно должна быть основана на одной изъ трехъ гипотезъ? Тутъ снова возникаетъ передъ нами убійственная дилемма, или исторія остается чисто объективною и отмѣчаетъ лишь событія, какъ они произошли; въ этомъ случаѣ она становится безсодержательной, потому что она не имѣетъ возможности возстановить событія въ ихъ объективной дѣйствительности. Или-же она становится субъективною и гипотетической, старается объяснить и найти причины, которыя представляютъ не воспринимаемый чувствами элементъ событія,—тогда она не представляетъ никакой гарантіи истинности и можетъ отъ пачала до конца быть сѣтью, сотканною изъ индивидуальныхъ заблужденій.

Анализъ явленія считается средствомъ приблизиться къ истинѣ. Но цѣлесообразно-ли это средство? Это весьма сомнительно. Анализъ, быть можетъ, ведетъ не къ сущности явленія, но скорѣе разрушаетъ само явленіе. Возьмемъ самый понятный примѣръ. Я вижу передъ собою человѣка въ солдатской формѣ. Не колеблясь и не медля, я говорю совершенно опредѣленно: это солдатъ. Потомъ я приступаю къ анализу явленія. Я снимаю съ него форму. Что-же остается? Ясно очерченное и дифференцированное явленіе исчезаетъ и остается нѣчто неопредѣленное общее,—человѣкъ бѣлой расы. Если я сниму его кожу, то онъ остается просто человѣкомъ и его трудно будетъ отличить отъ негра или индѣйца. Если-же я поведу мой анализъ дальше и подложу подъ микроскопъ частицу его мускуловъ, то я могу только сказать, что она принадлежитъ животному, но я не знаю ни того, что онъ былъ человѣкомъ, ни того, что онъ былъ бѣлый и солдатъ. Если-же я разложу мускулъ на химическія составныя части, то отъ явленія у меня не останется ничего отличительнаго и существеннаго и тогда уже я могу лишь указать, что явленіе

состояло изъ веществъ, встрѣчаемыхъ на нашей планетной системѣ. Такимъ образомъ благодаря неумолимому и все даѣе идущему анализу я дошелъ до того, что изъ яснаго и вполне понятнаго явленія, какимъ былъ солдатъ, котораго нельзя было смѣшать съ чѣмъ-нибудь другимъ, я получилъ нѣкоторое количество кислорода, углерода и другія вещества, которыя можно съ одинаковымъ успѣхомъ найти въ туманѣ и гавайской сигарѣ. Всѣ свойства вещей, воспринимаемыхъ нашими чувствами, суть движенія. Движенія, повторяющіяся не менѣе двадцати и не болѣе десяти тысячъ разъ въ секунду, мы считаемъ при помощи слуховыхъ нервовъ и воспринимаемъ, какъ звуки, тѣ-же движенія, которыя повторяются отъ 500,000 до 300,000,000 разъ въ секунду, мы считаемъ при помощи зрительныхъ нервовъ и воспринимаемъ, какъ свѣтъ и краски. Для движеній, которыя повторяются отъ 10 до 500 тысячъ разъ въ секунду, а также для тѣхъ, которыя повторяются менѣе двадцати разъ и болѣе 300 миллионъ, у насъ нѣтъ никакого органа счисленія, а слѣдовательно, никакого воспріятія. Такимъ образомъ воспріятіе явленія есть нечто иное, какъ счисленіе движеній, и вслѣдствіе этого всѣ явленія въ сущности однородны и различаются лишь по числу. Это результатъ очень далеко идущаго анализа. Очень хорошо. Итакъ, прекрасное и некрасивое, ясное и темное, пріятное и огорчающее, есть одно и то-же; это просто движеніе, болѣе быстрое или медленное, но все-таки движеніе. Но какимъ-же образомъ я различно воспринимаю эти движенія, представляющія изъ себя въ сущности одно и то-же, какимъ образомъ одни изъ нихъ пріятны, а другія непріятны, что одни доставляютъ мнѣ удовольствіе, другія печаль? И вотъ точно такъ-же, какъ при анализѣ солдата, я дошелъ до простыхъ элементовъ. Я пожертвовалъ яснымъ, понятнымъ, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ явленіемъ и взамѣнъ не получилъ знанія его сущности.

Такіе опыты возбуждаютъ недовѣріе и внушаютъ подозрѣніе въ невѣрной постановкѣ проблемы. Мы ищемъ сущности вещей и разрушаемъ явленіе. Но не есть-ли явленіе въ то-же время и сущность и не поступаемъ-ли мы при анализѣ подобно ребенку, который, желая знать, что находится въ луковницѣ, обрываетъ одинъ слой за другимъ и въ концѣ концовъ остается съ пустыми руками? Это вовсе не значитъ, что я отрицаю „вещь въ себѣ“. Я лишь помѣщаю ее на поверхности явленія и отождествляю съ самымъ явленіемъ вмѣсто того, чтобы помѣщать ее въ недоступную глубину. Мы ищемъ объективной, абсолютной истины. Кто-же сказалъ намъ, что наша исходная точка не заблужденіе? Откуда знаемъ мы, что такое объективная, абсолютная истина? Какъ это возможно, если неизвѣстное, вызывающее наши чувственныя впечатлѣнія, становится постигаемымъ нами явленіемъ только въ нашемъ организмѣ и внѣ его, какъ самостоятельное, совершенно не существуетъ? Вѣдь теперь всѣ признаютъ, что внѣ нашего организма нѣтъ ни красокъ, ни тоновъ, ни запаховъ, ни холода, ни теплоты, но всѣ эти свойства прибавляются къ явленіямъ нашимъ организмомъ. Развѣ нельзя примѣнить этого ко всей совокупности явленія? Вѣдь, если явленіе принимаетъ

доступную людямъ форму лишь въ организмѣ, то не можетъ быть никакой абсолютной и объективной истины, а лишь субъективная, которая только тогда была-бы тождественна для двухъ людей, если-бы организмы ихъ были одинаковы. Въ такомъ случаѣ всякая попытка найти объективную истину была-бы совершенно безнадежной, и мы были-бы болѣе, чѣмъ когда-либо, осуждены на то, чтобы искать познанія исключительно въ нашемъ сознаніи, а не внѣ его.

На этихъ высотахъ мысли царить холодъ. Меня пробираетъ дрожь. Сойдемъ въ болѣе низменныя области, гдѣ мы очутимся ближе къ пошло-практическимъ, но въ то-же время болѣе приятнымъ человѣческимъ стремленіямъ.

Національність.

Если-бы мы знали, на сколько субъективизмъ овладѣлъ нашимъ мышленіемъ, на сколько неправильное представленіе, полученное нами о явленіи, дѣлаетъ наше сознаніе неспособнымъ правильно воспринять это явленіе и замѣтить различіе между самимъ явленіемъ и нашимъ образомъ, однимъ словомъ, если-бы мы не знали, что предразсудокъ значительно болѣе живучъ, чѣмъ разсудокъ, и что сказка сильнѣе истины, то мы не могли-бы понять, какимъ образомъ еще и теперь могутъ быть люди, считающіе національный вопросъ временнымъ заблужденіемъ, моднымъ вопросомъ и совершенно серьезно опредѣляющіе его, какъ шарлатанство, которое, правда, вскружило многія головы, по которое скоро будетъ забыто. Въ дѣйствительности цѣлая школа людей имѣетъ смѣлость называть себя государственными мужами и дерзаетъ браться за управленіе судьбами народовъ. Эта школа учитъ, что національные вопросы попросту выдуманы Наполеономъ III для того, чтобы создать затрудненія другимъ государствамъ и найти за границей пособниковъ и помощниковъ для своей авантюристской политики. Одно лишь обстоятельство удерживаетъ людей съ разсудкомъ отъ того, чтобы назвать говорящихъ такъ, минныхъ государственныхъ мужей неизлечимыми дураками. Обстоятельство это состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ они принадлежатъ къ странамъ или племенамъ, для которыхъ пробужденіе національнаго сознанія представляетъ значительную опасность; вслѣдствіе этого они неспособны на правильное наблюденіе и толкованіе фактовъ, такъ какъ имъ мѣшаютъ ихъ желанія и страсти, опасеніе передъ будущимъ, ненависть къ пробуждающимся племенамъ и ярость по поводу угрожающей имъ потери приобрѣтеннаго привилегированнаго положенія. Такіе люди встрѣчаются во Франціи, которую союзъ Германіи съ Италіей лишилъ первенствующаго значенія въ Европѣ, и въ Австро-Венгріи, гдѣ угнетенныя націи требуютъ человѣческихъ правъ, и въ Бельгіи, гдѣ фламандцы упорно добиваются отъ валлоновъ признанія за собой равныхъ правъ. Всякій, кому забота о собственныхъ интересахъ не затемнила разума, признаетъ, что пробужденіе національнаго сознанія есть явленіе, которое неизбежно и вполне естественно возникаетъ какъ въ особи, такъ и у цѣлаго народа на извѣстной ступени человѣческаго развитія. Задержать это явленіе или воспрепят-

ствовать ему такъ-же невозможно, какъ воспрепятствовать приливу и отливу моря или-же сильной жарѣ въ среднѣхъ лѣтахъ. Люди, увѣряющіе народъ, что онъ скоро опять забудетъ о своихъ національныхъ чувствахъ, стоятъ на такомъ-же уровнѣ умственнаго развитія, какъ дитя, говорящее матери: „Подожди-ка, вотъ когда ты станешь маленькой, я тоже буду носить тебя“.

Въ чемъ основа національности? Каковы ея признаки? Объ этомъ много спорили и на вопросъ этотъ давали различные отвѣты. Они подчеркиваютъ антропологическій элементъ, т. е. происхождение. Это такая очевидная ошибка, что невольно чувствуешь внутреннее отвращеніе къ ея опроверженію. Конечно, я не вѣрю въ единство человѣческаго рода: я полагаю, что различныя расы представляютъ разновидности человѣческаго рода и что различія въ ихъ анатомическомъ строеніи и окраскѣ кожи представляютъ не только явленія, вызванныя приспособленіемъ, и не измѣненія первоначально одинаго типа подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но объясняются различнымъ происхожденіемъ. Мнѣ кажется, что сходство между бѣлымъ и негромъ, папуасомъ и индійцемъ не больше, чѣмъ между африканскимъ и индійскимъ слономъ или между домашнимъ быкомъ и бизономъ. Но въ предѣлахъ одной и той-же расы и именно бѣлой различія не на столько значительны, чтобы можно было оправдать рѣзкое дѣленіе и разграниченіе національныхъ типовъ. Среди всякаго бѣлаго народа встрѣчаются индивидуумы съ свѣтлыми и темными волосами, большого и малаго роста, съ голубыми и черными глазами, съ длиннымъ и короткимъ черепомъ, съ спокойнымъ и живымъ темпераментомъ; если-же какой-нибудь изъ этихъ типовъ преобладаетъ въ томъ или иномъ народѣ, то всѣ подобныя духовныя и тѣлесныя признаки не имѣютъ достаточно большого значенія для того, чтобы они могли характеризовать несомнѣнную принадлежность индивидуума къ тому, а не иному народу, подобно тому, какъ черная кожа, форма лица и волосы ясно указываютъ на принадлежность негра къ определенной расѣ. Многократныя попытки найти средній типъ для отдѣльныхъ народовъ не имѣютъ научной стоимости. Изображенія такого типа могутъ читаться съ удовольствіемъ и льстить самолюбію, но это ничто иное, какъ вымыселъ. Если только черты такого типа не изобрѣтены совершенно произвольно, то онѣ состоятъ изъ вѣншихъ признаковъ, которые не врождены ему, а привиты воспитаніемъ и которые онъ можетъ потерять въ зрѣломъ возрастѣ. При томъ-же, будучи перенесенъ въ дѣтскомъ возрастѣ въ чуждую ему среду и находясь подъ вліяніемъ чуждой ему національности, онъ совсѣмъ не приобретаетъ ихъ. Шамиссо, который, будучи совсѣмъ взрослымъ юношей, не зналъ ни слова по-нѣмецки, сталъ такимъ чистокровнымъ нѣмцемъ и такимъ чисто-нѣмецкимъ поэтомъ, какъ если-бы въ жилахъ его текла кровь тацитовскихъ амфитріоновъ. Мишле,—не французскій мечтатель, а нѣмецкій философъ, обнаруживаетъ такія черты, какъ глубокомысліе, этическую серьезность и даже темноту, которыя принято считать специфически германскими свойствами. Привлекательный мыслитель Юліусъ Дюбокъ отличается пеконнымъ нѣ-

мецкимъ идеализмомъ. Дю-Буа-Реймондъ представляетъ образецъ нѣмецкаго основательнаго ученаго. Фонтанъ въ своемъ созерцаніи природы и въ своемъ анализѣ душевной жизни носитъ не только нѣмецкій, но даже сѣверно-нѣмецкій характеръ и т. д. Съ подобными явленіями мы встрѣчаемся у всякаго другого европейскаго народа. Кто станетъ утверждать, что Ульбахъ и Мюллеръ (авторъ деревенской исторіи „La Mionette“) не представляютъ изъ себя образцовыхъ французовъ? Кто не замѣтитъ въ Гарценбушѣ и Бекерѣ всѣхъ отличительныхъ чертъ, свойственныхъ испанскимъ поэтамъ? Что не-англійскаго, помимо имени, можно найти въ Данте Габриэлѣ Россетти? Можно ли имѣть въ своемъ тѣлѣ ни капли крови даннаго народа и все-таки усвоить себѣ его характеръ со всѣми недостатками и преимуществами, развѣ только индивидуумъ воспитанъ и живетъ въ его средѣ. Если отдѣльные писатели и художники представляютъ, по видимому, явленія, противорѣчащія этому утвержденію, то намъ нужно еще разобратъ, не находимся-ли мы вмѣстѣ съ ними подъ вліяніемъ двухъ источниковъ заблужденія, которыхъ трудно бываетъ избѣжать. Вѣдь вполнѣ ясно, что мы легко поддаемся склонности искать въ Шамиссо черты, которыя мы произвольно приписываемъ французамъ, и дѣйствительно находимъ ихъ; но вѣдь мы знаемъ, какъ быстро измѣняемъ мы явленія въ духѣ нашихъ предвзятыхъ мнѣній. Съ другой стороны вполнѣ вѣроятно, что какой-нибудь поэтъ или художникъ иностраннаго происхожденія, живущій въ Англии, постоянно имѣетъ въ головѣ представленіе отечества своихъ предковъ и воображаетъ, что онъ долженъ обладать особенностями, напоминающими объ этой странѣ. Подъ вліяніемъ внушенія, производимаго этой мыслью, онъ безсознательно старается измѣнить свой характеръ, усвоить всевозможныя искусственныя манеры и стать подобнымъ представленію, которое онъ составилъ о жителяхъ своей прежней родины. Наиболѣе любопытно здѣсь то, что онъ обнаруживаетъ не тѣ свойства, которыя дѣйствительно присущи его народу, но тѣ, которыя ошибочно приписываютъ ему англійскіе предрасудки.

Итакъ, не происхожденіе опредѣляетъ національность чело-вѣка. Потомки гугенотовъ, эмигрировавшихъ въ брандербургскую Марку, стали отличными нѣмцами, а потомки голландскихъ переселенцевъ изъ Новаго Амстердама стали безупречными сѣверо-американцами. Войны, массовыя переселенія и взаимныя сношенія до неузнаваемости спутали народныя элементы, которые первоначально были, быть можетъ, ясно отличными, и законодательства всѣхъ культурныхъ государствъ показываютъ, какъ мало значенія придаютъ они кровному родству, такъ какъ даютъ возможность иностранцамъ „натурализоваться“, т. е. стать полноправнымъ гражданиномъ чуждаго имъ государства съ правами и обязанностями всѣхъ остальныхъ подданныхъ.

Такъ какъ не было возможности защитить антропологическую основу національности, то ей старались дать историческое и правовое основаніе. При этомъ говорили такъ: людей дѣлаютъ членами одного и того-же народа ихъ общее прошлое, общая судьба, совмѣстная жизнь подъ однимъ и тѣмъ-же правитель-

ствомъ, однимъ и тѣми-же законами, воспоминаніе объ общемъ горѣ и радостяхъ. Положеніе это даетъ возможность наговорить много громкихъ риторическихъ фразъ, но все-же обладаетъ чисто софистическимъ характеромъ и опровергается всѣми фактами. Стоитъ только спросить галиційскаго русина, считаетъ-ли онъ себя полякомъ, а между тѣмъ русины болѣе тысячи лѣтъ, мало того, на всемъ протяженіи исторіи раздѣляютъ съ поляками ихъ судьбу, законы, государственныя учрежденія. Или-же спросить у финна, какъ онъ называетъ себя, считаетъ-ли онъ себя принадлежащимъ къ одной національности со шведами, съ которыми онъ болѣе тысячи лѣтъ составлялъ одно политическое дѣло. Конечно, общность законовъ и учрежденій въ особенности жизненныхъ привычекъ, обычаевъ и правовъ обуславливаетъ сближеніе, которое можетъ пробудить чувство нѣкоторой солидарности, но и наоборотъ, нѣтъ основанія сомнѣваться, что, напримѣръ, евреи главнымъ образомъ признавались чуждыми тѣмъ народомъ, среди котораго они жили. Потому, что они съ непонятнымъ упорствомъ и ослѣпленіемъ держались внѣшнихъ привычекъ въ сплесненіи времени, празднованіи дня отдохновенія и праздникова. въ законахъ о шницѣ, выборѣ имени и т. д. Всѣ эти привычки рѣзко отличались отъ привычекъ христіанскихъ согражданъ и постоянно поддерживали въ нихъ чувство обособленности и отчужденія. Итакъ, такой общности недостаточно для того, чтобы создать изъ народовъ одинъ народъ и выработать національность изъ подданныхъ какого-нибудь государства.

Нѣтъ, все это замысловатая игрушка, которая истина сдуваетъ, какъ мыльную пѣну. Тѣлесное происхожденіе лишь очень рѣдко бываетъ отмѣчено на лбу человѣка; обыкновенно его нельзя ни узнать, ни доказать. Человѣкъ не чувствуетъ его непосредственно, и вся эта болтовня о голосѣ крови—паутина, сотканная умами авторовъ мѣщанскихъ мелодрамъ. Не опредѣляютъ національности и законы и учрежденія, хотя нельзя отрицать ихъ вліянія на образованіе народнаго характера. Все это—дѣло языка. Лишь благодаря ему человѣкъ становится членомъ народа; онъ одинъ даетъ ему національность. Стоитъ только вспомнить о значеніи языка для индивидуума, о его участіи въ образованіи, человеческого характера мышленія, чувствованій и всей его человѣческой своеобразности! При помощи языка индивидуумъ воспринимаетъ воззрѣнія своего народа, который сложилъ и развилъ этотъ языкъ и который ввѣрилъ ему и органически вложилъ въ него самыя сокровенныя стремленія своего духа, самыя тонкія особенности міра своихъ представленій. При помощи языка индивидуумъ становится пріемнымъ сыномъ и наслѣдникомъ всѣхъ мыслителей и поэтовъ, учителей и вождей народа. При помощи языка онъ подвергается дѣйствию всеобщаго внушенія, которое выходитъ изъ литературы и исторіи даннаго народа на всѣхъ его членовъ, дѣлая ихъ похожими другъ на друга, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ чувствахъ. Языкъ—это собственно самъ человѣкъ. Онъ даетъ ему возможность воспринять наиболѣе крупныя черты міроваго явленія и представляетъ изъ себя главное орудіе, при помощи котораго онъ реагируетъ на внѣшній міръ. Среди

милліоновъ лишь одинъ думаетъ самостоятельно и перерабатываетъ чувственныя впечатлѣнія въ оригинальныя представленія, милліоны-же думаютъ такъ, какъ думали до нихъ, и думаютъ только о томъ, что стало для нихъ доступнымъ при помощи языка. Среди милліоновъ дѣйствуетъ лишь одинъ и придаетъ своимъ представленіямъ чувственную форму при помощи прищудительнаго воздѣйствія на людей и природу, но милліоны лишь говорятъ и дѣлаютъ свои внутренніе процессы доступными воспріятію путемъ слова. Поэтому языкъ есть вообще самая сильная связь, соединяющая людей. Братья, не говорящіе на одномъ и томъ-же языкѣ, будутъ чувствовать себя гораздо болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ два совершенно чужихъ человѣка, которые встрѣчаются впервые и обмѣниваются привѣтствіемъ на родномъ языкѣ. Мы видѣли это прежде и видимъ постоянно теперь: англичане и американцы вели между собою войны и часто имѣли совершенно противорѣчивые интересы, но по отношенію къ не-англичанамъ они чувствуютъ себя одинаково сынами Велико-Британіи; фламандцы и голландцы ожесточенно сражались въ 1831 г., а теперь снова намѣреваются заключить братскій союзъ. Когда буры сражались съ англичанами, то въ Нидерландахъ стали биться въ тревожномъ возбужденіи сердца, хотя всякая политическая связь между Голландіей и Трансваалемъ прекратилась сто лѣтъ тому назадъ. Большое различіе въ законахъ и обычаяхъ, принадлежность къ разнымъ государствамъ и различныя историческія воспоминанія не помѣшали въ 1871 г. швейцарцамъ и бельгійцамъ страстно и несправедливо держать сторону Франціи. Подобнымъ образомъ во время шлезвигъ-гольштинской войны можно было видѣть, какъ воодушевленные норвежцы спѣшили на помощь датчанамъ, съ которыми у нихъ не было ничего общаго, кромѣ языка, несмотря на то, что Норвегія долгое время ненавидѣла ихъ датчанъ и послѣ освобожденія отъ этого ига не сохранила къ нимъ особеннаго расположенія. Итакъ, общность рѣчи составляетъ все.

На той ступени развитія, которая лежитъ далеко позади насъ, языкъ имѣлъ какъ для индивидуума, такъ и для государства гораздо меньшее значеніе. Это было въ то время, когда масса была совершенно безправна и когда сила была въ рукахъ небольшого меньшинства. Для человѣка низкаго происхожденія совсѣмъ, можно сказать, не былъ нуженъ языкъ. Къ чему могъ-бы онъ служить ему? Въ самомъ лучшемъ случаѣ для того, чтобы стонать въ своей хижинѣ или-же ругаться и грубо острить въ кабацѣ. Онъ никогда не встрѣчался съ другими людьми, говорящими тѣмъ-же языкомъ, кромѣ своихъ односельчанъ; было не принято ходить къ чужимъ или видѣть ихъ у себя. Правила при помощи плетки, лаконизмъ, которой понятенъ безъ грамматики и словаря; школъ не было. Въ судѣ обыкновенному человѣку никогда не удавалось растрогать судью живой рѣчью; ему приходилось брать адвоката для истолкованія своей тяжбы; правительство не допускало никакого обмѣна требованіями и возраженіями со своими подданными. Даже въ церкви народъ не смѣлъ говорить такъ, какъ ему было свойственно, потому что католи-

цизмъ изображалъ своего Бога въ видѣ знатнаго иностраннаго господина, къ которому можно обращаться лишь черезъ посредство знающихъ языкъ священниковъ на чуждомъ народу латинскомъ языкѣ. Для индивидуума не было ни надобности, ни даже возможности выйти изъ узкаго круга условій, въ которыхъ онъ родился, и при помощи слова дѣйствовать на болѣе широкія сферы. Но тамъ, гдѣ, какъ въ городскихъ общинахъ, укрѣпилось самоуправленіе и граждане имѣли возможность говорить и рѣшать свои дѣла, вопросъ о языкѣ получилъ тотчасъ большое значеніе, и если граждане говорили на разныхъ языкахъ, то они тотчасъ дѣлились на національности, съ большимъ ожесточеніемъ борюшіяся изъ-за вліянія. Для знатныхъ людей языкъ не имѣлъ никакого значенія по другимъ основаніямъ: доля ихъ власти была имъ обезпечена рожденіемъ: онъ былъ господиномъ и повелителемъ, не открывая рта и не беря въ руки пера. (Въ Англіи, учрежденія которой переполнены всевозможными средневѣковыми пережитками, еще и теперь можетъ случиться, что какой-нибудь голландецъ, потомокъ шотландцевъ, эмигрировавшихъ много лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ мужескихъ потомковъ его рода, оставшагося въ Англіи, внезапно станетъ англійскимъ пэромъ и членомъ палаты лордовъ, т. е. получитъ участіе въ законодательной власти англійскаго королевства, не будучи подданнымъ Англіи и не зная ни слова по-англійски).

Въ тѣхъ-же немногихъ случаяхъ, когда являлась надобность въ проявленіи своей воли, знатные люди пользовались латинскимъ языкомъ, которымъ они владѣли или сами, или-же пользовались услугами своихъ секретарей изъ духовныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ національность была чѣмъ-то второстепеннымъ, потому что въ такомъ-же положеніи былъ ея главный отличительный признакъ: рѣчь. Но условія эти исчезли даже и въ Турціи. Индивидуумъ приобрѣлъ права совершеннолѣтія, и даже если онъ принадлежитъ къ самому низшему классу, онъ можетъ стремиться къ болѣе высокому положенію, чѣмъ то, на которомъ поставилъ его случай. Судопроизводство стало устнымъ, правленіе стало болѣе гуманнымъ и граждане получили право голоса. Въ школахъ, въ арміи къ каждому подданному обращаются съ рѣчью, на которую онъ долженъ отвѣчать. Протестантизмъ научилъ народъ обращаться къ Богу на родномъ языкѣ и требовать, чтобы на немъ говорились съ кафедры поученія и проповѣди. Для всякаго принца стало необходимымъ умѣніе владѣть словомъ; самый знатный человѣкъ, даже самъ монархъ, не можетъ обойтись безъ умѣнія владѣть рѣчью во многихъ важныхъ случаяхъ; всѣ учрежденія общинъ и государства требуютъ постоянного употребленія свободной рѣчи. Такимъ образомъ языкъ получаетъ огромное значеніе, и всякое ограниченіе права пользоваться имъ, всякое принужденіе пользоваться чуждой ему рѣчью индивидуумъ воспринимаетъ, какъ позоръ и насиліе.

Никакого представленія о значеніи національнаго вопроса не можетъ имѣть тотъ, кто спокойно живетъ среди своихъ одноплеменниковъ, какъ гражданинъ однородной его племенному составу общины, и кому никогда не приходилось стыдиться своей

рѣчи или быть припужденнымъ отказываться отъ нея. Разказы и изображение такъ-же мало могутъ дать понятіе объ испытываемомъ при этомъ негодованіи и стыдѣ, какъ о тѣлесномъ страданіи, котораго мы сами не испытывали. Объ этомъ можетъ говорить только тотъ, кто родился въ странѣ, гдѣ его національность находится въ меньшинствѣ и подавлена, гдѣ его языкъ не есть оффиціальныи языкъ и гдѣ ему приходится учиться чуждому языку, на которомъ онъ всегда будетъ говорить, какъ иностранецъ. Въ противномъ случаѣ ему предстоитъ навсегда отказаться отъ высшаго примѣненія своихъ способностей, отъ всякаго лучшаго поприща, отъ всякаго пользованія своими гражданскими правами въ общинѣ и государствѣ и стать чѣмъ-то въ родѣ средне-вѣковаго раба или современнаго преступника. Нужно самому пережить все это для того, чтобы знать, какое впечатлѣніе производитъ такое положеніе, когда индивидуумъ въ собственномъ государствѣ видитъ себя лишеннымъ человѣческихъ правъ и принужденъ падать ницъ передъ другою національностью. Что значитъ лишеніе почетныхъ правъ по сравненію съ отреченіемъ отъ родного языка? Что значатъ оковы рукъ и ногъ по сравненію съ оковами, налагаемыми на языкъ. Человѣку хотѣлось-бы выйти изъ предѣловъ своего я, а его насильно втискиваютъ туда-же. Человѣкъ знаетъ, что онъ могъ-бы быть краснорѣчивымъ, и въ то-же время принужденъ жалко лепетать на чуждомъ ему языкѣ. Онъ видитъ, что лишенъ самаго могучаго средства дѣйствовать на другихъ, и чувствуетъ себя изуродованнымъ и искалѣченнымъ.

Ни одинъ человѣкъ, заслуживающій этого имени, не пожелаетъ по доброй волѣ очутиться въ такомъ положеніи. Кто-же могъ-бы отказаться безъ сопротивленія отъ собственной личности? Кто согласился-бы на жизнь, лишенную самаго существеннаго своего атрибута, а именно—возможности придать чувственную форму своимъ внутреннимъ жизненнымъ процессамъ, своимъ мыслямъ и чувствамъ? Я понимаю вѣрующаго индуса, который бросается подъ колесницу Джаггернауты и погибаетъ подъ нею: онъ вовсе не думаетъ, что приносить въ жертву свою индивидуальность; напротивъ, онъ стремится къ болѣе богатому развитію ея въ будущей жизни. Я понимаю и факира, который добровольно отказывается отъ употребленія одного изъ своихъ членовъ и въ теченіе многихъ лѣтъ вплоть до смерти прозябаетъ, какъ полу-человѣкъ или человѣкъ-растеніе; его побуждаютъ и вознаграждаютъ тѣ представленія, которыя онъ составляетъ въ душѣ о будущемъ блаженствѣ,—наградѣ за такое богоугодное отреченіе. Но я не понимаю перебѣжчиковъ, отказывающихся отъ своей національности и рѣшающихся принять чуждую имъ рѣчь, всю жизнь коверкать ее на посмѣяніе другимъ, а на постоянный позоръ себя. Тѣ, кто приносятъ такую жертву изъ трусости, слабости или глупости, заслуживаютъ по крайней мѣрѣ состраданія. Но тѣ, кто отказывается отъ собственного языка, т. е. отъ самого себя, отъ возможности придать чувственную форму своему мыслящему „я“, кто надѣваетъ на себя чужую шкуру для собственной выгоды,—тѣ внушаютъ невыразимое отвращеніе. Они стоятъ ниже рус-

скихъ окончовъ, потому что эти послѣдніе оскотпляютъ себя подъ вліяніемъ религіознаго убѣжденія, въ то время, какъ ренегаты дѣлаются душевными евиухами пзъ-за денегъ и выгоды. Нѣтъ слова, которымъ можно было достаточно запятнать подобную неизмѣримую порочность.

Къ чести человѣчества можно сказать, что эти гнусныя перубѣжники составляютъ лишь незначительное меньшинство. Большинство твердо держится родной рѣчи и охраняетъ свою національность, какъ жизнь. Господствующее племя можетъ издавать законы, направленные къ тому, чтобы сдѣлать свой языкъ господствующимъ, а языкъ подчиненной національности низвести до уровня жаргона извозчиковъ, а при случаѣ и изгнать его пзъ церкви, суда и общественныхъ засѣданій. Но если только языкъ этотъ развитъ, если онъ при этомъ является даже господствующимъ въ другой странѣ, если онъ является собственной литературой и служитъ гдѣ-нибудь для воплощенія высшихъ проявленій человѣческой мысли въ сферѣ политики и науки, то покоренная національность никогда не примирится съ его униженіемъ. Она становится смертельнымъ врагомъ своего преслѣдователя. Она бѣшено кусаетъ кулакъ, который пытается закрыть ей ротъ. она зоветъ на помощь отчаяннымъ крикомъ, такъ какъ ей не даютъ возможности говорить, и съ отчаянными усиліями старается разрушить государственное зданіе, которое служитъ ей безчеловѣчной тюрьмой, а не приютомъ.

Путемъ убѣжденія нельзя склонить никакого человѣка съ здравымъ разсудкомъ къ тому, чтобы онъ позволилъ себя гильотинировать; это уже твердо установлено французскимъ юмористомъ, и съ помощью законовъ нельзя склонить націю, дошедшую до самосознанія, къ тому, чтобы она отказалась отъ своего языка и оригинальности. Поэтому государство, состоящее изъ нѣсколькихъ національностей, осуждено на безпощадную внутреннюю борьбу, которая можетъ окончиться лишь радикальнымъ разрѣшеніемъ вопроса.

Радикальнымъ разрѣшеніемъ была-бы наиболѣе полная децентрализанія, которую предлагаютъ нѣкоторые политики. Въ ближайшемъ къ намъ времени она лишь теоретически мыслима, но практически невыполнима. Стоитъ только представить себѣ, какъ далеко должна пойти такая децентрализанія для того, чтобы удовлетворить всѣ національности, входящія въ составъ государства, не построеннаго на основѣ племеннаго единства. Подъ такой децентрализаніей предполагается, что всякій гражданинъ, къ какому-бы племени онъ ни принадлежалъ, долженъ имѣть возможность совершенно свободно дѣйствовать во всѣхъ направленіяхъ и на всѣхъ попріцахъ и пользоваться всѣми гражданскими и человѣческими правами, безъ всякой необходимости говорить на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ роднаго. Такимъ образомъ не только пришлось-бы вести на всѣхъ языкахъ дѣлопроизводство страны во всѣхъ отрасляхъ управленія, начиная съ деревенскаго почтамта и кончая министерствомъ, и судопроизводство во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ мирового суда и кончая государственнымъ совѣтомъ, но пришлось-бы также пользоваться

всѣми языками во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ общины, округа и государства. Нужно было-бы устроить народныя среднія и высшія учебныя заведенія для каждой національности и предоставить возможность удостоиться всѣхъ государственныхъ и академическихъ почестей и преимуществъ, какія вообще служатъ наградой за подобную дѣятельность всѣмъ тѣмъ, кто отличится своими заслугами въ области родной рѣчи. Нужно было-бы устроить такъ, чтобы никто изъ гражданъ не былъ принужденъ учиться чуждому ему языку, когда ему нужно достигнуть чего-нибудь такого, что доступно его согражданамъ безъ подобнаго принужденія. Практически требованія эти невыполнимы. Это значило-бы разложить государство на атомы, между которыми не было-бы никакой внѣшней связи. Подобное уравненіе различныхъ народностей въ предѣлахъ одного и того-же государства возможно, пожалуй, тамъ, гдѣ живутъ совместно только двѣ болѣе или менѣе равносильныя національности, какъ, напр., въ Бельгій, но не въ такомъ государствѣ, гдѣ есть десять или двѣнадцать національностей, какъ въ Австро-Венгріи; это положительно невозможно тамъ, гдѣ племена не равны по своему числу и образованію и живутъ другъ возлѣ друга не компактными массами, но раздроблены на части и перемѣшаны другъ съ другомъ, гдѣ нерѣдко въ одной деревнѣ живетъ двѣ, три, а въ округѣ и болѣе національностей. Такое государство не можетъ обойтись безъ оффиціального языка, вслѣдствіе этого племѣ, языкъ котораго сталъ государственнымъ и преобладающимъ, становится господствующимъ, равноправность нарушается, остальные племена терпятъ ущербъ, осуждаются на второстепенную роль. Такимъ образомъ появляются полноправные и неполноправные граждане, являются жители, которымъ законъ развязалъ языкъ, и другіе, которыхъ онъ осудилъ на молчаніе. Сказка о семи воронахъ, въ которой одна дѣвушка не смѣетъ сказать ни слова въ теченіе семи лѣтъ, становится государственнымъ учрежденіемъ, а жители государства, лишеныя простѣйшихъ и въ то-же время высшихъ человѣческихъ правъ, принуждены жить въ выше описанныхъ, невыносимыхъ условіяхъ.

Нѣкоторые мечтательные политики думаютъ, что культурное человѣчество придетъ когда-нибудь къ такому состоянію, въ которомъ не нужны будутъ крупныя государственныя организаціи. Въ такомъ состояніи не будетъ войнъ и вообще никакихъ внѣшнихъ сношеній. Люди будутъ представлять большія группы, какъ-бы расширенныя семьи или средняго размѣра общины, въ предѣлахъ которыхъ индивидуумъ пользуется полной свободой развитія, въ которыхъ всѣ члены оказываютъ другъ другу духовную и матерьяльную поддержку, безъ которой не можетъ обойтись въ своемъ существованіи человѣкъ. Каждая изъ этихъ группъ совершенно независима отъ другой, и только въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о предпріятіяхъ, которыя полезны и необходимы для нѣсколькихъ группъ и не могутъ быть осуществлены одной, всѣ заинтересованныя въ данномъ предпріятіи группы составляютъ временное соглашеніе, имѣющее въ виду одну опредѣленную цѣль. При такомъ положеніи человѣчества не было-бы никакихъ

национальныхъ вопросовъ, потому что самостоятельныя группы могутъ быть настолько малы, чтобы въ составъ ихъ входили лишь представители одного языка. Но вмѣсто того, чтобы повѣрить въ возможность осуществленія такого положенія, я готовъ скорѣе предположить слѣдующее: люди въ своемъ органическомъ развитіи дойдутъ когда-нибудь до того, что для приданія чувственной формы состояніямъ своего сознанія не будутъ нуждаться въ рѣчи и вообще ни въ какомъ символическомъ движеніи, но молекулярныя движенія одного мозга будутъ сообщаться другимъ мозгамъ непосредственно при помощи лучеиспусканія или непрерывной передачи. Я считаю это прогрессивное развитіе настолько-же правдоподобнымъ, какъ и регрессивное развитіе національнаго государства въ отдѣльныя самостоятельныя общины. Чтобы никого не обидѣть, я готовъ признать, что степень правдоподобности этого очень велика, но съ своей стороны требую признанія, что до осуществленія такого состоянія пройдетъ еще много времени, во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ захотятъ и смогутъ ждать угнетенныя теперь національности. Точно также врядъ-ли согласится онѣ на принятіе одного общаго мірового языка. Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ наибольшее образованія единицы изъ всего человѣчества будутъ пользоваться однимъ, общимъ языкомъ для того, чтобы имѣть возможность обмѣниваться мыслями. Но трудно повѣрить, что когда-нибудь широкіе круги народа настолько овладѣютъ этимъ классическимъ искусственнымъ языкомъ, чтобы при помощи его можно было править и управлять имъ. При совершеніи всѣхъ высшихъ духовныхъ процессовъ, при посвященіи юношей въ тайны науки, или въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится склонять народъ къ важнымъ рѣшеніямъ, или когда выносятся оправдательный или обвинительный приговоръ въ судѣ совѣсти,—во всѣхъ этихъ случаяхъ выдающіеся люди даннаго народа не пожелаютъ облечь свои мысли въ чуждую имъ рѣчь, которая неизбежно уничтожитъ ихъ оригинальность и ограничитъ ихъ свободу движенія.

Если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія радикальныя рѣшенія, то у насъ останется одно, самое радикальное:—насиліе. Путемъ палліативовъ и компромиссовъ нельзя добиться толку. Гдѣ дѣло идетъ о такой исконной собственности, какъ языкъ, составляющій существенную часть личности, тамъ нельзя дѣлать уступокъ, тамъ на всякое предложеніе отказаться отъ языка нужно дать рѣзкій отвѣтъ: все или ничего. Борьба изъ-за языка есть лишь иная форма борьбы за жизнь, а ее слѣдуетъ вести такъ, какъ и послѣднюю. Если не хочешь, чтобы тебя убилъ врагъ, то убей его самъ, или бѣги. Борьба національностей есть окончаніе процесса, который начался нѣсколько сотъ, отчасти нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, и который на все это время какъ-бы замеръ, но теперь снова оживился и приближается къ своему концу. Какъ-же различныя національности перемѣшались другъ съ другомъ? Одинъ народъ побѣдоносно проникъ въ область, населенную другимъ, но вытѣснилъ его только отчасти; среди побѣдителей остались какъ-бы островки побѣжденнаго народа. Или-же завоевавшій народъ былъ менѣе по численности и рас-

пространился по странѣ побѣжденныхъ тонкимъ слоемъ. Теперь должна начаться борьба тамъ, гдѣ она прекратилась во время завоеванія. Побѣдители должны приложить все усилія и волю вытѣснить побѣжденныхъ, или убить ихъ духовно, лишая ихъ родной рѣчи при помощи насилія, въ противномъ случаѣ побѣжденные возстанутъ и станутъ защищаться отъ узурпаторовъ. Оттѣсня ихъ въ ихъ страну, или даже заставить ихъ отказаться отъ своей національности. Наблюдались и другіе случаи. Какія-нибудь часть народа, для которой не было достаточно не только счастья, но и пищи въ родной странѣ, оставляла свою родину и переселялась въ другую страну. Если послѣдняя была прежде не населена, а теперь въ ней поселились позже пришедшія племена, то первые обладатели должны смотрѣть на борьбу изъ-за языка, какъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы съ естественными препятствіями, которую приходится выдержать всякому переселяющемуся народу, желающему основать колоніи на новомъ мѣстѣ. Они должны бороться съ людьми точно такъ-же, какъ борются съ болотами и потоками, съ глетчерами и пропастями, съ болѣзнями и дикими звѣрями, съ голодомъ и холодомъ: они должны помнить, что счастье, котораго они не нашли на прежней родинѣ и котораго ищутъ вдали отъ нея, есть награда за побѣду надъ всеміи живыми и мертвыми препятствіями, и что побѣду эту можно получить лишь рискуя собственной жизнью. Если-же страна, которую эмигранты избрали своей родиной, была населена, то они должны были знать, на какихъ условіяхъ имъ было оказано гостепрѣимство. Если однимъ изъ этихъ условій было отреченіе отъ своей національности и если они согласились на него, то слабость ихъ и трусость не заслуживаютъ состраданія, и владыцѣ страны имѣютъ право требовать отъ нихъ отреченія отъ родной рѣчи и индивидуальности въ обмѣнъ за данный имъ хлѣбъ. Если-же у нихъ хватило силы для того, чтобы добыть часть чужой земли безъ подобныхъ уступокъ, то теперь они должны имѣть достаточно силы и воли, чтобы сдѣлать то, что нужно было-бы сдѣлать, если-бы ихъ встрѣтили враждебно въ дальней странѣ: а именно уйти оттуда, или-же съ мечомъ въ рукахъ отвоевать часть земли, или-же, наконецъ, погибнуть въ непосильной борьбѣ.

Такъ представляется мнѣ національный вопросъ. Онъ составляетъ пятый актъ историческихъ трагедій, которыя начались со времени переселенія народовъ и позже, а отчасти и много позже. Предыдущіе акты тянулись очень долго, но все-таки не могли тянуться вѣчно. Занавѣсъ поднятъ и готовится катастрофа. Она будетъ очень страшной и жестокой, но страшна и жестока судьба всего живущаго, и бытіе есть безпощадная борьба. Вопросъ здѣсь не въ правѣ, но въ силѣ, въ самомъ высшемъ и челоуѣческомъ смыслѣ. Нѣтъ такого права, которое могло-бы побудить живое существо отказаться отъ необходимыхъ условій своего существованія. Достигнуть этого можно лишь при помощи принужденія, а принужденіе вызываетъ противодействіе. Никакой фанатикъ права не требовалъ еще отъ льва, чтобы онъ согласился на примѣненіе къ нему права отчужденія, когда онъ

хочетъ съѣсть овцу. Левъ хватаетъ овцу потому, что ему необходимо сдѣлать это: поэтому онъ въ своемъ правѣ, когда ѣсть овцу. Конечно, овца также имѣла-бы право съѣсть льва, если-бы могла сдѣлать это. Понятія силы и права совпадаютъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни или о чемъ-нибудь одинаково важномъ. Это на столько ясно, что даже писанный законъ во всѣхъ странахъ даетъ индивидууму право на необходимую самооборону, т. е. допускаетъ такія положенія, въ которыхъ человѣкъ долженъ искать права въ своей силѣ. А что такое война, какъ не случай необходимой обороны, только не индивидуума, а цѣлаго народа? Народъ признаетъ, или ему кажется, что онъ признаетъ, что-нибудь необходимымъ для жизни или для жизненныхъ удобствъ и протягиваетъ свою руку по направленію къ этому предмету. Онъ имѣетъ на это право, такое-же самое, какое мы имѣемъ на овцу. Если другой народъ хочетъ помѣшать ему въ этомъ, то онъ долженъ защищать свое право силой. Побѣжденный не имѣетъ права жаловаться: онъ можетъ въ крайнемъ случаѣ попытаться возобновить борьбу. Если-же онъ потерялъ окончательное поразеніе и не имѣетъ никакой надежды на то, чтобы когда-либо стать болѣе сильнымъ, то онъ долженъ принять свою судьбу, какъ окончательный приговоръ природы, и сказать самому себѣ: „Я родился овцою и долженъ приспособиться къ жизненнымъ условіямъ овцы: конечно, было-бы лучше, если-бы я былъ львомъ, но я не левъ, и будетъ безцѣльно и смѣшно если я стану препираться съ природою изъ-за того, что она не создала меня львомъ“.

Народъ, у котораго хотятъ отнять его родную рѣчь, находится въ положеніи необходимой самообороны. Онъ имѣетъ право бороться за свое драгоценное благо. Если-же онъ недостаточно силенъ для того, чтобы защищать его, то онъ не долженъ жаловаться. Точно такъ-же и господствующій народъ имѣетъ право охранять свободу своего языка отъ нарушеній, со стороны живущаго въ той-же странѣ другого народа, и не дѣлать этому послѣднему никакихъ уступокъ, ограничивающихъ его свободу. Если-же онъ не хочетъ силою осуществлять своихъ правъ, то онъ долженъ согласиться на то, чтобы признать другой народъ равноправнымъ и долженъ смиренно отказаться отъ господствующаго положенія, и даже погибнуть, если только господствующее положеніе представляетъ необходимое условіе его существованія. Эту схему я примѣняю безпристрастно ко всѣмъ борющимся національностямъ: къ нѣмцамъ въ Венгріи и Чехіи точно такъ-же, какъ къ датчанамъ въ Сѣверномъ Шлезвигѣ, къ полякамъ въ Познанскомъ В. Княжествѣ, румынамъ въ Седмиградіи и итальянцамъ въ Триестѣ. Пять милліоновъ венгровъ вполнѣ правы, когда стараются превратить въ мадяровъ одиннадцать милліоновъ прочаго населенія; въ этомъ случаѣ они продолжаютъ завоеваніе, которое начали въ 884 году подъ начальствомъ Арпада. Но нѣмцы, румыны и славяне Венгріи будутъ точно такъ-же правы, если они станутъ защищаться; венгерцы не имѣютъ права жаловаться, если послѣдніе станутъ сильнѣе, побѣдятъ обособленныхъ въ Европѣ мадяровъ и уничтожатъ ихъ неустойчивую національность; венгерцы должны тогда покориться своей участи, которой они

сознательно подвергали себя тысячу лѣтъ тому назадъ, когда они нагрянули на чужую страну и рисковали жизнью для пріобрѣтенія этой богатой редины. Чехи будутъ правы, если образуютъ самостоятельное государство и не пожелаютъ терпѣть въ немъ нѣмецкой національности; они возобновятъ лишь ту борьбу, которая разыгралась у Маркфельда и на Бѣлой Горѣ. Но такъ-же точно будутъ правы и нѣмцы, если захотятъ отразить сплуд еще большей силой, если послѣ двухъ историческихъ сраженій дадутъ третью, и окончательно покажутъ чехамъ, что у нихъ нѣтъ достаточной силы для того, чтобы выступить въ качествѣ побѣдителей въ странѣ, въ которую они забрались двѣнадцать столѣтій тому назадъ, потому что никто имъ не препятствовалъ.

Европѣ не избѣжать въ скоромъ времени крупнаго и насильственнаго перераспределенія національностей. Оторванныя части народа или присоединятся къ основной массѣ своего народа, или-же призовутъ его на помощь и покорятъ болѣе мелкіе народы, въ средѣ которыхъ они находятся и нго которыхъ они переносятъ. Небольшіе народы, населяющіе какую-нибудь страну вмѣстѣ съ другими національностями и не имѣющіе сильныхъ соплеменниковъ, на которыхъ они могли-бы опереться, осуждены на погибель. Они не могутъ занять твердаго положенія въ борьбѣ за суще ствованіе, которую имъ приходится вести съ другими народами той-же страны. Какъ народы, они должны погибнуть. Будутъ жить лишь крупныя національности, изъ мелкихъ-же только тѣ, которымъ удастся основать собственную государственную единицу, при чемъ, конечно, необходимо будетъ изгнать или подавить живущіе среди нихъ чуждые элементы. Двадцатый вѣкъ, врядъ-ли кончится раньше, чѣмъ придетъ конецъ этой міровой драмы. Но, пока это случится, большая часть Европы переживетъ много несчастій и кровопролитій, увидитъ много насилія и преступленій. Одни народы будутъ свирѣпствовать противъ другихъ, одно племя станетъ уничтожать другое, рядомъ съ трагедіями человѣческой низости будутъ разыгрываться трагедіи высокаго героизма; толпы трусовъ безъ сопротивленія позволятъ оскотить себя, а горсть храбрецовъ погибнетъ, славно сражаясь. Но пережившіе все это будутъ наслаждаться полнымъ обладаніемъ своихъ національныхъ правъ и въ своей рѣчи и дѣйствіяхъ всегда сумѣютъ быть самими собой.

Невеселія перспективы открываются здѣсь передъ нами, но онѣ не могутъ ужаснуть того, кто привыкъ къ суровости всеобщаго закона жизни. Жить значитъ бороться, и только жизненная сила даетъ право на жизнь. Законъ этотъ господствуетъ надъ солитами въ міровомъ пространствѣ и надъ инфузоріями въ болотѣ. Онъ господствуетъ и надъ судьбой народовъ и придаетъ ихъ судьбамъ направленіе, котораго не могутъ измѣнить ни лицемѣрное законодательство и хитрая политика, ни интересы династии и проницательность трусливыхъ ренегатовъ. Сентиментальная душа можетъ отирать слезы при видѣ гибели народа, но чело вѣкъ разсудительный пойметъ, что народъ этотъ исчезъ потому, что не обладалъ достаточной силой для дальнѣйшаго существованія, и причислитъ его къ пережитымъ формамъ жизни, отъ которыхъ удалилось міровое развитіе.

Картина будущего.

Я рѣшился нарисовать на черной доскѣ будущаго картину событій, которыя, по моему мнѣнью, должны наступить. Но на доскѣ остается еще очень много свободнаго мѣста, и я не могу противустоять искушенію покрыть еще одинъ уголокъ образами своего воображенія.

Какъ я уже пояснилъ въ предыдущей главѣ, будущія поколѣнія увидятъ насильственное разрѣшеніе національнаго вопроса. Маленькіе и слабые народы исчезнутъ, т. е. потеряютъ свой языкъ и свои особенности подобно тому, какъ исчезли вѣнеты въ Лангусъ, кельты въ Бретани, Валлисъ и Шотландіи. Родственные племена соединятся и попытаются образовать одну большую націю подобно тому, какъ случилось съ нижними и верхними германцами, съ провансальцами и съ сѣверными французами и какъ теперь происходитъ съ жителями Скандинавіи. Эмигрировавшія группы могущественныхъ народовъ или погибнутъ, или же съ помощью своихъ могущественныхъ соотечественниковъ станутъ властителями населенной ими области и присоединятъ ее къ своему національному государству. Всеобщая борьба и притѣсненія, передвиженія и толчки создадутъ національный хаосъ, въ результатъ котораго кристаллизуется нѣсколько большихъ націй, изъ которыхъ каждая будетъ полнымъ хозяиномъ у себя въ домѣ. Онѣ уничтожатъ или выштаютъ въ себя все безпокойные элементы, и переходить границу имъ придется развѣ для дружеской болтовни съ сосѣдями. Что же касается вопроса о томъ, какія именно національности участіуютъ въ грандіозной борьбѣ, то его рѣшать не кабинетные политики, не геніальность государственныхъ мужей, отнюдь не какія-нибудь ошибки или подвиги, ограниченность или душевная сила руководителей, но прирожденная, естественная жизненная сила народовъ, которая проявляется во всехъ возможныхъ формахъ, какъ тѣлесное здравіе и какъ плотовитость, какъ превосходство на полѣ битвы и въ культурной дѣятельности, искусствѣ и наукахъ, какъ ненобѣдимое чувство солидарности и какъ постоянство въ сохраненіи національныхъ чувствъ. Я не думаю, чтобы численность даннаго народа обуславливалась только

случаемъ. По моему мнѣнію, число индивидуумовъ въ животномъ царствѣ представляетъ одну изъ существенныхъ чертъ, однихъ изъ отличительныхъ признаковъ вида. Если кельты исчезли почти повсюду, если греки никогда не могли размножиться болѣе, чѣмъ на нѣсколько милліоновъ, если мадьяры, албанцы, баски и румыны остались небольшими народами, то это произошло потому, что имъ не свойственно было стать большими. Во времена Альфреда Великаго было около двухъ милліоновъ англичанъ и, вѣроятно (историческихъ данныхъ у меня нѣтъ подъ рукой), столько-же жителей Скандинавіи. Въ настоящее время въ Англіи насчитываютъ 34 милліона жителей, въ то время какъ во всей Скандинавіи всего лишь 8. Почвенныя и климатическія условія не могли вызвать такого неравномѣрнаго прироста, ибо Данія и южная часть Швеціи и Норвегіи не имѣютъ существенныхъ отличій по сравненію съ большей частью Англіи, да при томъ англичане не ограничивались своимъ островомъ, но населили большую часть земли излишкомъ народнои силы. Точно также климатическими и почвенными условіями нельзя объяснить того факта, что Франція въ началѣ 19-го столѣтія имѣла 22 милліона жителей, а теперь 37, въ то время какъ население Германіи выросло за то-же время съ 16 до 45 милліоновъ. У французовъ былъ болѣе благоприятный климатъ, болѣе обидирная площадь страны, болѣе плодородная почва, и все-таки они значительно отстали отъ нѣмцевъ. Итакъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ органическимъ, съ тѣлесной особенностью, которая съ самаго начала заложена въ народъ и можетъ быть измѣнена и даже извращена подъ вліяніемъ примѣсей другой крови и неблагоприятныхъ условій существованія. Но при мало-мальски естественныхъ условіяхъ она должна восторжествовать и въ концѣ концовъ привести къ тому неизбежному, неотвратимому человѣческимъ усиліямъ результату, что данный народъ занимаетъ большую площадь, съ каждымъ вѣкомъ становится многочисленнѣе и могущественнѣе и наконецъ овладѣваетъ цѣлымъ материкомъ, въ то время какъ другой, стоящій первоначально наравнѣ съ первымъ, постепенно отстаетъ отъ него, съ каждымъ столѣтіемъ сокращается, его численность и значеніе постепенно уменьшаются, и наконецъ онъ совсѣмъ погибаетъ или-же влечетъ лишь призрачное существованіе.

Такимъ образомъ Европа придетъ къ такому состоянію, въ которомъ она будетъ находиться въ полномъ равновѣсіи и въ которомъ немногіе уцѣлѣвшіе народы получатъ все, чего вообще они могутъ добиться, при внешнемъ напряженіи всѣхъ своихъ органическихъ силъ. Одни народы будутъ съ уваженіемъ относиться къ другому и смотрѣть на него, какъ на неизмѣнное явленіе природы, съ которыми нужно считаться, какъ съ чѣмъ-то даннымъ. На границы государствъ будутъ смотрѣть, какъ на нѣчто столь-же неизмѣнное, какъ очертанія материковъ, и русскіе станутъ такъ-же мало думать о вторженіи въ германскіе или нѣмцы въ итальянскіе предѣлы, какъ птица не можетъ желать жить подъ водою или рыба въ воздухѣ. Всякій народъ станетъ работать въ собственной странѣ надъ улучшеніемъ условій суще-

ствования, надъ устраненіемъ всѣхъ препятствій, мѣшающихъ свободному и разностороннему развитію индивидуума, и наилучшему примѣненію всѣхъ силъ, и возможно полному благосостоянію особи и общества. Путемъ постепеннаго развитія или бурныхъ переворотовъ, человѣчество создастъ наконецъ такія формы государства, общества и экономической жизни, которыя покажутся наиболее подходящими для него или для большинства его. На ряду съ интеллигентной духовной жизнью у народовъ есть еще обыденное занятіе, состоящее въ добываніи отъ природы насущнаго хлѣба. Постоянно будетъ уменьшаться число людей, живущихъ такими профессіями, которыя не ведутъ къ добыванію пищевыхъ продуктовъ. Самое широкое примѣненіе силъ природы и изобрѣтеніе остроумныхъ машинъ дадутъ возможность уменьшить на девять десятыхъ число работниковъ, занятыхъ теперь ремеслами. Основанная на солидарности организація общества превратитъ всѣ общины въ потребительныя товарищества, что приведетъ къ совершенному уничтоженію посредничества въ торговлѣ. Всѣ тѣ, которые прежде жили въ качествѣ лавочниковъ и разносчиковъ, будутъ принуждены вернуться къ земледѣлію и обрабатывать почву. При этомъ нація будетъ все размножаться, люди будутъ сдвигаться все тѣснѣе, участки, отведенныя для каждаго изъ нихъ, будутъ все меньше, и борьба за существованіе все тяжелѣе. Методы земледѣлія и скотоводства будутъ улучшены, пустыни превратятся въ сады, рѣчки и озера—въ рыбныя садки, почва будетъ приносить такіе урожаи, о которыхъ до того времени никто не мечталъ. Но въ концѣ концовъ придетъ такой моментъ, когда несмотря на всѣ ухищренія почва окажется не въ состояніи повысить урожаи и передъ націей, какъ блѣдный призракъ, возстанетъ хлѣбный вопросъ. Откуда-же взять пищу для взрослыхъ, жизнь которыхъ удлинена развитіемъ гигиены, для дѣтей, которыя рождаются ежегодно сотнями тысячъ и которыя обладаютъ хорошимъ аппетитомъ? Простой переходъ, или мирное наводненіе сосѣднихъ странъ стало невозможнымъ. Во всей Европѣ царятъ тѣ-же отношенія, и всѣмъ народамъ приходится переживать то-же самое затрудненіе. Точно такъ-же совершенно немислимо примѣненіе силы. Никто не ведетъ войны ради грабежа, для того, чтобы истребить другую націю или-же вытѣснить ее изъ отечества и занять его для себя. Культура почти вездѣ достигла одного и того-же уровня, привычки и учрежденія стали вездѣ сходными, и живленныя вслѣдствіи своей легкости и дешевизны сношенія создали тысячу внутреннихъ связей между народами и они сохлибы преступленіемъ протянуть руку за чѣмъ-нибудь принадлежащимъ другому. И это было-бы не только преступленіемъ, но крайне опаснымъ, а потому и непѣвымъ предпріятіемъ. Ибо у всѣхъ народовъ есть то-же самое усовершенствованное грозное оружіе, тотъ-же военный уставъ и та-же опытность въ военномъ искусствѣ, такъ что, если-бы кто-нибудь пожелалъ затѣять кровавую борьбу съ сосѣднимъ народомъ, чтобы отнять у него землю, то это уже не значило-бы завоевать новое отечество для излишковъ народа, которому собственная страна стала слишкомъ тѣсной, но значило-бы просто обречь его на вѣрную смерть. Кромѣ того не

будетъ никакой національной ненависти, потому что войны между націями минули давно и народы, участвовавшіе отъ этихъ войнъ, признали другъ за другомъ право на существованіе. Населеніе Европы, непрерывно обмѣнивающееся мыслями и одинаково образованное, привыкло смотрѣть на народы Европы, какъ на членовъ одного семейства, и видѣть въ собственныхъ соотечественникахъ родныхъ братьевъ, а въ прочихъ бѣлыхъ народахъ—двоюродныхъ. Точно такъ-же, какъ теперь жители одной провинціи какого-нибудь государства не думаютъ о томъ, чтобы ворваться въ сосѣдную провинцію, изгнать жителей и присвоить себѣ ихъ область, такъ и тогда никакому народу Европы не придетъ въ голову прибѣгать къ насилію надъ сосѣдями.

Что-же нужно сдѣлать для того, чтобы разрѣшить хлѣбный вопросъ? Въ дѣло это вмѣшивается одинъ законъ природы. Излишекъ европейскаго населенія стремится изъ своихъ странъ по направленію наименьшаго сопротивленія. Наименьшее-же сопротивленіе оказываютъ цвѣтныя расы, и поэтому онѣ неизбежно осуждены на то, чтобы сперва быть вытѣсненными, а потомъ и истребленными бѣлыми народами. Чувство солидарности, связывающее всѣхъ европейцевъ, не простирается на не-европейцевъ. Между обитателями Европы и другихъ частей свѣта нѣтъ равенства культуры, связывающаго между собою народы Европы. Примѣненіе силы, которое не имѣетъ никакихъ видовъ на успѣхъ въ Европѣ, обѣщаетъ легкій триумфъ внѣ ея предѣловъ. Эмигрировавшій народъ удаляется отъ умѣреннаго пояса лишь на столько, на сколько это необходимо для него, ибо это поясъ самый пріятный и наиболѣе полезный для него. Онъ заселяетъ сперва Сѣверную Америку и Австралію, всю Африку и Америку къ югу отъ экватора. Потомъ онъ селится на южномъ побережьи Средиземнаго моря и проникаетъ въ наиболѣе гостепріимныя части Азіи. Туземцы пытаются сперва оказывать сопротивленіе, но потомъ находятъ единственное спасеніе въ бѣгствѣ. Они отступаютъ передъ европейцами и обращаются на болѣе слабыхъ сосѣдей, съ которыми поступаютъ такъ, какъ съ ними поступали бѣлые. Но всякое поколѣніе создаетъ въ Европѣ излишекъ населенія, который долженъ эмигрировать. Новый потокъ вытекаетъ изъ предѣловъ стараго, и авангардъ европейской колонизаціи проникаетъ все глубже въ материкъ, все ближе къ экватору. Низшія расы вскорѣ погибаютъ совсѣмъ. Я не вижу для нихъ никакого спасенія. Миссіонеры могутъ раздавать имъ сколько угодно библій и прививать внѣшніе признаки христіанства; теоретики челоѣческой любви, видѣвшіе негровъ и индѣйцевъ только на картинкахъ или въ циркѣ, могутъ мечтать о сынѣ пустыни или о романтизмѣ Маори и Карашбови. Несмотря на все это бѣлый лучше снаряженъ для борьбы за существованіе, чѣмъ всѣ остальные расы, и какъ только страна дикарей оказывается нужной ему для жизни, тотчасъ онъ беретъ ее себѣ безъ всякаго колебанія. Въ такихъ случаяхъ черный, мѣдно-красный или желтый челоѣкъ является просто его врагомъ, который затрудняетъ и дѣлаетъ невозможнымъ его существованіе и онъ обходится съ нимъ такъ, какъ съ животными, врагами своихъ дѣтей, стадъ и полей: съ

громадными кошками Африки и Индiи, съ медвѣдями, волками и зубрами первобытныхъ лѣсовъ Европы. Онъ просто уничтожаетъ ихъ до конца.

Первой остановкой въ нашемъ путешествiи по области будущаго было окончательное разграниченiе крупныхъ національныхъ государствъ, уцѣлѣвшихъ въ борьбѣ за свой языкъ и национальныя особенности. За этимъ послѣдовало вообще духовное развитiе и значительное размноженiе народовъ Европы. Вторая остановка—это распространенiе бѣлой расы по всей землѣ, послѣ того какъ Европа, а потомъ и умѣренные поясы остальныхъ частей свѣта стали для нихъ слишкомъ тѣсными, и наконецъ истребленiе болѣе слабыхъ и низшихъ расъ. Много столѣтiй, быть можетъ, тысячелѣтiе пройдетъ до тѣхъ поръ, пока бичъ голода загонитъ бѣлаго человѣка къ верхнему теченiю Конго, на берега Ганга и Амазонки, и пока исчезнетъ послѣднiй дикарь лѣсовъ Бразилiи, Новой Гвиней и Цейлона. Но въ концѣ концовъ это все-же случится, и вся земля подпадетъ подъ власть плуга и локомотива сыновъ Европы.

Наступитъ-ли тогда спокойствiе? Прекратится-ли дальнѣйшее развитiе судебъ человѣчества? Конечно, нѣтъ. Мiровая исторiя представляетъ изъ себя *perpetuum mobile* и стремится въ безконечность. Бѣлое человѣчество, оставшееся на землѣ продолжаетъ сильно размножаться на своихъ старыхъ земляхъ европейскаго материка и въ умѣренномъ поясѣ остальныхъ странъ свѣта. Народы размножаются, съ каждымъ поколѣнiемъ вырастаютъ новыя тысячи юношей, которымъ нужно дать мѣсто на землѣ и за столомъ, и по прошествiи нѣсколькихъ эпохъ человѣчество снова встрѣтится лицомъ къ лицу съ необходимостью выслать новый рои изъ стараго улья. Но ужъ тогда не будетъ низшихъ расъ, которыя можно было-бы вытѣснить и уничтожить, не сознавая, что дѣлаешь насилiе надъ братомъ. Повсюду будетъ то-же строенiе лица и тѣла, повсюду родственные языки, возрѣнiя, обычаи и нравы, повсюду знакомыя формы государства и культуры, повсюду цивилизованный бѣлый начерталъ на поляхъ права собственности бороздами своего плуга. Куда-же теперь направиться эмигрантамъ? Что дѣлать излишку рождающихся во всѣхъ старѣйшихъ культурныхъ странахъ? Но тутъ сохраняется въ полной силѣ старый законъ, который и помогаетъ въ нуждѣ. Это законъ наименьшаго сопротивленiя. Низшихъ расъ уже нѣтъ, но есть потомки бѣлыхъ эмигрантовъ, которые отодвинулись къ самому экватору. Эти люди подъ влиянiемъ тропическаго климата дѣлаются органически ниже и по прошествiи нѣкотораго времени представляютъ изъ себя низшiй видъ, который находится въ такомъ-же отношенiи къ своимъ соотечественникамъ, живущимъ въ болѣе благоприятныхъ странахъ, въ какомъ теперь находятся негры или краснокожiе къ бѣлымъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ томъ, что это должно случиться. Самые мужественныя бѣлыя народы погибаютъ въ жаркихъ странахъ черезъ нѣсколько поколѣнiй, и если даже не вымираютъ вполне вслѣдствiе болѣзней и безплодности, то становятся до такой степени глупы и вялы, слабы и трусливы, до такой степени неустойчивы въ

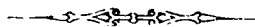
борьбѣ съ пороками и другими привычками, что вскорѣ представляють изъ себя жалкую тѣнь своихъ отцовъ и предковъ. Такая судьба менѣе, чѣмъ въ столѣтіе, постигла величественныхъ вандаловъ, которые ворвались въ Карфагенъ, какъ германскіе гунны, и были изгнаны оттуда презрѣнными византіяцами, какъ жалкіе трусы. То-же самое повторяется теперь во всѣхъ тропическихъ странахъ, которыми овладѣваетъ бѣлый человѣкъ. Англійское правительство тщетно старается увеличить число браковъ своихъ англійскихъ солдатъ съ бѣлыми женщинами въ Индіи. Никогда нельзя было, какъ говоритъ генералъ-майоръ Банъоль, „собрать достаточно людей мужского пола для того, чтобы вырастить для полковъ трубачей и барабанщиковъ“. Во французской Гвѣанѣ, согласно работѣ доктора Оргеаса (Orgéas), было заключено за время съ 1859 по 1882 годъ 418 браковъ между европейцами. Изъ нихъ 215 остались безплодными, а остальные 203 дали 403 ребенка. Изъ нихъ 24 родились мертвыми, 238 умерли за время съ апрѣля 1861 года по январь 1882 въ различномъ возрастѣ. Такимъ образомъ по прошествіи 23 лѣтъ 141 ребенокъ представляли все потомство состоящихъ въ бракѣ 836 европейцевъ. И какой видъ имѣло это потомство! Это были почти все малоголовыя созданія, недостаточію выросшія, съ морщинистой кожей и всевозможными недугами.

Итакъ, народы, поселившіеся между тропиками, хирѣють. Они не только не развиваютъ принесенной изъ старой родины культуры, но уменьшаютъ ее и въ концѣ концовъ отъ наслѣдства ихъ племени остается лишь исковерканный языкъ и кастовое тщеславіе, почти безъ всякихъ душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ прежняго племени. При видѣ этихъ слабыхъ, вымирающихъ народовъ, сильные эмигранты не испытываютъ никакихъ колебаній, а ихъ слабое сопотивленіе не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Свѣжій потокъ людей, которымъ пужна земля и пища, проливается на облитую солнцемъ страну, онъ поглощаетъ въ своихъ волнахъ старое, хилое поколѣніе и снова начинаетъ борьбу съ климатомъ. Такимъ образомъ экваторіальныя страны будутъ исполнять въ судьбѣ человѣчества ту-же функцію, что въ метеорологіи. Подобно тому, какъ холодныя воды полюсовъ стремятся къ экватору, испаряются здѣсь и въ формѣ тумана и облаковъ возвращаются оттуда, вслѣдствіе чего морской уровень падаетъ, и для уравниванія требуетъ новаго прилива изъ холодныхъ странъ, подобно тому, какъ водяныя массы морей пахнутъ вслѣдствіе этого въ постоянномъ движеніи, регулируютъ дожди и дѣлають плодородными самыя отдаленныя страны,—точно такъ-же излишекъ населенія стремится изъ старыхъ странъ къ тропикамъ, здѣсь погибаетъ, т. е. какъ-бы испаряется, и снова замѣщается новымъ приливомъ. Экваторъ станетъ грознымъ паровымъ котломъ, въ которомъ таетъ и испаряется человѣческое мясо. Это будетъ возрожденіемъ функціи Молоха. Народы умѣренныхъ странъ бросаютъ часть своихъ дѣтей въ пасть огненной печи и такимъ образомъ сохраняють возможность собственнаго преусушьянія и развитія у себя на родинѣ. Картина эта, можетъ быть, ужасна, но не ужаснѣе самый процессъ. Смерть, на

которую осуждены дѣти народа, вовсе не мучительна. Роскошно улыбается имъ полная роскоши жизнь въ горячихъ странахъ, волны и воздухъ мягко ласкаютъ ихъ члены, поля и лѣса даютъ обильную пищу безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, жизнь кажется имъ гораздо пріятнѣе и легче, чѣмъ ихъ отцамъ и братьямъ на ихъ скудныхъ поляхъ, и вмѣстѣ съ сладкими пылающими поцѣлуями, которымъ они отдаются съ трепетомъ наслажденія, солнце высасываетъ изъ нихъ жизнь. Это такая смерть, которую всякая слабая натура предпочтетъ жестокой борьбѣ за существованіе; такое мягкое исчезновеніе, которое ласкаетъ человѣка, какъ сонъ, вызванный опиумомъ, и которое скорѣе можетъ вызвать зависть, чѣмъ состраданіе.

Но экваторъ не вѣчно будетъ дѣйствовать, какъ паровой котелъ или выпаривательная чашка человѣчества, не вѣчно будетъ онъ служить спасительнымъ клапаномъ, который открывается всякій разъ, какъ давленіе въ старыхъ культурныхъ странахъ становится слишкомъ большимъ. Настанетъ такое время, когда отношенія совершенно измѣнятся. Охлажденіе земли увеличивается, ледяной поясъ полпосовъ все расширяется, обнимаетъ все новыя страны. Люди все ревностнѣе переселяются къ тропикамъ, но горячій поясъ уже пересталъ быть коварно ласкающимъ убійцей и становится кормильцемъ человѣческаго рода. Онъ одинъ сито кормитъ своихъ обитателей, онъ одинъ даетъ имъ возможность развитія, полного преуспѣянія, даетъ имъ возможность сохранить умъ и силу. Образованіе и культура собираются около экватора. Здѣсь создаются академіи и дворцы, высшія учебныя заведенія и музеи, здѣсь люди думаютъ и изслѣдуютъ, творятъ и создаютъ поэтическія произведенія. Здѣсь лишь люди живутъ полной жизнью. Тѣмъ хуже для медленныхъ, робкихъ или лѣнивыхъ, которые остались въ старыхъ странахъ. Когда подъ давленіемъ ледяной стѣны они, наконецъ, рѣшатся взять въ руки дорожный посохъ, то окажется, что всѣ удобныя мѣста уже заняты и хорошо охраняются сильнымъ поколѣніемъ, которое расцвѣло и стало могущественнѣе тогда, какъ сами они ослабѣли отъ холода и голода. Они располагаются по краямъ волшебнаго круга и, какъ стая волковъ, смотрятъ жадными глазами на жизненный расцвѣтъ и изобиліе, но какъ только они дѣлаютъ попытку ворваться и овладѣть добычей, сильные обитатели обѣтованной страны отгоняютъ ихъ въ ледяныя пустыни.

А потомъ? Я ужъ не знаю, что будетъ потомъ. Здѣсь темное будущее становится еще темнѣе, я не могу ничего разобрать, и сказка должна окончиться.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Оптимизмъ или пессимизмъ?	1
Большинство и меньшинство	19
Ретроспективный взглядъ на исторію	42
Успѣхъ въ жизни	54
Психо-физиологія генія и таланта	68
Внушеніе	120
Благодарность	132
Содержаніе поэтической литературы	140
Естественная исторія любви	148
Эволюціонная эстетика	158
Симметрия	170
Обобщеніе	179
Гдѣ истина?	188
Національность	198
Картина будущаго	211